

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(29)

Москва
2015

ISSN 1681-1062

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, профессор, Институт проблем передачи информации РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор, Варшавский университет, академик Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор, Мадридский технический университет, Испания; Институт проблем передачи информации РАН

Вайс Д. — Ph.D, профессор, Цюрихский университет, Швейцария

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Вежбицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия

Гиппиус А. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия

Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зализняк А. А. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН

Иткин И. Б. — к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия

Касаткин Л. Л. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Лясковский Р. — D.Sc., профессор, Институт польского языка Польской академии наук, Краков, член-корреспондент Польской академии наук, Польша

Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия

Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада

Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Падучева Е. В. — д. ф. н., профессор, Всероссийский институт научной и технической информации РАН

Плунгян В. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Тимберлейк А. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США

Толстая С. М. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН

Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия

Флайер М. — Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США

Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Шмелев А. Д. — д. ф. н., профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV INSTITUTE OF RUSSIAN LANGUAGE

RUSSIAN LANGUAGE AND LINGUISTIC THEORY

№ 1 (29)

Moscow
2015

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc. (Russian Language), Director, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute for Information Transmission Problems of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Full Member of the Polish Academy of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Technical University of Madrid, Spain; Institute for Information Transmission Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitry O. Dobrovolsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Harvard University, Cambridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), Professor, National Research University Higher School of Economics, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Ilya B. Itkin, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Leonid L. Kasatkin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;

Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Roman Laskowsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute of Polish Language of the PAN, Krakow, Corresponding Member of the Polish Academy of Sciences, Poland;

Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;

Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;

Igor Mel'čuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;

Elena V. Paducheva, D.Sc. (General Linguistics), Professor, All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the RAS, Moscow, Russia;

Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;

Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia;

Hannu Tommola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;

Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;

Andrey A. Zaliznyak, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>Е. В. Падучева.</i> Славянский тип аспектуальности и видовое значение отглагольного имени в русском языке	9
<i>В. Ю. Апресян.</i> Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса	28
<i>Н. Р. Добрушина.</i> Прагматические употребления сослагательного наклонения	67
<i>Н. А. Зевахина.</i> К классификации иллокутивных типов предложений русского языка	87
<i>Т. Н. Коробейникова.</i> Слияние фонем /о/ и /ω/ в одном кировском говоре: причины, процесс, результат	117
<i>Е. Л. Березович.</i> <i>Поймать остродыма</i> : об одной лексической загадке русских народных говоров	151
<i>А. А. Пичхадзе.</i> Флексия Д. ед. -ови/-еви в древнерусском о-склонении	171
<i>А. В. Сахарова.</i> Формы прошедшего времени в древнерусском переводе Жития Андрея Юродивого и их соответствия в греческом оригинале	191
<i>И. М. Ладыженский.</i> Графемы оу, ж, ю и љ в Ильиной книге	215

Из истории науки

<i>В. М. Круглов.</i> Неизвестные страницы толкового академического «Словаря русского языка» 1930-х гг.: описание архивных материалов Большой словарной картотеки ИЛИ РАН	228
--	-----

Информационно-хроникальные материалы

Хроника XIV Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» (<i>М. В. Ахметова</i>)	242
--	-----

Рецензии

Первое издание Добрилова евангелия (<i>В. Б. Крысько, М. А. Федорова</i>)	248
Maria Lazar. Von Geld und guten Worten: Entwicklung des russischen Geschäftsbriefes als Textsorte (<i>Slavolinguistica 19</i>) (<i>П. В. Петрухин</i>)	271
А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Основы фразеологии (краткий курс) (<i>Л. Пётель</i>)	277
Л. П. Михайлова. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах (<i>Ж. Ж. Варбот</i>)	283
«Полный словарь диалектной языковой личности» (<i>Е. А. Оглезнева</i>)	286
Е. В. Гаева. Гости из прошлого: Словарь редких слов (<i>В. В. Шаповал</i>)	291
Г. И. Шипулина. Частотно-семантический конкорданс служебных слов в поэзии Сергея Есенина; Словарь языка Есенина (<i>Л. Л. Шестакова</i>)	297
О. Е. Вороничев. Русский каламбур: семантика, поэтика, стилистика (<i>В. З. Санников</i>)	304

Новые книги

Z. Nedomová. Tendence k analytismu v současné ruštině (na materiálu jmenných slovních druhů) (<i>Е. В. Маринова, О. Ю. Папкина</i>)	307
Современный русский язык в интернете. Ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина (<i>В. В. Шаповал</i>)	308
Е. Л. Березович. Русская лексика на общеславянском фоне: Семантико-мотивационная реконструкция (<i>А. Е. Аникин</i>)	311
Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в. Софийский сборник. Изд. подгот. Г. С. Баранкова, Н. В. Савельева, О. С. Сапожникова. Под ред. Н. В. Савельевой (<i>А. М. Молдован</i>)	313
А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте (<i>А. А. Пичхадзе</i>)	314
Сведения об авторах	316
Правила подачи статей	318

CONTENTS

Articles

<i>Elena V. Paducheva.</i> Slavic type of aspectuality and aspectual meaning of deverbal nouns in Russian	9
<i>Valentina Ju. Apresjan.</i> The valency of stimulus in Russian psych-verbs: semantics-syntax interface	28
<i>Nina R. Dobrushina.</i> Pragmatic uses of Russian subjunctive.....	67
<i>Natalia A. Zevakhina.</i> Towards the classification of Russian illocutionary sentence types	87
<i>Tatyana N. Korobeynikova.</i> /o/ & /ω/ phonemic merger: reasons, process, result	117
<i>Elena L. Berezovich.</i> <i>Поймать остродыма</i> : a lexical riddle of Russian subdialects.....	151
<i>Anna A. Pichkhadze.</i> The D.Sg. -ovi/-evi desinence in the Old Russian <i>o</i> -declension type	171
<i>Anna V. Sakharova.</i> The forms of past tenses in the Old Russian translation of the Life of Saint Andrew the Fool and their equivalents in the original Greek text	191
<i>Igor M. Ladyzhensky.</i> The graphemes oŭ , ѡ , ю and ѣ in Il'ina Kniga	215

History of Russistics

<i>Vladimir M. Kruglov.</i> Towards the history of the academic “Dictionary of the Russian language” of the 1930s: description of archive documents from the Big Card Catalogue of the Institute for Linguistic Studies (Russian Academy of Sciences).....	228
---	-----

Reports

Highlights of the 14th Conference “Onomastics of Povolzhye” (<i>M. V. Akhmetova</i>)	242
--	-----

Reviews

The first edition of the Dobrilo Gospel (<i>V. B. Krysko, M. A. Fedorova</i>).....	248
Maria Lazar. On money and good words: Evolution of Russian business correspondence as a kind of text. (<i>P. V. Petrukhin</i>)	271
A. N. Baranov, D. O. Dobrovolsky. The basics of phraseology (a short course) (<i>L. Pöppel</i>).....	277
L. P. Mikhailova. Dictionary of extential lexical units in Russian dialects (<i>Zh. Zh. Varbot</i>)	283
Complete dictionary of an individual's regional idiolect, in 4 vol. / E. V. Ivantsova (ed.) (<i>E. A. Oglezneva</i>)	286
E. V. Gayeva. Visitors from the past: Dictionary of rare words, in 3 vol. (<i>V. V. Shapoval</i>)	291
G. I. Shipulina. A frequency and semantic concordance of connective words in Sergei Yesenin's poetry; A dictionary of Sergei Yesenin's language (<i>L. L. Shestakova</i>)	297
O. E. Voronichev. The Russian pun: a study in semantics, poetics and stylistics (<i>V. Z. Sannikov</i>).....	304

New books

Z. Nedomová. Tendence k analytismu v současné ruštině (na materiálu jmenných slovních druhů) (<i>E. V. Marinova, O. Yu. Pashkina</i>)	307
Contemporary Russian language in the Web. Ya. E. Akhapkina, E. V. Rakhilina (ed.) (<i>V. V. Shapoval</i>)	308
E. L. Berezovich. Russian lexics against the background of the Common Slavic. Semantic-motivational reconstruction (<i>A. E. Anikin</i>)	311
Sofiyskiy sbornik: A 15th century anthology of Church Slavic literature of the pre-Mongol period (<i>A. M. Moldovan</i>)	313
A. V. Zimerning. Slavic word order systems: A cross-linguistic typology (<i>A. A. Pichkhadze</i>).....	314
Authors.....	316
Notes for contributors	318

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. В. ПАДУЧЕВА

СЛАВЯНСКИЙ ТИП АСПЕКТУАЛЬНОСТИ И ВИДОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОТГЛАГОЛЬНОГО ИМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

1. Аспектуальная маркированность глагольной основы в славянских языках

Принципиальное отличие категории вида в славянских языках от вида в таких языках, как, например, английский или итальянский, состоит в том, что в славянских языках глагол всегда является либо перфективным, либо имперфективным. Есть так называемые ДВУВИДОВЫЕ глаголы, типа *казнить*, *завещать*, но их естественно трактовать как омонимичные (хотя эта омонимия распространена довольно широко; см. также о «полуторавидовых» глаголах в [Иткин 2014]). Так или иначе, скажем, в английском языке есть два ряда аспектуальных форм, Perfect и Continuous, и, кроме того, ряд форм Indefinite, немаркированный по виду. А у русского глагола в принципе нет аспектуально немаркированной глагольной формы. Эту особенность славянских языков обозначают как СЛАВЯНСКИЙ ТИП АСПЕКТУАЛЬНОСТИ, Slavic-style aspect, см. [Dahl 1985: 84].

2. Гипотеза об аспектуальной немаркированности русской глагольной основы

В статье [Tatevosov 2011] предлагается отказаться от традиционного представления о «славянском типе аспектуальности», а именно, отказаться от идеи, что русская глагольная основа охарактеризована по виду, т. е. является либо перфективной, либо имперфективной. В центре внимания в этой статье отглагольные имена — речь идет об ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕНАХ СИТУАЦИИ (ОИС), см. классификацию отглагольных имен (поистине фундаментальную) в [Апресян 1974: 48; Мельчук 1974: 86—88].

* Данная работа была выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-04-00604а.

Главный аргумент С. Г. Татевосова состоит в том, что отглагольные имена с перфективной основой обнаруживают имперфективное поведение: «поскольку имена на *-ние* не обладают перфективными свойствами, перфективность не является свойством, которое является общим у имен и глаголов — т. е. свойством глагольной основы». Статья ставит важную проблему — проблему соотношения между глагольной и именной аспектуальностью. Она развивает формальный (генеративный) подход к соотношению глагольных и именных основ, который следует обсуждать в рамках постулатов генеративной теории. Но если оставаться в пределах традиционной русистики, то можно предложить другую точку зрения на эту проблему.

3. Имперфективные глаголы

Имперфективные глаголы в русском языке имеют следующие общие признаки (ср. [Маслов 2004: 117]).

1) Они имеют аналитическую форму будущего времени (*буду писать*) и могут употребляться в наст. времени в значении единичного действия (*в этот момент пишу*).

2) Они сочетаются с фазовыми глаголами (*начал, продолжал писать*).

3) Они сочетаются с ПОКАЗАТЕЛЯМИ ВКЛЮЧЕННОГО ВРЕМЕНИ (термин из [Падучева 1996: 168]: (*Когда я пришел, Вася писал письмо*) и длительности (*Он горевал два года*) — с поправкой на разные для разных глаголов возможности временной локализации.

Эти признаки, даже те, которые можно назвать сочетаемостными, имеют очевидную семантическую основу. Они будут в дальнейшем использоваться как тесты применительно к отглагольным именам.

Можно говорить об операторе ИМПЕРФЕКТИВАЦИИ, который образует ПАРНЫЕ имперфективы на *-ыва-*, *-ва-*, *-а-* от глаголов СВ (например, *развязывать* — это парный имперфектив от *развязать*, *сгорать* — парный имперфектив от *сгореть*). Имперфективация для русского языка — это весьма продуктивный процесс.

4. Перфективные глаголы

Между тем семантически единого оператора ПЕРФЕКТИВАЦИИ в русском языке нет. Перфективирующий префикс всегда порождает глагол не только другого вида, но и с другим лексическим значением, ср. *резать* и *отрезать*. С семантической точки зрения нет единой перфективации — есть ДЕЛИМИТАТИВНАЯ перфективация (т. е. «делимитация»), ИНЦЕПТИВНАЯ перфективация (т. е. «инцептивация») и т. д., ср. [Аркадьев, Шлуинский 2014]. КОМПЛЕТИВНАЯ перфективация, в результате которой возникает видовая пара, как *писать* — *написать*, — это, с семантической точки зрения, имперфективация, морфологически выраженная депрефиксацией, см. [За-

лизняк, Шмелев 2000: 79]; ср. также в [Апресян 1995: 106] о возможности трактовки имперфектива как образованного усечением приставки.

Согласно [Janda et al. 2013], имеется 16 перфективирующих приставок, и у каждой по несколько значений. При условии вложения значения префикса в значение глагола присоединение префикса дает приставочную ЧИСТОВИДОВУЮ ПАРУ, такую как *писать* — *написать*. Представительный список приставочных чистовидовых пар приведен в [Зализняк, Шмелев 2000: 82—83].

Видовая парность — это основополагающее понятие для русской аспектологии. Видовая пара задается критерием Маслова: имперфектив входит в видовую пару с СВ, если он способен замещать СВ в контексте настоящего исторического и многократности. Так, легко проверить, что *чувствовать* — *почувствовать* образуют видовую пару, а *любить* — *полюбить* не образуют (пример из [Маслов 1948]).

В видовой паре глагол НСВ является семантически производным от глагола СВ, независимо от способа образования — префиксального или суффиксального. Согласно [Зализняк, Шмелев 2000: 79], это направление деривации вытекает из определения видовой парности.

Общим свойством глаголов СВ является то, что они задают ретроспективный ВЗГЛЯД НА СИТУАЦИЮ, иначе — ретроспективный РАКУРС (retrospective VIEWPOINT в терминах [Smith 1991]; ретроспективную ПЕРСПЕКТИВУ; ретроспективную ТОЧКУ ОТСЧЕТА по Рейхенбаху, или ПОЗИЦИЮ НАБЛЮДАТЕЛЯ в терминах [Падучева 1996: 12]), — причем не только в прошедшем, но и в будущем времени. Отсюда следующие общие свойства глаголов СВ (ср. [Tatevosov 2011]):

1) Они имеют форму простого будущего и не могут употребляться в наст. времени в значении единичного действия.

2) Они не сочетаются с фазовыми глаголами (**начал написать*).

3) Они не сочетаются с показателями включенного времени; пример из [Tatevosov 2011]: в предложении *Когда я пришел, Вася написал письмо* мой приход может быть понят как имевший место до или после, но не во время написания письма. Предлоги *до* и *после* требуют в придаточном предложении глагола СВ (или какого-то другого показателя завершенности): *Он подписал письмо после того, как ему позвонили.*

Эти признаки отличают глаголы СВ от глаголов НСВ. Например, признак 3 фиксирует для глагола СВ ретроспективную позицию наблюдателя, отсюда отсутствие у глагола СВ формы наст. времени. А глагол НСВ может выражать синхронный и ретроспективный ракурс в прош. времени; синхронный и проспективный в будущем; и только в наст. времени НСВ задает, при речевом, т. е. не нарративном, режиме интерпретации, однозначно синхронный ракурс, как в примере *Я сейчас читаю статью*.

Признаки 2 и 3 можно объединить в свойство СОБЫТИЙНОСТЬ. Противоположное свойство, которым обладает имперфективный глагол (см. пункты 2 и 3 раздела 3), называют ПРОЦЕССНОСТЬ (точнее было бы сказать, что глагол НСВ обозначает процесс или состояние). В специальном

контексте глагол СВ может обозначать повторяющееся событие (*Свет то зажжется, то потухнет*), которое есть своего рода процесс. Но для обозначения повторяющихся событий шире употребляется НСВ, чем СВ, см. в [Плунгян 2011: 221] о линейной и количественной аспектуальности.

Тестом на перфективность иногда считается то, что на самом деле является тестом на ПРЕДЕЛЬНОСТЬ, — сочетаемость с обстоятельством срока завершения. Пример из [Tatevosov 2011]: *Вася написал письмо за два часа* нормально, а *Вася писал письмо за два часа* возможно только при многократной интерпретации НСВ. Но сочетаемость с обстоятельством срока завершения свойственна не всем глаголам СВ, а только предельным. Этот тест неприменим не только к делимитативам и пердуративам, но и к семельфактивам (**чихнул за две секунды*), к инцептивам (**заиграл за две минуты*) и ко многим другим моментальным глаголам — неагентивным (**зазевался за две секунды*), а иногда и к агентивным: **пришел к нам за полчаса*. Как справедливо сказано в [Dahl 1985: 78], общее число глаголов СВ, обозначающих переход, длительность которого мала или не принимается во внимание, и потому НЕ сочетающихся с обстоятельством срока завершения, значительно превышает число предельных глаголов СВ.

Распространено мнение, что совершенный вид дает взгляд на ситуацию снаружи, а несовершенный вид — это взгляд изнутри, ср. толкование значений совершенного и несовершенного видов в [Wierzbicka 1967; Mehlig 1981; Падучева 1996; Smith 1991; Пазельская 2003]. Однако эта картина возникает на основе того, что из всех значений имперфектива выбирается одно — так называемое актуально-длительное, иначе — прогрессив. На самом деле, отличие русского НСВ от СВ состоит в том, что СВ выражает однозначно ретроспективный взгляд на ситуацию, независимо от времени (т. е. не снаружи, а именно в ретроспективе), а НСВ не фиксирует ракурса: в отличие от СВ, он может выражать синхронный ракурс — при актуально-длительном значении; но допускает ретроспективный — в прош. времени (при так называемом общефактическом значении) и проспективный — в будущем времени, см. [Падучева 2010]. Ретроспективный ракурс — это тот разумный смысл, который можно придать утверждениям о том, что глагол СВ выражает «точность» (ретроспективный ракурс несовместим с неограниченной длительностью) и «целостность».

Итак, общее — категориальное — значение глагола СВ СОБЫТИЙНОЕ, глагола НСВ — ПРОЦЕССНО-СТАТАЛЬНОЕ. Всякий глагол НСВ, если он входит в видовую пару, может иметь, помимо своего категориального значения, событийное значение, свойственное противоположному виду. Это значение возникает в контексте настоящего исторического, многократности и ряда других (например: *Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет*). Это значение называется ТРИВИАЛЬНЫМ (см. [Зализняк, Шмелев 2000: 47]). Оно не имеется в виду, когда речь идет о противопоставлении НСВ и СВ, но есть ситуации, когда его нельзя игнорировать, см. раздел 6.

Переходим теперь к отглагольному имени.

5. Формальная аспектуальная характеристика основы отглагольного имени

По отглагольному имени всегда можно сказать, от какой основы оно образовано. Например, слово *сожжение* образовано от глагола с перфективной основой *сжечь*: именем от имперфективного глагола *сжигать* будет *сжигание*. Так что аспектуальная принадлежность глагольной основы всегда выражена у имени однозначно. Аспектуальная семантика слов *сожжение* и *сжигание* — это совсем другое дело. Так что говоря о соотношении между глаголом и производным от него именем ситуации, следует разделить два аспекта — формальный и семантический.

6. Об аспектуальной семантике отглагольного имени

Что касается аспектуальной семантики глагола, то она присутствует у имени лишь в ослабленной форме. В [Smith 1991] было предложено деление аспектуальной семантики на две составляющих: *viewpoint aspect* и *lexical aspect*. Глагольная форма выражает всю совокупность аспектуальных значений, т. е. и *viewpoint aspect*, и *lexical aspect*. Между тем в отглагольных именах ситуации (русских; в польском, возможно, иначе) остается только *lexical aspect*, т. е. аспектуальность, вытекающая из АКЦИОНАЛЬНОГО КЛАССА. (Термин «акциональный класс» — из [Tatevosov 2002]; в [Падучева 1996] используется в этом случае термин «таксономическая категория»; в [Зализняк, Шмелев 2000] — «онтологическая категория»).

Отглагольное имя ситуации может употребляться:

- как имя СОБЫТИЯ (*возникновение*; в том числе агентивного события, т. е. ДЕЙСТВИЯ: *избрание*);
- как имя развивающегося во времени ПРОЦЕССА (*перемещение*; в том числе агентивного процесса, т. е. ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: *раскрашивание*, *наблюдение*; или ПОВТОРЯЮЩЕГОСЯ СОБЫТИЯ: *подмигивание*);
- как имя СОСТОЯНИЯ — *удивление*.

Часто одно и то же имя может употребляться и в значении события, и в значении процесса, ср. *после получения* и *во время получения*; или в значении события и в значении состояния, ср. *до изгнания* и *в изгнании*.

В Гловинская [2001: 59] про имена типа *свержение*, *рождение* говорит, что они имеют значение СВ, а *гниение*, *назревание* — значение НСВ. На самом деле отглагольные имена различаются семантически не видом, а только акциональным классом: имена типа *свержение*, *рождение* имеют значение события (и в этом смысле соотносятся с глаголом СВ), имена типа *гниение*, *назревание* — значение процесса или состояния (и в этом смысле соотносятся с глаголом НСВ). Многообразие глагольных видовых значений отглагольным именам недоступно в принципе. Так что когда говорится о наследовании именем видовых противопоставлений глагола,

речь может идти только о соответствии акционального класса имени одной из двух самых общих аспектуальных категорий, выражаемых видом мотивирующего глагола, — это событие для глагола СВ и процесс/состояние для глагола НСВ. Имена с перфективным значением (т. е. со значением СВ) — это то же, что событийные; имена с имперфективным значением (т. е. со значением НСВ) — это то же, что процессно-статальные.

Важно иметь в виду, что имя на *-ние, -тие* может не быть именем ситуации (*расписание*) или быть не только именем ситуации, а употребляться одновременно как имя объекта действия (*задание*), имя результата (*сочинение, описание, собрание*), способа действия (*начертание, произношение, прочтение*), средства (*растирание*) и проч. Эти типы регулярной многозначности отглагольных имен подробно описаны в [Апресян 1974: 175—210]; об именах способа см. [Падучева 2009]. Отглагольные имена, которые не являются именами ситуации, находятся в принципе за рамками аспектуальной семантики; о рудиментах аспектуального противопоставления в именах деятеля см. [Шмелева 1983].

Как будет видно из дальнейшего, то, что у глагола является значением видовой формы, в значении имени часто может быть обнаружено лишь через набор допустимых контекстов употребления. Различаются ИМПЕРФЕКТИВНЫЕ контексты (такие как контекст фазового глагола, обстоятельства включенного времени) и ПЕРФЕКТИВНЫЕ (контекст показателя предшествования или следования ‘до/после’), см. об этом подробно в [Пазельская 2003].

О перфективных и имперфективных контекстах глагола шла речь в разделах 3, 4. Поскольку глаголы и имена — это разные части речи, переход от глагола к имени требует корректировки сочетаемостных тестов. К тестам на перфективность глагола из раздела 4 можно добавить еще один — сочетаемость с определенным классом наречий, которые диагностируют глагол СВ, т. е. событийное значение. Так, наречие *немедленно* диагностирует глагол как СВ (с поправкой на возможное тривиальное событийное значение у глагола НСВ): *немедленно открыл*. Для имен соответствующим тестом будет сочетаемость с прилагательными от таких наречий. Так, сочетание *немедленное оказание помощи* диагностирует событийное употребление имени *оказание*.

7. Формальная связь имени с перфективной или имперфективной глагольной основой

Вернемся к форме. Имя на *-ние, -тие* всегда сохраняет формальную связь с видом основы мотивирующего глагола, т. е. по имени всегда можно сказать, от какой из двух видовых основ оно образовано, см. раздел 5. Верно и обратное: чтобы от данного глагола образовать имя, надо знать аспектуальную характеристику глагола. В [Зализняк 2007] было сделано следующее наблюдение.

Хотя, вообще говоря, возможно образование имени от глагольной основы обоих видов, в большинстве случаев от двух глаголов, входящих в видовую пару, образуется только одно имя ситуации.

Принцип «На видовую пару одно имя» будет далее фигурировать как Z-Принцип.

В [Зализняк 2007] сформулировано Основное правило, которое предусматривает для отглагольного имени ситуации две возможности.

Перфективный вариант. Если видовая пара состоит из СВ на *-ить* и НСВ на *-ять, -ать* (с суффиксом *-а-*, но не *-ва-* или *-ива-, -ыва-*), то отглагольное имя образуется от перфективной основы глагола: *украшение, получение, обучение, сочинение, сообщение, покорение, нарушение, наступление*. Так, *изменение, подтверждение, уничтожение* нормальны, а **изменяние, *подтверждение, *уничтожение* безусловно отсутствуют.

Имперфективный вариант. В остальных случаях имя образуется от имперфективной основы глагола:

— с суффиксом *-ива-, -ыва-*: *раскрашивание, пересаживание, вытипливание, заучивание, раскачивание, обезболивание, перекачивание, развёртывание, подмигивание*;

— с суффиксом *-а-*: *приседание, расползание, прорастание, прижигание, протекание, замерзание, привыкание, прилипание, угасание, высыхание, замыкание, сгибание, увядание, растирание, замирание, сгорание*;

— с суффиксом *-ва-*: *поливание, расставание, узнавание, отмывание, раздувание, раздевание, отпевание, нагревание*.

Так мы получаем ответ, например, на вопрос, почему от *развязать* не образуется имя **развязание*: глагол СВ *развязать* парный и не на *-ить*; отглагольное имя у него образуется от основы парного НСВ и имеет вид *развязывание*. Аналогично, есть *раскидывание, вытипливание, подмигивание, пережидание, растирание, нагибание, одевание* возможны, а гипотетические **раскидание, *вытипление, *подмигнутие, *пережидание, *растертие, *нагнутие, *одевание* безусловно отсутствуют.

На самом деле правила распределения видовых пар глагола между этими двумя вариантами выбора видовой основы отглагольного имени несколько сложнее, но в целом они, согласно [Зализняк 2007], покрывают примерно 7 тыс. отглагольных имен в «Обратном словаре русского языка».

8. Значение отглагольного имени

Что касается значения, то в обоих вариантах имя, образованное по Основному правилу от ПРЕДЕЛЬНОГО глагола (т. е. глагола ACCOMPLISHMENT), обычно может обозначать и событие, и процесс, причем независимо от того, от какой из двух основ оно образовано. Так, имя *прижигание* образовано от основы НСВ, т. е. по имперфективному варианту, но употребляется не только в значении процесса (*во время прижигания*), но и в значении со-

бытия (*после прижигания*). А имя *обучение* образовано от основы СВ, т. е. по перфективному варианту, но употребляется не только в значении события (*после обучения*), но и в значении процесса (*во время обучения*). Разумеется, если глагол МОМЕНТАЛЬНЫЙ (т. е. глагол ACHIEVEMENT), то имя, образованное от его основы СВ, обозначает скорее событие, чем процесс, например: *лишение, прекращение, нарушение*.

9. Дополнения к Основному правилу в пределах действия Z-принципа

Как показано в [Зализняк 2007], есть глаголы, у которых имя ситуации образуется от перфективной основы, хотя они не на *-ить*. Это приставочные глаголы на *-вечь, -речь, -прячь, -стеречь, -блюсти*, а также *обрести*, например: *развлечение, отречение, напряжение, предостережение, наблюдение, изобретение, приобретение*. Важно, что Z-Принцип соблюдается, т. е. одно имя обслуживает и перфективные, и имперфективные контексты. Акциональная семантика производного имени зависит от акционального класса глагола. Так, *изобретение* обозначает событие, поскольку *изобрести* — глагол моментальный. О слове *наблюдение* см. в разделе 11.

Некоторые глаголы на *-ить* (все они отыменные) хоть и имеют парный НСВ на *-ивать*, но имя ситуации образуют не только на *-ивание* (по имперфективному варианту), но также и на *-ение* (по перфективному). Примеры: *увекочение, очеловечение, изувечение, обеспечение, возвеличение, (пре)увеличение, ограничение, разграничение, упорядочение, приурочение, упрочение, сосредоточение* — при менее употребительных *обесценивание, узаконивание*. При этом имя с перфективной основой часто предпочтительно с точки зрения литературной нормы. Так, Корпус дает всего 6 примеров на *увеличивание*, и все не позднее 19-го века: норма — *увеличение*. Так что и здесь Z-Принцип практически соблюдается — одно имя обслуживает и перфективные, и имперфективные контексты: *после* и *по мере увеличения (ограничения, разграничения, упорядочения)*, — если этому не препятствует акциональный класс глагола.

10. Нарушения принципа «На видовую пару одно имя»

Как показано в [Зализняк 2007], глаголы на гласную + *-ить* или *-ять* хоть и имеют парный НСВ на *-ивать*, но существительное от них образуется не только на *-ивание*, по имперфективному варианту, но также и на *-ение, -яние*, по перфективному, причем последние обычно более употребительны. Примеры: *удвоение, присвоение, успокоение, наслоение, устройство, осмеяние, рассеяние, настояние* (при менее употребительных *удваивание, присваивание, осмеивание* и т. д.).

Тут производные от перфективной и имперфективной основы могут быть семантически противопоставлены. Так, *успокоение* и *успокаивание* — это слова разных акциональных классов, *успокаивание* — это деятельность, а *успокоение* — результирующее состояние, ср. (1) и (2)¹:

- (1) Яго успокаивает Отелло, но, разумеется, нетрудно понять здесь истинный смысл этого *успокаивания* (А. Эфрос. Профессия: режиссер (1975—1987)).
- (2) Что-то изменилось — они, его сотрудники, обретали *успокоение*, надежды, он же терял всё это (Д. Гранин. Зубр (1987)).

Или ср. *устроение*, пример (3) (в современном языке это скорее имя способа, ‘устройство’, см. (3б); значение деятельности, (3а), — устаревшее) и *устраивание*, только деятельность, пример (4):

- (3) а. Приходский дьякон получил от самого Пантелея Еремеича письмо, в котором тот извещал его о своём намерении прибыть в Бессоново и просил его предупредить прислугу — для *устроения* надлежащей встречи (И. С. Тургенев. Конец Чертопханова (1872)).
- б. Герой Гоголя недоволен *устроением* мира, где один — титулярный советник, а другой — генерал (И. Золотусский. «Записки сумасшедшего» и «Записки из подполья» // «Октябрь», 2002).
- (4) Одним словом, от *устраивания* Жени в больницу я тогда быстро устранилась (Г. Щербакова. Косточка авокадо (1994)).

Но это не всегда так. Например, *осмеивание* и *осмеяние* аспектуально равнозначны.

Другой класс нарушений Z-принципа — это глаголы на *-чь* и на согласную + *-ть, -ти*; они образуют имена от обеих основ, перфективной и имперфективной; например:

рассечение и *рассекание*;
опадение и *опадание*;
переплетение и *переплетание*;
сожжение, *зажжение* и *сжигание*, *зажигание*;
сбережение и *сберегание* (в НКРЯ отсутствует);
изнеможение и *изнемогание*;
стечение, *истечение* и *стекание*, *истекание*;
съедение, *объедение* и *съедание*, *объедание*;
почтение, *прочтение* и *почитание*, *прочитывание*;
спасение и *спасание*;
потрясение, *сотрясение* и *потрясение*, *сотрясение*;
угнетение и *угнетание* (в НКРЯ отсутствует);
проклятие, *заклятие* и *проклинание*, *заклинание*.

¹ Здесь и далее многие примеры взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), <http://ruscorpora.ru/>.

При других приставках в том же формальном классе действует Основное правило, т. е. имя образуется только от имперфективной основы, например: *разжигание, недомогание, протекание, разгребание, отрясение* (ср. **разожжение, *недоможение, *протечение, *разгребение, *отрясение*).

Еще одна (отмеченная в [Зализняк 2007]) группа отклонений от Z-принципа; образуют имена от обеих основ, перфективной и имперфективной, следующие слова:

передвижение, продвижение, выдвигание, воздвижение (от *передвигать* и др.) и *передвигание, продвижение, выдвигание, воздвижение*;

указание, наказание, приказание, оказание (от *указать* и др.) и *указывание, наказывание, приказывание, оказывание*;

описание, предписание, подписание, списание (от *описать* и др.) и *описывание, предписывание, подписывание, списывание*;

задержание, воздержание, удержание (от *задержать* и др.) и *задерживание, воздерживание, удерживание*).

И просто частные примеры: *опускание* и *опущение, прививание* и *привитие, изымание* и *изъятие, распивание* и *распитие, задавание* и *задание*.

Статья [Зализняк 2007] указывает формально охарактеризованный класс, включающий несколько тысяч глаголов, у которых имя образуется только от одного из глаголов, составляющих видовую пару, и предъявляет исчерпывающий (очень небольшой — в несколько десятков) список видовых пар, в которых от каждого из двух глаголов образуется свое имя. Обычно такие два имени различаются не только в аспектуальном отношении, но другими параметрами:

— грамматическими характеристиками (так, *спасание* только от переходного глагола, а *спасение* соотносится также и с возвратным),

— степенью употребительности (ср. нормальное *изнеможение* и *изнеможание* — два примера в НКРЯ),

— степенью однозначности событийной интерпретации (так, *сбережение* — это почти исключительно имя результата),

— просто лексическим значением, ср. *открывание* и *открытие*, пример из [Пазельская 2003].

В [Грамматике 1980 § 261] приводятся пары имен, образованные от соотносительных глаголов сов. и несов. вида (например, *укрытие* — *укрывание, печатание* — *напечатание*) с помощью суффикса *-ние* и говорится, что «видовое значение мотивирующего глагола, как правило, не отражается на семантике существительного». Это положение иллюстрируется возможностью употребления слов с разной видовой основой в одних и тех же контекстах, например, *процесс переосмысления* и *процесс переосмысливания*. Пример неверный. Глагол СВ *переосмыслить* входит в две видовых пары: *переосмыслить* — *переосмыслять* и *переосмыслить* — *переосмысливать*. В первой паре, согласно Основному правилу, отглагольное имя образуется от перфективной основы — *переосмысление*, и допускает как событийную, так и процессную интерпретацию. А во второй паре имя, по

тому же правилу, образуется от имперфективной основы и имеет интерпретацию только процессную.

Так что в такой общей форме высказанное утверждение неверно. Верно, однако, что в целом видовое значение мотивирующего глагола отражается в семантике существительного отнюдь не прямо.

11. Некоторые итоги

До сих пор исследования аспектуального противопоставления в отглагольных именах касались более или менее представительных наборов примеров. Так, В. В. Виноградов [1947: 118] пишет: «в отглагольных существительных, не осложненных суффиксами *-ива*, *-ыва*, *-ва*, стираются (...) видовые оттенки значения. Такие слова соответствуют в равной мере инфинитиву сов. и несов. вида».

В [Гловинская 2001: 60] перечислена пара десятков отглагольных имен, которые «соответствуют одновременно глаголам обоих видов». В их числе — *улучшение*, *возникновение*, *образование*, *обучение*, *возвращение*, *испытание*, *воплощение*. Утверждается, что таких имен подавляющее большинство и что «соответствие значения отглагольного существительного одному из видов не связано с тем, от какого члена пары оно формально образовано» (соответствие имени одному из видов глагола, подразумевается, как и у В. В. Виноградова, семантическое).

Сейчас мы можем предложить более четкие формулировки, поскольку имеем фактически полные списки отглагольных имен следующих двух классов:

Класс А. Имена, соблюдающие Z-принцип, т. е. формально соотнесенные с одним из членов видовой пары, а семантически — в принципе, с обоими;

Класс Б. Имена, не соблюдающие Z-принцип, т. е. такие, что каждому из членов глагольной видовой пары соответствует свое имя.

В [Зализняк 2007] учитывались только имена от видовых пар с суффиксальной имперфективацией. Однако есть основание утверждать, что имена от префиксальных чистовидовых пар распределяются по тем же классам.

Будем исходить из того, что аспектуальная семантика отглагольного имени ситуации сводится к акциональному классу (см. раздел 6), а в видовой паре категориальное значение глагола СВ событийное, категориальное значение глагола НСВ — процессное или статальное (см. раздел 4). Именно в этих терминах можно говорить об аспектуальной соотнесенности имени и глагола в семантическом плане.

В **классе А** имя образуется всегда от одного из двух глаголов, составляющих видовую пару, либо от перфективного, либо от имперфективного, но по своей аспектуальной семантике соответствует обоим членам видовой пары. Поскольку имена класса А составляют большинство, предположение о том, что имя с перфективной основой должно иметь событийное значе-

ние, а с имперфективной — процессное, следует отбросить. Так, слово *украшение* образовано от перфективной основы, а *нагревание* — от имперфективной основы, но оба употребляются как в значении события, так и в значении процесса.

Еще более показательны слова *наступление* и *отступление* (военное). Они соотносятся морфологически с глаголами *наступить* и *отступить*, т. е. имеют перфективную основу. А по смыслу связаны, скорее, с глаголами НСВ *наступать* и *отступать* (*отступить* (СВ) еще допустимо о войске, а *наступить* вообще невозможно). Оба имени могут обозначать и событие, и процесс: можно сказать *после наступления / отступления наших войск* и *во время наступления / отступления наших войск*. Действует Z-Принцип и соответствующее ему Основное правило, которое объясняет употребление одного имени как в процессном, так и в событийном значении, т. е. его допустимость как в перфективных, так и в имперфективных контекстах.

Другой пример — имя *наблюдение*; оно соотносится по форме с глаголом СВ *наблюсти*, который в литературном языке малоупотребителен; между тем, *наблюдение*, если это имя ситуации (а не имя объекта, т. е. 'то, что наблюдало'), обозначает не событие, а процесс: *в ходе наблюдения за детьми трех-семи лет*.

И наоборот, имя *кипячение* имеет имперфективную основу, т. е. соотносится формально с глаголом НСВ *кипятить*, но допускает употребление в событийном значении:

- (1) Водопроводная вода (...) считалась пригодной для питья только после *кипячения* (Б. Кенжеев. Из Книги счастья (2007) // «Новый Мир», 2008).

Отметим, что видовая пара *вскипятить* — *кипятить* образована депрефиксацией, но подчиняется тем же правилам.

В классе Б два имени, образованные, соответственно, от перфективной и имперфективной основы глагола, могут быть семантически противопоставлены. Так, в (2а) событие, а в (2б) процесс — который оценивается с точки зрения длительности:

- (2) а. Бедная Катю тряслась от страха и всхлипывала в полной уверенности, что ей не миновать *съедения* (В. А. Обручев. Плутония (1924)).
 б. В обеде самое печальное — это *съедание* каши; кратчайший акт, столь краткий, что в нем начало соприкасается с концом (Л. Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920—1943)).

Однако аспектуальная семантика в парах имен, образованных от перфективного и имперфективного члена видовой пары, часто бывает размытой — каждое из имен может употребляться как в событийном, так и в процессном значении. Так, *сожжение* в примере (3а) употреблено в событийном значении, а в (3б) *сжигание* — в процессном, т. е. акциональный класс имени соответствует виду основы; однако примеры (4), (5) показывают, что *сожжение* может быть употреблено и в процессном значении:

- (3) а. После *сожжения* рукописей первоначальных вариантов романов «Мастер и Маргарита» и «Театр» окрыленный писатель опять принимается за работу над ними («Звезда», 2003).
 б. При *сжигании* углей на ТЭС в атмосферу поступают и миллионы тонн оксидов серы («Наука и жизнь», 2009).
- (4) Процедура *сожжения* бумаг повторилась, только на этот раз в фаянсовой урне для окурков, где пепла было и без того достаточно (Е. и В. Гордеевы. Не все мы умрем (2002)).
- (5) Еще живы были очевидцы публичного *сожжения* в Москве так называемых жидовствующих («Лебедь» (Бостон), 2003.12.14).

В [Зализняк 2007] приводится пример диахронического сближения имен от разных основ: *опадание* (первоначально: процесс) и *опадение* (первоначально: состоявшееся событие). Эти слова движутся к тому, чтобы стать синонимами: если первоначально говорилось *во время опадания листьев*, но *после опадения листьев*, то теперь уже допустимо и *во время опадения листьев*, и *после опадания листьев* (с предпочтением к слову *опадение* в обеих ролях).

Особую проблему можно продемонстрировать на слове *подписание*, которое нарушает Основное правило: глагол СВ *подписать* имеет парный НСВ *подписывать*, но имя *подписание* образовано от перфективной основы (т. е. *подписать* ведет себя не так, как *развязать*, у которого наличие видового коррелята *развязывать* исключает субстантивный дериват *развязание*). Более того, имя *подписание* от перфективной основы употребляется гораздо чаще, чем имя от имперфективной основы *подписывание*, причем не только в значении события, как в (6), но и в значении процесса, как в (7):

- (6) После *подписания* соглашения Сирия и Израиль выясняли свои отношения силовыми способами на территории соседнего Ливана (РБК, 2004.09.13).
- (7) Также подписаны другие двусторонние документы. Вы были свидетелями их *подписания* («Дипломатический вестник», 2004).

Слово *подписание* выглядит как исключение в современной системе русских отглагольных имен. Ведь нет слов *переписанье*, *надписанье*, *дописанье*, *прописанье*: имена с этим корнем образуются от имперфективной основы глагола — *переписывание* и т. д. (Есть *расписание*, *предписание*, но это не имена ситуации.)

Можно пытаться дать этому исключению историческое объяснение: *подписание* — архаизм, оставшийся от тех времен, когда основа *подписа-* не была обязательно перфективной. Глагол *подписать* мог иметь оба вида — от него и было образовано имя *подписание*, которое употреблялось как в процессном, так и в событийном значении.

То же касается слова *написание*, внимание к которому было привлечено в статье [Tatevosov 2011]. Для префиксальной чистовидовой пары *написать* — *писать* следовало бы ожидать, что в процессном значении должно

употребляться имя с имперфективной основой, т. е. *писание*. Между тем мы имеем *написание* в типично имперфективных контекстах — например, с фазовым глаголом:

- (8) Не без трепета приступаю я к *написанию* этого текста (В. А. Успенский. Витгенштейн и основания математики (2002)).

Можно думать, дериваты *написание*, *подписание* — это остатки того состояния, когда глаголы *написать*, *подписать* не были перфективами, — приставки имели не перфективирующее, а чисто лексическое значение; они выражали чисто лексическую модификацию смысла. То же касается многих других имен — таких, как *оказание*, *указание*, *наказание*. Глаголы *написать*, *оказать* долгое время имели форму наст. времени, см. примеры (9), (10), а следовательно, были имперфективными, так что имена *написание*, *оказание* не были образованы от перфективных основ:

- (9) Ангель господень *написаетъ* (XIV в., Словарь древнерусского языка XI—XIV вв., т. V);
 (10) *оказючи* к великому государю вашему свою брацкую... любовь (1613 г., Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 12).

По данным словаря из [Зализняк 2014], имперфективными глаголами с приставками, которые в современном языке являются перфективирующими, были в памятниках XIV—XVII вв., в частности: *оплевати*, *обрыдати*, *наказати*, *по-*, *у-*, etc., *облизати*, *растерзати*, *облобызати*, *связати*, *взискати*, *написати*, *о-*, etc., *оклеветати*, *спрятати*, *распихати*, *послушати*, *привешати*.

Большая часть имен, образованных от перфективного глагола при наличии парного имперфектива, выпали из языка (слов *приписание*, *прописание*, *перепечатание*, *распечатание*, *наслание*, *разузнание*, *разодрание* нет ни в одном словаре, кроме БАС) или не употребляются в значении имени ситуации. Но *написание*, *подписание* остались.

А. А. Пичхадзе (устное сообщение) считает, что образование имен *подписание*, *написание* следует относить скорее не к древнему, а к средневековому состоянию: пары *напишу* — *написаю*, *подъпишу* — *подъписаю* были еще в XVII—XVIII веке, так что теоретически можно предположить, что наши *написание*, *подписание* образованы от имперфективного приставочного глагола относительно недавно. Проблема требует специального исследования, но некоторые интересные сведения на этот счет можно извлечь из [Виноградов 1947].

В. В. Виноградов пишет: «Можно думать, что видовые оттенки в формах отглагольных существительных на *-ние*, *-тие* сильнее выступали в русском литературном языке XVIII и начала XIX в., особенно в его официально-канцелярских стилях». Цитируется А. Х. Востоков, который допускает *читание*, *прочтение* и *читывание* как возможные (считая образования от многократного вида «не очень употребительными»), а субстантивы от основы совершенного вида, *обмытие*, *пропитие*, *сожитие*, *простертие*

признает «обычным явлением». Цитируется также Я. К. Грот, который допускает как возможные имена от основ совершенного вида *выгнание*, *выдержание*, *вырезание* (имеется в виду имя с ударением на приставке, от глагола СВ *вырезать*), *выгнутие*, *вырытие*, *выжжение*, *выдрание*.

Приведя эти цитаты, В. В. Виноградов говорит о «сокращении возможностей производства имен на *-ние* от разных типов видовых основ». Очевидно, имеется в виду, что на протяжении относительно недавней истории стали невозможными образования имен с процессным значением от основ совершенного вида. Так что современная система ограничений на образование имен ситуации от обоих членов видовой пары сложилась относительно недавно.

В любом случае, имена типа *написание* не опровергают аспектуальной охарактеризованности глагольной основы в современном русском языке. Ведь и имена типа *обучение*, будучи формально соотнесены с перфективной основой глагола, употребляются не только в событийном, но и в процессном значении. Единственное, что отличает *написание* от *обучение*, — это то, что у *написание* есть имперфективный дублет *писание* (с тем же смыслом, но в силу исторической случайности получивший меньшее распространение), а **обучание* запрещено в принципе.

Итак, отглагольные имена не дают оснований для отказа от традиционного представления о том, что русская глагольная основа охарактеризована по виду. Другое дело, что в русских отглагольных именах идет процесс ослабления семантической противопоставленности перфективной и имперфективной основы. С одной стороны, увеличивается число имен класса А — за счет выпадения из языка имен на *-ние* от парных глаголов с перфективной основой, типа *разодрание*. С другой стороны, снимается аспектуальный семантический контраст в парах типа *сожжение* — *сжигание* класса Б.

Заметим, что в отглагольных именах нейтрализуются не только аспектуальные, но и залоговые различия; например, имя *спасение* может соответствовать и каузативному глаголу *спасти*, и возвратному *спастись*. Но едва ли этот факт может оказывать влияние на трактовку глагольного залога.

Исследование отглагольных имен выявило новый аспект грамматической релевантности видовых пар. В [Плунгян 2011: 409—410] говорится: «объединение двух глаголов разного вида в паре (...) свидетельствует скорее (...) об их семантико-прагматической, а не грамматической близости». Между тем в [Зализняк, Шмелев 2000: 44—45] убедительно показано, что объединение глаголов в видовые пары следует рассматривать как одну из неотъемлемых составляющих языковой компетенции человека. Семантика и синтаксис отглагольных имен служит еще одним подтверждением «объективности существования» видовых пар*.

* Автор выражает благодарность Ю. Д. Апресяну и И. Б. Иткину, высказавшим ряд принципиальных замечаний по поводу первоначального варианта статьи; и А. А. Пичхадзе и Б. А. Успенскому за помощь в работе.

Л и т е р а т у р а

- Апресян 1974 — Ю. Д. А п р е с я н. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды, том II. М., 1995.
- Аркадьев, Шлуинский 2014 — П. М. А р к а д ь е в, А. Б. Ш л у и н с к и й. О роли перфективации и имперфективации в типологии словоклассифицирующих аспектуальных систем // Международная конференция Научное наследие и развитие идей Ю. С. Маслова, 20—22 ноября 2014. СПб., 2014. С. 17—19.
- Виноградов 1947 — В. В. В и н о г р а д о в. Русский язык. М.; Л., 1947.
- Гловинская 2001 — М. Я. Г л о в и н с к а я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Грамматика 1980 — Русская грамматика / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1.
- Зализняк 2007 — А. А. З а л и з н я к. К вопросу об образовании русских отглагольных существительных на *-ние*, *-тие*. *Terra balkanica. Terra slavica: К юбилею Т. В. Цивьян*. М., 2007. С. 43—51.
- Зализняк 2014 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М., 2014.
- Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А. З а л и з н я к, А. Д. Ш м е л е в. Лекции по русской аспектологии. М., 2000.
- Иткин 2014 — И. Б. И т к и н. Можно ли определить вид русского глагола? // Международная конференция Научное наследие и развитие идей Ю. С. Маслова, 20—22 ноября 2014. СПб., 2014. С. 84—87.
- Маслов 1948 — Ю. С. М а с л о в. Вид и лексическое значение глагола в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1948. Т. 7. № 4. С. 303—316.
- Маслов 2004 — Ю. С. М а с л о в. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Мельчук 1974 — И. А. М е л ь ч у к. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М., 1974.
- Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2009 — Е. В. П а д у ч е в а. Поссесивы и имена способа действия. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 8 (15). По материалам международной конференции Диалог 2009. С. 365—372. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/56.pdf>.
- Падучева 2010 — Е. В. П а д у ч е в а. Зеркальная симметрия прошедшего и будущего: фигура наблюдателя // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2010. Т. 69 № 3. С. 16—20. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/symmetr-2010.pdf>.
- Пазельская 2003 — А. Г. П а з е л ь с к а я. Аспектуальность и русские предикатные имена // ВЯ, 2003, № 4. С. 72—90.
- Плунгян 2011 — В. А. П л у н г я н. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Шмелева 1983 — Е. Я. Ш м е л е в а. Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ). Дисс. ... канд. филол. наук. М. 1983.
- Dahl 1985 — Ö. D a h l. Tense and aspect systems. New York, 1985.
- Janda et al. 2013 — L. J a n d a, A. E n d e r s e n, Ju. K u z n e c o v a e. a. Why Russian aspectual prefixes aren't empty. Bloomington, Indiana, 2013.

Mehlig 1981 — H. R. Mehlig. Satzsemantik und Aspektsemantik im Russischen: (Zur Verbklassifikation von Zeno Vendler) // Slavistische Beiträge. Bd. 147. München, 1981. S. 95—151. [Сокр. рус. пер.: Х. Р. М е л и г. Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15. Современная зарубежная русистика. М., 1985. С. 227—249].

Smith 1991 — C. S. Smith. The parameter of aspect. Kluwer academic publishers. Dordrecht / Boston / London, 1991.

Tatevosov 2002 — S. G. Tatevosov. The parameter of actionality // Linguistic typology. V. 6.

Tatevosov 2011 — S. G. Tatevosov. Severing Perfectivity from the Verb. Scando-Slavica. 57:2. 2011. 216—244.

Wierzbicka 1967 — A. Wierzbicka. On the semantics of the verbal aspect in Polish // To Honor Roman Jakobson. The Hague, 1967. P. 231—249.

References

Apresyan 1974 — Yu. D. Apresyan. Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka. Moskva, 1974.

Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. Izbrannye trudy. T. II. Moskva, 1995.

Arkad'yev, Shluinskiy 2014 — P. M. Arkad'yev, A. B. Shluinskiy. O roli perfektivacii i imperfektivacii v tipologii slovklassificiruyushchikh aspektual'nykh sistem // Mezhdunarodnaya konferenciya Nauchnoe nasledie i razvitie idey Yu. S. Maslova, 20—22 noyabrya 2014. St.-Peterburg, 2014. S. 17—19.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and aspect systems. New York, 1985.

Glovinskaya 2001 — M. Ya. Glovinskaya. Mnogoznachnost' i sinonimiya v vidovremennoy sisteme russkogo glagola. Moskva, 2001.

Grammatika 1980 — Russkaya grammatika / Otv. red. N. Yu. Shvedova. Moskva, 1980. T. 1.

Itkin 2014 — I. B. Itkin. Mozhno li opredelit' vid russkogo glagola? // Mezhdunarodnaya konferenciya Nauchnoe nasledie i razvitie idey Yu. S. Maslova, 20—22 noyabrya 2014. St.-Peterburg, 2014. S. 84—87.

Janda et al. 2013 — L. Janda, A. Endersen, Ju. Kuznecova e.a. Why Russian aspectual prefixes aren't empty. Bloomington, Indiana, 2013.

Maslov 1948 — Yu. S. Maslov. Vid i leksicheskoe zhanenie glagola v russkom yazyke // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1948. T. 7. № 4. S. 303—316.

Maslov 2004 — Yu. S. Maslov. Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie. Moskva, 2004.

Mehlig 1981 — H. R. Mehlig. Satzsemantik und Aspektsemantik im Russischen: (Zur Verbklassifikation von Zeno Vendler) // Slavistische Beiträge. Bd. 147. München, 1981. S. 95—151.

Mel'chuk 1974 — I. A. Mel'chuk. Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl ↔ Tekst». Moskva, 1974.

Paducheva 1996 — E. V. Paducheva. Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa. Moskva, 1996.

Paducheva 2009 — E. V. Paducheva. Possessivy i imena sposoba deystviya // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Vyp. 8 (15). Po materialam mezhdunarodnoy konferencii Dialog 2009. S. 365—372. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/56.pdf>.

Paducheva 2010 — E. V. Paducheva. Zerkal'naya simmetriya proshedshego i budushchego: figura nablyudatelya // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka, 2010. T. 69 № 3. S. 16—20. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/symmetr-2010.pdf>.

Pazel'skaya 2003 — A. G. Pazel'skaya. Aspektual'nost' i russkie predikatnye imena // Voprosy Yazykoznanija. 2003. № 4. S. 72—90.

Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira. Moskva, 2011.

Shmeleva 1983 — E. Ya. Shmeleva. Nazvaniya proizvoditelya deystviya v sovremennom russkom yazyke (slovoobrazovatel'no-semanticheskiy analiz). Diss. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1983.

Smith 1991 — C. S. Smith. The parameter of aspect. Kluwer academic publishers. Dordrecht / Boston / London, 1991.

Tatevosov 2002 — S. G. Tatevosov. The parameter of actionality // Linguistic typology. V. 6.

Tatevosov 2011 — S. G. Tatevosov. Severing Perfectivity from the Verb. Scando-Slavica 57:2. 2011. 216—244.

Vinogradov 1947 — V. V. Vinogradov. Russkiy yazyk. Moskva; Leningrad, 1947.

Wierzbicka 1967 — A. Wierzbicka. On the semantics of the verbal aspect in Polish // To Honor Roman Jakobson. The Hague, 1967. P. 231—249.

Zaliznyak 2007 — A. A. Zaliznyak. K voprosu ob obrazovanii russkikh otglagol'nykh sushchestvitel'nykh na *-nie*, *-tie*. Terra balkanica. Terra slavica: K yubileyu T. V. Tsiv'yan. Moskva, 2007. S. 43—51.

Zaliznyak 2014 — A. A. Zaliznyak. Drevnerusskoe udarenie. Obshchie svedeniya i slovar'. Moskva, 2014.

Zaliznyak, Shmelev 2000 — Anna A. Zaliznyak, A. D. Shmelev. Lekcii po russkoy aspektologii. Moskva, 2000.

Резюме

В славянских языках, в отличие от таких языков, как, например, английский или итальянский, глагол всегда маркирован по виду — является либо перфективным, либо имперфективным. Высказывались предположения (в рамках генеративной теории), что от этого традиционного представления следует отказаться. Главный аргумент состоит в том, что отглагольные имена с перфективной основой обнаруживают имперфективное поведение, ср. слова *написание*, *подписание*. Установлено, однако, что, хотя в принципе возможно образование имен от глагольных основ обоих видов, в большинстве случаев от двух глаголов, входящих в видовую пару, образуется только одно имя ситуации, причем выбор основы определяется ее формальными признаками. Это единое имя обычно имеет как событийное значение (так сказать, значение СВ), так и континуальное (так сказать, значение НСВ), т. е. употребляется как в перфективных, так и в имперфективных контекстах, ср. *обучение* от основы СВ и *прижигание* от основы НСВ. С другой стороны, такие имена, как *сожжение* и *сжигание*, которые образованы от обоих членов видовой пары, сближаются по значению. Ни то, ни другое не дает основания для отказа от понятия Slavic type of aspect применительно к глаголам.

Ключевые слова: имперфективный контекст, перфективный контекст, видовая пара

Статья получена 03.02.2015

ELENA V. PADUCHEVA

**SLAVIC TYPE OF ASPECTUALITY AND ASPECTUAL MEANING
OF DEVERBAL NOUNS IN RUSSIAN**

Slavic languages differ from such languages as, e. g., English or Italian, in that Slavic verb is always aspectually marked — it is either perfective or imperfective. Suggestions have been made (in the framework of generative grammar) that this traditional point of view should be abandoned. The main argument is based upon deverbal nouns with the perfective stem that exhibit imperfective behavior, such as *napisanije*, *podpisanije*. However, it is established that though in principle verbal stems of both aspects can motivate deverbal nouns, in the majority of cases two verbs constituting an aspectual pair give rise to a single deverbal noun, and the choice of the stem is determined by certain rules concerning morphological form, not semantics. This noun usually has both the meaning of event (perfective, so to speak) and the meaning of process or state (imperfective, so to speak): it can be used both in perfective and imperfective contexts. Cf. *obuchenije*, derived from the perfective stem, and *prizhiganije*, derived from the imperfective stem. On the other hand, nouns derived from different aspectual stems, such as *sozhzhenije* and *szhiganije*, come closer to one another semantically. Neither the first nor the second tendency provides grounds for refusal of application of the notion ‘Slavic type of aspect’ to verbs.

Keywords: imperfective contexts, perfective contexts, aspectual pair, Slavic type of aspect

Received on 03.02.2015

В. Ю. АПРЕСЯН

**ВАЛЕНТНОСТЬ СТИМУЛА
У РУССКИХ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЭМОЦИЙ:
СВЯЗЬ СЕМАНТИКИ И СИНТАКСИСА ***

Введение

Данная работа посвящена взаимодействию семантики и синтаксиса в сфере эмотивных глаголов, а именно влиянию семантической структуры глагола на его модель управления. Общая задача работы — показать, что между семантикой глаголов со значением эмоций и характерными для них типами управления существует мотивированная семантическая связь.

В самом общем виде вопросы об отношениях между семантикой и синтаксисом ставились еще в различных теориях падежных значений. Так, Е. Курилович выделял семантические и синтаксические падежи [Курилович 1962], Р. Якобсон предлагал описания значений падежей в терминах семантических признаков [Якобсон 1985]. В современной корпусной грамматике русского языка (rusgram.ru) падежные значения описываются набором семантических ролей, которые они могут выражать.

Идея семантических ролей («глубинных падежей») была сформулирована в известной работе Ч. Филлмора [Fillmore 1968]. Эта идея была воспринята генеративистами, использующими понятие *theta-roles*, т. е. семантических типов ролей, которые выражаются синтаксическими аргументами глаголов [Croft 1986; Dowty 1991; обзор в Reinhart 2002].

* Исследование осуществлено при поддержке следующих грантов: гранта РГНФ № 13-04-00307а «Подготовка второго выпуска Активного словаря русского языка» (2013–2015), гранта НШ-3899.2014.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ «Разработка материалов для Активного словаря русского языка» (2014–2015), гранта Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» — «Основной лексический фонд русского языка как элемент русской культуры: системная организация лексики и ее отражение в словаре» (2015–2017). Кроме того, в данной научной работе использованы результаты проекта «Корпусные исследования границ речевого варьирования: от аграмматизма к норме», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

Русский язык в научном освещении. № 1 (29). 2015. С. 28–66.

В грамматиках зависимостей, в частности, в теории «Смысл-Текст» и МСШ этим понятиям приблизительно соответствует понятие семантических и синтаксических валентностей (актантов) [Мельчук 1974; Апресян 1995; Богуславский 1996].

При этом идея о семантической мотивированности синтаксических свойств слова, в частности, модели управления, отсутствует в изначальной версии теории «Смысл-Текст», отрицавшей наличие такой семантической связи: «предлоги, фигурирующие в МУ, как правило, являются «пустыми» средствами оформления синтаксической связи между лексемой и ее актантами» [ТКС 1984: 81].

Данная работа следует принципам Московской семантической школы и теории интегрального описания языка, декларирующим семантическую мотивацию языковых свойств лексем, в частности модели управления; о семантических основах глагольного управления см. [Апресян 2010а; б]. В работе [Апресян 2010а] на большом языковом материале, в первую очередь на материале фундаментальной классификации предикатов, иллюстрируется связь между семантическим классом глагола (действие, деятельность, параметр, положение в пространстве и др.), его актантной структурой (многоактантная, трехактантная, двухактантная, одноактантная), семантикой актантов (агенса, пациенса, причина, объект, опора, инструмент, способ и др.), синтаксическими актантами (обязательными, невыражаемыми, спаренными, смещенными) и лексико-морфологическим способом их выражения (падежи и предложно-падежные группы, предложения и др.).

В области эмотивных глаголов подобного рода исследование, устанавливающее связь семантики и синтаксиса, проводится в работе [Зализняк 2006: 84–86], где анализируются разные способы поверхностно-синтаксического и просодического оформления сентенциального актанта у двух значений глагола *бояться*.

Вообще, в русской лингвистике, особенно в теории и практике активной лексикографии (см., например, [НОСС 2004; АС 2014]), накоплен большой массив знаний относительно семантической структуры слов со значением эмоций (ср. в первую очередь словарные статьи Ю. Д. Апресяна, И. Б. Левонтиной, Е. В. Урысон). Лексикографическим описаниям эмоциональных слов НОССа и АС предшествуют работы в рамках модели «Смысл-Текст», в частности статьи Л. Н. Иорданской [Иорданская 1970], в том числе словарные статьи слов со значением эмоций для Толково-комбинаторного словаря [ТКС 1984], а также основополагающие работы Анны Вежбицкой в области толкования эмоциональной лексики [Вежбицкая 1996; Wierzbicka 1999]. Отдельное направление в этой области составляют работы по исследованию семантических ролей слов со значением эмоций и их синтаксического выражения, представленное в работах по семантической разметке [Апресян и др. 2004] и в работах по наследованию семантических структур и моделей управления у дериватов [Падучева 2001; Пазельская 2005].

Отчасти вопрос о соотношении синтаксического оформления эмотивных глаголов с их семантикой ставится в работе [Овсянникова 2013; Ovsjannikova 2013] о глаголах гнева (см. ниже). Кроме того, соотношение семантики глагола и предпочтительного для него типа диатезы, в том числе на материале эмотивных глаголов, рассматривается в работе [Падучева 2004: 278–292].

Однако вышеупомянутые работы посвящены отдельным словам или группам слов со значением эмоций и не ставят себе цели семантической и синтаксической классификации всего поля эмоций. При этом МУ эмотивных глаголов демонстрируют очень большое разнообразие, заставляя предположить, что семантические структуры глаголов, обозначающих разные эмоции, также сильно различаются.

Традиционно значение эмотивных глаголов (*experience verbs*, *psych verbs*) принято описывать при помощи семантических ролей Экспериенцера и Стимула [Talmy 1985]; ср. *Вася* [Экспериенцер] *боится* *мышей* [Стимул]. Эти или близкие семантические роли используются в обширной западной литературе, посвященной семантике и синтаксису *psych verbs*, а также в электронных базах фреймов *FrameNet* и *Фреймбанк*, в которых также используются некоторые другие роли¹.

При этом в некоторых исследованиях отмечается, что выражение ролей очень варьирует от эмоции к эмоции, и ставится вопрос о причине этой вариативности. Так, в работе [Belletti, Rizzi 1988] выделяются три семантико-синтаксических типа эмотивных глаголов в итальянском языке — глаголы типа *temere* ‘бояться’, глаголы типа *preoccupare* ‘беспокоить’ и глаголы типа *piacere* ‘нравиться’.

В русском языке это деление приблизительно соответствует делению на 1) глаголы эмоционального состояния на –ся с номинативным Экспериенцером (типа *сердиться*, *радоваться*), 2) эмоциональные каузативы с аккумулятивным Экспериенцером и номинативным Стимулом (*пугать*, *радовать*)

¹ В исследованиях типологов и генеративистов обычно используются две роли: уже упоминавшиеся Экспериенцер и Стимул; «функторы» АСТ(ог) и РАТ(иент) в чешской системе Vallex [Benešova et al. 2008:48]. В некоторых работах используются три роли; ср. *Experiencer*, *Target* и *Subject Matter* в [Pesetsky 1994]. В практических системах разметки роли могут быть многообразны: так, во *FrameNet*, то, что семантически явно выражает единую роль стимула, может размечаться как Стимул, Обстоятельство, Тема, в зависимости от синтаксического выражения: *angry that* (Stimulus), *angry when* (Circumstances), *angry over* (Topic). В Активном словаре русского языка [АС 2014] валентности размечаются в соответствии со своим порядковым номером в толковании, что позволяет установить соответствие между одной семантической ролью и разными возможностями ее синтаксического выражения. Однако в АС не комментируются семантические различия, связанные с разным синтаксическим оформлением, например, разница в интерпретации фраз, где стимул оформлен дативом (*обрадоваться / удивиться / огорчиться чему-л.*) и *что*-предложением.

и 3) глаголы и предикативы эмоционального состояния с дативным Экспериенцером (*нравиться, грустно, страшно*). Однако в русском языке, в силу наличия падежей, разнообразие МУ гораздо больше, даже если ограничить сферу рассмотрения только глаголами эмоционального состояния и исключить каузативы².

При этом разнообразие касается в первую очередь выражения роли Стимула, а не Экспериенцера. Экспериенцер у глаголов эмоционального состояния в русском языке выражается в основном номинативно или, реже, дативно (в основном дативный Экспериенцер характерен для так называемых категорий состояния типа *страшно*). Для Стимула же сформулировать стандартный способ синтаксического выражения в русском языке невозможно; ср. *бояться экзамена, радоваться солнышку, обижаться на подругу, расстраиваться из-за двойки, гордиться успехами* и пр.

Интересно, что это касается именно глаголов эмоционального состояния: при перцептивных глаголах типа *видеть, слышать* Стимул стандартно оформляется аккузативом, а Экспериенцер номинативом, что является типологически распространенным явлением, см. [Плунгян 2011]. Чем же объясняется специфика эмотивных глаголов, не имеющих стандартного синтаксического выражения валентности Стимула?

Дело в том, что между ролями Экспериенцера и Стимула в принципе существует асимметрия. Роль Экспериенцера (так же как и Агенса, Реципиента, Адресата) накладывает семантические ограничения на классы имен, заполняющих ее валентность в высказывании. Прототипические Агенса, Экспериенцеры, Реципиенты, Адресаты — это одушевленные существа. Семантическая общность мотивирует синтаксическое единство оформления. Однако Стимулами могут быть как одушевленные существа, так и неживые объекты, и поэтому от роли Стимула естественно ожидать синтаксической разнородности — она семантически не холистична.

Однако почему у перцептивных глаголов роль Стимула оформляется единообразно (что косвенным образом свидетельствует о том, что она осознается как семантически единая)? По-видимому, для перцептивных Стимулов, особенно визуальных, осознаваемая разница между разными типами воспринимаемых объектов невелика — человек не ощущает, что, видя человека или дерево, он видит принципиально разные классы объектов. Хотя нейрокогнитивные данные свидетельствуют о том, что разные виды объектов воспринимаются разными группами нейронов — движу-

² Последнее вполне обоснованно, поскольку каузативы имеют весьма жесткую и единообразную семантическую и синтаксическую структуру, и на материале каузативов семантические различия между разными эмоциональными состояниями в большой мере нейтрализуются: Стимул выступает в синтаксической роли субъекта, Экспериенцер в синтаксической роли объекта. МУ каузативов также намного беднее, чем МУ глаголов эмоционального состояния, допускающих очень большую вариативность.

щиеся vs. статичные объекты [Zeki et al. 1991], человеческие лица vs. другие категории объектов [Bentin, Carmel 2002], язык этого различия не отражает или, по крайней мере, это различие не является типологической фреквенталией.

Однако с эмоциями дело обстоит иначе. Во-первых, Стимулом для эмоции может служить абсолютно все что угодно — не только визуально воспринимаемые объекты, но и объекты слухового, тактильного, вкусового, ольфакторного восприятия; люди; знание фактов, ситуаций, событий; мнения и предположения по поводу того, что может произойти и т. п. С нейрочувствительной точки зрения эмоции также совершенно разнородны — страх, гнев, удовольствие, отвращение и т. п. по-разному локализованы в мозге [LeDoux 1998]. Разные эмоции сопровождаются совершенно разными физиологическими проявлениями [Ekman 1999], они вызывают разные поведенческие реакции и разные желания [Oatley, Johnson-Laird 1987]. Повидимому, различие психологической и физиологической природы разных эмоций настолько велико, что это осознается и отражается языком, в том числе, на уровне синтаксиса. Лексические различия между разными типами эмоций достаточно хорошо изучены на примере эмоциональной метафоры [Lakoff, Johnson 1980; Kivcses 2000].

Наконец, эмоциональные Стимулы отличаются от перцептивных степенью своей акциональности. В то время как перцептивные Стимулы являются пассивными воспринимаемыми объектами, эмоциональные Стимулы активно воздействуют на экспериенцера, меняя его состояние. В русском языке это различие отражается в частности в том, что многие эмотивные глаголы имеют соответствующие каузативы (*сердиться, радоваться, удивлять, обижать, огорчать* и прочие), где Стимул становится синтаксическим субъектом, а экспериенцер — объектом.

Большинство русских эмоциональных каузативов не агентивно, и в роли субъекта выступает причина или эффектор (*Меня удивил такой поворот событий; В последнее время Петя не радуется своих родителей*). Однако некоторые эмоциональные каузативы агентивны, т. е. Стимул у эмотивных состояний может повышаться до агенса; ср. целенаправленные и отчасти контролируемые действия *злить, пугать, веселить*. Для перцептивных состояний типа *Я вижу дом* в русском языке каузативное преобразование невозможно (**Дом меня видит*), и мена диатезы возможна только при помощи дативной конструкции (*Мне видно дом*)³.

Таким образом, Стимул у эмотивных состояний представляет собой, по крайней мере в русском языке, принципиально иную семантическую роль, нежели Стимул перцептивных состояний, что имеет многочисленные языковые рефлекссы, в том числе на синтаксическом уровне.

Однако вопрос о семантической обоснованности выделения единой роли Стимула для всех эмотивных глаголов и о семантических сдвигах, ко-

³ О разнице эмоций и восприятий в отношении к каузативной конструкции см. [Падучева 2004: 305].

торые она претерпевает при разном синтаксическом выражении, насколько нам известно, в литературе не ставился. С этой точки зрения показательна работа [Klein, Kutscher 2002] на материале немецкого языка, где различия в синтаксическом оформлении роли Стимула у эмотивных значений глаголов⁴ объясняются не семантикой, а принципом лексической экономии. Авторы утверждают, что поскольку многим эмотивным глаголам свойственна полисемия, их модели управления в эмотивном значении наследуются от исходных, не-эмотивных значений глаголов, а семантика эмоции признается не играющей роли в выборе синтаксического оформления роли Стимула: «the case selection of psych-verbs is not affected by its psychic reading».

Между тем представляется, что эмоции, относящиеся к разным типам, или кластерам, в зависимости от своих онтологических свойств могут обладать разными валентностями, что, в свою очередь, может отражаться в различиях моделей управления или, при одинаковых моделях управления, в их частотном распределении. Более того, у одного и того же глагола часто бывает несколько предпочтительных или возможных МУ, в каждой из которых его семантика несколько модифицируется, но нет глагола, для которого были бы возможны все МУ, в принципе встречающиеся у эмотивных глаголов.

Итак, в данном исследовании рассматривается следующая основная гипотеза: разнообразие синтаксического выражения роли Стимула у эмотивных глаголов мотивировано семантически и объясняется тем, что такой роли в чистом виде не существует. У различных эмоций валентность Стимула окрашивается семантикой разных дополнительных ролей — Пациенс, Адресат, Место, Часть. Во многих случаях выбор предпочтительной модели управления семантически мотивирован этой дополнительной ролью. Тип дополнительной роли определяется всей структурой события, в частности характером Стимула, желаниями, поведением, речевыми проявлениями и другими особенностями того или иного эмоционального состояния. Если глагол допускает разные МУ (например, с дативом или с *что*-конструкцией), каждая из них окрашивает роль Стимула своей семантикой (например, Адресат или Содержание).

В работе используется методология Московской семантической школы [Апресян 2005]; к рассматриваемому материалу применяется метод корпусного анализа. Кроме того, используются элементы грамматики конструкций [Fillmore et al. 1988; Goldberg 1995]: модели управления эмотивных глаголов рассматриваются как конструкции, обладающие собственным значением. Их выбор в качестве МУ для тех или иных эмотивных глаголов мотивируется как семантикой соответствующего эмотивного глагола, так и семантикой соответствующей конструкции. Семантика конструкций устанавливается путем их сочетаемостного анализа, т. е. изучения типичного для каждой из конструкций лексического заполнения.

⁴ «Though psych-verbs share the same thematic grid (experiencer and stimulus), they show different case frames» [Klein, Kutscher 2002:1].

В работе используются данные корпусов ruTenTen на ресурсе Sketch Engine и Основного корпуса НКРЯ.

Корпус ruTenTen используется в данной работе, в основном, для создания скетчей глаголов — упорядоченных по синтаксической структуре коллокаций с указанием частотностей каждой из двадцати наиболее частотных лексем. Коллокации для глагола выглядят следующим образом:

- subject (перечисляются субстантивные лексемы, которые наиболее частотны в роли подлежащего при данном глаголе — и стоят перед глаголом);
- direct object (перечисляются субстантивные лексемы, наиболее частотные в роли прямого дополнения);
- object 2 (перечисляются субстантивные лексемы в роли дополнения в дательном падеже);
- PP (предложно-именные группы с указанием частотностей разных предлогов и имен, сочетания с адвербиалом и некоторые другие).

Этот инструмент исключительно полезен для быстрой оценки общей картины сочетаемости.

Основной корпус НКРЯ используется в данной работе для семантического поиска, а также для проверки данных ruTenTen, поскольку представляет собой сбалансированный корпус, в отличие от веб-базируемого ruTenTen. Слова в запросах в НКРЯ фиксировались на расстоянии один.

1. Отсутствие собственного стандартного способа оформления Стимула у эмотивных глаголов

Для эмотивных глаголов широко распространенным синтаксическим свойством является управление *что*-предложением, выражающим Стимул эмоции (отмечается как особенность русских эмотивных глаголов в [Вежбицкая 1996]): *радоваться* ⟨*сердиться, удивляться, сожалеть, обижаться, гордиться, стыдиться, надеяться, завидовать, ревновать, быть благодарным*⟩, *что* *У*.

Оно невозможно для глаголов, у которых вторая валентность — это валентность Объекта, а Стимул является третьей, менее важной и реже выражающейся валентностью. Это глаголы, промежуточные между эмоциями-состояниями и эмоциями-отношениями⁵, такие как *жалеть, презирать*: *жалеть кого-либо за что-либо, презирать кого-либо за что-либо*; ср. странность ^{??}*жалеть Петю, что он получил двойку*, ^{??}*презирать Васю, что он украл кошелек*. У таких глаголов Стимул обычно выражается за-конструкцией (*жалеть Петю за двойку, презирать Васю за кражу*)⁶. Однако

⁵ О различии эмоциональных состояний и эмоциональных отношений см. [Иорданская 1970].

⁶ В данной работе не рассматриваются употребления глаголов со значением эмоций в конструкции с предлогом *за* в значении несобственной эмоции (“*visa-*

для большинства эмоций из большей части кластеров *что*-выражение возможно. Ниже приводится приблизительный краткий список глаголов и предикативов из разных эмоциональных кластеров, которые допускают такое управление:

‘СТРАХ’: *бояться, опасаться, беспокоиться, волноваться, пугаться, страшиться, тревожиться, ужасаться;*

‘ГНЕВ’: *сердиться, злиться, злобиться, гневаться, беситься;*

‘ГРУСТЬ’: *грустить, горевать, расстраиваться, огорчаться, печалиться, тосковать;*

‘РАДОСТЬ’: *радоваться, рад;*

‘ГОРДОСТЬ’: *гордиться, кичиться;*

‘СТЫД’: *стыдиться, совеститься, стесняться;*

‘БЛАГОДАРНОСТЬ’: *быть благодарным;*

‘СОЖАЛЕНИЕ’: *сожалеть, жалеть, жалко, жаль;*

‘ОБИДА’: *обижаться, дуться;*

‘УДИВЛЕНИЕ’: *удивляться, изумляться, поражаться;*

‘ЗАВИСТЬ’: *завидовать;*

‘РЕВНОСТЬ’: *ревновать;*

‘НАДЕЖДА’: *надеяться.*

В связи с большой распространенностью *что*-конструкции при эмотивных глаголах встает вопрос о ее статусе: можно ли признать ее единым стандартным способом выражения валентности эмоционального Стимула в русском языке? Представляется, что существуют аргументы против того, чтобы считать эту конструкцию универсальным выразителем собственно валентности эмоционального Стимула.

1.1 *Что-предложение с путативными эмоциональными глаголами*

Во-первых, необходимо отметить, что при разных эмотивных глаголах *что*-предложение имеет разные интерпретации, поскольку они имеют разный набор валентностей.

Сравним фразы типа *Он сердится* (*злится, радуется, сожалеет, обижается*), *что она приехала*, с одной стороны, и фразы типа *Он надеется*, *что она приехала*; *Он опасается*, *что она приехала*, с другой. В первой группе фраз пропозиция ‘она приехала’ имеет статус факта, во второй группе фраз — статус предположения. В первой группе фраз возможна перифраза с фактивными причинными союзами *из-за того, что* и *оттого, что*, во второй группе фраз — нет; ср. *Он сердится* (*злится, радуется, сожалеет, обижается*) *из-за того, что она приехала*, но не **Он надеется из-за того, что она приехала*; **Он опасается из-за того, что она приехала*.

rious emotion”), как в словосочетаниях *радоваться за кого-л.*, *огорчаться за кого-л.* Однако рассматриваются конструкции с *за*, когда эта предложно-именная группа метонимически выражает валентность Стимула (*гордиться за сына* ≅ ‘гордиться успехами сына’).

Глаголы первой группы фактивны, они обозначают эмоции, возникающие в результате того, что что-то произошло. Глаголы второй группы путативны, они обозначают эмоции, возникающие в результате того, что экспериенцер думает, что что-то произойдет. К глаголам второй группы относятся глаголы кластера 'НАДЕЖДА' и некоторые глаголы кластера 'СТРАХ'.

У некоторых глаголов кластера 'СТРАХ' причинное преобразование формально возможно, однако при этом существенно меняется смысл: ср. *Я нервничаю, что не успею на поезд* (≅ 'Я думаю, что не успею на поезд, и поэтому чувствую что-то плохое') vs. *Я нервничаю из-за того, что не успею на поезд* (≅ 'Я знаю, что не успею на поезд, и поэтому чувствую что-то плохое'). Замена *что*-предложения в этих примерах на причинную пропозицию приводит к изменению статуса пропозиции: с путативного он меняется на фактивный. То же происходит при замене времени глагола в подчиненной клаузе: *Я нервничала, что не успею* (путативная интерпретация ≅ 'Я думала, что не успею, и поэтому чувствовала что-то плохое') vs. *Я нервничала, что не успела* (фактивная интерпретация ≅ 'Я не успела, и поэтому чувствовала что-то плохое').

Таким образом, эмотивные глаголы неоднородны с точки зрения валентности, которую заполняет при них *что*-пропозиция.

Для фактивных эмотивных глаголов — это валентность Стимула, и *что*-пропозиция вводит указание на событие или ситуацию, которые вызвали эмоцию. Их семантическая структура, в самом общем виде, такова: в ассерции у них указание на эмоцию, в пресуппозиции — указание на ситуацию или событие, которые вызвали эмоцию; ср. *Он не радовался, что она пришла* = 'Она пришла; он не радовался'.

Однако у путативных эмотивных глаголов, в частности у глагола *надеяться*, а также у *опасаться* и некоторых других глаголов кластера 'СТРАХ' *что*-пропозиция заполняет другую валентность. Валентности Стимула, т. е. реально существующей ситуации или объекта, вызывающей эмоцию, у них нет. У надежд, страхов, опасений могут быть свои причины (*Вот почему я его опасуюсь; Что дает тебе основания надеяться?*), однако они семантически факультативны.

У подобных глаголов *что*-предложение заполняет валентность Содержания компонента 'думать', входящего в их толкование. Таковы, например, путативные и проспективные глаголы *надеяться* и *опасаться*. Их семантическая структура принципиально иная: в ассерции у них указание на предположение о том, что может произойти какое-то событие, в пресуппозиции — эмоциональное отношение к этому событию; ср. *Он не надеялся, что она придет* = 'Он не думал, что она придет; он хорошо относился к ее приходу'.

Некоторые другие глаголы из кластера 'СТРАХ' фактивны, как и все прочие эмоциональные глаголы; ср. например, *ужасаться*: *Он ужасался, не чувствуя в себе привычной любви* (И. Грекова. Фазан (1984)) ≅ 'Он не чувствовал привычной любви и поэтому ужасался'.

Ряд глаголов, в том числе основной глагол кластера 'СТРАХ' *бояться*, а также глаголы *беспокоиться* и *волноваться*, путативны в одних употреблениях и фактивны в других. Анализируя глагол *бояться*, Анна А. Зализняк [1983; 1985; 2006: 75] обнаружила у него два разных значения: эмоциональное (где в ассерции негативная оценка) и ментальное (где в ассерции вероятностная оценка). К этому наблюдению следует добавить, что в ментальном значении он путативен, а в эмоциональном — фактивен⁷. Ср. *Она боялась* (*беспокоилась, волновалась*), *что он не придет* (путативный) vs. *Она боялась* (*беспокоилась, волновалась*) *из-за того, что он не пришел* (фактивный).

Таким образом, можно говорить о двух разных значениях или двух разных кругах употреблений у этих глаголов: в одном они ведут себя как типичные глаголы эмоции, обозначающие чувство, вызванное некоторым событием; в другом круге они ведут себя скорее как ментальные предикаты типа *считать, думать* и т. п. в сочетании с оценкой ожидаемого события как плохого. Для глагола *бояться* возможны амбивалентные конструкции с генитивом, где фактивная vs. путативная интерпретации зависят от характера существительного и его денотативного статуса; ср. *Она боялась его приходов* (≡ 'Ей было страшно от его приходов') vs. *Она боялась его измены* (≡ 'Она думала, что он ей изменит, и испытывала от этого неприятное чувство').

Для глаголов *беспокоиться* и *волноваться* с *что*-предложением возможны обе интерпретации.

Если глагол в *что*-предложении стоит в будущем времени — интерпретация путативная: *Она волновалась* (*беспокоилась*), *что он опоздает* (*что*-предложение заполняет валентность содержания предположения: опоздание может состояться, а может не состояться). Если глагол в *что*-предложении стоит в прошедшем или настоящем времени, интерпретация

⁷ Различие путативных и фактивных глаголов эмоций в конструкции с *что*-предложениями подробно обсуждается в работе [Mel'čuk, Iordanskaja 1990]. Глаголы типа *радоваться* считаются там квазифактивами на основании того, что фактивность компонента, вводимого *что*, у них ниже, чем у подлинных фактивов типа *знать*. На основании примеров типа *Петя радуется, что Машиа уже в городе, а на самом деле ее там нет* квазифактивность признается у глаголов типа *радоваться, сердиться, удивляться, огорчаться* слабым смыслом [Там же: 326]. В работе предлагается ввести в значение глаголов типа 'радоваться' компонент 'X (экспериментер) считает Y (ситуацию) высоковероятным'. Однако представляется, что ситуация Y, вызывающая эмоцию, имеет все-таки статус факта, что особенно заметно с глаголами совершенного вида, а также в конструкции с дативом; ср. невозможность ^{??}*Петя обрадовался, что Машиа приехала, а она не приехала*, ^{??}*Петя радуется приезду Машии, а она не приехала*. Кроме того, в контекстах, предполагающих непосредственное восприятие стимула, невозможна отмена фактивного компонента; ср. неправильность **Петя ужасно радовался, что Машиа к нему наконец-то пришла, а она не пришла*.

фактивная: *Она волновалась (беспокоилась), что он запаздывает (что он опоздал)* (фактивная интерпретация, *что*-предложение заполняет валентность Стимула).

Таким образом, у путативных глаголов со значением эмоций *что*-предложение выражает валентность **Содержания** предположения, как и у глаголов мнения типа *думать* и *считать*.

1.2. *Что*-предложение с фактивными эмоциональными глаголами

Как было установлено выше, у путативных эмотивных глаголов *что*-предложение выражает валентность содержания мнения, а не отсутствующую у них валентность Стимула. Однако и у фактивных глаголов, имеющих роль Стимула, *что*-предложение также затруднительно считать ее универсальным выразителем. Дело в том, что эта конструкция имеет свои семантические особенности, ограничивающие типы Стимулов, которые она может выражать.

Основное значение *что*-конструкции в русском языке соответствует семантической роли **Содержания**. Валентность содержания свойственна в первую очередь трем типам предикатов — предикатам знания (типа *знать*, *понимать*), предикатам мнения (типа *думать*, *считать*, *предполагать*) и предикатам речи (типа *сказать*, *говорить*, *сообщать*).

Какую же валентность эта конструкция выражает при эмотивных глаголах? На первый взгляд, это валентность Стимула: *Он обрадовался, что она пришла* \cong *Он обрадовался ее приходу* \cong 'Она пришла; это вызвало у него радость'. Однако *что*-конструкция придает роли Стимула иную окраску, нежели, скажем, его генитивное выражение: *Она испугалась мыши* \neq *Она испугалась, что увидела мышь*. Фразы, где глагол *испугаться* управляет предметным именем в форме генитива, описывают эмоцию, которая возникает в результате **непосредственного**, часто внезапного восприятия Стимула.

Конструкции с *что* также возможны для глагола *испугаться*, однако они имеют несколько другую семантику; ср. *Ирина вдруг испугалась, что он её действительно выкинет с седьмого этажа* (В. Токарева. Своя правда // «Новый Мир», 2002), *Он плакал и плакал всю ночь, а в четыре перестал плакать. И я испугалась, что он умрёт* (А. Геласимов. Жанна (2001)). Они описывают эмоцию, которая возникает не в результате непосредственного восприятия Стимула, а в результате **осмысления** некоторой ситуации.

Такое же различие можно продемонстрировать на примере глагола *обрадоваться*. Рассмотрим фразы вида *Она обрадовалась ему*, где глагол управляет предметным именем в форме датива. Они описывают эмоцию, которая возникает в результате непосредственного, обычно визуального, восприятия Стимула, который появляется в поле зрения; часто они указывают на ситуацию прихода: *Открыв дверь, Соня вовсе не обрадовалась гостю* (С. Таранов. Мстители (1999)); — *А вот и он!* — *обрадовался гостю Крумов* (О. Дивов. Выбракровка (1999)).

Фразы с *что*-конструкцией описывают эмоцию, которая возникает в результате осмысления некоторой ситуации: *Пелагея Павловна обрадовалась, что пришел Алексей и кто-то теперь есть, кроме нее, в квартире, и, обрадовавшись этому, ушла на рынок* (А. Битов. Сад (1960–1963)); *Знаете, мама очень обрадовалась, что вы пришли. Вы ей нравитесь. Говорит: хороший мальчик* (А. Житков. Кафедра (2000)).

Фразы типа ^{??}*Открыв дверь, Соня обрадовалась, что он пришел*, предполагающие эмоцию, возникающую непосредственно при восприятии Стимула, без предварительного осмысления, неестественны.

Таким образом, *что*-конструкция не может считаться универсальным средством выражения Стимула, поскольку она указывает только на один вид Стимулов — **осознанные экспериенцером ситуации**. И если при пудативных эмотивных глаголах она выражает содержание предположения, то при фактивных эмотивных глаголах она выражает содержание знания⁸.

Языковое противопоставление непосредственных и опосредованных Стимулов интересным образом коррелирует с нейрокогнитивными данными. В работе [LeDoux 1998] обсуждаются два типа активации страха: быстрый — “fast route” и медленный — “slow route”. При быстром типе активации сигнал от Стимула идет подкорковым путем, и реакция страха наступает без осознанного осмысления Стимула. При медленном типе активации сигнал от Стимула идет через кору головного мозга, и реакция страха наступает после осознания Стимула как угрозы. Похожие различия концептуализуются в языке, причем как на лексическом уровне (*испугаться* — тип быстрого, бессознательного страха, *опасаться* — тип медленного, осознанного страха), так и на синтаксическом (падежное управление предметным именем — тип быстрого, бессознательного страха, *что*-конструкция — тип медленного, осознанного страха).

Есть также немногочисленный тип глаголов, при которых *что*-конструкция реализует свое третье основное значение, а именно, содержание сообщения. Поскольку русские эмотивные глаголы иногда указывают на речевое выражение эмоции, *что*-конструкция может интерпретироваться как содержание сообщения; ср. *Потом на папин храп из комнаты выходила мама, громогласно возмущалась, что уже час ночи, а ребёнок ни в одном глазу!* (Т. Соломатина. Мой одесский язык (2011)); *Наверное, я очень занудно сокрушалась, что нигде не видно ни львов, ни носорогов* (О. Белоконева. Африканские ямбы // «Наука и жизнь», 2006).

Все сказанное выше дает основания не считать *что*-конструкцию универсальным способом выражения эмоционального Стимула в русском языке. Во-первых, иногда она выражает при эмотивных глаголах другие типы актантов (содержание мнения, содержание сообщения).

⁸ Корреляция между изъяснительным *что*-предложением и наличием ментального компонента в придаточном отмечается в работах [Wierzbicka 1988: 132; Арутюнова 1988: 110–120; Зализняк Анна А. 2006: 429–455].

Во-вторых, выражение роли Стимула не является ее первичной функцией в русском языке, ее основная и первичная семантическая функция — это именно Содержание — сообщения, знания или мнения.

По данным корпуса RuTenTen, именно в сочетании с этими тремя типами предикатов *что*-конструкция наиболее частотна. А именно, из первой по частотности десятки глаголов, которые употребляются в этой конструкции, с речевыми глаголами *говорить* и *сказать* имеется около 500 000 вхождений, с фактивными глаголами *знать*, *понимать* и *понять* — более 550 000 вхождений, с путативными глаголами *думать*, *считать* и *казаться* — около 390 000 вхождений. *Что*-конструкция, таким образом, обычно выражает валентности содержания знания, содержания мнения и содержания сообщения.

Безусловно, это данные абсолютной частотности, и можно предположить, что высокая частотность *что*-конструкции с глаголами речи, знания и мнения объясняется их общей высокой частотностью в языке относительно эмотивных глаголов. Действительно, перечисленные предикаты знания, мнения и речи более частотны, чем многие эмотивные глаголы, однако частотность *что*-конструкции с ними объясняется не только их собственной большей частотностью, но и тем, что они чаще употребляются в *что*-конструкции, чем многие эмотивные глаголы.

По данным НКРЯ, у предикатов мнения, знания и речи доля *что*-употреблений от их общей частотности составляет от десяти процентов (*говорить*, *сказать*) до двадцати (*знать*, *понимать*, *думать*, *считать*). Что касается эмотивных глаголов, то у них способность употребляться в *что*-конструкции коррелирует с долей ментальной оценки, предполагаемой глаголом. Чем больше доля ментальной оценки в эмотивном глаголе, тем чаще он употребляется в *что*-конструкции, чем она меньше, тем реже он употребляется в *что*-конструкции. Для путативных глаголов *бояться* и *надеяться* доля *что*-употреблений составляет около 12 % и около 30 % соответственно. Для глаголов *удивляться* и *радоваться*, часто предполагающих ментальную оценку ситуации, доля *что*-употреблений также высока — около 10 и 12 % соответственно. Однако для глаголов, которые не предполагают осознания стимула, т. е. не указывают на содержание знания или мнения, эта доля намного ниже: для *грустить* она составляет около 2,5 %, для *беситься* — около 2,3 %, для *сердиться* и *злиться* — примерно 3,3 %, для *стесняться* — примерно 1,4 %.

Поэтому даже тогда, когда эта конструкция выражает роль Стимула, этот Стимул окрашивается семантикой Содержания знания, так как Стимулом является осознанная Экспериенцером Ситуация⁹. Непосредственно

⁹ По-видимому, *что*-конструкцию в русском можно считать выражением некоторой гиперроли, поскольку она употребляется с глаголами, у которых есть валентность Содержания (ментальные и речевые предикаты), глаголами, у которых есть валентность Ситуации (экзистенциальные предикаты типа *случиться*, *получиться*, *оказаться*) и глаголами, у которых есть валентность Стимула (перцептивные и эмотивные предикаты); о понятии гиперроли см. [Кибрик 2004: 16–19].

воспринимаемые стимулы этой конструкцией выражаться не могут. Более того, лексемы, выражающие эмоции, которые не могут вызываться осознанными ситуациями, не могут управлять *что*-предложением; ср. невозможность **Он блаженствовал, что лежит на солнце, *Он блаженствовал, что пьет кофе*, при возможности *Он радовался, что лежит на солнце, Он радовался, что пьет кофе*. Эмоция *блаженствовать* вызывается непосредственным восприятием Стимула, а не его осмыслением; ср. *Он блаженствовал на солнце, Он блаженствовал, попивая кофе*.

Таким образом, семантически и синтаксически единое выражение роли эмоционального Стимула в русском языке отсутствует. Ниже анализируются семантические причины синтаксического разнообразия в оформлении этой роли.

2. Валентности у разных типов глаголов со значением эмоции

Как сказано выше, у эмотивных глаголов традиционно выделяются две валентности, соответствующие семантическим ролям Экспериенцера и Стимула, который иногда также называют причиной эмоции. Так используется метаслово 'причина' в Новом объяснительном словаре синонимов и в номенклатуре семантических ролей, предложенной в работе [Апресян 2010а: 371–380]; ср. *Он [Экспериенцер] расстроился из-за своей неудачи [Причина]*. В данной статье используется термин Стимул. Таким образом, типичная схема толкования для глагола со значением эмоции выглядит примерно следующим образом:

- (1) 'Человек X испытывает хорошее (или плохое) чувство, вызванное Стимулом Y'.

У эмоциональных каузативов происходит мена диатезы:

- (2) 'Стимул Y вызывает у человека X хорошее (или плохое) чувство'.

Представляется, что для группы эмоций, прототипически вызываемых хорошими или плохими событиями, этот семантический прототип в целом соответствует действительности. Однако даже у этой группы «чистая» валентность Стимула характерна не для всех глаголов.

У эмоций других групп семантическая структура может быть еще более сложной, что проявляется в их моделях управления. В работе рассматриваются эмоции классов «события», «отношения», «отношения к себе» и «ожидания» (ср. отчасти сходную классификацию в работе [Вежицкая 1996]), исследуются их семантические структуры и модели управления.

2.1. Эмоции как реакции на события

К данной группе эмоций относятся, в чистом виде, эмоции кластеров 'РАДОСТЬ' и 'ГРУСТЬ'.

2.1.1. Хорошие события

Валентность Стимула у глаголов этих кластеров допускает множественное выражение, однако для глагола *радоваться* (основного представителя кластера 'РАДОСТИ') наиболее типичными являются модели управления (МУ) с дативом (*радоваться ее приезду*) и с *что*-предложением (*Он радуется, что она приехала*). По данным Основного корпуса НКРЯ модель с дативом составляет 27 % от всех вхождений *радоваться*, а с *что*-предложением — около 12 % (всего — 14181, с дативом — 3863, с *что*-предложением 1643).

Возможны, но существенно менее частотны, МУ с предлогами — все они составляют доли процента от общего числа вхождений: *от* — 36 вхождений (*радоваться от предвкушения*), *по поводу* — 7 вхождений (*радоваться по поводу ее поступления в университет*), *о* — 93 вхождения (*радоваться о спасении*), *из-за* — одно вхождение (*радоваться из-за всяких пустяков*). Кроме того, возможны, хотя и очень редки, союзные способы выражения валентности Стимула с причинным союзом *оттого, что* (5 вхождений): *Он радуется оттого, что она приехала*¹⁰.

МУ с дативом возможна также для прилагательного *счастлив* (эта эмоция не имеет глагольного выражения в русском языке): *Я счастлив твоему приезду*. Она составляет около 4 % от всех вхождений *счастливый* в краткой форме (556 от 14184); это прилагательное чаще употребляется абсолютнo.

При этом другие разновидности 'РАДОСТИ' имеют другие предпочтительные средства выражения. В этой связи можно упомянуть, например, эмоцию *ликовать* из подтипа «сильной радости», которая не допускает дативного управления: **ликовать чему-л.* Единичные примеры из НКРЯ на дативное управление производят впечатление устаревших или неправильных:

(3) *День был прекрасный; все в природе улыбалось и ликовало появлению лета* (И. И. Лажечников. Басурман (1838)).

Для *ликовать* характерна МУ с *от* и *по поводу*: *Она и сама радовалась, когда детишки ликовали от ее гостинцев* (Ф. В. Гладков. Повесть о детстве (1948)); *Когда печать ликовала по поводу присоединения Западной Украины, она заметила: «Чем тут гордиться?»* (В. Катамян. Прикосновение к идолам (1998)).

Невозможно также **злорадствовать чему-либо*: **Она злорадствовала его провалу*. Примеры типа (4) воспринимаются как сугубо авторские, тем более что в контексте присутствует глагол *радовать*, облегчающий употребление датива (в НКРЯ встретилось два примера на *злорадствовать* с дативом).

¹⁰ Идея о том, что одной семантической валентности соответствуют разные синтаксические оформления, каждое из которых имеет свою семантическую специфику, последовательно проводится в работе [Апресян 2010а] и практически выражается в Активном словаре русского языка [АС 2014].

- (4) *И по утрам, читая газеты, с каким-то нетерпением искал он и, находя, радовался — злорадствовал всяким убийствам, пожарам, катастрофам, наводнениям, ливням, землетрясениям* (А. М. Ремизов. Крестовые сестры (1910)).

Эта эмоция обычно выражается при помощи конструкции с предлогом *по поводу* (9 вхождений из 246), возможным для глаголов речи (*высказываться по поводу*), но не с чисто причинными предлогами: **злорадствовать из-за (от) ее провала*. Возможна для нее также конструкция с предлогом *над* (7 вхождений из 246), что сближает ее с недоброжелательными речевыми действиями, имеющими валентность Пациенса, типа *насмехаться, потешаться, издеваться*, для которых *над*-конструкция является основной.

По-видимому, особенности МУ *злорадствовать* связаны с тем, что эта эмоция имеет Стимул, однако не имеет объективной причины. Точнее, причина *злорадства* — не само событие, а особое отношение Экспериментера к субъекту ситуации, которая является Стимулом. Поэтому собственно причинные средства выражения этой валентности для данного глагола недоступны.

Выражение Стимула предложно-именными группами с предлогами *над* и *по поводу* связано с тем, что *злорадствовать* часто предполагает речевое выражение в форме насмешки:

- (5) *Если они и понимали положение крестьян, то все равно им не сочувствовали, а, скорее, злорадствовали: «Так вам и надо за то, что вы большевиков поддерживали»* (Г. Попов, Н. Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева (журнальный вариант) // «Наука и жизнь», 2008).

По этой же причине для *злорадствовать* типична сочетаемость с наречиями типа *втихомолку, втайне, открыто, откровенно* (данные корпуса RuTenTen).

Глагол *блаженствовать* также невозможен с дативом, однако occasionally Стимул может выражаться при помощи специализированных причинных конструкций с предлогами и союзами.

Таким образом, можно сделать вывод, что та валентность, которая у слов со значением эмоций обозначается зонтичным термином ‘Стимул’, на самом деле устроена более сложно. По-видимому, чистые Стимулы характерны не для всех эмотивных слов; многим из них свойственны синтетические валентности, где идея Стимула является ядерной, однако к ней приращивается семантика некоторых других семантических ролей.

У глагола *радоваться* валентность Стимула может быть окрашена смыслом семантической роли Адресата¹¹. С одной стороны, *радоваться*

¹¹ Как и в случае с *что*-конструкцией, первичная семантическая функция конструкции с дативом — не Стимул, а иная. По данным RuTenTen, наиболее частотные семантические роли для датива — близкие роли Бенефактива (*способствовать, посвящать, помогать* — более 1,2 млн вхождений) и Реципиента (*давать* —

(и *обрадоваться*) с дативной МУ, как правило, описывают реакции на только что произошедшие или актуально происходящие события, часто непосредственно воспринимаемые экспериенцером: *Она очень ему обрадовалась*, но не **Она радовалась своему благородному происхождению*. Метафорический прототип соотношения Экспериенцера и Стимула у глаголов *радоваться* и *обрадоваться* — встреча, появление стимула в поле восприятия экспериенцера (*радоваться успехам, подаркам, весне, победе, первому снегу, солнышку, рождению ребенка* и прочее).

С другой стороны, *радоваться* часто предполагает открытое выражение, направленное на Стимул; ср. *шумно радоваться, громко радоваться*, улыбка как стандартное выражение радости. Отметим, что и сам глагол *улыбаться*, обозначающий типичное проявление радости, имеет валентность Адресата (*улыбаться кому-л.*). При этом выражение радости, как показывается в работе [Апресян 2013], поощряется русским языковым этикетом — в отличие, например, от эмоций типа *сердиться*, — особенно если Стимулом эмоции является человек. По указанной причине для глагола *радоваться* наиболее характерна МУ с дативом — типичным выразителем Адресата в русском языке: *Он мне очень обрадовался; Лично я улыбаюсь либо когда смешно, либо когда радуюсь любимому человеку, а в знак приличия и т. п. никогда не буду...* (Счастье в улыбке, или почему... (форум) (2007.02.04)).

Ликовать также предполагает внешнее выражение эмоции, однако этот глагол в первую очередь описывает поведение, вызванное определенной причиной, обычно некоторой ситуацией, и лишь во вторую — само чувство. Для него даже возможны употребления, где речь идет исключительно о поведении, а в роли причины поведения выступает сама эмоция; ср. *ликовать от радости (от счастья)*. Валентность Стимула окрашена семантикой причины, что объясняет МУ с причинным предлогом *от*, и содержания, что объясняет МУ с предлогом *по поводу*, характерным для некоторых речевых глаголов.

Для глагола *блаженствовать* это невозможно, потому что он в гораздо большей степени ориентирован на внутреннее состояние человека. Для него невозможна также метонимия ‘ситуация — субъект ситуации’, характерная для *радоваться*: нельзя **блаженствовать из-за кого-л.* Типичный Стимул для *блаженствовать* — какое-либо комфортное состояние или приятное действие, отчего типичная для него МУ — это либо локативная предложно-именная группа, описывающая условия, в которых находится Экспериенцер, либо конструкция с деепричастием, описывающая его действия. Ср. данные НКРЯ: *блаженствовать в ванне* (примерно 10 % — 58 вхождений от 527); *блаженствовать на солнце* (около 5 % — 25 вхождений); *блаженствовать, попивая кофе с пирожными* (6 % — 32 вхождения). Как

более 230 тыс. вхождений). Близкая им роль Адресата (*отвечать* и *сказать*) также весьма частотна — около 200 тыс. вхождений.

и в случае с *что*-конструкцией и с дативом, первичная функция этих конструкций — не семантическая роль Стимула, а семантическая роль Места при предикатах местонахождения (конструкция с предлогами *в, на*) и семантическая роль Агенса (конструкция с деепричастием). Таким образом, Стимул *блаженствовать* окрашивается семантикой Места, а Экспериенцер *блаженствовать* часто является еще и Агенсом¹².

У глагола *злорадствовать*, как отмечается выше, к семантической роли Стимула примешивается семантика роли Пациенса. Эта эмоция также предполагает внешнюю манифестацию, однако ее Экспериенцер и субъект ситуации-Стимула часто неравноправны, что делает возможным окказиональное выражение валентности Стимула при помощи средств, характерных для выражения валентности Пациенсов¹³:

- (6) *Знаете, как в школах злорадствуют над теми, кто слабее и беднее* (Помогите, пожалуйста! (2002) // «Домовой», 2002.10.04).

2.1.2. Плохие события

У глаголов кластера 'ГРУСТЬ' МУ также во многом определяется семантикой. Эмоции этого кластера в большинстве своем имеют или хотя бы могут иметь причину, поэтому для них всех возможны причинные конструкции с предлогами *из-за, от* и *по поводу* для выражения валентности Стимула. Ср. *грустить* (огорчаться, расстраиваться) *из-за ее отъезда; печалиться* (тосковать) *от разлуки; унывать из-за того, что ничего не получается*, а также:

- (7) *Мама продолжала по-прежнему любить дедушку и горевала от его к ней охлаждения* (Е. П. Штейнгель. Воспоминание о деде моем Федоре Петровиче Толстом и матери моей Марии Федоровне Каменской (1929)).
- (8) *Первые три дня душа очень скорбит от разлуки с телом и скитается, как бесприютная птица* (И. С. Шмелев. Лето Господне (1927—1944)).

При этом для каких-то глаголов причинное выражение валентности Стимула является характерным, а для каких-то — окказиональным. Наиболее характерно оно для глагола *расстраиваться*, у которого оно состав-

¹² О феномене синкретичного выражения валентностей на примере валентностей инструмента и способа см. [Апресян 2010а: 359]. Кроме того, см. [Падучева 2004: 91—95] о семантическом сближении глаголов разных тематических классов на основании наличия общей семантической роли.

¹³ Именно семантическая роль Пациенса является основной для данной конструкции: верхушку ее лексической сочетаемости составляет предикат *работать над чем-л.* (около 350 тыс. вхождений по RuTenTen), а также глаголы *смеяться* и *издеваться* (около 100 тыс. вхождений).

ляет по данным Основного корпуса НКРЯ больше 40 % всех реализаций с предлогами (109 от 234) и, в меньшей мере, *огорчаться*, у которого оно составляет больше 30 % от всех реализаций с предлогами (47 от 139). Ср. *расстраиваться из-за всякой ерунды* ⟨*по пустякам*⟩, *огорчаться из-за критики* ⟨*по любому поводу*⟩.

Отметим, что *по поводу* может употребляться как в причинном значении, так и в значении темы, особенно в контексте глаголов речи. Употребление *по поводу* со *злорадствовать*, обсуждавшееся выше, похоже на употребление с глаголами речи; ср. *открыто злорадствовать по ее поводу* ‘открыто делать злорадные замечания по ее поводу’. Между тем употребление *по поводу* с *огорчаться* и *расстраиваться* профилирует причинный компонент значения в этом предлоге.

Для глагола *огорчаться* также возможна дативная модель управления, окрашенная семантикой Адресата, хотя в меньшей степени, чем для глагола *радоваться*: у *огорчаться* дативные вхождения составляют около 10 % от всех употреблений по данным НКРЯ. *Огорчаться* с дативной МУ так же, как и *радоваться*, описывает реакции на только что произошедшие или актуально происходящие события, часто непосредственно воспринимаемые Экспериенцером, отчего все эмоциональное событие метафоризируется как встреча Экспериенцера и Стимула: *Она огорчилась своей неудаче* (*проигрышу*), но не **Она огорчилась глобальному потеплению*. Однако открыто направленное на Стимул выражение эмоции для кластера ‘ГРУСТЬ’ значительно менее характерно, чем для кластера ‘РАДОСТЬ’. С этим можно связать меньшую окрашенность роли Стимула семантикой Адресата у *огорчаться* и меньшую частотность дативной МУ у этого глагола.

Для *грустить*, *печалиться*, *тосковать*, *горевать* и *скорбеть* частотно выражение валентности Стимула с предлогами *о* и *по*: *грустить* ⟨*печалиться*, *тосковать*, *горевать* и *скорбеть*⟩ *о любимом* ⟨*по любимому*⟩. Можно объяснить эти особенности МУ следующим образом.

Во-первых, эти глаголы обозначают достаточно длительные эмоции, которые могут возникать каждый раз при **мысли** о Стимуле. Поэтому для них характерно управление с предлогом *о*, часто используемое для выражения валентности содержания у ментальных глаголов и глаголов речи; ср. *говорить о делах*, *думать о бесперспективности сопротивления*¹⁴. Таким образом, у них валентность Стимула может обогащаться семантической ролью **Содержания**.

Интересно, что эта МУ возможна также для устаревших или религиозных употреблений глагола *радоваться* в значении духовной ‘РАДОСТИ’: *радоваться о Господе*; ср. странность ^{??}*радоваться Господу* (это бы указывало на непосредственную встречу). Вообще, в современном языке кон-

¹⁴ Глаголы речи *говорить* и *рассказывать* составляют более 2,2 млн вхождений с конструкцией с предлогом *о* по RuTenTen, ментальный глагол *думать* – более 400 тыс. вхождений.

струкция с *о* в сочетании с *радоваться* предполагает родовой статус ситуации, а конструкция с дативом — конкретно-референтный: ср. *В праздник Пасхи мы радуемся о нашем спасении* (родовой статус, содержание) vs. странность *В праздник Пасхи мы радуемся нашему спасению*, при естественности *Мы очень радовались нашему чудесному спасению от преследователей* (конкретно-референтный статус, событие).

Возвращаясь к кластеру ‘ГРУСТЬ’, выражение с предлогом *о* и особенно предлогом *по* в сочетании с существительным со значением лица типично в русском языке для выражения роли того, что можно назвать **желаемым и недостижимым объектом эмоционального обладания**; ср. *сохнуть по кому-л.* ⟨*о ком-л.*⟩, *страдать по кому-л.* ⟨*о ком-л.*⟩, *скучать по кому-л.* ⟨*о ком-л.*⟩, *истосковаться по кому-л.*, *изголодаться по чему-л.* В той мере, в которой Стимулом эмоции является невозможность соединения (в силу расстояния, смерти или других причин) с любимым человеком, перечисленные глаголы допускают или предпочитают эти модели управления. Для *горевать* и *скорбеть* данные МУ являются предпочтительными: у *горевать* они составляют более 60 % от всех предложных сочетаний (*о* — 193 вхождения, *по* — 44 вхождения из 385 вхождений с предлогом), у *скорбеть* — около 60 % (*о* — 327, *по* — 96 из 712 вхождений с предлогом).

Для краткосрочных видов ‘ГРУСТИ’, не предполагающих невозможности соединения с любимым человеком, такая МУ невозможна: **огорчаться* ⟨*расстраиваться*⟩ *по уехавшей подруге* (при возможности *огорчаться/расстраиваться, что подруга уехала*).

Кроме того, глаголы *горевать* и *скорбеть* допускают выражение с предлогом *над*, характерное не только для семантической роли Пациенса недружелюбного речевого действия (*насмехаться над*), но и для роли Места (*над рекой*): *горевать над убитыми*; *Пьета — это изображение Богородицы, скорбящей над снятым с креста сыном* (С. А. Еремеева. Лекции по истории искусства (1999)). Неожиданный на первый взгляд локативный компонент легко объясним: прототипический Стимул *горевать* и *скорбеть* — чья-то смерть, и *горевать* ⟨*скорбеть*⟩ *над кем-либо* прототипически описывают Экспериенцера, плачущего над чьим-то лежащим мертвым телом.

Как и для глаголов кластера ‘РАДОСТЬ’, для глаголов кластера ‘ГРУСТЬ’ возможно выражение роли ситуации-Стимула при помощи *что*-предложения.

2.2. Эмоции-отношения, вызванные поступками

Если эмоции кластеров ‘РАДОСТЬ’ и особенно ‘ГРУСТЬ’ — в первую очередь реакции на события, то эмоции кластеров ‘ГНЕВ’, ‘ОБИДА’ и ‘БЛАГОДАРНОСТЬ’ — в первую очередь реакции на поступки. Они обычно возникают не в результате некоторых деперсонализированных событий, а в результате того, что конкретные люди совершают конкретные поступки. Возникающая в результате поступка эмоция и запускает даль-

нейшую эмоционально-волевую реакцию, направленную уже на человека, совершившего поступок. Соответственно, валентность Стимула у них расщепляется на две: действие-Стимул и Объект эмоции — человек, совершивший действие; ср. их описание в работе [Апресян 2004]¹⁵.

Общей чертой обеих групп является выражение валентности Стимула предложно-именной группой с предлогом *за*, что характерно для ситуаций позитивной или негативной компенсации (*заплатить за дом, вычесть за ущерб*), а также ситуаций награды и наказания, где *за* вводит валентность поступка (*наградить за подвиг, наказать за преступление*). Желания Экспериментера по отношению к человеку в этой группе эмоций вызваны характером поступка. Эмоции, вызванные плохими поступками, порождают желание мести и наказания, а эмоции, вызванные хорошими поступками, — желание наградить.

Для обеих групп возможно также выражение ситуации-Стимула *что*-предложением: *сердиться* *⟨обижаться⟩*, *что она не пришла; Очень вам благодарен, что вы нас не забыли и пожаловали, не побрезгали!* (А. П. Чехов. Свадьба (1889)).

Однако валентность человека-Объекта в этих двух группах устроена несимметрично, что отражается в разных МУ глаголов эмоции.

2.2.1. Эмоции-отношения, вызванные хорошими поступками

В эту группу входит единственный кластер — ‘БЛАГОДАРНОСТЬ’. Глагольное выражение эмоции в современном языке отсутствует: *благодарить* — чисто речевой акт.

У существительного *благодарность* и прилагательного *благодарный* (устаревший глагол *благодарствовать* в рамках данной работы не рассматривается) валентность человека, совершившего поступок, вызвавший признательность Экспериментера, выражается дативом: *благодарность* *⟨благодарный⟩ кому-л.*, что указывает на семантическую роль Адресата. Это естественно: для благодарности типично речевое выражение, предполагающее именно эту семантическую роль. Частота датива с прилагательным *благодарный* в краткой форме в функции предикатива составляет 36 % (1836 вхождений с дативом от 5052 общих вхождений в краткой форме).

2.2.2. Эмоции-отношения, вызванные плохими поступками

В эту группу входят кластеры ‘ГНЕВ’ и ‘ОБИДА’. Основная МУ в этих кластерах — с предлогом *на*, вида *сердиться* *⟨обижаться⟩ на кого-л.* или *что-л.* По данным НКРЯ, для основного глагола *сердиться* из кластера

¹⁵ О выделении лица, вызывающего эмоцию, в отдельного участника ситуации у каузативного глагола *рассердить* см. также [Падучева 2004: 292].

‘ГНЕВ’ эта МУ составляет около 85 процентов от всех предложных употреблений (1813 вхождений с *на* из 2141 предложных вхождений *сердиться*). На выражение действия-Стимула с предлогами *за* и *по* (*сердиться за халтуру, сердиться по пустякам*) приходится не более 9 % от всех предложных вхождений (180 для *за*, 11 для *по*).

При этом предлог *на* в большинстве случаев (более 90 % по данным НКРЯ для глагола *сердиться*) сочетается с существительным, обозначающим лицо, с местоимением-существительным или с именем собственным, т. е. выражает валентность Объекта эмоции. Метонимические реализации с указанием действия-Стимула вида *сердиться на его непонятливость* составляют около 10 %. Похожие данные по НКРЯ дает и другой центральный глагол этого кластера — *злиться*: *злиться на* составляет 82 % от всех употреблений этого глагола с предлогами (552 вхождения с *на*, 20 с *за*, 6 с *по* из 670 общих «предложных» вхождений), из них более 90 % с именами лиц и местоимениями-существительными.

Для основного глагола кластера ‘ОБИДА’ *обижаться* картина также сходная: МУ с преимущественным выражением Объекта *обижаться на* составляет, по данным НКРЯ, 81 % от всех предложных вхождений этого глагола (586 от 724), а МУ с выражением действия-Стимула вида *обижаться за резкие слова, обижаться по пустякам* — около 8 % (53 для *за*, 8 для *по*). Глагол *дуться* из этого кластера, описывающий поведение, вызванное обидой, также имеет МУ с предлогом *на*: *Она целую неделю на меня дулась*.

При этом, по данным НКРЯ, предлог *на* в большинстве случаев (не менее 90 %) сочетается с названием лица (*обижаться на жену*), именем собственным (*обижаться на Васю*), местоимением-существительным (*обижаться на нее*), собирательным обозначением официального лица (*обижаться на правительство*), а также персонифицированными обозначениями неодушевленных объектов (*Так ребенок обижается на стул, о который он спотыкается*).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что глаголы данных двух кластеров профилируют именно Объект эмоции — **человека**, на которого она направлена, а его поступок уходит в тень, сыграв роль Стимула и «запустив» эмоцию, которая потом начинает развиваться самостоятельно.

В этом состоит их принципиальное отличие от эмоций, вызываемых событиями, т. е. от эмоций кластеров ‘ГРУСТИ’ и ‘РАДОСТИ’. Даже если эмоции типа *радоваться* и *огорчаться* вызываются какими-то поступками человека, а не неподконтрольными ему событиями, триггер эмоции у них — сам поступок. В эмоциях кластеров ‘ГНЕВ’ и ‘ОБИДА’ эмоция переносится с первоначально вызвавшего ее поступка на совершившего этот поступок человека. Поэтому эмоция продолжает «подпитываться» уже от этого Стимула: сам поступок может утратить свою актуальность, а человек продолжает *злиться, сердиться, обижаться*; ср. *Ну сколько можно сердиться (злиться, обижаться)!*

При всех своих сходствах, кластеры 'ГНЕВ' и 'ОБИДА' несколько различаются. 'ОБИДА' менее «разборчива» в выборе объекта эмоции. Помимо людей, Экспериенцеры могут *обижаться* на все, что в принципе можно персонифицировать как источник несправедливости и перед чем Экспериенцер осознает себя бессильным — на правительство, страну, жизнь, судьбу, попавший под ноги стул и т. п. (о роли несправедливости в чувстве *обиды* см. [Зализняк 2006]).

Каким образом можно объяснить выбор именно модели с *на* для выражения профилируемой валентности человека-Объекта эмоции? Предложенная модель с *на* в русском языке характерна, среди прочего, для роли Пациенса¹⁶ агрессивных физических действий, связанных с резким перемещением Агенса в сторону Пациенса (ср. *наброситься на кого-л., накинуться на кого-л.*)¹⁷. При помещении глаголов со значением громкой речи в эту конструкцию, они приобретают значение агрессивного речевого действия: *кричать на кого-л., орать на кого-л.*, так как конструкция передает идею агрессии. Помещение в нее глаголов других семантических классов окрашивает их интерпретацию по механизму coercion [Goldberg 2006]. Ср. следующий игровой пример детской речи (Иосиф Г., 10 лет), где обыгрывается «гневная» семантика данной конструкции:

(9) *Мама, ну что ты так на меня вздыхаешь? Что у меня два за выполнение дневника?*

Неагрессивное действие *вздыхать*, будучи помещено в *на*-конструкцию, интерпретируется как вид некоторой коммуникативной агрессии, вызванной предполагаемым проступком объекта.

Поскольку эмоции кластеров 'ГНЕВ' и 'ОБИДА' часто предполагают желание сделать что-то агрессивное в ответ на проступок Объекта эмоции, желание отомстить ему или наказать его, выбор модели с *на* представляется семантически мотивированным. Таким образом, валентность Объекта эмоции у глаголов двух данных кластеров реализуется, в первую очередь, в семантической роли **Пациенса-Цели**, что весьма естественно.

¹⁶ В некоторых системах семантических ролей эту роль можно назвать — Целью — Goal, Target; в данной работе используется система ролей, предложенная в работе [Апресян 2010а: 370–377], где у глаголов пространственного перемещения усматриваются роли Начальной и Конечной точки. Однако глаголы типа *наброситься* не являются глаголами перемещения в чистом виде, поскольку предполагают физическое воздействие на Конечную точку, которая в данном случае приобретает черты Пациенса.

¹⁷ Ср. похожее наблюдение Ю. Д. Апресяна в [Апресян 2014], где у глагола *бежать* отмечается семантический сдвиг при употреблении в конструкции с *на*: «Суженные употребления в контексте предлога *на* с последующим одушевленным существительным, чаще всего именем человека, в значении 'бежать с целью напасть': *Немцы бегут по полю прямо на нас* (В. Некрасов)».

Интересно, что другие, менее центральные, виды 'ГНЕВА', иным образом распределяют акценты в ситуации. Так, для «праведного гнева», выражаемого глаголами *негодовать* и *возмущаться* (ср. их описание в [Апресян 2004]), в центре внимания находится не столько человек, сколько совершенный им плохой поступок или вызванное им плохое явление. Они не трехвалентны, как глаголы типа *сердиться*, а двухвалентны, как глаголы кластеров 'РАДОСТЬ' и 'ГРУСТЬ': у них нет валентности Объекта эмоции, а есть только валентность Стимула. Желания Экспериментера у этих глаголов связаны не с идеей мести, а с идеей восстановления справедливости. Оба глагола сочетаются с адverbialsми типа *громко*, *бурно*, *шумно*, указывающими на преимущественно словесное выражение эмоции.

По модели управления *возмущаться* напоминает *восторгаться* и *восхищаться* (глаголы из кластера 'РАДОСТЬ', также часто предполагающие речевое выражение¹⁸). Оба глагола преимущественно управляют творительным падежом со значением Стимула, который одновременно является **Темой** или **Содержанием** речевого акта. У *восторгаться* такие употребления составляют 45 % от всех вхождений по НКРЯ (468 на 1046), у *возмущаться* 35 % от всех вхождений (685 на 2910). Ср.:

- (10) Редакция «Нового мира» *взахлеб восторгается* «Одним днем Ивана Денисовича» (А. Архангельский. 1962. Послание к Тимофею (2006));
- (11) *Неужели весьма небесталанное, но все же чтиво на одну из самых уважаемых в писательском сообществе премию выдвинули те же люди, что так громко возмущались* недавним присуждением Букера Людмиле Улицкой? (Ю. Рахаева. Живой Аполлон, восставший Антибукер. Литературные премии живут интересной жизнью (2001) // «Известия», 2001.12.21).

Для *возмущаться* возможна также несколько устаревшая МУ с предлогом *против*, особенно если валентность Стимула выражается именем со значением лица. В подобных контекстах актуализируется устаревшее значение глагола *возмущаться* — 'восставать, бунтовать', а валентность Стимула окрашивается семантикой роли **Контрагента** (противника): *Первый раз в жизни владыка земной возмущался против Владыки Небесного* (Д. С. Мережковский. Смерть богов. Юлиан Отступник (1895)).

МУ глагола *негодовать* напоминает МУ речевого глагола *сетовать*: а именно, для валентности Стимула *негодовать* характерно выражение предложно-именной группой с предлогом *на* в значении **Темы** или **Содержания** речевого акта, но не в роли Пациенса (22 % от всех вхождений — 534 от 2432): *Выйдя на сцену, мадам Миронова начинает добродушно сетовать на «очереди» в магазинах* (Г. Горин. Иронические мемуары (1990–1998)) vs. *Князев стоял на краю тротуара и тихо негодовал на пьянчуг* (В. Шукшин. Штрихи к портрету (1973)).

¹⁸ О речевом компоненте у этих глаголов см. [Иорданская 1984: 211, 214; Апресян 2004: 144–147; Падучева 2004: 285].

Для обоих глаголов «праведного гнева» также возможно заполнение валентности Стимула предложно-именной группой с предлогом *по поводу* в значении содержания речевого акта.

Для «гнева-раздражения» МУ с «пациентным» *на* также существенно менее характерна. Хотя для эмоции раздражения достаточно типичен перенос эмоции с раздражающего свойства на его носителя, что особенно заметно в употреблении каузатива *раздражать* (*Он раздражает меня своей тупостью*), это происходит гораздо реже, чем у эмоций типа *сердиться* или *злиться*. *Раздражаться* обозначает душевный дискомфорт, причиняемый Экспериенцеру какими-то неприятными, но не слишком серьезными свойствами людей, объектов или явлений, в котором он, однако, не склонен непременно винить окружающих.

Раздражаться — менее агрессивная и менее направленная эмоция, чем *сердиться* и особенно *злиться*. Экспериенцер *раздражаться* страдает, однако для душевного успокоения он обычно ищет не наказания для Объекта, а устранения контакта с ним: *Вообще Корнев считал, что отец — существующий факт, который надо принимать так, как он есть, ничего здесь не переменить, и лучшее, чтобы не раздражать и не раздражаться, — это избегать с ним всяких лишних разговоров, не идущих к делу* (Н. Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты (1895)). Таким образом, хотя семантическая роль Пациенса-Цели в целом характерна для кластера 'ГНЕВ', она свойственна не всем разновидностям гнева, а только тем, которые связаны с идеей наказания или мести.

В работе [Ovsjannikova 2013] также проводится связь между управлением с *на*, свойственным глаголам гнева, и их семантическими свойствами, причем последние уподобляются по своим семантическим и синтаксическим свойствам глаголам речи: в частности, сближаются глаголы *злиться*, *сердиться*, *гневаться*, а также глаголы *негодовать*, *досадовать*, с одной стороны, и *жаловаться*, *сетовать* — с другой.

Эта трактовка отличается от предлагаемой в данной работе, где семантическое сближение с глаголами речи усматривается только у глагола *негодовать*¹⁹, причем эта близость мотивирована семантически. *Негодовать*, как было показано выше, действительно инкорпорирует черты речевого глагола, поскольку предполагает речевое выражение (*громко негодовать*, *тихо негодовать*) и его МУ объясняется близостью роли Стимула к роли Содержания у речевых глаголов.

Однако сближение *злиться* и *сердиться* с речевыми глаголами не представляется обоснованным. Они указывают не на речевое выражение, а в первую очередь на поведенческие; кстати, в отличие от *негодовать*, они употребляются применительно к животным, не умеющим говорить. *Злиться* и *сердиться*, как это свойственно центральным видам 'ГНЕВА', в той

¹⁹ Глагол *досадовать* не рассматривается среди глаголов гнева, так как он имеет промежуточную между 'ГНЕВОМ' и 'ГРУСТЬЮ' семантику.

или иной степени соотносящимся с базовым, биологическим гневом, предполагают агрессию или ее желание. В этом смысле семантически первичным представляется их сближение именно с глаголами со значением перемещения с целью агрессии типа *наброситься на кого-л.* Более того, «агрессивная» семантика у речевых глаголов *кричать* и *орать* (не упомянутого в цитированной работе) развивается только при помещении их в конструкцию с *на*: она не присуща ни их исходному неречевому значению ‘производить громкие звуки ртом’, ни производному речевому значению ‘громко сообщать что-то’: *Он кричал мне, что непременно вернется.* Глагол *ругаться* также развивает актант Адресата-Пациенса только в разговорных употреблениях с *на*: в исходном значении ‘произносить грубые слова’ он двуактантен (Агенс, Способ): *ругаться неприличными словами.*

Таким образом, пациентная семантика присуща самой конструкции с *на*. Наиболее частотными ее заполнителями являются глаголы со значением изменения типа *влиять на* (более 300 тыс. вхождений по RuTenTen). В сочетании с идеей перемещения у этой конструкции появляется семантика агрессии (глаголы со значением «агрессивного перемещения» типа *наброситься*). С последними семантически сближаются агрессивные типы ‘ГНЕВА’, с одной стороны, и агрессивные речевые действия — с другой.

2.3. Эмоции хорошего отношения, вызванные плохими событиями

Промежуточный класс между событийными эмоциями и эмоциями-отношениями составляет кластер ‘ЖАЛОСТЬ’, где Экспериенцер испытывает нечто хорошее по отношению к Объекту, с которым происходит нечто плохое. В русском языке он представлен глаголами *жалеть*, *сострадать*, *сочувствовать*. Эти глаголы тоже имеют по три семантические валентности — Экспериенцера, Объекта и Стимула. Однако в отличие от эмоций, вызванных поступками, эмоции кластера ‘ЖАЛОСТЬ’ вообще не могут профилировать Стимул или внутреннее состояние Экспериенцера, они всегда профилируют Объект, при том, что для глагола *жалеть* в принципе возможно управление с предлогом *за*, выражающее Стимул: *Все ее жалели за удобу и грустный вид.* Однако употребление без упоминания Объекта, возможное для глаголов *сердиться* и *злиться*, для *жалеть* невозможно: ср. возможность употреблений вида *Он все еще сердится <злится> за эту шалость* (в фокусе внимания Стимул), *Он все еще сердится <злится>* (в фокусе внимания чувства Экспериенцера), при невозможности **Он все еще жалеет за неудавшуюся личную жизнь*, **Он все еще жалеет*.

Глагол *жалеть* обозначает достаточно постоянное отношение и имеет характерную для эмоций-отношений МУ с беспредложным аккузативом: *жалеть кого-л.* (подобно *любить кого-л.*, *ненавидеть кого-л.*). Управление беспредложным аккузативом составляет как минимум 12 % от общего числа вхождений *жалеть* в рассматриваемом значении (1264 от 9937). Из анализа исключены 2909 вхождений *жалеть* с предлогами *о*, *об*, *обо* и с *что*-предложением, которые относятся к другому значению этого глаго-

ла — ‘сожалеть, испытывать нечто плохое от того, что существует нежелательное положение дел’: *Жалею, что мне не довелось с ним познакомиться; Жалею об этом разговоре.*

Глаголы *сочувствовать* и *сострадать* указывают на разделяемое чувство, что объясняет их способность управлять дативом: *сочувствовать кому-л., сострадать кому-л.* Обе эмоции направлены на Объект, однако отношение к Объекту не такое, как в случае с глаголом *жалеть* с его аккумулятивной моделью управления. В ситуации жалости Экспериментер находится в лучшем положении, чем Объект его эмоции. Между тем Экспериментер *сочувствовать* и *сострадать* ставит себя, по крайней мере мысленно, в такое же положение, в каком находится Объект эмоции. Кроме того, обе эмоции, особенно *сочувствовать*, часто сопровождаются речевым актом и, тем самым, предполагают Адресата. Такой структуре значения соответствуют МУ с дативом. У рассматриваемых глаголов они составляют около половины от всех вхождений (2020 от 4278 у *сочувствовать*, 146 от 330 у *сострадать*).

Для глаголов этого кластера невозможно выражение валентности Стимула при помощи *что*-предложения. Управление *жалеть, что...*, как было сказано выше, характерно для другого значения глагола *жалеть* — ‘сожалеть о чем-л.’. Идею Стимула можно выразить целой клаузой, вводимой причинным союзом *потому что*. Однако для подтипа ‘ЖАЛОСТИ’ «разделенное чувство» выражение Стимула предложно-именной группой при самом глаголе невозможно: **сочувствовать <сострадать> Ивану за его несчастья*. Это связано с тем, что у глаголов *сочувствовать* и *сострадать* и валентность Стимула является инкорпорированной: указание на **страдание** Объекта как Стимул чувства — часть лексического значения глаголов.

2.4. Эмоции отношения к себе

Как отмечается в работе [Вежбицкая 1996], этот тип эмоций делится на два подкласса — в зависимости от того, что совершил Экспериментер — хороший или плохой поступок. Таким образом, здесь наблюдается некоторый параллелизм с эмоциями, которые вызываются хорошими или плохими событиями или хорошими или плохими поступками. При этом у эмоций отношения к себе есть важная особенность — это эмоции социальные, ориентированные на других людей. Многие из них практически невозможны без «аудитории», что определяет их семантическую структуру, которая, в свою очередь, оказывает влияние на модель управления.

Для эмоций этого кластера возможно выражение валентности ситуации-Стимула при помощи *что*-предложения: *гордиться (стыдиться), что Y*.

2.4.1. Эмоции хорошего отношения к себе

Эта группа представлена кластером ‘ГОРДОСТЬ’, в первую очередь глаголом *гордиться*. Эмоции данной группы (*гордиться, кичиться, тщеславиться*) трехвалентны: они обладают валентностями Экспериментера, Стимула и Аудитории (*гордиться перед кем-л.*).

При этом Стимулом является какое-то свойство или поступок самого Экспериментера. Валентность Стимула выражается практически исключительно формой творительного падежа: конструкции с творительным составляют в целом более пятидесяти процентов от всех вхождений этих глаголов в Основном корпусе НКРЯ (3595 от 6959 для *гордиться*, 273 от 474 для *кичиться*, 41 от 97 для *тщеславиться*). Употребления с предложно-именной группой *за кого-л., что-л.* в роли Стимула (ср. *гордиться за сына*) носят единичный характер.

Творительный падеж в русском языке — типичный выразитель инструмента. Конструкция с творительным падежом вида *X Y-ует Z-ом*, где *X* — имя лица, *Y* — глагол со значением движения, а *Z* — часть тела или атрибут человека выражает идею привлечения или поддержания чьего-то внимания; ср. *помахивать хвостом, кивать головой, поманить рукой* и пр. Выражение Стимула при *гордиться* при помощи конструкции с творительным легко объяснимо. С одной стороны, Экспериментер ощущает свое свойство, поступок, имущество и пр., которые являются Стимулом эмоции, как свой неотъемлемый атрибут, как часть себя. С другой стороны, эмоции 'ГОРДОСТИ' предполагают желание внимания со стороны окружающих.

Таким образом, употребление глагола *гордиться* в той же конструкции, которая характерна для глаголов движения частью тела (*кивнуть, поманить, подмигнуть*), неудивительно: Экспериментер *гордиться* как бы выставляет напоказ свое положительное свойство или поступок, символически «помахивает» ими для привлечения внимания. В результате роль Стимула у *гордиться* обогащается указанием на то, что Стимул является частью или атрибутом Экспериментера. То же характерно и для глаголов поведения, вызванного гордостью, — *хвалиться, хвастаться, бахвалиться* и пр.

Валентность Аудитории, имеющаяся у глаголов этого кластера, выражается конструкцией с пространственным предлогом *перед*:

- (12) *Он гордился перед дочерью тем, что контролирует себя, следит за своими мыслями* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)).

Такая же модель управления характерна для глаголов, обозначающих разные виды выступлений, ориентированных на аудиторию: *выступить перед большим залом, играть перед новой аудиторией*. В свою очередь, эти глаголы наследуют МУ от глаголов положения в пространстве типа *стоять перед кем-л.*, поскольку указывают на определенное положение Агенса по отношению к аудитории. Это пространственное значение метафорически трансформируется у глаголов со значением эмоции хорошего отношения к себе.

2.4.2. Эмоции плохого отношения к себе

Эта группа представлена кластером 'СТЫД', в первую очередь глаголом *стыдиться*, и отчасти глаголами *смуцаться* и *стесняться*. Эмоции данной группы также трехвалентны, и обладают валентностями Экспериментера, Стимула и Аудитории. При этом Стимулом, как и у глаголов

‘СТЫДА’, является какое-то свойство или поступок самого Экспериенцера. Однако валентность Стимула выражается у слов данной группы преимущественно формой родительного падежа, причем частотность форм, управляющих родительным, пропорциональна важности роли Стимула в значении глагола: 36 % у *стыдиться* (1534 вхождений с генитивом к 4224 общим вхождениям *стыдиться*), 18 % у *смуцаться* (1070 к 5999), 11 % у *стесняться* (257 на 2386). Генитив — это в основном приименной падеж; вообще основные значения генитива — субъектные, объектные, косвенная функция — причинная [ср. Топоров 2004: 155—156], что вполне согласуется с МУ глаголов кластера ‘СТЫД’, где валентность Стимула окрашена причинной семантикой. Отсутствие МУ с творительным связано с тем, что Экспериенцер ‘СТЫДА’, в отличие от Экспериенцера ‘ГОРДОСТИ’, не заинтересован в привлечении внимания Аудитории.

Стыдиться всегда предполагает некоторый Стимул. В первую очередь это моральный стыд, вызванный совершением плохого поступка, который обозначается именной группой в родительном падеже. Эмоции *смуцаться* и *стесняться* тоже могут иметь Стимул, однако чаще объясняются особенностями характера Экспериенцера, склонного испытывать неловкость в присутствии других людей. Поэтому для них в большей мере характерно абсолютное употребление, редкое для *стыдиться*. Ср. *Она все время смущается, Она стесняется при посторонних* при крайней нестандартности ²⁰ *Она все время стыдится (при посторонних)*. Особенно это характерно для *стесняться*; ср. дериват со значением постоянного свойства *застенчивый* в значении ‘такой, который часто стесняется’. Встречающиеся в текстах употребления с творительным падежом вида *стыдиться своим счастьем* носят окказиональный характер или устарели; ср.:

- (13) *Мальчик был счастлив, и мальчик мучался и стыдился счастьем* (Г. Щербакова. Мальчик и девочка (2001));
- (14) *Она не стыдится тем, что меня любит; она тщеславится сею любовью и готова всегда меня в том уверить* (М. В. Сушков. Российский Вертер (1801)).

Как и у глаголов кластера ‘ГОРДОСТЬ’, валентность Аудитории выражается у глаголов кластера ‘СТЫД’ группой с предлогом *перед*: *стыдиться (смуцаться, стесняться) перед кем-л.*

2.5. Эмоции ожидания

В эту группу входят кластеры ‘СТРАХ’ и ‘НАДЕЖДА’. Всем остальным группам эти эмоции противопоставлены в первую очередь по признаку фактивности-путативности²⁰. Большая часть эмоций типа страха возни-

²⁰ Подробный анализ предикатов *бояться* и *надеяться* в разных значениях, а также замечания об их семантической асимметричности см. в работе [Зализняк 2006: 530—556].

кает **после** того, как нечто произойдет, отчего обозначающие их языковые средства приобретают свойство фактивности. Однако многие эмоции этого кластера возникают **в ожидании** того, что нечто может произойти. В результате обозначающие их языковые средства приобретают свойство путативности.

В кластере 'СТРАХ' есть эмоции, возникающие «по факту»: «мгновенный страх» — *пугаться*, «сильный страх» — *ужасаться* и некоторые другие. Кроме того, некоторые средства выражения страха (*страшно*, *бояться*) могут иметь и фактивные, и путативные употребления (подробно см. выше).

В кластере 'НАДЕЖДА' «фактивных» эмоций нет: *надеяться*, и *уповать* относятся исключительно к будущему (см. их описание в [Апресян 2004]).

Для многих глаголов обоих кластеров характерна МУ с *что*-предложением: *бояться* ⟨*тревожиться*, *беспокоиться*, *надеяться*⟩, *что*.

Из предложных МУ в кластере 'НАДЕЖДА' представлена только МУ с предлогом *на* (*надеяться на*, *уповать на*), что может иметь этимологическое объяснение: Фасмер возводит слово *надежда* к праславянскому *na-dedja* от *na* и *detj* 'класть'. То же касается и близкого им глагола *полагаться на что-л.*, демонстрирующего аналогичный семантический переход от перемещения объекта в пространстве к определенному типу ментального отношения.

В кластере 'СТРАХ' представлены разные МУ, соответствующие разным типам 'СТРАХА'. Наиболее распространена МУ с генитивом, выражающим достаточно обобщенную синкретичную объектно-причинную семантику: *бояться мышей*, *бояться его прихода*. Она составляет не менее 23 % всех употреблений *бояться* (14684 от 64390).

Для «объектных» типов 'СТРАХА' типа *волноваться*, *беспокоиться*, *тревожиться*, *бояться* характерна конструкция с предлогом *за*, а для первых трех глаголов — также с предлогом *о*: *волноваться* ⟨*беспокоиться*, *тревожиться*⟩ *о сыне*.

Конструкция с предлогом *о*, характерная для выражения роли темы или содержания у ментальных глаголов, в данном кластере выражает синкретичную валентность Стимула-Темы.

Конструкция с *за* типична для выражения несобственных эмоций (*радоваться за кого-л.*), и обозначает объект чувства: *Я тебя люблю всей душой и бесконечно тревожусь за тебя и Сашеньку* (А. Терехов. Каменный мост (1997—2008)).

Стимул в подобных употреблениях практически инкорпорирован и не может выражаться одновременно со значением Объекта: *Я тревожусь* ⟨*боюсь*, *беспокоюсь*, *волнуюсь*⟩ *за Сашеньку* ≡ 'думаю, что с Сашенькой произойдет что-то плохое', при невозможности **Я тревожусь* ⟨*боюсь*, *беспокоюсь*, *волнуюсь*⟩ *за Сашеньку, что она заболевает*.

Разница между на первый взгляд близкими МУ с *о* и *за* (ср. мало противопоставленные *беспокоиться за дочь* и *беспокоиться о дочери*) ярко видна в следующей контрастной паре:

- (15) *Все беспокоятся о беспризорниках и в то же время сторонятся их* (Престиж золотой середины (2002) // «Культура», 2002.04.08)

vs.

- (16) *Родители никогда не бывают спокойны за своих детей, но они беспокоились за Генриха — военный лётчик!* (А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)).

Поскольку группа *с за* заполняет валентность Объекта, а группа *с о* — валентность Стимула-Темы, *за* обычно сочетается с именами лиц, что обязательно для *о*; ср. *вечно о чем-то беспокоиться, беспокоиться о выживании*. Кроме того, если предлог управляет именем лица, управление *с за* вводит указание на более близкие отношения между Экспериментером и этим лицом, чем предлог *о*, поэтому в примере выше невозможно заменить *о* на *за*: ср. прагматическую странность ⁷³ *Все беспокоятся за беспризорников и в то же время сторонятся их*.

Доля управления предложно-именной группой вида *за кого-л., что-л.* составляет 1,5 % для *бояться* (1090 употреблений из 64390 общих вхождений *бояться*), 7 % для *беспокоиться* (551 из 7647), 4,5 % для *тревожиться* (66 из 1464), 2,2 % для *волноваться* (247 из 11028). Доля управлений предложно-именными группами вида *о, об, обо* — 5,5 % для *беспокоиться* (433 из 7647), 5,3 % для *тревожиться* (79 из 1464), 0,4 % для *волноваться* (48 из 11028).

Это распределение отражает, во-первых, разную долю значения ‘чувствовать что-то плохое, думая, что с кем-то может произойти что-то плохое’ в полисемичных семантических структурах глаголов *бояться, тревожиться, беспокоиться, волноваться*. Во-вторых, оно отражает разную долю употреблений, профилирующих Объект чувства (*за кого-, что-л.*), и употреблений, профилирующих Стимул-Тему чувства (*о ком-, чем-л.*). Для *бояться* употребление *с о* практически невозможно, т. е. в этом значении Стимул не профилируется; у *беспокоиться* и *тревожиться* — примерно равное количество употреблений обоих типов; для *волноваться* существенно более характерно профилирование Объекта, чем Стимула.

Для «статусного страха» (*трепетать, дрожать, благоговеть*) характерна МУ с пространственным предлогом *перед*, в своих переносных значениях описывающим местоположение меньшего ориентируемого Объекта относительно большего Объекта-ориентира (ср. *figure* и *ground* в [Talmy 2000]): ср. *скамейка стояла перед домом*, но не **дом стоял перед скамейкой*. Выбор предлога *перед* при глаголах *трепетать, дрожать, благоговеть* семантически мотивирован идеей разных статусов у Экспериментера и Стимула этого типа страха.

3. Заключение

В заключение можно сказать, что семантическая структура глаголов со значением эмоций оказывается существенно более разнообразной, чем это

предполагается в традиционных описаниях, устанавливающих для них две семантические роли — Экспериенцера и Стимула. У некоторых эмоций семантическая структура трехвалентная, и помимо Экспериенцера и Стимула, они имеют валентность Объекта эмоции. Роль Стимула при перцептивных глаголах в русском языке принципиально иная в семантическом и синтаксическом отношении, чем при эмотивных глаголах. Стимулы у перцептивных состояний семантически и синтаксически сближаются с Объектами (Theme в некоторых инвентарях семантических ролей). У эмотивных глаголов отсутствует стандартный синтаксический способ оформления роли Стимула, а семантика Стимула может окрашиваться семантикой Места, Адресата, Пациенса, Части. Разброс в наборах семантических ролей и моделей управления у эмотивных глаголов обусловлен различными онтологическими свойствами разных типов эмоций. Изучение частотных распределений разных МУ у глаголов эмоций позволяет обнаружить синкретичные роли на месте валентности Стимула эмоции, что должно отражаться в толкованиях слов-эмоций и в целом — в лексикографических описаниях глаголов со значением эмоций. В частности, были обнаружены следующие корреляции между семантикой эмотивных глаголов и их моделью управления.

Дативная модель управления у валентности Стимула характерна для глаголов *радоваться, огорчаться, сочувствовать, сострадать* и для прилагательного *благодарный*, что объясняется наличием в их значениях адресатной семантики.

Для глагола *злорадствовать*, часто предполагающего открытое выражение недоброжелательности в адрес Стимула, возможна МУ с предлогом *над*, характерная для роли Пациенса у глаголов насмешки.

Глагол *блаженствовать*, типичный Стимул для которого — какое-либо комфортное состояние или приятное действие, обычно управляет локативной предложно-именной группой или конструкцией с деепричастием.

Для некоторых глаголов кластера ‘ГРУСТЬ’ (*грустить, печалиться, тосковать, горевать и скорбеть*) частотно выражение валентности Стимула с предлогами *о* и *по*, что объясняется, с одной стороны, их близостью ментальным состояниям, а с другой — указанием на желаемый и недостижимый объект эмоционального обладания.

Кроме того, глаголы *горевать* и *скорбеть* допускают выражение с предлогом *над*, характерное для роли Места.

Для «агрессивных» глаголов ‘ГНЕВА’ и ‘ОБИДЫ’ характерна МУ с предлогом *на*, типичная для синтетической роли Пациенса-Цели агрессивных физических действий, связанных с резким перемещением Агенса в сторону Пациенса-Цели.

Для глаголов хорошего отношения к себе (‘ГОРДОСТЬ’) характерна МУ с творительным падежом, типичная для глаголов привлечения внимания при помощи части тела или какого-либо инструмента.

Описание семантических ролей эмотивных глаголов как синкретичных позволяет, с одной стороны, отразить и объяснить семантические различия

между различными синтаксическими способами оформления валентностей, а с другой стороны — уловить то общее, что сохраняется в семантике роли даже при разных синтаксических оформлениях.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.

Апресян 2004 — Ю. Д. Апресян. Словарные статьи НАДЕЯТЬСЯ, ВОСХИЩАТЬСЯ, СЕРДИТЬ, СЕРДИТЬСЯ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и дополн. / Под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна. Авторы: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон и др. М., 2004.

Апресян и др. 2004 — Ю. Д. Апресян, Л. Л. Иомдин, А. В. Санников, В. Г. Сизов. Семантическая разметка в глубоко аннотированном корпусе русского языка // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2004». СПб., 2004. С. 41—54.

Апресян 2005 — Ю. Д. Апресян. О Московской семантической школе. ВЯ. № 1. 2005. С. 3—30.

Апресян 2010a — Ю. Д. Апресян. Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект // Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2010. С. 281—380.

Апресян 2010b — Ю. Д. Апресян. Семантические основы глагольного управления: лексикографический аспект // Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти Владимира Петровича Неद्याлкова. М., 2010. С. 27—36.

Апресян 2014 — Ю. Д. Апресян. Статья БЕЖАТЬ // АС 2014.

Арутюнова 1988 — Н. Д. Арутюнова. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

АС 2014 — В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. А. Лопухина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Активный словарь русского языка. Тт. 1—2: А—Г / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М., 2014.

Богуславский 1996 — И. М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.

Вежбицкая 1996 — А. Вежбицкая. Язык, культура, познание. М., 1996.

Зализняк 2006 — Анна А. Зализняк. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

Иорданская 1970 — Л. Н. Иорданская. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1970. Вып. 13. С. 3—26.

Иорданская 1984 — Л. Н. Иорданская. Словарные статьи ВОСХИЩАТЬСЯ и ВОСТОРГАТЬСЯ // И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.

Кибрик 2004 — А. Е. Кибрик. Когнитивное разнообразие предикатно-аргументных структур и языковые стратегии их унификации // Международный

симпозиум «Типология аргументной структуры и синтаксических отношений». Казань, 2004. С. 16—19.

Курилович 1962 — Е. Курилович. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 175—203.

Мельчук 1974 — И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.

НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и дополн. / Под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна. Авторы: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон и др. М., 2004.

Овсянникова 2013 — М. А. Овсянникова. Особенности употребления возвратных и переходных глаголов эмоций в русском языке // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сб. материалов конференции 9—12 апреля 2013 г. СПб., 2013. С. 205—213.

Падучева 2001 — Е. В. Падучева. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Рус. яз. в науч. осв. 2001. № 1. С. 52—79.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Пазельская 2005 — А. Г. Пазельская. Валентные свойства русских отглагольных имен эмоций // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2005». С. 401—406.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. М., 2011.

ТКС 1984 — И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.

Топоров 2004 — В. Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике. В 4-х тт. М., 2004—2010. Т. 1. Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2004.

Якобсон 1985 — Р. О. Якобсон. К общему учению о падеже // Р. О. Якобсон. Избранные работы. Пер. с англ., нем., франц. М. 1985.

Apresjan 2013 — V. Apresjan. Corpus methods in pragmatics: the case of English and Russian emotions // *Intercultural Pragmatics*. Vol. 10. № 4. P. 533—568.

Belletti, Rizzi 1988 — A. Belletti, L. Rizzi. Psych verbs and theta-theory // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 6. № 3. 1988.

Benešova et al. 2008 — V. Benešova, M. Lopatková, K. Hrstková. Enhancing Czech Valency Lexicon with Semantic Information from FrameNet: The Case of Communication Verbs // J. Webster, N. Ide and A. Chengyu Fang, eds. *Proceedings of the First International Conference on Global Interoperability for Language Resources (ICGL 2008)*. P. 18—25.

Bentin, Carmel 2002 — S. Bentin, D. Carmel. Accounts for the N170 face-effect: a reply to Rossion, Curran, & Gauthier // *Cognition* 85. 2002. Pp. 197—202.

Croft 1986 — W. Croft. Surface subject choice of mental verbs. Paper presented at the Annual Meeting of the Linguistic Society of America. New York, 1986.

Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic Proto-Roles and Argument Selection. *Language*. Vol. 67. № 3. 1991. P. 547—619.

Ekman 1999 — P. Ekman. Basic emotions // T. Dalgleish, M. Power (eds.). *Handbook of cognition and emotion*. Sussex, 1999.

Fillmore 1968 — C. Fillmore. The Case for Case. In Bach and Harms (Ed.): *Universals in Linguistic Theory*. New York, 1968. P. 1—88.

- Fillmore et al. 1988 — C. Fillmore, P. Kay, C. O'Connor. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of *let alone*. *Language*. 502 (64, 3). 1988. P. 501—538.
- Goldberg 1995 — A. Goldberg. *Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure*. Chicago, 1995.
- Iordanskaja, Mel'čuk 1990 — L. Iordanskaja, I. Mel'čuk. Semantics of two emotion verbs in Russian: *bojat'sja* «to be afraid» and *nadejat'sja* «to hope» // *Australian Journal of Linguistics*. 1990. Vol. 10. № 2. P. 307—357.
- Klein, Kutscher 2002 — K. Klein, S. Kutscher. Psych-verbs and Lexical Economy // Working papers “Theorie des Lexikons”. 122. 2002.
- Kövecses 2000 — Z. Kövecses. *Metaphor and Emotion*. Cambridge University Press, 2000.
- Lakoff, Johnson, 1980 — G. Lakoff, M. Johnson. *Metaphors we live by*. Chicago; London, 1980.
- LeDoux 1998 — J. LeDoux. *The Emotional Brain*. New York, 1998.
- Oatley, Johnson-Laird 1987 — K. Oatley, P. N. Johnson-Laird. Towards a cognitive theory of emotions // *Cognition and Emotion*. 1987. № 1.
- Ovsjannikova 2013 — M. Ovsjannikova. Encoding and semantic properties of stimulus in Russian: verbs of anger and beyond. *Russian Linguistics* 37 (1). 2013. P. 21—33.
- Reinhart 2002 — T. Reinhart. The Theta System: An Overview // *Theoretical Linguistics* 28 (3), 2002. P. 229—290.
- Pesetsky 1994 — D. Pesetsky. *Zero Syntax*. MIT Press, 1994.
- Talmy 1985 — L. Talmy. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // T. Shopen (Ed.), *Language typology and syntactic description*. Vol. III. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge, 1985. P. 57—149.
- Wierzbicka 1980 — A. Wierzbicka. *The Case for Surface Case*. Ann Arbor, 1980.
- Wierzbicka 1988 — A. Wierzbicka. *The Semantics of Grammar*. Amsterdam, 1988.
- Wierzbicka 1999 — A. Wierzbicka. *Emotions across languages and cultures*. Cambridge, 1999.
- Zeki et al. 1991 — S. Zeki, J. D. Watson, C. J. Lueck, K. J. Friston, C. Kennard, R. S. Frackowiak. A direct demonstration of functional specialization in human visual cortex // *J. Neurosci.* March 11 (3), 1991. P. 641—649.

References

- Apresjan 2013 — V. Apresjan. Corpus methods in pragmatics: the case of English and Russian emotions // *Intercultural Pragmatics*. Vol. 10. № 4. P. 533—568.
- Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. *Izbrannye trudy*. T. 1. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Moskva, 1995.
- Apresyan 2004 — Yu. D. Apresyan. *Slovarnye stat'i NADEYAT'SYA, VOSKHISHCHAT'SYA, SERDIT', SERDIT'SYA* // *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka*. 2-e izd., ispr. i dopoln. / Pod obshchim rukovodstvom akademika Yu. D. Apresyana. Avtory: V. Yu. Apresyan, Yu. D. Apresyan, O. Yu. Boguslavskaya, T. V. Krylova, I. B. Levontina, E. V. Uryson i dr. Moskva, 2004.

Apresyan 2005 — Yu. D. Apresyan. O Moskovskoy semanticheskoy shkole. *Voprosy yazykoznanija*. № 1. 2005. S. 3—30.

Apresyan 2010a — Yu. D. Apresyan. *Trekhurovnevaya teoriya upravleniya: leksikograficheskiy aspekt// Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: vzaimodeystvie grammatiki i slovyar'ya* / Pod red. Yu. D. Apresyana. Moskva, 2010. S. 281—380.

Apresyan 2010b — Yu. D. Apresyan. *Semanticheskie osnovy glagol'nogo upravleniya: leksikograficheskiy aspekt // Problemy grammatiki i tipologii*. Sbornik statey pamyati Vladimira Petrovicha Nedyalkova. Moskva, 2010. S. 27—36.

Apresyan 2014 — Yu. D. Apresyan. *Stat'ya BEZHAT' // AS 2014*.

Apresyan i dr. 2004 — Yu. D. Apresyan, L. L. Iomdin, A. V. Sannikov, V. G. Sizov. *Semanticheskaya razmetka v gluboko annotirovannom korpuse russkogo yazyka // Trudy mezhdunarodnoy konferencii «Korpusnaya lingvistika — 2004»*. St.-Peterburg, 2004. S. 41—54.

Arutyunova 1988 — N. D. Arutyunova. *Tipy yazykovykh znacheniy: Ocenka. Sobytie. Fakt*. Moskva, 1988.

AS 2014 — V. Yu. Apresyan, Yu. D. Apresyan, E. E. Babaeva, O. Yu. Boguslavskaya, I. V. Galaktionova, M. Ya. Glovinskaya, B. L. Iomdin, T. V. Krylova, I. B. Levontina, A. A. Lopukhina, A. V. Ptencova, A. V. Sannikov, E. V. Uryson. *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka*. Tt. 1—2: A—G / Otv. red. akad. Yu. D. Apresyan. Moskva, 2014.

Belletti, Rizzi 1988 — A. Belletti, L. Rizzi. *Psych verbs and theta-theory // Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 6. № 3. 1988.

Benešova et al. 2008 — V. Benešova, M. Lopatková, K. Hrstková. *Enhancing Czech Valency Lexicon with Semantic Information from FrameNet: The Case of Communication Verbs // J. Webster, N. Ide and A. Chengyu Fang, eds. Proceedings of the First International Conference on Global Interoperability for Language Resources (ICGL 2008)*. P. 18—25.

Bentin, Carmel 2002 — S. Bentin, D. Carmel. *Accounts for the N170 face-effect: a reply to Rossion, Curran, & Gauthier // Cognition* 85. 2002. Pp. 197—202.

Boguslavskiy 1996 — I. M. Boguslavskiy. *Sfera deystviya leksicheskikh edinic*. Moskva, 1996.

Croft 1986 — W. Croft. *Surface subject choice of mental verbs*. Paper presented at the Annual Meeting of the Linguistic Society of America, New York, 1986.

Dowty 1991 — D. Dowty. *Thematic Proto-Roles and Argument Selection*. *Language*. Vol. 67. № 3. 1991. P. 547—619.

Ekman 1999 — P. Ekman. *Basic emotions // T. Dalgleish, M. Power (eds.). Handbook of cognition and emotion*. Sussex, 1999.

Fillmore 1968 — C. Fillmore. *The Case for Case*. In Bach and Harms (Ed.): *Universals in Linguistic Theory*. New York, 1968. P. 1—88.

Fillmore et al. 1988 — C. Fillmore, P. Kay, C. O'Connor. *Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of let alone*. *Language*. 502 (64, 3). 1988. P. 501—538.

Goldberg 1995 — A. Goldberg. *Constructions: A Construction Grammar approach to argument structure*. Chicago, 1995.

Iordanskaja, Mel'čuk 1990 — L. Iordanskaja, I. Mel'čuk. *Semantics of two emotion verbs in Russian: bojat'sja «to be afraid» and nadejat'sja «to hope» // Australian Journal of Linguistics*. 1990. Vol. 10. № 2. P. 307—357.

Iordanskaya 1970 — L. N. Iordanskaya. *Popytka leksikograficheskogo tolkovaniya gruppy russkikh slov so znacheniem chuvstva // Mashinnyy perevod i prikladnaya lingvistika*. Moskva, 1970. Vyp. 13. C. 3—26.

- Iordanskaya 1984 — L. N. Iordanskaya. Slovarnye stat'i VOSKHISHCHAT'SYA i VOSTORGAT'SYA // I. A. Mel'chuk, A. K. Zholkovskiy. Tolkovo-kombinatornyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Wien, 1984.
- Kibrik 2004 — A. E. Kibrik. Kognitivnoe raznoobrazie predikatno-argumentnykh struktur i yazykovye strategii ikh unifikatsii // Mezhdunarodnyy simpozium «Tipologiya argumentnoy struktury i sintaksicheskikh otnosheniy». Kazan', 2004. S. 16—19.
- Klein, Kutscher 2002 — K. Klein, S. Kutscher. Psych-verbs and Lexical Economy // Working papers "Theorie des Lexikons", 122. 2002.
- Kurilovich 1962 — E. Kurilovich. Problema klassifikatsii padezhey // Ocherki po lingvistike. Moskva, 1962. S. 175—203.
- Kövecses 2000 — Z. Kövecses. Metaphor and Emotion. Cambridge University Press, 2000.
- Lakoff, Johnson, 1980 — G. Lakoff, M. Johnson. Metaphors we live by. Chicago; London, 1980.
- LeDoux 1998 — J. LeDoux. The Emotional Brain. New York, 1998.
- Mel'chuk 1974 — I. A. Mel'chuk. Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl ↔ Tekst». Moskva, 1974.
- NOSS 2014 — Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka. 2-e izd., ispr. i dopoln. / Pod obshchim rukovodstvom akademika Yu. D. Apresyana. Avtory: V. Yu. Apresyan, Yu. D. Apresyan, O. Yu. Boguslavskaya, T. V. Krylova, I. B. Levontina, E. V. Uryson i dr. Moskva, 2004.
- Oatley, Johnson-Laird 1987 — K. Oatley, P. N. Johnson-Laird. Towards a cognitive theory of emotions // Cognition and Emotion. 1987. № 1.
- Ovsjannikova 2013 — M. Ovsjannikova. Encoding and semantic properties of stimulus in Russian: verbs of anger and beyond. Russian Linguistics 37 (1). 2013. P. 21—33.
- Ovsyannikova 2013 — M. A. Ovsyannikova. Osobennosti upotrebleniya vozvratnykh i perekhodnykh glagolov emociy v russkom yazyke // Glagol'nye i imennye kategorii v sisteme funkcional'noy grammatiki: Sb. materialov konferencii 9—12 aprelya 2013 g. St.-Peterburg, 2013. C. 205—213.
- Paducheva 2001 — E. V. Paducheva. Kauzativnyy glagol i dekauzativ v russkom yazyke // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2001. № 1. S. 52—79.
- Paducheva 2004 — E. V. Paducheva. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. Moskva, 2004.
- Pazel'skaya 2005 — A. G. Pazel'skaya. Valentnye svoystva russkikh otglagol'nykh imen emociy // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoy konferencii «Dialog 2005». S. 401—406.
- Pesetsky 1994 — D. Pesetsky. Zero Syntax. MIT Press, 1994.
- Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku. Moskva, 2011.
- Reinhart 2002 — T. Reinhart. The Theta System: An Overview // Theoretical Linguistics 28 (3), 2002. P. 229—290.
- Talmy 1985 — L. Talmy. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // T. Shopen (Ed.), Language typology and syntactic description. Vol. III. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge, 1985. P. 57—149.
- TKS 1984 — I. A. Mel'chuk, A. K. Zholkovskiy. Tolkovo-kombinatornyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Wien, 1984.
- Toporov 2004 — V. N. Toporov. Issledovaniya po etimologii i semantike. V 4-kh tt. Moskva, 2004—2010. T. 1. Teoriya i nekotorye chastnye ee prilozheniya. Moskva, 2004.

- Wierzbicka 1980 — A. Wierzbicka. The Case for Surface Case. 1980.
Wierzbicka 1988 — A. Wierzbicka. The Semantics of Grammar. Amsterdam, 1988.
Wierzbicka 1996 — A. Wierzbicka. Yazyk, kul'tura, poznanie. Moskva, 1996.
Wierzbicka 1999 — A. Wierzbicka. Emotions across languages and cultures. Cambridge, 1999.
Yakobson 1985 — R. O. Jakobson. K obshchemu ucheniyu o padezhe // R. O. Jakobson. Izbrannye raboty. Per. s angl., nem., franc. Moskva, 1985.
Zaliznyak 2006 — Anna A. Zaliznyak. Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya. Moskva, 2006.
Zeki et al. 1991 — S. Zeki, J. D. Watson, C. J. Lueck, K. J. Friston, C. Kennard, R. S. Frackowiak. A direct demonstration of functional specialization in human visual cortex // J. Neurosci. March 11 (3). 1991. P. 641—649.

Резюме

Работа посвящена взаимодействию семантики и синтаксиса в сфере русских глаголов со значением эмоциональных состояний. Общая задача работы — показать, что между семантикой глаголов со значением эмоций и характерными для них типами управления существует мотивированная семантическая связь. У глаголов со значением эмоций традиционно принято выделять валентности Экспериенцера и Стимула. Валентность Экспериенцера обычно оформляется номинативом или дативом, однако для роли Стимула единый способ синтаксического оформления отсутствует. В работе выдвигается следующая гипотеза: разнообразие синтаксического выражения роли Стимула у эмотивных глаголов мотивировано семантически и объясняется тем, что такой роли в чистом виде не существует. У различных эмоций валентность Стимула окрашивается семантикой разных дополнительных ролей — Пациенс (для некоторых глаголов гнева), Адресат (для некоторых глаголов радости), Место (для некоторых глаголов грусти), Инструмент или Часть (для глаголов гордости). Во многих случаях выбор предпочтительной модели управления семантически мотивирован этой дополнительной ролью. Тип дополнительной роли определяется всей структурой эмоционального события, в частности, характером Стимула, желаниями, поведением, речевыми проявлениями и другими особенностями того или иного эмоционального состояния. Если глагол допускает разные модели управления (например, с дативом или с *что*-конструкцией), каждая из них окрашивает роль Стимула своей семантикой (например, Адресат или Содержание).

Ключевые слова: семантика, синтаксис, эмотивные глаголы, семантическая роль, валентность, экспериенцер, стимул, модель управления

Статья получена 05.03.2015

VALENTINA JU. APRESJAN

THE VALENCY OF STIMULUS IN RUSSIAN PSYCH-VERBS: SEMANTICS-SYNTAX INTERFACE

The paper considers semantics—syntax interface in the domain of Russian psych-verbs denoting emotional states. It attempts to demonstrate that syntactic properties of psych-verbs are semantically motivated. Psych-verbs are usually assigned two thematic

roles — Experiencer and Stimulus. While Experiencer in Russian psych-verbs denoting state is usually coded as nominative or dative, Stimulus lacks a standard syntactic expression. The paper puts forward a hypothesis that variation in syntactic expression is semantically motivated. It is explained by the absence of a holistic role in place of Stimulus. The types of emotional stimuli vary greatly in different emotion clusters (anger, joy, sadness, pride, fear etc.) and these ontological differences receive semantic and syntactic reflection. In different emotion clusters and depending on syntactic expression, the role of Stimulus can be semantically flavored by other thematic roles, such as Patient (for certain verbs of anger), Addressee (for certain verbs of joy), Place or Theme (for certain verbs of sadness), Instrument or Part (for verbs of pride) and others. The choice of syntactic expression is often triggered by this additional thematic role. The types of additional roles are determined by the whole event structure, namely, the type of stimulus, wishes of the experience, the type of feeling, behavioral and speech manifestations of emotion. If a verb allows different kinds of syntactic expression of stimulus, each government pattern is associated with its own additional thematic role.

Keywords: semantics, syntax, psych verbs, thematic role, valency, experiencer, stimulus, government pattern

Received on 05.03.2015

Н. Р. ДОБРУШИНА

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ*

1. Введение

Сослагательное наклонение обычно выражает ирреальность, то есть обозначает ситуации, которые не имеют места в действительности и никогда не имели. Однако есть такой тип контекстов, где сослагательное наклонение обозначает реальную ситуацию:

- (1) — *Степан Иванович, я бы попросил не говорить мне «ты», — это не украшает вас...* (Ю. Трифонов. Утоление жажды (1959—1962)).

В этом предложении сослагательное наклонение может быть заменено индикативом: *Я прошу вас не говорить мне «ты»*. В отличие от обычного для сослагательного наклонения употребления, где оно обозначает контрфактивную ситуацию, в приведенном примере говорящий действительно просит, и его собеседник это понимает:

- (2) — *Степан Иванович, я бы попросил не говорить мне «ты», — это не украшает вас... — Ладно, не буду, извиняйте* (Ю. Трифонов. Утоление жажды (1959—1962)).

В обычном, контрфактивном контексте форма *попросил бы* означала бы, что просьба не имеет место:

- (3) *Я бы попросил не говорить мне «ты», но вы старый друг моих родителей, вы имеете на это право [= не прошу]*.

Этот тип употребления сослагательного наклонения может быть назван прагматическим. Такое сослагательное наклонение имеют лишь определенные глаголы в узком круге контекстов, хотя и достаточно частотных. Задача этой статьи — выяснить, когда употребляется прагматическое со-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ 14-04-00264 «Семантико-синтаксический компонент интегрированного корпусного описания русской грамматики».

слагательное наклонение, для каких глаголов оно характерно и чем отличаются его свойства от других контекстов сослагательного наклонения.

2. Семантика независимых конструкций с сослагательным наклонением

Для начала назовем основные типы употреблений русского сослагательного наклонения. Следует различать независимые употребления, то есть в главных предикациях, и зависимые, то есть употребления наклонения в придаточных предложениях, где семантика наклонения определяется различными свойствами главного предложения и характером связи между клаузами. В этой статье нас будут интересовать лишь независимые контексты сослагательного наклонения, поскольку сослагательное наклонение может использоваться прагматически только в них и в придаточных предложениях особого типа, которые не будут обсуждаться в этой статье.

Независимые употребления с точки зрения значения распадаются на три типа — семантические, прагматические реальные и прагматические желательные.

Семантические употребления мотивированы необходимостью выразить тот факт, что ситуация является ирреальной, то есть не имеет места в действительности:

- (4) *Они великие санитары, без них мы **погибли бы** в грязи [= не погибли]*
(Т. Батенева, А. Воробьев. «Жизнь без микробов была бы невозможна» (2002) // «Известия», 2002.10.02).

Сослагательное наклонение может быть употреблено семантически в любом типе дискурса — в диалоге и нарративе, и в любом типе предикации — в главной и в подчиненной.

Прагматические употребления сослагательного наклонения ограничены так называемой канонической речевой ситуацией, то есть присутствием говорящего и слушающего в контексте сообщения. Такой дискурсивный режим называют речевым, диалогическим или каноническим [Падучева 1996: 13, 259—260]. Прагматическое сослагательное наклонение используется и в письменной речи, когда письменный текст имитирует диалогический режим.

По значению прагматические употребления бывают двух типов. Во-первых, они могут вообще не обозначать ирреальность ситуации, а использоваться для того, чтобы модифицировать коммуникативную цель высказывания, а именно — смягчить категоричность. В следующем примере из устного корпуса сослагательное наклонение не имеет ирреального значения: говорящий и в самом деле выделяет две причины. Сослагательное наклонение здесь можно заменить на индикатив:

- (5) *А вот если говорить о причинах / я бы выделил* [ОК: я выделяю / я выделяю] *две причины / объективная и субъективная* (Дискуссия об органах местного самоуправления // Интернет, 2001—2004).

Такие употребления мы будем назвать прагматическими реальными, и они будут обсуждены в этой статье.

Во-вторых, к прагматическим контекстам относятся все случаи выражения желания говорящего, в том числе выражение побуждения (пример (7)):

- (6) — *Так...— прошептал Ёжик, доставая две новые горошины. — Теперь только бы хватило наживки! .. И они, забыв о рыбе, целую ночь ловили звёзды и забрасывали ими всё небо* (С. Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969—1981)).
- (7) — *А ты бы меня отпустил, игемон, — неожиданно попросил арестант, и голос его стал тревожен, — я вижу, что меня хотят убить* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929—1940)).

Такие употребления в этой статье обсуждаться не будут.

В сущности, очень похожую классификацию употреблений сослагательного наклонения предлагает А. В. Исаченко [Исаченко 1965: 515], выделяя следующие типы сослагательного наклонения: гипотетическое действие (возможное, предполагаемое) — судя по примерам, совпадает с нашим семантическим типом (*Я бы пришел, но мне некогда*), желание (*Ты бы приле!*), а также «стереотипные формулы, выражающие вежливое пожелание», с примерами *Мне хотелось бы вам сказать* и *Я попросил бы вас*.

3. Семантика реального прагматического сослагательного наклонения

Когда сослагательное наклонение использовано в реальных прагматических контекстах, частица *бы* (*б*) может быть опущена без ущерба для смысла предложения, но с ущербом для его коммуникативной задачи: высказать мнение, не задев чувства собеседника. Эффект, который имеет место в этих высказываниях, отмечен в разных языках (см., например [Holvoet 2010: 433] о вежливом использовании ирреалиса в литовском и в латышском, [Metslang, Seppel 2010: 540] — ирреалиса для смягчения утверждения в эстонском). Ирреальная грамматика маскирует истинную цель высказывания, обеспечивая стратегию косвенности («Ирреальность, обозначенная в этих предложениях посредством *бы*, заключается в смягченном, менее категоричном способе выражения, что и является одной из функций сослагательного наклонения в русском языке» [Брехт 1985: 107]).

- (8) *Я бы рекомендовал начать лечение избыточного веса или ожирения с консультации у врача-диетолога* (М. М. Гурвич. Модные и новомодные диеты // «Наука и жизнь», 2007).

В грамматике [Богданов и др. 2007] очерчен круг глаголов, для которых характерно такое употребление: «Общим значением сослагательного наклонения можно считать выражение ирреальности [...] Исключение составляет употребление форм сослагательного наклонения глаголов волеизъявления, возможности, долженствования, а также глаголов, обозначающих речемыслительные процессы в 1-м лице единственного числа, для снижения категоричности утверждения...».

Прагматические употребления сослагательного наклонения относятся преимущественно к 1-му или 2-му лицам, но обратное неверно: 1 и 2 лица могут употребляться семантически. Ср. следующий пример, где сослагательное наклонение в конструкции первого лица обозначает ирреальную ситуацию:

- (9) *На твоём месте я бы искала кого получше* (М. Петросян. Дом, в котором... (2009)).

В этом разделе будут сначала рассмотрены прагматические употребления сослагательного наклонения в 1-м лице (3.1), затем во 2-м (3.2), после чего в разделе 3.3 будет показано, какую роль в этих конструкциях играют глаголы *мочь* и *хотеть*. Раздел 3.4 посвящён сослагательному наклонению глагола *хотеть*.

3.1. Конструкции 1-го лица

Конструкции 1-го лица с сослагательным наклонением в прагматическом употреблении всегда сообщают о некотором коммуникативном действии говорящего, то есть о его намерении нечто передать собеседнику или, реже, нечто воспринять.

- (10) *Я бы сказал, что это один из самых амбициозных планов реформы, и отступить от него мы не намерены* (А. Чудодеев. Расписание на завтра (2003) // «Итоги», 2003.02.04).
- (11) *Но если необходимо выбрать один, то я бы назвал отель Le Miria на Сейшельских островах, соединяющий великолепие и изысканность с нежным очарованием* (Какая встреча! Дж. Армани (2004) // «Homes & Gardens», 2004.04.16).
- (12) *На данном этапе я воздержался бы от прогнозов относительно того, как эта ситуация может разрешиться* («Дипломатический вестник», 2004).
- (13) — *Этот снимок я бы прокомментировал так: маленький гигант большого футбольного роста, — говорит Геннадий Логофет* (Советский спорт, 2010.02.09).

Такие примеры иногда относятся исследователями к желательным, но выражение желания не является тем, что мотивирует использование сослагательного наклонения в этих контекстах; оно может присутствовать в общении, но необязательно.

Для прагматического сослагательного наклонения характерно употребление с местоимением единственного числа, но возможно и множественное:

- (14) *Основным препятствием на пути распространения телемедицинских технологий в России **мы бы назвали** неготовность врачей пользоваться компьютером не только как пишущей машинкой* («Наука и жизнь», 2008).

Способность глагола употребляться таким образом, по-видимому, является лексической и обусловлена его семантикой: глаголы со значением категорического побуждения или других коммуникативных действий, предполагающих решительное поведение, не употребляются в сослагательном наклонении с реальным значением. Так, глаголы *просить* и *призвать* могут иметь реальное прагматическое употребление, а глаголы *требовать* и *объявить* — нет:

- (15) — *И обратился ко всем присутствующим: — Здравствуйте, товарищи, началось прощание, **я бы просил** не шуметь...* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001).
- (16) ***Я бы призвал** лидеров и активистов Ассамблеи, чтобы они сохранили свое лицо, не торопились и делали потихоньку свое дело, учитывая эти тенденции* (Принята хартия «О гражданских правах народов Российской Федерации» (2000) // «Жизнь национальностей», 2000.09.29).
- (17) ****Я бы требовал** не шуметь.*
- (18) ****Я бы объявил**, что собрание открыто.*

Прагматическое употребление более характерно для глаголов совершенного вида. Например, если сослагательное наклонение глагола *назвать* часто встречается в таком значении, то *называть* — один раз.

- (19) *Впрочем, [я] бы не считал это беседами — в том плане, какой известен дипломатии. **Я бы называл** это сепаратными переговорами. Ситуация сложилась критическая, и необходимы срочные меры, которые позволят спасти антигитлеровскую коалицию от провокаций, возможно, в конечном счете, двусторонних* (Ю. Семенов. Семнадцать мгновений весны (1968)).

Многие из этих конструкций перформативны, то есть являются не описанием действия, а самим действием (см. обсуждение перформативного употребления сослагательного наклонения Ю. Д. Апресяном [Апресян 1995: 203]).

- (20) *Я бы рекомендовал начать лечение = Я рекомендую начать лечение.*
- (21) *Я бы воздержался от комментариев = Я воздерживаюсь от комментариев.*

Среди десяти глаголов, которые чаще всего выступают в конструкции «я бы V» (список определен с использованием поиска в НКРЯ по триграм-

мам), восемь имеют преимущественно прагматические употребления (*сказать, хотеть, мочь, назвать, посоветовать, предпочесть, ответить, предложить*), два глагола в корпусе с 1970 года имеют только семантические контексты (*взять, пойти*). Многие глаголы, однако, имеют как прагматические (22), так и семантические (23) употребления:

- (22) *А если серьезно, то на этот вопрос я бы ответил так: не играть трудно, но играть нельзя* («Театральная жизнь», 2003.05.26).
 (23) *Уж лучше бы она спросила: «Ты гений?» Я бы ответил спокойно и положительно* (С. Довлатов. Чемодан (1986)).

Таблица 1

Частотность глаголов в конструкции «я бы V»
по данным подкорпуса с 1970-го года

Глагол в конструкции «я бы V»	Абсолютная частотность	Примечания
<i>сказать</i>	929	чаще всего — во вводном выражении <i>я бы сказала(а)</i>
<i>хотеть</i>	395	
<i>мочь</i>	145	
<i>назвать</i>	131	
<i>посоветовать</i>	56	
<i>предпочесть</i>	54	
<i>взять</i>	51	
<i>ответить</i>	50	
<i>предложить</i>	48	
<i>пойти</i>	42	

Приведем список глаголов и сочетаний, которые могут иметь реальное прагматическое сослагательное наклонение (возможно, неполный): *добавить, воздержаться, возразить, выделить, назвать, напомнить, объяснить, опспорить, ответить, попросить, посоветовать, предложить, предпочесть, приветствовать, привести (отклики), прокомментировать, просить, рекомендовать, сказать, советовать, согласиться, считать, сформулировать, упомянуть, хотеть*.

3.2. Конструкции 2-го лица

В контексте 2-го лица прагматическое сослагательное наклонение используется в вопросах. В этих конструкциях встречаются те же глаголы, которые были перечислены для 1-го лица, — имеющие значение различных коммуникативных действий: *назвать, отметить, прокомментировать, сказать, согласиться*. Таким образом, этот тип контекстов симметричен тем, которые были описаны для 1-го лица. Поскольку сослагательное наклонение является способом выразить вежливость (в терминах Браун и Левинсона, это стратегия *negative politeness* [Brown, Levinson 1987]), то такие контексты более характерны для обращения на *вы*:

- (24) — *Какие события в жизни компании в этом году **вы бы назвали** наиболее значимыми?* («Континент Сибирь» (Новосибирск), 2004.12.17).
- (25) — *А какие общие тенденции в развитии экономики **вы бы отметили** в этом году?* («Континент Сибирь» (Новосибирск), 2004.12.17).
- (26) Ъ: *Если представить, что Ельцин не выдвигает свою кандидатуру на второй срок, кого **бы вы считали** наиболее вероятным и достойным его преемником?* («Коммерсантъ-Daily», 1996.01.27).

При обращении на «ты» такие контексты значительно более редки, но тоже встречаются:

- (27) *Позвонил Вагизу Хидиятуллину. [...] Спрашиваю: кого **бы ты назвал** нашим лауреатом? Ответ получил однозначный, уместилась в ответе одна фамилия: Зырянов (В. Козин. Кто станет джентльменом? // Комсомольская правда, 2007.12.05).*

Общее количество прагматических употреблений со 2-м лицом в корпусе настолько невелико, что количественные данные не показательны. Так, для глагола *назвать* имеется 5 примеров с местоимением *вы* и ни одного — с *ты*, для глагола *ответить* — 5 примеров с местоимением *вы* и 1 — с *ты*. Вежливые вопросы и просьбы намного чаще выражаются составными конструкциями с глаголом *мочь* (см. раздел 3.3).

3.3. Конструкции с глаголами *хотеть* и *мочь*

Глаголы из списка в разделе 3.1 могут сочетаться с глаголами *хотеть*, *хотеться* и *мочь* в сослагательном наклонении. Глаголы *хотеть* и *хотеться* в сослагательном наклонении вносят дополнительный оттенок смягчения категоричности, то есть действуют так же, как частица сослагательного наклонения, лишь усиливая эффект смягчения: *я хотел бы посоветовать... ~ я бы посоветовал... ~ я советую*.

- (28) ***Хотелось бы отметить**, что среди ответов выпускников почти не встречаются конкретные специальности, ориентированные на градообразующие предприятия своих городов* (Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рощина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005).
- (29) *Интервью в целом показалось мне интересным, но сейчас **я хотел бы остановиться** на одном высказывании профессора* (П. Ильин. Из редакционной почты (2003) // «Вестник США», 2003.06.25).
- (30) — *Что **вы хотели бы пожелать** нашим читателям?* (Духовная крепость (2003) // «Театральная жизнь», 2003.08.25).

Поэтому все глаголы, которые могут иметь реальное прагматическое употребление без глагола *хотеть*, могут иметь его и с глаголом *хотеть*: *я бы добавил, напомнил, оспорил, считал* = *я хотел бы добавить, напомнить, оспорить, считать*. Но обратное неверно: есть такие конструкции, которые не могут быть употреблены без глаголов *хотеть* и *хотеться*.

Этим свойством обладают глаголы, которые обозначают процесс получения информации, а не сообщения ее: сочетания *хотел бы знать / узнать / спросить / выяснить / задать вопрос, хотел бы получить комментарии / ответ / объяснение* и т. д.:

- (31) — *Я спрашиваю, это дали? — Тиролец увлѣк меня к распахнутому окну. — В каком смысле? — В прямом. Я хотел бы знать, это дали или не дали?* (С. Довлатов. Заповедник (1983)).
- (32) — *Здравствуйте, Валерий, я хотела бы узнать, удобно ли вам будет сегодня вернуть нам машину?* («Автопилот», 2002.08.15).

Вне сочетания со словами *хотеть* и *хотеться* глаголы *знать, узнать, спросить* не употребляются в сослагательном наклонении в прагматических контекстах:

- (33) **Я узнала бы / спросила бы, удобно ли вам будет сегодня вернуть машину.*

Кроме этой ясно выделяемой группы, есть и другие глаголы, которые могут употребляться в реальной прагматической функции только с глаголом *хотеть*. Так, возможна конструкция *Я хотел бы объявить собрание открытым*, хотя в корпусе таких примеров нет: акт объявления собрания открытым в обычном случае требует от говорящего большей степени категоричности, чем та, которая выражается сослагательным наклонением. Невозможна конструкция с сослагательным наклонением глагола *рассказать* в реальном прагматическом употреблении (например, если говорящий начинает рассказывать о чем-либо), однако она возможна, если туда ввести глагол *хотеть*:

- (34) **Я бы рассказала о том, как используется сослагательное наклонение в условных конструкциях.*
- (35) *Я хотела бы рассказать о том, как используется сослагательное наклонение в условных конструкциях.*

Не встречается в корпусе сочетание *пояснил бы*, но есть примеры конструкции *хотел бы пояснить*¹:

- (36) *Здесь я хотел бы пояснить, что по всем приметам, которые читателю частично уже изложены, моего «брата» Санчеса можно было отнести к разряду средних мексиканцев* (Л. Костянян. Зови меня просто Мано // «Вокруг света», 1993).

¹ Анонимный рецензент справедливо указал на то, что с помощью Яндекса можно найти примеры на некоторые из тех конструкций, которые не встречаются в Корпусе: *Что касается созданий новых кафедр, я пояснил бы, что опираясь на те базовые вузы, где есть военная кафедра, остальные студенты будут при других учебных вузах проходить обучение* (Генерал-майор Е. Бурдинский, интервью «Русской службе новостей», 2014).

Глагол *мочь* также часто сочетается с сослагательным наклонением (хотя и далеко не так часто, как глагол *хотеть* — см. ниже таблицу 4).

- (37) Как **Вы могли бы прокомментировать** данное решение [...]?
(А. В. Конузин. Интервью по вопросам КТК // «Дипломатический вестник», 2004).

Опознавать прагматические употребления глагола *мочь* труднее, поскольку тест замены на индикатив с глаголом *мочь* не работает. В силу того, что глагол *мочь* имеет семантику нереализованности, потенциальности, его индикатив синонимичен сослагательному наклонению в большинстве контекстов (см. об этом [Добрушина 2014]). Так, хотя следующие примеры не могут быть квалифицированы как семантические, замена на индикатив не меняет их смысл принципиально:

- (38) *Показалось мало, за один присест я мог бы сгрызть [= я мог сгрызть] весь запас* (Р. Б. Ахмедов. Промельки (2011) // «Бельские Просторы»).
- (39) *Я мог бы оторвать [= я мог оторвать] свой зад на день и заработать две штуки, но я оставался писать* (А. Терехов. Каменный мост (1997—2008)).

Тем не менее, есть такие употребления глагола *мочь* в сослагательном наклонении, которые носят прагматический характер. Так, в следующем примере с помощью конструкции *мог бы упомянуть* говорящий вводит сообщение («упоминание»), тем самым, контрфактивной эта конструкция не является:

- (40) *Ответ: Что касается неиспользованного потенциала сотрудничества, то я мог бы упомянуть целый ряд сфер. Российские предприятия, в частности, имеют хороший опыт и современные технологии для участия в строительстве или реконструкции тепло- и гидроэлектростанций* (И. И. Студенников. Интервью латвийской газете «Телеграф» // «Дипломатический вестник», 2004).

Что касается 2-го лица, то сослагательное наклонение глагола *мочь* тоже характерно для более дистантных отношений между собеседниками:

Не могли бы вы посоветовать, как отличить антикварную книгу в старом хорошо сохранившемся переплете от такой же антикварной же книги, но качественно переплетенной уже в наше время?
(коллективный. Оценка книг (2002)).

Так, в типичных конструкциях для выражения просьбы вида «ты не мог бы...?» или «ты не можешь...?» сослагательное наклонение заметно частотнее, если подлежащим является местоимение «вы» (см. таблицу 2), поскольку оно обычно обозначает вежливое обращение. Запрос формулировался следующим образом: «ты | вы не мочь расстояние 1-8 —и?», где перед знаком вопроса может быть любое слово под отрицанием (в данном запросе было слово *и*), в выдаче вручную выбирались примеры со значением просьбы. Возможно,

что в некоторых случаях «вы» означает обращение к нескольким людям, с которыми говорящий на «ты», но это не всегда удастся проверить.

Таблица 2

Распределение наклонений при выражении просьбы

	ты	вы
индикатив	43% (41)	21% (28)
сослагательное наклонение	57% (54)	79% (108)
<i>всего примеров</i>	<i>95</i>	<i>136</i>

Каким образом можно отличить прагматические употребления *мочь* от семантических? Для прагматических неудачной является замена 1-го лица на 3-е, поскольку они предполагают диалогический режим интерпретации. В контексте 3-го лица они звучат как пересказ чужой речи. Так, пример (а) в контексте 3-го лица неудачен (*Завтрашнюю игру он мог бы назвать «поход в казино»*), а пример (б) одинаково хорошо звучит как в 1-м, так и в 3-м лице (*все фигуранты, которых он мог бы назвать...*):

- (41) *У нас есть отдельные игроки, но нет команды. Завтрашнюю игру я мог бы назвать — «поход в казино». Мы можем выиграть, можем проиграть* («Вечерняя Москва», 2002.06.13).
- (42) *Все фигуранты, которых я мог бы назвать, уже недостижимы для земного правосудия. Их не привлечет к ответственности ни российский военный суд, ни даже международный трибунал в Гааге* (Г. Садулаев. Шалинский рейд (2009) // «Знамя», 2010).

В таблице 3 представлены десять наиболее частотных сочетаний с глаголом *хотеть* в 1-м лице (поиск по 4-граммам). Большая часть сочетаний демонстрирует прагматические значения.

Таблица 3

**Частотность глаголов в конструкции «я бы хотел(а) V»
по данным подкорпуса с 1970-го года**

Глагол в конструкции «я бы хотел(а) V»	Абсолютная частотность	Примечания
<i>сказать</i>	47	
<i>знать</i>	32	
<i>быть</i>	27	
<i>обратить (внимание)</i>	26	
<i>поговорить</i>	20	
<i>сделать</i>	18	в том числе в сочетаниях <i>сделать замечание, заявление, отступление, вывод</i>
<i>жить</i>	17	
<i>подчеркнуть</i>	16	
<i>видеть</i>	15	
<i>узнать</i>	15	

3.4. Сослагательное наклонение глагола *хотеть*

Частотность употребления глаголов *хотеть* и *хотеться* с частицей *бы* исключительна. В таблице 4 приведены данные о частотности сочетаний с *бы* в подкорпусе с 1970 года (при порядке слов глагол на первом месте, *бы* на втором) относительно общей частотности глагола в том же подкорпусе. Во-первых, это 10 наиболее частотных русских глаголов согласно словарю [Ляшевская, Шаров 2009], во-вторых — два глагола, которые были добавлены, чтобы проверить предположение о том, что они употребляются в сослагательном наклонении чаще других (*хотеться*, *предпочесть*). В этой таблице хорошо видно, как сильно отличается частота употребления в сослагательном наклонении глаголов *хотеть*, *хотеться* и *предпочитать* от всех остальных: более чем в 10% случаев эти глаголы используются в сослагательном наклонении. Если учесть, что глагол *хотеть* входит в десятку самых частотных глаголов русского языка, то неудивительно, что среди употреблений частицы *бы* количество контекстов с глаголом *хотеть* является заметным.

Таблица 4

Относительная частотность ряда глаголов в сочетании с частицей *бы* при порядке слов «глагол + частица *бы*»

	общая	<i>бы</i>
<i>быть</i>	1 226 365	1,7% (21 348)
<i>мочь</i>	312 086	4% (12 523)
<i>сказать</i>	224 812	0,5% (1205)
<i>говорить</i>	172 312	0,05% (95)
<i>знать</i>	162 500	0,4% (635)
<i>стать</i>	170 133	1% (2006)
<i>хотеть</i>	159 079	11% (17 493)
<i>видеть</i>	94 354	0,2% (155)
<i>иметь</i>	93 397	0,4% (397)
<i>идти</i>	91 131	0,2 (210)
<i>хотеться</i>	27 331	13% (3499)
<i>предпочесть</i>	1867	15% (283)

Столь высокая частотность сослагательного наклонения от глаголов *хотеть*, *хотеться* и *предпочесть* связана с тем, что для них очень характерны прагматические употребления. Эти глаголы часто используются в форме сослагательного наклонения для того, чтобы смягчить сообщение о желании, сделать его менее категоричным. Нередко это сообщение о желании совершить некоторое коммуникативное действие из разряда тех, которые обсуждались в разделе 3.1 (пример 43). С глаголами других семантических типов сослагательное наклонение может использоваться для того, чтобы сообщить о желании, которое с точки зрения субъекта едва ли может быть реализовано (44). Почти любое желание может быть выражено в смягченной форме:

- (43) *Хотел бы обратить особое внимание читателей на шахматные методы защиты Петера* («64 — Шахматное обозрение», 2004.11.15).
- (44) *Хотел бы жить в Тамбове — интересный, ухоженный город, много достопримечательностей, экологически чистый* («Вестник РАН», 2009).

Для сослагательного наклонения глагола *хотеть* наиболее характерно употребление с 1 лицом. В таблице 5 сопоставлено распределение по лицам глагола *хотеть* в сослагательном наклонении и в индикативе прошедшего времени в случайной выборке в подкорпусе до 1970 года (2559 примеров). В этой выборке были отмечены и разобраны все случаи употребления *хотеть* с частицей *бы* в любой позиции, как в независимых конструкциях, так и в придаточных предложениях. Из сравнения видно, что сослагательное наклонение чаще встречается с 1 и 2 лицами, чем индикатив.

Таблица 5

**Сослагательное наклонение глагола *хотеть*
(употребление в разных лицах)**

	1 лицо	2 лицо	3 лицо	Всего
сослагательное наклонение	52% (81)	17% (26)	32% (49)	155
прошедшее время индикатива	34,5% (69)	2,5% (5)	63% (126)	200

45 примеров из 81, где глагол *хотеть* употреблен в сослагательном наклонении в 1-м лице, сочетаются с глаголами коммуникативных действий, вводя приветствие, сообщение, оценку:

- (45) *Особо хотел бы обратиться со словами приветствия к министру иностранных дел Габонской Республики* (С. В. Лавров. Выступление на приеме в честь празднования Дня Африки // «Дипломатический вестник», 2004).
- (46) *Прежде всего я хотел бы сказать, что учёные не всегда бывают интеллигентны (в высшем смысле, конечно)* (Д. Лихачев. О русской интеллигенции (1993)).
- (47) *Но я вообще не хотел бы заниматься оценкой тех событий, потому что, на мой взгляд, всё, что случилось в 93-м, происходило вне правового поля* («Итоги», 2003.03.04).

Остальные примеры сообщают о намерении говорящего нечто совершить:

- (48) *Я смотрел только первый фильм, хотел бы посмотреть другие* (коллективный. Прививкам НЕТ!!! (Опыт в г. Севастополь) (2011)).

И лишь один пример иллюстрирует семантическое употребление сослагательного наклонения, а не прагматическое:

- (49) *Если бы мы в La Perla хотели кого-то из звёзд ангажировать, знаете, кого бы мы выбрали?* [= не хотели] («Домовой», 2002.06.04).

Для 2-го лица сочетание с глаголами коммуникативных действий значительно менее характерны (один пример из 25):

- (50) — *Что бы вы хотели пожелать своим сотрудникам в преддверии Дня строителя?* [«Московский комсомолец» в Сыктывкаре, 2003.08.06]

Двадцать примеров из двадцати пяти являются вопросами:

- (51) *Ты хотела бы, чтобы у тебя был молодой муж?* (Легкое дыхание (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06).
- (52) — *В какой исторической эпохе вы хотели бы жить?* («Дело» (Самара), 2002.05.03).

Еще четыре примера глагола *хотеть* во 2-м лице иллюстрируют некатегоричное выражение желания, не связанное с коммуникативными действиями:

- (53) *Не пожелайте себе и другим плохого, но мечтайте о том, чего хотели бы — велика вероятность, что всё сбудется* («Криминальная хроника», 2003.06.24).

Что касается конструкций в 3-м лице, то среди них заметно больше семантических употреблений, то есть таких, которые обозначают ирреальную ситуацию:

- (54) *Они бы и хотели разобраться, что к чему, за что они платят, да не так-то это оказалось просто* («Домовой», 2002.08.04).

Однако больше всего — 21 из 49 — примеров, где сочетание *хотел(а) бы* использовано в косвенной речи, то есть при пересказе автором речи другого героя. При передаче чужой речи, как это хорошо известно, часто сохраняются отдельные элементы перспективы говорящего; к ним относится сослагательное наклонение глагола *хотеть* (см., например, большое количество ссылок на работы об этом явлении в [Evans 2012]):

- (55) *Когда Эмиль, ещё не завершивший учёбу в своём институте, общился отцу, что хотел бы заняться его делом, Эмиль Теодорович не стал возражать* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)).
- (56) *Ещё 17% рассчитывают на общежития, а остальные демонстрируют кардинально другой подход к этому вопросу, чем был когда-то у их родителей: 35% опрошенных с лёгкостью заявили о намерении снимать жильё, а 2% даже хотели бы его купить* (Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рощина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005).

В следующем примере автор статьи чередует прямые цитаты из слов своего собеседника с пересказом чужой речи или чужого мнения, и во втором случае употреблено сочетание *хотеть бы*:

- (57) *Своей карьерой на данный момент Владимир Аверин вполне доволен, поэтому менять место работы — а такие предложения были — не собирается. «В «Солидарности» хорошая команда и интересная разноплановая работа. А это для меня — самое главное». В необозримом же будущем вице-президент «Солидарности» **хотел бы** иметь собственный бизнес* (Э. Савкина. Ввиду явного преимущества (2002) // «Дело» (Самара), 2002.04.26).

Аналогичный случай — передача внутреннего монолога героя, когда автор, используя 3-е лицо, тем не менее говорит от его имени:

- (58) *Он переводил взгляд на жену и поражался до сердечной боли, как она хрупка и нежна, и обеих **он хотел бы** укутать в батист, в пух, в мех...* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000).

Глагол *хотеть* часто употребляется в прагматических контекстах общения о коммуникативном действии и в индикативной форме:

- (59) *Пользуясь случаем, **хочу** еще раз поблагодарить всех, кто участвовал в работе на том этапе и извиниться за то, что я потратил столько их времени...* (коллективный. РосЯма (2011))

Стоит задаться вопросом, отличается ли круг употреблений сослагательного наклонения глагола *хотеть* от употреблений индикатива вообще.

Выясняется, что, хотя контексты прагматического сослагательного наклонения глагола *хотеть* и индикатива близки по смыслу (см. примеры 60 и 61), частотность разных контекстов различается.

- (60) — **Я хочу узнать**, Марья Владимировна, что это вам так стильно делает голову, и, может быть, вы меня устроите к этому мастеру? (И. Грекова. Дамский мастер (1963)).
- (61) — **Я хотела бы узнать**, — начала Софья Петровна, согнувшись, чтобы получше видеть лицо человека за окошечком, — здесь ли мой сын? (Л. К. Чуковская. Софья Петровна (1939—1940)).

Были проверены 479 примеров формы индикатива настоящего времени в 1 лице ед. и мн. чисел с точки зрения того, как соотносится частотность сочетаний глагола *хотеть* с глаголами, обозначающими коммуникативные действия, и с другими глаголами, и сопоставлены с аналогичными данными для сослагательного наклонения. Результаты представлены в таблице 6, из которой видно, что сослагательное наклонение чаще сочетается с глаголами коммуникативных действий:

Таблица 6

**Употребления глагола *хотеть*
в 1-м лице сослагательного наклонения**

	сочетания с глаголами коммуникативных действий	другие контексты	всего примеров
<i>хотеть</i> , индикатив, наст. вр., 1 лицо	35% (170)	65% (309)	479
<i>хотеть</i> , сослагательное наклонение, 1 лицо	56% (45)	44% (36)	81

Интересна еще одна особенность глагола *хотеть* в сослагательном наклонении — он крайне редко управляет существительным, значительно реже, чем *хотеть* в индикативе:

- (62) *Я говорю: — Юрий Михайлович, я хотел бы квартиру на два года: не могу я перебиваться с одной квартиры на другую!* (А. Тарасов. Миллионер (2004)).

Видимо, это связано с тем, что для сочетания *хотеть бы* характерны в первую очередь диалогические контексты сообщения о коммуникативном действии.

4. Особенности прагматических реальных употреблений

Прагматические употребления сослагательного наклонения отличаются от семантических рядом свойств, часть которых обсуждалась выше.

— Прагматические употребления всегда допускают замену на индикатив без изменения фактивного статуса ситуации. В примере (а) сослагательное наклонение имеет прагматическое значение, в примере (б) — семантическое:

- (63) (а) *Я бы посоветовал вам принимать гормональные средства. Начните вот с этого.*
 (б) *Я бы посоветовал вам принимать гормональные средства, но не буду, потому что мне не нравятся ваши анализы.*

Пример (а) позволяет замену на индикатив, поскольку это высказывание означает, что врач советует принимать гормональные средства, просто делает это в категоричной форме, здесь сослагательное наклонение употреблено прагматически. Пример (б) не допускает такой замены, точнее — допускает, но с изменением значения на противоположное, поскольку высказывание означает, что врач не советует принимать гормональные средства; это семантическое употребление сослагательного наклонения.

- (64) (а) = *Я советую вам принимать гормональные средства. Начните вот с этого.*
 (б) = *Я не советую вам принимать гормональные средства, потому что мне не нравятся ваши анализы.*

— Прагматические употребления встречаются преимущественно в 1-м лице, значительно реже — во 2-м. В контексте 3-го лица они возможны только при отсылке к чужой речи:

(65) *Доктор говорит, что положение серьезное. Он **рекомендовал бы** гормональные средства.*

— Прагматические употребления не допускают условных придаточных с контрфактивным значением, поскольку обозначаемые ими ситуации не бывают контрфактивными:

(66) ****Я бы посоветовал** вам принимать гормональные средства, если бы у вас были хорошие анализы. Начните вот с этого.*

— Сослагательное наклонение, употребленное прагматически, может находиться в главной части условной конструкции, где зависимая часть оформлена индикативом. Такие условные конструкции с асимметричным маркированием предикатов в целом нехарактерны для русского языка, и один из редких случаев, когда это допустимо, — прагматическое употребление сослагательного наклонения:

(67) — *Если не возражаете, **я бы предложил** вам пройтись* (Н. Дежнев. В концертном исполнении (1993)).

(68) ***Вы бы отошли** чуть-чуть подальше, если не трудно.*

(69) ***Ты бы посидел** со мной пять минут, если у тебя, конечно, есть время.*

— Важным свидетельством того, что прагматическое сослагательное наклонение отличается от семантического, является его поведение с однородными членами. Как правило, в ряду однородных членов глаголы принадлежат к одному наклонению — индикативу, императиву или сослагательному. При этом если сочинены несколько форм сослагательного наклонения, то нередко одна из частиц опускается:

(70) *А протестовать надо, и надо требовать создания такого правительства, которое **думало и действовало бы** в интересах народа* («Советская Россия», 2003.06.15) [= которое думало бы и действовало бы...]

Между тем в корпусе есть примеры сочинения индикатива и сослагательного наклонения. Встречаются два типа конструкций: сочинение сослагательного наклонения с формами настоящего времени и сочинение с прошедшим временем; примеры сочинения с будущим временем не были обнаружены.

Если глагол в форме сослагательного наклонения стоит в одном ряду с настоящим временем (всего 13 примеров в подкорпусе с 1970 года), то это может быть только прагматическое сослагательное наклонение или глагол *мочь*, который, как показано в разделе 3.3, часто синонимичен индикативу:

- (71) Я это **ценю и хотел бы**, чтобы так же уважали тебя Васюк и Капитан (В. Черкасов. Черный ящик (2000)).
- (72) Я предпринял еще одну сомнительную попытку примирения на будущее и с видом парня-рубахи спросил, как у вас обстоят дела с курением, — пепельница на первом столе отсутствовала. — **Я лично не курю и просил бы**... Голос Певнева звучал по-женски. Я сказал, что все понятно... (К. Воробьев. Вот пришел великан (1971)).
- (73) Разумеется, ни строкой, ни намеком не упоминая, что когда-то защищал эту его книгу, я писал о том, что русскую литературу мы не мыслим без его книг и журнал «Знамя» **хотел бы и просит** разрешения напечатать его роман «Раковый корпус» (Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999)).
- (74) Люди, долгое время не имеющие возможности ходить, вдруг осознают, что **выздоровливают и могли бы ходить**, и вдруг отказываются от лечения (М. Рыбьянов, В. Диккуль. Цирк серьезно болен (2002) // «Известия», 2002.04.17).

Что касается сочинения с прошедшим временем, то найденные примеры (проверялись сочетания из двух глаголов в форме прошедшего времени, где частица *бы* стоит при втором, в подкорпусе с 1970 года найдено 19 примеров) распадаются на две группы. В первой группе глагол в индикативе обозначает реализованное действие, а глагол в сослагательном наклонении — контрфактивное:

- (75) Оглохший, ослепший, дезориентированный, с комом в сухом горле, **я покачнулся и упал бы**, — но конвоир поддержал меня за плечо (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)).
- (76) Про химер старшины не знали, но все равно **испугались и стояли бы** вечно, бедолаги, пораженные великим страхом... (Н. Садур. Старик и шапка (1993)).

Во второй группе оба глагола обозначают реализованное действие, однако второй глагол выражен сослагательным наклонением. Это сослагательное наклонение является прагматическим, его можно заменить на индикатив.

- (77) — Видишь ли, я уже **отдохнул и хотел бы** [= отдохнул и хочу]... ну, это... отсюда выбраться (Е. Чеповецкий. Приключения шахматного солдата Пешкина (1986)).
- (78) Потом добавила, что и о нашем Музее многое **слышала и хотела бы** [= слышала и хочет] подарить ему свое фото (В. Давыдов. Театр моей мечты (2004)).
- (79) — Неплохая работа с пространством, — заметил Доктор. — Пошли? — Пили, — согласился Фома без всякого, впрочем, энтузиазма. Он уже **обсох от всех этих дел и предпочел бы** [= обсох и предпочитал] занятие поприятнее — другую реальность, например, поближе к своему злополучному замку (С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга первая. Изгой (1998)).

Таким образом, по ряду свойств (сочетание с индикативным протазисом, способность сочиняться с индикативом) реальное прагматическое сослагательное наклонение обнаруживает сходство с индикативом.

5. Заключение

Известно, что есть наклонения, которые характерны исключительно для диалога — императив, юссив, гортатив, оптатив, превентив и другие (см. об этом [Добрушина 2008]). Они используются тогда, когда говорящий и слушающий находятся в непосредственном контакте, в одном пространстве и времени, то есть, пользуясь принятым термином, когда имеет место каноническая речевая ситуация. В то же время существуют наклонения, употребление которых не должно зависеть от дискурсивного режима. Это те наклонения, которые не связаны с фигурой говорящего, а выражают объективную оценку ситуации, в первую очередь — ирреалис (он же субжонктив, конъюнктив, кондиционалис и т. д.). Наклонения этого типа можно встретить как в нарративах, так и в диалогических текстах. Однако у русского сослагательного наклонения есть оба типа употреблений: и такие, которые не зависят от дискурсивного режима (семантические), и такие, которые характерны только для диалога (прагматические). Употребляясь прагматически, сослагательное наклонение может полностью терять значение ирреальности и приобретать свойства, сближающие его с индикативом.

Литература

- Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Перформативы в грамматике и в словаре // Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 199—219.
- Богданов и др. 2007 — С. И. Б о г д а н о в, М. Д. В о е й к о в а, В. Б. Е в т ю х и н и др. Современный русский язык. Морфология. Препринт. СПб., 2007.
- Брехт 1985 — Р. Д. Б р е х т. О взаимосвязи между наклонением и временем: синтаксис частицы *бы* в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985. С. 101—117.
- Добрушина 2008 — Н. Р. Д о б р у ш и н а. Наклонения и дискурсивный режим текста на примере употреблений частицы *пусть* // Исследования по теории грамматики. М., 2008. С. 135—160.
- Добрушина 2014 — Н. Р. Д о б р у ш и н а. Модальные предикаты и сослагательное наклонение. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М., 2014.
- Исаченко 1965 — А. В. И с а ч е н к о. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. I—II. Издание второе. М., 2003 (Репринт издания: Братислава. 1965. 1-е изд. — 1954—1960).
- Ляшевская, Шаров 2009 — О. Н. Л я ш е в с к а я, С. А. Ш а р о в. Новый частотный словарь русской лексики. М., 2009.

Падучева 1996 — E. B. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Brown, Levinson 1987 — P. Brown & S. Levinson. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.

Evans 2012 — N. Evans. Some problems in the typology of quotation: a canonical approach // *Canonical Morphology and Syntax*, 66. 2012.

Holvoet 2010 — A. Holvoet. Mood in Latvian and Lithuanian // *Mood in the Languages of Europe* / B. Rothstein and R. Thieroff (eds.). Vol. 120. Amsterdam, 2010.

Metslang, Sepper 2010 — H. Metslang, M.-M. Sepper. Mood in Estonian // *Mood in the Languages of Europe* / B. Rothstein and R. Thieroff, eds. Vol. 120. Amsterdam, 2010.

References

Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. Performativy v grammatike i v slovare // *Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya*. Moskva, 1995. S. 199—219.

Bogdanov i dr. 2007 — S. I. Bogdanov, M. D. Voeykova, V. B. Evtyukhin i dr. *Sovremennyy russkiy yazyk. Morfologiya*. Preprint. St.-Peterburg, 2007.

Brecht 1985 — R. D. Brecht. O vzaimosvyazi mezhdru nakloneniem i vremenem: sintaksis chasticy *by* v russkom yazyke // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. XV. *Sovremennaya zarubezhnaya rusistika*. Moskva, 1985. S. 101—117.

Brown, Levinson 1987 — P. Brown & S. Levinson. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.

Dobrushina 2008 — N. R. Dobrushina. Nakloneniya i diskursivnyy rezhim teksta na primere upotrebleniy chasticy *pust'* // *Issledovaniya po teorii grammatiki*. Moskva, 2008. S. 135—160.

Dobrushina 2014 — N. R. Dobrushina. Modal'nye predikaty i soslagatel'noe naklonenie. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferencii «Dialog»*. Moskva, 2014.

Evans 2012 — N. Evans. Some problems in the typology of quotation: a canonical approach. *Canonical Morphology and Syntax*, 66. 2012.

Holvoet 2010 — A. Holvoet. Mood in Latvian and Lithuanian // *Mood in the Languages of Europe* / B. Rothstein and R. Thieroff (eds.). Vol. 120. Amsterdam, 2010.

Issatschenko 1965 — A. V. Issatschenko. *Grammaticheskiy stroy russkogo yazyka v sopostavlenii s slovackim. Morfologiya*. I—II. Izdanie vtoroje. Moskva, 2003 (Reprint izdaniya: Bratislava. 1965. 1-e izd. — 1954—1960).

Lyashevskaya, Sharov 2009 — O. N. Lyashevskaya, S. A. Sharov. *Novyy chastotnyy slovar' russkoy leksiki*. Moskva, 2009.

Metslang, Sepper 2010 — H. Metslang, M.-M. Sepper. Mood in Estonian // *Mood in the Languages of Europe* / B. Rothstein and R. Thieroff, eds. Vol. 120. Amsterdam, 2010.

Paducheva 1996 — E. V. Paducheva. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. Moskva, 1996.

Резюме

В статье рассматриваются прагматические употребления сослагательного наклонения, то есть такие, при которых наклонение не имеет значения ирреальности,

а обозначает некатегоричность: *Я бы предложил перейти к следующему вопросу*. Эти употребления характерны для 1 и 2-го лиц и ограничены определенным типом глаголов, список которых приводится в статье. Особое внимание уделено употреблениям глагола *хотеть* с частицей *бы*. Обсужден ряд свойств прагматического сослагательного наклонения: способность сочетаться с индикативным условным придаточным, способность сочиняться с глаголом в индикативе и другие.

Ключевые слова: наклонение, сослагательное наклонение, прагматика, лицо, желание

Статья получена 31.10.2014

NINA R. DOBRUSHINA

PRAGMATIC USES OF RUSSIAN SUBJUNCTIVE

The paper considers pragmatic uses of the Russian subjunctive which does not refer to an irreal situation but marks an utterance as non-categorical (as in English: "I would suggest switching to the next question"). These usages are common in the 1st and 2nd person though confined to a narrow class of verbs listed in the paper. The paper focuses on the subjunctive of the verb *xotet'* ('want'). It is shown that the pragmatic subjunctive has a number of special properties: it may combine with indicative conditional protasis and may be co-ordinated with indicative forms.

Keywords: mood, subjunctive, pragmatics, person, desire

Received on 31.10.2014

Н. А. ЗЕВАХИНА

К КЛАССИФИКАЦИИ ИЛЛОКУТИВНЫХ ТИПОВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА *

1. Введение

1.1. Постановка проблемы

Предложенные Дж. Остином и Дж. Серлем классификации речевых актов, или речевых действий, до сих пор дискутируются лингвистическим сообществом, в том числе грамматистами. По каким критериям классифицировать предложения, которые соответствовали бы высказываниям, лежащим в основе речевых актов определенного вида? Возможна ли в принципе такая классификация? Что ставится во главу угла и что не учитывается при той или иной классификации?

Ответы на эти вопросы определяются прежде всего тем, что понимается под высказыванием и предложением. Вслед за работой [Падучева 1985: 29] мы понимаем высказывание как «речевое произведение, созданное в ходе речевого акта и рассматриваемое в контексте этого речевого акта». Для построения высказывания говорящий использует предложения, которые обладают грамматическим, смысловым и просодическим единством. Согласно наиболее распространенной точке зрения, грамматически предложение содержит финитную предикативную структуру, поэтому ответные реплики, экспрессивные реакции (т. е. коммуникативы в терминологии И. А. Шаронова — см., в частности, [Шаронов 1996; 2009]) и междометия традиционно не относятся к предложениям.

Теория речевых актов базируется на идее о том, что речевой акт является намеренным. Поскольку высказывание лежит в основе речевого акта,

* Статья подготовлена в результате проведения исследования (№ проекта 15-01-0026) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015—2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ. Мы искренне благодарим Э. Кёниха, Г. И. Кустову, Н. К. Онипенко, Е. В. Падучеву, И. А. Шаронова и Т. Е. Янко за высказанные полезные суждения и комментарии.

говорят о цели высказывания¹ — коммуникативном намерении говорящего, передаваемом в речевом акте (например, выражении мнения, совета, выражении благодарности и т. д.). Отсюда следует, что реплики, экспрессивные реакции и междометия не учитываются еще и по причине того, что не являются намеренными (см., однако, раздел 2.3).

Обычно под соотношением типов предложений и типов речевых актов понимают разделение предложений по цели высказывания, или по иллокутивной цели, например, классификацию предложений на повествовательные, вопросительные и побудительные. Такая классификация представляет собой «деление ⟨предложений⟩ с точки зрения «предназначения» предложения к использованию в речевом акте с той или иной иллокутивной функцией» [Падучева 1985: 30]. Чтобы отразить идею иллокутивного предназначения предложения, в качестве синонима сочетания «классификация предложений по цели высказывания» мы будем употреблять сочетание «классификация иллокутивных типов предложений».

Однако по многим вопросам мнения исследователей расходятся. Так, неясно, существуют ли наборы грамматических признаков, однозначно определяющие иллокутивное предназначение того или иного предложения. Другими словами, неясно, какие критерии должны лежать в основе деления предложений на иллокутивные типы. В частности, поскольку в некоторых работах помимо трех иллокутивных типов предложений, упомянутых выше, выделяются еще и другие иллокутивные типы, набор критериев существенно варьирует.

Задача предлагаемого исследования — обсудить некоторые существующие классификации иллокутивных типов предложений, принятые в русистике (применительно к русскому языку) и в типологической литературе (применительно к языкам вообще); с учетом типологического опыта предложить классификацию иллокутивных типов предложений русского языка.

Структура работы следующая. После обсуждения терминологии в разделе 1.2 мы перейдем к рассмотрению классификаций иллокутивных типов предложений (см. раздел 2), принятых в русистике и состоящих либо из трех, либо из четырех иллокутивных типов (см. 2.1 и 2.2 соответственно). Завершает раздел 2 небольшой типологический экскурс (см. 2.3). В разделе 3 мы обсудим смежные темы, а именно относятся ли восклицательные предложения к сфере субъективной модальности или к экспрессивным речевым актам (см. 3.1), а также является ли конвенциональное иллокутивно-конструктивное соответствие характеристикой иллокутивных типов предложений (см. 3.2). В разделе 4 мы предлагаем альтернативную, на наш взгляд, классификацию иллокутивных типов предложений русского языка в типологической перспективе. В разделе 5 подводятся общие итоги работы.

¹ Другие названия — коммуникативная цель, коммуникативная задача, иллокутивная сила, иллокутивная цель, иллокутивная функция.

1.2. Терминология

Установим соответствия между русскоязычными и англоязычными терминами, которые используются наиболее часто, когда речь идет об иллокутивных типах предложений:

Таблица 1

**Русскоязычные и англоязычные названия
иллокутивных типов предложений**

Русскоязычные термины	Англоязычные термины
Повествовательный / утвердительный / ассертивный тип предложения	Declarative / assertive sentence type
Вопросительный тип предложения	Interrogative sentence type
Побудительный / повелительный тип предложения	Imperative sentence type
Оптативный тип предложения	Optative sentence type
Восклицательный / экскламативный тип предложения	Exclamative sentence type

Часть русскоязычных терминов, а именно повествовательный / утвердительный, вопросительный, побудительный / повелительный, восклицательный типы предложений, достаточно широко распространены в русскоязычной литературе, в то время как термины ассертивный, оптативный и экскламативный, будучи кальками с английского, встречаются реже. Мы будем пользоваться терминами ассертивный, вопросительный, побудительный, оптативный, восклицательный / экскламативный типы предложений соответственно (в последнем случае мы используем каждый термин в разных значениях, см. ниже). В Таблице 1 они выделены жирным шрифтом. Заслуживает краткого комментария выбор терминов ассертивный и восклицательный / экскламативный типы предложений.

В английском языке различаются два термина, переводимые на русский язык как утвердительные предложения. С одной стороны, существует *assertive sentence type* 'утвердительный (ассертивный) тип предложения', входящий в парадигму иллокутивных типов предложений. С другой стороны, имеется *affirmative sentence* 'утвердительное (аффирмативное) предложение', употребляемое как антоним *negative sentence* 'отрицательное предложение'. В русском языке в обеих оппозициях в принципе может использоваться термин утвердительное предложение, однако это порождает нежелательную омонимию терминов. Чтобы избежать этого, мы будем пользоваться понятиями ассертивный (иллокутивный) тип предложения и аффирмативное предложение в указанных выше значениях соответственно.

Другое решение предлагается в отечественной грамматической традиции (см., в частности, [Гак 2000; Золотова 1973; Галкина-Федорук и др. 1958/2009]), где последовательно разграничиваются повествовательные предложения, входящие в парадигму иллокутивных типов предложений, и утвердительные предложения, противопоставленные отрицательным предложениям.

Термины *эксclamативный* и *восклицательный* типы предложений были выбраны для того, чтобы отграничить восклицательные предложения в узком смысле, или *эксclamативные конструкции* (например, *Какой он большой!*), от *восклицательных предложений* в широком смысле. Последние помимо *эксclamативных* включают в себя множество предложений, произносимых с *эмфазой*² (например, *ассертивное Я вчера сдал экзамен!*, *вопросительное Ну когда же ты это сделаешь?!*, *побудительное Выбери мне самую интересную книгу!*)³. Здесь и далее под *эксclamативным* типом предложения понимаются исключительно *эксclamативные конструкции*, а под *восклицательным* типом предложения — как *эксclamативные конструкции*, так и *эмфатические восклицательные конструкции*.

Как нетрудно заметить, ряд англоязычных названий иллокутивных типов предложений омонимичен названиям наклонений, встречающихся в языках мира (ср. *imperative*, *optative*, а также *declarative*, *interrogative*)⁴. С одной стороны, это неслучайно, поскольку иллокутивные типы предложений при наличии в языке соответствующих наклонений маркируются ими. С другой стороны, под одним и тем же термином могут подразумеваться различные явления. Так, термин *imperative* можно трактовать двумя способами. С одной стороны, *imperative* — это повелительное наклонение, или императив, а также побудительный тип предложения, обязательным условием употребления которого является наличие глагола в форме повелительного наклонения. С другой стороны, *imperative* — это исключительно побудительный тип предложения, который имеет несколько подтипов, соответствующих наклонениям, выражающим побудительность (например, *прохибитив*, *гортатив*, *юссив* и др.).

Примечательно, что термин *наклонение* (*mood*) также омонимичен. Как отмечается в [Harnish 1994], следует различать морфологическое на-

² В определении *эмфазы* мы следуем за [Янко 2008: 23]: *эмфаза* — «выражение говорящим сильных чувств по поводу ненормативных явлений жизни». «Акцентным выражением *эмфазы* служат *эмфатические корреляты акцентов ИК-1 и ИК-3*» [Янко 2001: 64]. Собственно *эмфазой* считается коммуникативное значение, модифицирующее компоненты речевых актов, направленных на сообщение, повеление, вопрос [Там же: 65].

³ В частности, риторические вопросы интонационно оформляются так же, как и другие виды вопросов (устное сообщение Т. Е. Янко).

⁴ Наклонения *declarative*, *interrogative* встречаются реже в языках мира, чем *imperative* и *optative* (см. подробнее [Koenig, Siemund 2007]), и в целом характерны для полисинтетических языков.

клонение (глагольный показатель) и синтаксическое наклонение (см. [Есперсен 1924/1958; Шахматов 1925/2001]). Если О. Есперсен понимал синтаксическое наклонение как соответствие между формой, выражающейся не обязательно морфологическими средствами, но и синтаксическими конфигурациями, лексическими единицами и интонационными контурами, и ее функцией (семантикой и употреблением)⁵, то А. А. Шахматов полагал, что синтаксические наклонения служат для передачи «оттенков» значений основных морфологических наклонений. Так, выделяются следующие синтаксические наклонения: предостерегательное (*Смотри не ушибись!*) как разновидность повелительного, условное (*Если бы он был здесь, он мог бы нам помочь*) и желательное (*Если бы я мог её увидеть!*) как разновидности сослагательного и др.⁶ Таким образом, О. Есперсен понимал синтаксическое наклонение шире, чем А. А. Шахматов. В данной работе мы придерживаемся более широкой точки зрения, однако с определенной модификацией: под синтаксическим наклонением мы понимаем любой вариант формы, будь то сегментные (морфологические, синтаксические, лексические) или суперсегментные средства. Наш выбор обусловлен исключительно практическими соображениями.

Различие между морфологическим и синтаксическим наклонениями существенно в следующем смысле: они служат основами двух конкурирующих классификаций иллокутивных типов предложений.

2. Классификации иллокутивных типов предложений

Итак, сколько существует иллокутивных типов предложений в языках вообще и в русском языке в частности? Ответ на этот вопрос далеко не очевиден и зависит от конкретной традиции, а именно от лежащих в ее основе критериев и от описываемого в ее рамках языкового материала. Сначала мы обратимся к классификациям иллокутивных типов предложений русского языка (см. разделы 2.1 и 2.2), затем рассмотрим типологически релевантную классификацию (см. раздел 2.3).

Классификации иллокутивных типов предложений в языках вообще и конкретно в русском языке различаются тем, что в них является первичным — семантика или грамматика.

Так, с одной стороны, можно исходить из того, что все многообразие иллокутивных целей (и ожидаемых реакций со стороны слушающего) с известной долей условности сводится к нескольким основным классам, т. е. обобщенным иллокутивным целям (см. разделы 2.1, 2.2.1 и 2.2.2). Установив их,

⁵ Как отмечается в [Harnish 1994], наклонение со временем стало осмысляться как синоним иллокутивного типа предложения: ср. неслучайную омонимию иллокутивных типов предложений и наклонений, о которой говорилось выше.

⁶ В [Грамматика 1980] желательное и условное наклонения являются «полноценными» наклонениями наряду с сослагательным.

исследователи определяют грамматические особенности предложений, «предназначенных» к использованию в речевом акте с той или иной иллокутивной целью. Поскольку между иллокутивными целями и средствами их выражения нет взаимно-однозначного соответствия, довольно сложно установить, по каким грамматическим критериям следует классифицировать предложения, передающие ту или иную обобщенную иллокутивную цель. Как наиболее «надежный» используется морфологический критерий, при котором во главу угла ставится морфологическое наклонение (см. раздел 2.1). Однако зачастую этого критерия бывает недостаточно, поэтому применяется синтаксический критерий, в основе которого лежит синтаксическое наклонение (см. разделы 2.1, 2.2.1 и 2.2.2).

С другой стороны, можно идти от особенностей различных грамматических классов предложений к иллокутивным целям, необязательно обобщенным. В таком случае морфологическое наклонение служит приоритетным критерием разграничения типов предложений, однако особые неморфологические (синтаксические, лексические, интонационные) свойства некоторых предложений являются основанием для их выделения в отдельные типы (см. раздел 2.3).

Наконец, мы посчитали важным осветить еще одну концепцию (см. раздел 2.2.3), основанную на идее, что среди средств выражения речевых актов, не обязательно соответствующих предложениям в принятом здесь смысле, выделяются регулярные просодические средства.

По количеству предлагаемых иллокутивных типов предложения можно классифицировать следующим образом. В русистике одни авторы признают три иллокутивных типа предложений: асертивные, вопросительные и побудительные (см. раздел 2.1). Другие авторы выделяют четыре иллокутивных типа предложений, однако среди них имеются расхождения в том, какой четвертый тип включать в классификацию помимо трех перечисленных выше: оптативный или восклицательный (см. разделы 2.2.1—2.2.2). В типологической литературе принят еще один подход: доказывается существование потенциально бесконечного количества иллокутивных типов предложений в языках мира (однако в каждом конкретном языке их, разумеется, конечное число), см. раздел 2.3.

2.1. Три иллокутивных типа предложений

Согласно наиболее распространенной отечественной научной и школьной традиции (в частности, [Грамматика 1960; Падучева 2014; Булыгина и Шмелев 1997; Галкина-Федорук и др. 1958/2009; Литневская 2006]), предложения русского языка делятся по цели высказывания на три типа: повествовательные / асертивные⁷, вопросительные и побудительные. Примеры (1)—(3) иллюстрируют эти три класса.

⁷ Во всех работах, относимых к трехчленной концепции, принят термин повествовательные предложения, кроме работы [Падучева 2014], где

- (1) повествовательное / асертивное
Когда мы пришли в «Известия» на встречу с Дмитрием, журналист сидел за столом в окружении коллег и заразительно смеялся (Д. Соколов. «Витрина читающей России» (2002)).⁸
- (2) вопросительное
«Но ты придешь к обеду?» — спросила она, когда я поставил чашку на поднос (Ф. Искандер. Летним днем (1969)).
- (3) побудительное
— Пожалуйста, не занимайте вечер 31-го числа, придите, очень нужно, очень важно (В. Войнович. Иванькиада (1976)).

Для сторонников трехчленной классификации первичной является семантика. Они исходят из того, что все многообразие иллокутивных целей можно свести к утверждению, вопросу и побуждению, которые соответствуют трем упомянутым выше иллокутивным типам предложений. Вопрос о том, каков набор грамматических признаков каждого из трех типов предложений, не является первостепенным и решается сторонниками излагаемой концепции по-разному. Так, авторы работ [Грамматика 1960; Галкина-Федорук и др. 1958/2009] берут за основу синтаксический критерий, в то время как в работе [Падучева 2014] в качестве основного принимается морфологический критерий. Кратко изложим позиции исследователей.

Авторы работ [Грамматика 1960: 354; Галкина-Федорук и др. 1958/2009: 13] не отмечают каких-либо морфосинтаксических или лексических признаков асертивных (повествовательных) предложений, однако выделяют интонационные признаки, например, понижение тона к концу предложения, и другое. А. М. Пешковский, также выделяя асертивный (повествовательный) тип предложения в своей классификации (см. раздел 2.2.2), полагает, что повествовательные предложения являются «нулевой категорией по отношению к остальным» [Пешковский 1914/2001: 392]. Другими словами, признаком асертивного типа предложения является отсутствие морфосинтаксических и лексических признаков других иллокутивных типов предложений.

Основными способами выражения вопросительных предложений являются частицы (например, *ли, разве, неужели*) в общих вопросах и вопросительные местоимения *какой, кто, что* и т. д. в частных вопросах, а также особая вопросительная интонация, которая заключается в «повышении тона на слове, с которым непосредственно связан смысл вопроса»⁹ [Грамма-

предлагается использовать термин *асертивные предложения* (см. также раздел 1.2).

⁸ Здесь и далее используются примеры из НКРЯ.

⁹ Как справедливо указывается в работах [Баранов, Кобозева 1983] и [Кобозева 2009], существуют вопросы с неингерентной темой, в которых конкретное слово является носителем акцентного пика, однако смысл вопроса связан не столько с этим словом, сколько с целой конструкцией, в которую оно входит, ср.: *(Отчего*

тика 1960: 356]. В общих вопросах при отсутствии частиц (например, *Он пришел?*) интонация является единственным средством выражения иллокутивности. Более полный перечень средств выражения вопросительных предложений можно найти, например, в [Грамматика 1960: 354—365; Пешковский 1914/2001: 393—395].

Побудительные предложения маркируются, прежде всего, формами повелительного наклонения, но не только. Побудительность может также выражаться формами настоящего времени множественного числа изъявительного наклонения (*Пойдем!*), сослагательного наклонения (*Оставили бы*), инфинитивными формами без частицы *бы* и с ней (*Молчать!*; *Поспать бы*), а также различными просодическими средствами (см. подробнее [Грамматика 1960: 362—365]).

Перечисленные три иллокутивных типа предложений имеют характерные для них интонационные контуры, или интонационные конструкции, далее ИК (см. [Грамматика 1960: 354—365, Грамматика 1980: §1899] соответственно).

Обратимся теперь к концепции Е. В. Падучевой. Согласно работе [Падучева 2014], в каждом из трех иллокутивных типов предложений используется та или иная грамматическая иллокутивная модальность, которая, как и все грамматическое, является обязательной.

Кратко поясним термины иллокутивная модальность и грамматическая иллокутивная модальность. Иллокутивная модальность, выражающая коммуникативное намерение говорящего, противопоставлена объективной модальности (реальность vs. ирреальность) и субъективной модальности (отношение говорящего к высказыванию). Различение трех видов модальности характерно для отечественной грамматической традиции (см., в частности, [Гак 2000; Золотова 1973])¹⁰. Отметим, что в грамматических типологических исследованиях (см., в частности, [Foley, Van Valin 1984]) также иногда встречается выделение трех видов модальности, однако, в целом, в них более распространено противопоставление двух разновидностей модальности — объективной и субъективной.

Под грамматической иллокутивной модальностью подразумевается выражение иллокутивной модальности с помощью грамматических средств, в первую очередь с помощью морфологического наклонения, ср. «суть семантики наклонения (по крайней мере, противопоставления изъявительного и повелительного наклонения) сводится к выражению иллокутивного предназначения предложения» [Падучева 1985: 30],

же ты плачешь, глупенькая?) Ты жалеешь оружейника *Проспéро?* (Ю. Олеша) (пример заимствован из вышеупомянутых работ). Мы благодарим анонимного рецензента за данное замечание.

¹⁰ Термин *иллокутивная модальность* употребляется также в близком значении в [Булыгина, Шмелев 1997].

ср. также [Падучева 2014]. Так, первичная функция повелительного наклонения — выражение побуждения, поэтому побудительный тип предложения выражается, прежде всего, этим наклонением. Изъявительное наклонение противопоставлено повелительному по линии иллокутивной модальности и служит для выражения ассертивности, ср. [Там же: 33, сн. 8]. Однако, как справедливо отмечается в [Падучева 2014], оно также выражает реальную модальность и в этом плане противопоставлено ирреальным наклонениям, сослагательному и повелительному. Вопросительный тип предложения в русском языке не имеет специального морфологического наклонения¹¹, однако поскольку вопрос имеет иллокутивную модальность наравне с утверждением и побуждением (и в этом проявляется первичность семантики в трехчленной классификации), уместно представлять вопросительный тип предложения как третью грамматическую иллокутивную модальность, которая выражается неморфологическими средствами: вопросительными словами, частицами, интонационными контурами и др. Рассмотрение вопросительных предложений наряду с ассертивными и побудительными показывает, что морфологический критерий не вполне убедителен и, на наш взгляд, может быть заменен синтаксическим критерием.

Поскольку дальнейший обзор концепций (см. разделы 2.2 и 2.3) включает рассмотрение экскламативных и оптативных предложений, мы посчитали важным кратко обсудить их статус в рамках трехчленной концепции. Надо сказать, что их статус однозначен: оба вида конструкций относятся к ассертивному типу предложений, однако они отличаются от «обычных» ассертивных предложений тем, что выражают отношение говорящего к сообщаемому, т. е. являются субъективно-модальными (о субъективной модальности см. также раздел 3).

Согласно трехчленной концепции, экскламативные предложения, т. е. конструкции с восклицательными местоимениями (*Какой он умный!*, *Он такой умный!*)¹², выражают утверждение о положении дел в мире и эмоцию говорящего, ср. *Какой он умный!* ‘Он умный, и я этим восхищаюсь’. Таким образом, экскламативные предложения относятся к ассертивному типу, а экспрессивный компонент высказывания отражает субъективно-модальную характеристику таких предложений.

¹¹ Есть языки, в которых на основании трех глагольных наклонений можно выделить три иллокутивных типа предложений соответственно. Таков, например, гренландский вариант эскимосского языка. В нем есть парадигма суффиксов вопросительного типа, см. подробнее [König, Siemund 2007].

¹² Термин *восклицательные местоимения* применительно к местоимениям *какой*-серии был предложен в работе [Пешковский 1914/2001: 157]. Имеется в виду не только собственно местоимение *какой*, но и некоторые другие местоимения *какой*-серии (*как, кто, что, сколько, где, куда*), но не *когда, почему и зачем* (см. подробнее [Zevakhina 2013]). В [Крейдлин 1994] к восклицательным местоимениям наряду с *какой*-местоимениями относятся также местоимения *такой*-серии, т. е. *такой и так*.

Обратимся теперь к оптативным предложениям, в которых употребляется сослагательное наклонение в желательном значении (например, *Если бы он пришел!*¹³). Они выражают утверждение о желании говорящего, чтобы какая-то ситуация наступила, ср. 'Я хочу, чтобы он пришел'¹⁴.

Здесь уместно сделать небольшой комментарий. Вообще говоря, внутренняя семантическая структура 'Я хочу, чтобы...' может быть выделена не только у оптативных предложений, но и у ассертивных и вопросительных. Так, авторы монографии [Храковский (ред.) 1992: 10—11] полагают, что цель повествовательного, или в нашей терминологии ассертивного, высказывания — увеличить фонд знаний слушающего, и поэтому такое высказывание имеет вид 'Я хочу, чтобы ты знал Р'. Цель вопросительного высказывания — вызвать обязательную ответную речевую реакцию слушающего, и поэтому вопросительное высказывание имеет вид 'Я хочу, чтобы ты сделал так, чтобы я знал Р'. Из этого как будто следует, что субъективно-модальный компонент желательности обязательно присутствует в семантике ассертивных и вопросительных предложений, однако в рамках трехчленной концепции субъективная модальность не является необходимым компонентом таких предложений.

Впрочем, на формулирование вопроса в виде 'Я хочу, чтобы...' сторонники трехчленной концепции могут возразить, что эта структура не элиминирует второго важного компонента вопроса — «попытка спрашивающего побудить адресата сообщить ему нужную информацию» [Кобозева 1987: 41], что является условием назначения вопроса. Отсюда следует, что семантика вопросительных предложений содержит побудительный компонент, и это свидетельствует о сходстве вопросительных и побудительных предложений. Еще одно свидетельство в пользу сходства между этими видами предложений можно найти в работе [Храковский (ред.) 1992]. В ней отмечается, что вопросительные и побудительные (повелительные в терминологии авторов монографии) предложения противопоставлены ассертивным (повествовательным в той же терминологии) тем, что предполагают обязательную ответную реакцию адресата (ср. также [Пешковский 1914/2001: 392]). Все это неслучайно. С точки зрения речевых актов, как отмечается в [Croft 1994], директивам в классификации Дж. Серля (и экзерситивам в классификации Дж. Остина) соответствует не один, а два иллокутивных типа предложений — вопросительные и побудительные предложения. Таким образом, классификация иллокутивных типов предложений, в основе которой лежит первичное семантическое разграничение иллокутивных целей на три обобщенных типа — утверждение, вопрос и

¹³ Сюда также могут быть отнесены инфинитивные конструкции с частицей *бы*: *Поспать бы!*. Однако, согласно [Добрушина 2012], в них употребляется несобственно сослагательное наклонение.

¹⁴ В рамках трехчленной концепции сослагательное наклонение выражает субъективную модальность как в утверждениях, так и в вопросах.

побуждение, не вполне соотносится с классификацией речевых актов. Только если принять во внимание, что классификация иллокутивных типов предложений учитывает не только семантические особенности, но и грамматические средства выражения иллокутивных целей, становится понятной и мотивированной сама идея классификации, отличная от идеи классификации речевых актов. Это доказывает одинаковую степень важности как семантики, так и грамматики при классификации иллокутивных типов предложений.

2.2. Четыре иллокутивных типа предложений

Перейдем к рассмотрению трех вариантов четырехчленной концепции. Наряду с тремя базовыми типами выделяют либо оптативный (вариант 1), либо экскламативный тип предложения (варианты 2 и 3). В основе вариантов 1 и 2 лежит синтаксический критерий, в то время как в рамках варианта 3 выделяются такие речевые акты, которые имеют регулярные просодические средства выражения.

2.2.1. Вариант 1

Авторы [Грамматика 1980] так же, как и сторонники вышеизложенной трехчленной классификации (см. раздел 2.1), исходят из того, что все многообразие иллокутивных целей можно свести к нескольким обобщенным типам (т. е. семантика в данном подходе также является первичной). Однако в отличие от исследователей, взгляды которых излагались выше, они предлагают выделять не три, а четыре обобщенные иллокутивные цели: утверждение, вопрос, побуждение и выражение желания. Соответственно, в [Грамматика 1980: § 1899] выделяются четыре иллокутивных типа предложений: повествовательный (в нашей терминологии ассертивный), вопросительный, побудительный и «со значением желания» (в нашей терминологии оптативный), см. примеры (1)—(4). В оптативных предложениях реализуется желательное наклонение.

(4) оптативное

Если бы она пришла хотя бы к концу дня 5 января... (Эд. Поляновский. «Известия» (2002)).

Согласно [Падучева 1996: 300], в [Грамматика 1980] желательное наклонение, выраженное в оптативных предложениях, исключается из сферы субъективной модальности и относится наряду с другими наклонениями к сфере объективной модальности. Однако такое решение представляется нам не вполне обоснованным. Так, в [Плунгян 2003: 315—316] в семантической зоне желательности объединяются значения оценочной и ирреальной модальностей, т. е. в терминах [Грамматика 1980] — субъективной и объективной модальностей. Другими словами, выделение оптативных предложений в отдельный тип не отменяет их субъективно-модальной ха-

рактические. Желательность содержит субъективно-модальный компонент, как и (не)согласие, удивление и другие оценочные значения.

Поскольку, согласно [Грамматика 1980], в отличие от желательности, кодируемой специальным желательным наклонением и относящейся к сфере объективной модальности, восклицательные конструкции такого «преимущества» не имеют и выражают субъективную модальность, они, в отличие от оптативных, не выделяются в отдельный иллокутивный тип предложения. Интересно, что с типологической точки зрения, в некоторых языках желательность выделяется в отдельную грамматическую категорию — оптатив, в то время как удивление как отдельная грамматическая категория «без примесей» не существует: типологически достаточно редкая категория миративности маркирует не столько удивление, сколько маловероятность описываемой ситуации.

2.2.2. Вариант 2

Другой вариант — причислить к трем базовым иллокутивным типам предложений четвертый, восклицательный, тип — предлагался в работах [Пешковский 1914/2001; Падучева 1996¹⁵]¹⁶. В обеих работах восклицательный тип предложения включает в себя не только экскламативные, но и другие восклицательные предложения в широком смысле.

(5) восклицательное в широком смысле

Через полтора часа за вами придет Джош! (Т. Соломатина. Сонина Америка (2010)).

(6) экскламативное

Ой, какой он большой, этот автобус! (В. Конецкий. Начало конца комедии (1978)).

Сторонники излагаемой концепции исходят из первичности семантики и сводят все многообразие иллокутивных целей к четырем обобщенным типам: утверждение, вопрос, побуждение и экспрессия / выражение чувства. При этом в [Падучева 1996] экспрессивные показатели коммуникативного намерения говорящего представляют собой одну из групп средств выражения субъективной модальности (еще одну группу формируют вводные слова). В [Пешковский 1914/2001] все четыре типа являются субъективно-объективными, поскольку «выражают различия не в отношениях между словами, а в отношениях говорящего к своей речи» [Там же: 392].

¹⁵ Однако ср. [Падучева 2014].

¹⁶ К этим работам можно добавить монографию [Шахматов 1925/2001]. Несмотря на то что в ней нет упоминания об иллокутивных типах предложений, на с. 187 имеется комментарий («Здесь нет утверждения» к примеру *Ах, она старая чертовка!*), который наводит на мысль о том, что исследователь склонялся скорее к четырехчленной классификации (с включением восклицательных предложений), нежели к трехчленной классификации.

Остается не до конца ясным, к какому типу предложений в рамках обсуждаемой классификации относятся оптативные предложения. Например, непонятно, почему оптативные предложения, в семантике которых, как кажется, присутствует экспрессивный компонент, не относятся к восклицательному типу предложения (во всяком случае, исследователи об этом не упоминают).

2.2.3. В а р и а н т 3

Надо признать, что третий вариант не вполне соответствует заявленной в работе теме: в нем представлена классификация не иллокутивных типов предложений, а речевых актов, имеющих регулярные средства выражения. Этот подход предлагается в работах Т. Е. Янко [2001; 2008]. Мы посчитали важным кратко осветить его здесь, поскольку он связан со второй рассмотренной выше концепцией (см. раздел 2.2.2).

В основу классификации положен семантико-интонационный критерий, заключающийся в том, что каждый речевой акт выражает определенную первичную иллокутивную цель и имеет определенный регулярно выражаемый интонационный контур, соотносимый с коммуникативной структурой высказывания. В русском языке различаются пять речевых актов, имеющих «регулярные средства выражения» [Янко 2001: 22]: сообщение, вопрос, императив, восклицание и обращение.

Как уже было сказано, эта классификация подразумевает другую систему координат, нежели рассмотренные выше классификации, и регулярно выражаемые типы речевых актов не то же самое, что иллокутивные типы предложений. Интересно, однако, отметить, что, кроме обращения, все остальные выделяемые речевые акты — сообщение, вопрос, императив, восклицание — как кажется, в точности должны соответствовать четырехчленной классификации предложений, а точнее ее второму варианту (см. раздел 2.2.2). При более же внимательном изучении концепции Т. Е. Янко оказывается, что это не совсем так. Во-первых, такие конструкции, как *Гулять так гулять!*, являются фразеологизированными с интонационной точки зрения, т. е. их интонационный контур не совпадает с контуром обычного утверждения (ср. *Вася пошел в школу*). При этом согласно изложенному в разделах 2.2.1—2.2.2, такие конструкции являются субъективно-модальными асертивными предложениями. Во-вторых, в отличие от четырехчленной классификации, изложенной в разделе 2.2.2, под восклицанием понимаются не восклицательные предложения в широком смысле, а только экскламативные предложения, реализующие ИК-5 (т. е. предложения с восклицательными местоимениями *какой-серии*: *какой, кто, что, сколько* и др., а также *Ну и ... же!*, *И дивная же сегодня погода!* и т. д.).

Обращение не имеет грамматического предикативного центра и не является предложением, в отличие от асертивных, вопросительных, побудительных и восклицательных предложений. Так что интересен тот факт, что с интонационной точки зрения обращение в этой классификации, тем не менее, ставится в один ряд с предложениями.

2.2.4. Предварительные итоги

Подведем предварительные итоги. С одной стороны, появление оптативного типа предложения в одной концепции и восклицательного типа в другой наряду с ассертивным, побудительным и вопросительным заставляет задуматься о том, корректен ли подход, предлагающий выделять только три иллокутивных типа предложений. С другой стороны, как в первом, так и во втором варианте четырехчленной классификации остается неясной мотивация выбранного пути. На каком основании из всего множества предложений выделяются именно эти четыре типа? Почему наряду с общепризнанными тремя типами выделяется в одном случае оптативный и в другом случае восклицательный тип, а другой соответствующий тип не принимается во внимание? Кажется, было бы логично включить и тот и другой иллокутивный тип предложения в обсуждаемую классификацию. Что же касается наиболее распространенной трехчленной классификации, то даже она лишена единых критериев: ассертивные предложения в ней идентифицируются либо по изъявительному наклонению, либо по интонации (см. два исследовательских решения в разделе 2.2.1), побудительные — по повелительному наклонению, вопросительные — по лексико-грамматическим единицам или только по интонации. При таком «расплывчатом» подходе выделение оптативных и восклицательных предложений в отдельные типы, на наш взгляд, не «испортило» бы классификации. Правда, имелось бы одно «но»: восклицательные и оптативные предложения образовывали бы несопоставимо малые классы по сравнению с тремя базовыми. Впрочем, ниже мы обратимся к классификации, сторонники которой не воспринимают это как недостаток.

2.3. Потенциально бесконечное количество иллокутивных типов предложений: типологический экскурс

Если все предыдущие классификации были созданы на материале русского языка, то в настоящем разделе мы обратимся к классификации иллокутивных типов предложений, принятой в типологической литературе.

В отличие от рассмотренных выше классификаций, в основе которых лежало семантическое разграничение на обобщенные иллокутивные цели, первичным в типологически ориентированном подходе является грамматика. Согласно [Sadock, Zwicky 1985: 155], иллокутивный тип предложения — это соответствие грамматической структуры определенной иллокутивной цели, не обязательно обобщенной. Как будет показано ниже, в рамках такого подхода уникальность формы, а не значения (точнее употребления) определяет количество и набор иллокутивных типов предложений конкретного языка. Таким образом, в рамках рассмотренных выше классификаций речь идет о семантико-грамматическом соответствии, в то время как при типологическом подходе уместно говорить о грамматико-семантическом соответствии.

С типологической точки зрения, наиболее распространенными иллокутивными типами предложений (major sentence types) являются три уже рассмотренных: ассертивный, вопросительный и побудительный. Эти иллокутивные типы предложений характеризуются регулярностью способов выражения и высокой частотой встречаемости в языках мира (см. подробнее [Sadock, Zwicky 1985; König, Siemund 2007; 2013], а также [Lyons 1977], где высказываются близкие идеи). Однако здесь уместно сделать две оговорки: 1) существуют миноритарные иллокутивные типы предложений; 2) есть языки, в которых представлено менее трех иллокутивных типов предложений. Рассмотрим эти два утверждения.

Во-первых, наряду с тремя основными типами в некоторых языках есть и другие иллокутивные типы предложений — миноритарные (minor sentence types). Так, в языках, где имеются наклонения гортатива и прохибитива, выражающие побудительность, выделяются соответствующие типы предложений.

Другой пример — импрекативы (проклятия, ругательства), семантически также относимые к сфере побудительности, однако, например, в турецком языке они маркируются специальным суффиксом. Следовательно, в турецком это отдельный иллокутивный тип предложения, пусть и миноритарный.

Еще один пример, приводимый в [Sadock, Zwicky 1985; König, Siemund 2007; 2013], — это восклицательные предложения, которые занимают первое место среди миноритарных типов, поскольку они характеризуются относительно высокой частотностью и регулярностью, и могут обозначаться различными способами. Например, в русском языке имеется *какой-стратегия* (*Какой он большой!*) и *такой-стратегия* (*Он такой большой!*; *Он так вырос!*)¹⁷, и, как полагают авторы, первая стратегия образована на базе вопросительного типа предложения, в то время как вторая — на базе ассертивного. Есть также языки (например, капампанганский), в которых восклицательные предложения кодируются специальными глагольными формами [Sadock, Zwicky 1985: 163].

Наконец, в [Sadock, Zwicky 1985] опативы выделяются в отдельный миноритарный иллокутивный тип предложения (наряду с восклицательными и импрекативами).

Во-вторых, существуют языки, в которых отсутствует или побудительный, или вопросительный тип предложения, кодирующийся определенным морфосинтаксическим образом. В [Sadock 1994: 403—404] упоминается язык хидаца, который не располагает какой-либо специальной формой во-

¹⁷ Кроме того, в языках мира существуют другие стратегии оформления восклицательных предложений, например, инфинитивная, финитная инверсивная, со структурой косвенного вопроса, со структурой именной группы и др., см. подробнее [Zevakhina 2013]. О спорном восклицательном статусе местоимений *такой* и *так* см. раздел 4.

проса, и язык нунгкупую, в котором побуждение к действию выражается ассертивными предложениями в форме будущего времени. В [Sadock, Zwicky 1985] обсуждается язык тьярау, в котором побудительный тип предложения маркируется исключительно интонацией (см. также другие языки, ведущие себя похожим образом, в [König, Siemund 2013]).

Если сторонники изложенных в разделах 2.1—2.2 концепций рассматривают предложения, т. е. финитные предикативные структуры, то авторы обсуждаемых типологических работ ставят в один ряд с традиционно понимаемыми предложениями реплики, синтаксически не являющиеся целыми предложениями (например, *Воды!*; *Один чай, пожалуйста*; *Твоя очередь*; *⟨Он играет на пианино?⟩ Смешно!* и др.), а также обращения¹⁸ и *да/нет*-ответы. Вообще говоря, включение этих конструкций в классификацию иллокутивных типов предложений указывает еще и на то, что авторы (впрочем, не делая на этом акцент) рассматривают «живую», диалогическую речь, которая обычно остается за рамками обсуждения, например, в отечественных работах по описанию иллокутивных типов предложений. Кроме того, с точки зрения авторов [Грамматика 1960], выделение по крайней мере некоторых таких конструкций могло бы показаться несколько неожиданным и даже непоследовательным. Так, например, предложения вида *Воды!* относятся к побудительному типу предложения (см. [Грамматика 1960: 364]).

3. Смежные темы

Мы хотели бы рассмотреть две темы, непосредственно связанные с классификацией предложений на иллокутивные типы: относятся ли восклицательные предложения к сфере субъективной модальности или к экспрессивным речевым актам (см. раздел 3.1) и является ли конвенциональное иллокутивно-конструкционное соответствие характеристикой иллокутивных типов предложений (см. раздел 3.2).

3.1. Восклицательные предложения: субъективная модальность или экспрессивные речевые акты?

Вопрос о том, относятся ли восклицательные предложения к сфере субъективной модальности или лежат в основе экспрессивных речевых актов, решается в литературе по-разному.

В рамках трехчленной концепции (см. раздел 2.1) субъективная модальность¹⁹ включает в себя семантическую зону экспрессивности. В це-

¹⁸ Ср. с подходом Т. Е. Янко, изложенным в разделе 2.2.3.

¹⁹ Кроме того, субъективно-модальными являются вводные слова, модальные частицы и др. (см. подробнее [Грамматика 1980; Падучева 2014]). Субъективная модальность не является обязательным компонентом высказывания, в отличие от объективной модальности (см., в частности, [Золотова 1973]).

лом, субъективная модальность — достаточно «удобное» понятие: оно позволяет видеть в восклицательных предложениях (будь то оптативные, экскламативные или другие восклицательные) экспрессию и выводит ее за рамки классификации предложений на три иллокутивных типа. Таким образом, восклицательного (в широком смысле), экскламативного или оптативного типа предложения нет в трехчленной концепции.

В работе [Moutaouakil 2005] восклицания также относятся к сфере субъективной модальности. Исследователь мотивирует свою позицию следующим образом: «Говорящий желает, чтобы слушающий знал, что содержание языкового выражения впечатляет говорящего как удивительное, неожиданное или каким-либо другим образом примечательное» (с. 360). Восклицания выступают в качестве комментариев говорящего к неожиданному событию или необычному объекту, не требующих реакции слушающего, т. е. в них отсутствует перлокутивный эффект. Таким образом, они лишены одного из свойств, которым обладают речевые акты. На основании этих рассуждений исследователь делает вывод о том, что восклицания не соответствуют какому-либо речевому акту и тем более особому типу предложения, а представляют собой разновидность субъективной модальности.

Авторы работ [Castroviejo 2008; Grosz 2011; König, Siemund 2007; Merin, Nikolaeva 2008; Michaelis, Lambrecht 1996; Michaelis 2001; Rett 2011] среди многообразия речевых актов выделяют экспрессивные речевые акты. При этом одни исследователи (например, Е. Кастровьехо) полагают, что все свойства экспрессивных речевых актов, или экспрессивов, Дж. Серля (см. [Searle 1976; Серль 1986]): выражение эмоционального состояния говорящего, ориентация высказывания на говорящего, отсутствие направления от пропозиции к положению дел в мире — в одинаковой степени характерны как для предложений, содержащих иллокутивные глаголы (*благодарить, поздравлять* и др.)²⁰, так и для экспрессивных конструкций, в частности для восклицательных (ср. также «восклицательное предложение, предназначенное для участия в речевом акте экспрессивного типа» [Падучева 1996: 302]). Другие исследователи (например, Л. Микаэлис) считают, что все многообразие экспрессивных речевых актов не укладывается в классификацию Дж. Серля. Как бы то ни было, и те и другие исследователи полагают, что экспрессивные речевые акты передают экспрессивную оценку говорящего (например, желательность, удивление, сожаление, радость, восхищение и др.). Если авторы выделяют оптативный и экскламативный типы предложений, то эти типы кодируют экспрессивные речевые акты (см., например, [Grosz 2011]).

²⁰ Изначально, по Дж. Серлю, классификация речевых актов (репрезентативов, директивов, комиссивов, экспрессивов, декларативов) — это, прежде всего, классификация иллокутивных глаголов (см. [Searle 1976; Серль 1986]), однако в дальнейшем она стала осмысляться без привязки к таким глаголам (см., например, [Castroviejo 2008]).

3.2. Конвенциональное иллокутивно-конструкционное соответствие как характеристика иллокутивных типов предложений

В языке сосуществуют собственно иллокутивные конструкции (например, собственно ассертивные, собственно побудительные, собственно вопросительные, см. соответственно русские примеры (7)—(9)), и конструкции, не являющиеся таковыми.

- (7) *Тут Барсун опять протрезвел — шмыг прямо к сейфу, радио щелк и — цап-царап, цап-царап — пачечки распахивает по карманам: две себе положит, а третью передаст напарнику, что еще с колен не встал (А. Иличевский. «Зарубежные записки» (2008))²¹.*
- (8) — *Продай, Степан Михалыч! Продай! Будь человеком! Пойди на встречу! Войди в положение! (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)).*
- (9) *А когда это вы в Москве были?? (Форум «Наши дети: Подростки» (2004)).*

Имеется значительное количество структурных схем, грамматических показателей, лексических единиц, которые однозначно указывают на тот или иной иллокутивный тип предложения. Особое место занимают лексические единицы: местоимения, частицы, фраземы, грамматикализованные формы полнозначных слов. Так, в ассертивных предложениях употребляются так называемые глагольные междометия (о которых см. подробнее в [Грамматика 1980: § 2219, § 1701]); в побудительных предложениях — частица *-ка*, грамматикализованная глагольная форма *давай* (подробнее см. [Добрушина 2013]), идиома *будь человеком* и др.; в общепросительных — частицы *разве*, *неужели*, *что ли* и др. (см. подробнее работы И. Б. Левонтиной, И. М. Кобозевой, в частности [Левонтина 2014]), в то время как в частновпросительных — вопросительное местоимение и указательное местоимение *это* и др.

Конструкции, не являющиеся собственно ассертивными, собственно вопросительными или собственно побудительными, т. е. несобственно иллокутивные конструкции, выражают одну основную иллокутивную цель («ассоциируются» у носителей с одной иллокутивной целью). Такая цель получила в литературе название *сентенциальная сила* (sentential force), см. [Chierchia, McConell-Ginet 1990]. Несобственно иллокутивные конструкции могут быть употреблены и для выражения других иллокутивных целей, и тогда они оформляют косвенные речевые акты²².

²¹ Как кажется, глагольные междометия встречаются только в ассертивных предложениях.

²² Известные примеры косвенных речевых актов — это вежливые вопросы (например, *Не мог бы ты отправить письмо?*), выражающие побуждение к действию, и риторические вопросы, выражающие утверждения (например, *А судьи кто?*).

Другими словами, язык как бы стремится к идеальной ситуации взаимно-однозначного соответствия между формой и иллокутивной целью²³, т. е. можно говорить о конвенциональном иллокутивно-конструкционном соответствии.

Таким образом, верно не только то, что каждое предложение языка принадлежит только к одному иллокутивному типу предложения (ср. также с [Sadock, Zwicky 1985], где высказывается похожая мысль), но и то, что каждый иллокутивный тип предложения конвенционально ассоциируется только с одной первичной иллокутивной силой.

4. Иллокутивные типы предложений русского языка в типологической перспективе

Излагаемая ниже концепция классификации иллокутивных типов предложений русского языка является альтернативной тем, что были рассмотрены в разделах 2.1-2.2, и во многом исходит из типологических представлений, составляющих основу раздела 2.3. Мы хотели бы также подчеркнуть, что понимаем предложение как предикативную финитную структуру и оставляем на будущее анализ непредикативных нефинитных структур (в частности диалогических реплик), см. обсуждение в разделе 1.1.

Средства выражения иллокутивных целей можно условно разделить на сегментные и суперсегментные (прежде всего, интонационные), причем иерархически более высокую позицию занимают сегментные средства: морфологические, синтаксические и лексические. Среди сегментных средств более весомыми оказываются морфологические (в особенности наклонение). В русском языке таким морфологическим средством является только одно из трех наклонений, а именно императив, первичная функция которого — выражение побудительности.

Типологически довольно редко встречаются декларативное и интеррогативное наклонения (*declarative vs. interrogative mood*), маркирующие ас-

²³ Баланс между объемом языкового материала, который говорящий помнит и который конструирует в процессе порождения / интерпретации, должен соблюдаться не только в отношении иллокутивных типов предложений, но и вообще для языка. В этой связи нельзя не процитировать пассаж из [Рахилина 2008: 271]: «...реальный говорящий не может ни слишком много помнить, ни слишком много конструировать “на ходу”. В первом случае он будет похож на человека, который говорит с помощью одних только готовых клише и не может составить из имеющихся в его распоряжении текстовых блоков никакого нового текста (...) В случае же второй крайности говорящий, напротив, будет похож на человека, который каждый раз возвращается к себе домой с работы, пользуясь картой, компасом и схемой маршрута: путь, проделанный многократно, не может не храниться в памяти целиком, и нормальный человек обращается именно к этому целостному образу, а не к правилам его построения».

сертивный и вопросительный типы предложений соответственно. Гораздо чаще эти типы предложений кодируются неморфологическими сегментными средствами — лексическими единицами и синтаксическими конструкциями. Вопросительные предложения русского языка в этом отношении следуют общей тенденции. Частновопросительные предложения лексически маркируются вопросительными местоимениями, а синтаксически вопросительное местоимение обычно занимает начальную позицию в предложении, что, однако, не является обязательным условием (*Что Машиа купила?*; *Машиа что купила?*). Общевопросительные предложения лексически маркируются вопросительными частицами (но не только, см. ниже); синтаксически, например, общевопросительная частица *ли* располагается непосредственно после слова, к которому относится вопрос (*Пришел ли Петя?*; *Вот это не ваш ли ребенок?*).

Суперсегментные средства играют второстепенную роль при наличии сегментных средств. Например, в русском языке частновопросительные и асертивные предложения, различающиеся наличием / отсутствием вопросительного слова соответственно, с интонационной точки зрения могут не различаться: ср. *Где (ИК-2) ты живешь (ИК-1)* и *Тутше. Бабушка (ИК-2) спит (ИК-1)*²⁴. В этом отношении, согласно [Ultan 1978; Siemund 2001], русский язык вписывается в типологическую тенденцию: интонация играет второстепенную роль в частных вопросах.

Однако при отсутствии сегментных средств интонационные средства являются единственными маркерами типов предложений. Так, в русском языке асертивные и общевопросительные предложения различаются исключительно с помощью комбинации суперсегментных средств: ср. *Вася (ИК-3) пришел (ИК-1) — Вася (ИК-1) пришел (ИК-3)?* (см. также [Янко 2008: 96]). Как отмечается в [Ultan 1978; Siemund 2001], общевопросительные предложения в языках мира, как правило, маркируются исключительно интонацией, а именно восходящим акцентом. В русском языке также представлена эта распространенная стратегия (ИК-3)²⁵.

Асертивный тип предложений в русском языке относится к типологически наиболее распространенному виду асертивных предложений — к так называемому «немаркированному» (unmarked declaratives, см. [Sadock, Zwicky 1985: 165]), в том смысле, что он не маркируется специальными сегментными средствами. Интонация является наиболее надежным критерием выделения этого типа предложений (см. [König, Siemund 2007: 282]), а именно нисходящий акцент в конце предложения (в русском языке это ИК-1). В этой связи хотелось бы привести цитату из [Янко 2001: 25], характеризующую асертивный тип предложения русского языка: «... если в рус-

²⁴ Примеры заимствованы из [Янко 2008: 32].

²⁵ Интонационные конструкции Е. В. Брызгуновой называются акцентами в работах Т. Е. Янко [2001; 2008], кроме ИК-5, которая представляет собой сочетание акцентов.

ском предложении есть фонетическое слово, отмеченное акцентом ИК-1, который не сопровождается последующими подъемами ИК-3, и отсутствуют лексические (вопросительные слова), морфологические (повелительное наклонение) и другие сегментные маркеры иных речевых актов, значит, перед нами речевой акт сообщения».

Таким образом, говоря о трех иллокутивных типах предложений в русском языке — ассертивном, вопросительном и побудительном, можно утверждать следующее:

— Ассертивный тип предложения выделяется на основании суперсегментных средств, имеющих наименьший приоритет в иерархии средств. Изъявительное и сослагательное наклонения не являются смыслоразличительными при выражении иллокутивной цели, поскольку используются как в ассертивных, так и в вопросительных предложениях (а также в экскламативных предложениях, к которым мы обратимся ниже).

— Вопросительный тип предложения идентифицируется с помощью сегментных (лексических и синтаксических) или интонационных средств (например, в общих вопросах без частицы *ли* комбинации ИК-1 на невопросительном компоненте и ИК-3 на вопросительном компоненте — *Вася пришел?*).

— Наконец, побудительный тип предложения выражается наиболее «сильным» средством, а именно повелительным наклонением.

Рассмотрим далее восклицательные (в частности, экскламативные) и оптативные предложения.

Прежде всего, неправомерно выделять восклицательные предложения в широком смысле (например, *Я сдал экзамен!*, *Выбери мне самую интересную книгу!* или *Ну когда же ты это сделаешь?!*) в отдельный иллокутивный тип по следующей причине. Согласно [Янко 2001: 64], в таких предложениях имеются либо интонационные и лексические, либо только интонационные средства выражения эмфазы (см. также сноску 4). Но эмфаза, как и контраст, сочетается с коммуникативными компонентами ассертивных, побудительных и вопросительных предложений, вследствие чего говорят об эмфатических ассертивных, побудительных и вопросительных предложениях соответственно.

Восклицательные предложения с местоимениями *какой*-серии могут быть отнесены к экскламативному иллокутивному типу на основании сегментных средств. Так, в предложении *Какой вечер теплый!* представлена особая синтаксическая конструкция — расщепленная именная группа с прилагательным, а предложение *Какая она умница, что не поехала в Гагры!*²⁶ — пример употребления расщепленной конструкции с придаточным и лексического средства (оценочного слова *умница*). Интонационно экскламативные конструкции с местоимениями *какой*-серии выражаются, как

²⁶ Пример заимствован из работы [Крейдлин 1994], где подробно обсуждаются собственно экскламативные конструкции.

правило, ИК-5, однако также встречается ИК-6 (например, *Какая у них машина!* (ИК-6)) и ИК-7 (например, *Какая (ИК-7) машина! Нет у них ничего!*)²⁷. Отметим, что ИК-6 встречается и в вопросах, однако приходится на местоимение: ср. *Какая (ИК-6) у них машина?* (т. е. *Какая, вы говорили, у них машина?*), см. также [Грамматика 1980: § 155]. Таким образом, ИК-6 и ИК-7 являются смысловозначительными суперсегментными средствами для экскламов и вопросов с *какой*-местоимениями. ИК-5 тоже может служить единственным маркером экскламовитивности в контексте этих местоимений, ср. *Какой вечер (ИК-5)!* vs. *Какой (ИК-2) вечер?*²⁸.

Согласно [Крейдлин 1994], в русском языке к восклицательным местоимениям относятся не только местоимения *какой*-серии, но и местоимения *такой*-серии²⁹: ср. аналогичные упомянутым выше *какой*-конструкциям конструкции *Он такой хороший!* или *Он такой хороший, что просто нет слов!* (Л. Улицкая (2000)), а также *Такого аккуратного водителя я никогда не встречал!*. Однако, согласно той же работе, в этих конструкциях могут быть выделены тематический и рематический компоненты, в отличие от конструкций с местоимениями *какой*-серии. Более того, согласно [Янко 2001], местоимение *такой* эмфатическое и употребляется в соответствующих эмфатических ассертивных предложениях. На основании этого мы не относим предложения с эмфатическим местоимением *такой* к экскламовитивным.

Таким образом, экскламовитивные предложения похожи на вопросительные предложения тем, что идентифицируются с помощью сегментных неморфологических средств или суперсегментных средств. Поэтому, выделяя вопросительные предложения в отдельный иллокутивный тип, мы полагаем, что разумно выделять и экскламовитивные предложения в отдельный иллокутивный тип.

Обратимся теперь к оптативным предложениям, или предложениям со значением желательности. В [Грамматика 1980: §§ 1926—1936] наравне с сослагательным наклонением выделяется желательное наклонение. Оно образуется на базе сослагательного (частица *бы* + глагол в форме прошедшего времени) и с помощью дополнительных частиц или наречий (*если бы, пусть бы, вот бы, хоть бы, хорошо бы* и др.), однако их употребление не является строго обязательным: ср. инверсивную конструкцию с глагольной формой в начальной позиции *Был бы он сейчас в Москве!*. В терминах

²⁷ При маркировании экскламовитивов ИК-7 могут быть употреблены частицы *да* или *там* (*Да какая машина!* или *Какая там машина!*). Кроме того, как правило, такие экскламовитивы требуют контекстуальной поддержки.

²⁸ Отметим, что ИК-5 не является обязательной характеристикой экскламовитивных предложений. Так, согласно [Янко 2001], в предложении *Какой вечер теплый!* используется ИК-6.

²⁹ Отметим, что в [Пешковский 1914/2001] к восклицательным местоимениям относятся только местоимения *какой*-серии.

[Шахматов 1925/2001] желательное наклонение является синтаксическим наклонением, поскольку передает один из «оттенков» морфологического, в данном случае сослагательного, наклонения. В Русской корпусной грамматике желательного наклонения нет (см. [Добрушина 2012]), а есть желательное значение сослагательного наклонения, что кажется нам более разумным решением: с морфологической точки зрения, в конструкциях с семантикой желательности используется, по сути, сослагательное наклонение. Такие конструкции устойчивы в плане формы и значения: они выражают желательность и только ее, и перестановка элементов невозможна (ср. **Хорошо он бы решил эту задачу*).

Вспомним, что в зависимости от исследовательской точки зрения по-разному решается вопрос о выделении оптативных предложений в отдельный иллокутивный тип. Если в [Грамматика 1980] оптативные предложения выделяются в отдельный иллокутивный тип (см. раздел 2.2.1), то в [Падучева 2014] они представляют собой разновидность ассертивных предложений и выражают субъективную модальность (см. раздел 2.1).

Если исходить из того, что желательность — это значение сослагательного наклонения, то говорить о специальном сегментном морфологическом средстве (специальном наклонении) выражения желательности не приходится. Однако в таких конструкциях используются грамматикализованные сочетания частицы *бы* и других частиц или наречий (см. впечатляющий список в [Грамматика 1980: §§ 1926—1936]), а также инверсивная конструкция с глагольной формой в начальной позиции, что можно понимать как набор специальных лексико-синтаксических средств выражения оптативности в русском языке. Что касается интонации, оптативные предложения не обладают особыми суперсегментными средствами: «Формы желательного наклонения употребляются с разными типами ИК в зависимости от способов выражения желательности. Наиболее употребительны ИК-2 и ИК-5: *Если бы сын учился* (ИК-2)!; *Если* (ИК-5) *бы сын учился!* <...> При этом ИК-2 преобладает при противопоставлении, ИК-5 — при усилении выражения желания» [Грамматика 1980: § 1936]. Из этого, в частности, следует, что ИК-5 не является непременным атрибутом экскламативных предложений.

В типологической литературе не раз отмечалось, что оптативные предложения в языках мира, как правило, образуются в результате эллипсиса главной клаузы (в этом смысле прототипический пример оптативного предложения русского языка — конструкции с *если бы* — например, *Если бы он пришел!*). Другими словами, изначально синтаксически зависимая клауза употребляется как независимая. Это наблюдение было сформулировано как гипотеза синтаксического неподчинения (*in-subordination hypothesis*), см. [Evans 2007], а также [Grosz 2011]. В этом отношении примечательно, что образование восклицательных конструкций в языках мира, как правило, происходит по тому же сценарию: ср. хотя бы синтаксис английского восклицательного предложения *How tall he is!*, ко-

торый аналогичен синтаксису зависимой клаузы косвенного вопроса — например, *You would not believe how tall he is!* (см. подробнее в [Zevakhina 2013]). Гипотеза Э. Кёниха (устное сообщение) состоит в том, что миноритарные типы предложений (такие как экскламативный или оптативный) могут образовываться в результате независимого употребления зависимой клаузы. В этой связи становится понятным отнесение целого набора нефинитных (эллиптических) конструкций, процитированных из работ [Sadock, Zwicky 1985; König, Siemund 2007] в разделе 2.3, к миноритарным типам предложений.

Таким образом, исходя из всего, что было сказано выше, мы полагаем, что оптативные и экскламативные предложения русского языка являются иллокутивными типами предложений, пусть и миноритарными.

5. Заключение

Выделение иллокутивных типов предложений — достаточно сложный вопрос, поскольку однозначных «индикаторов» того или иного иллокутивного типа предложения (например, грамматических категорий), как кажется, нет. Как справедливо пишут авторы работы [König, Siemund 2007], то, что мы находим в грамматике языка, является скорее обобщенными признаками иллокутивных типов предложений, сообщающими об иллокутивном потенциале (или иллокутивном предназначении) предложения, нежели их однозначными атрибутами.

Поэтому приходится прибегать к составлению и апробации целого набора сегментных (морфологических, синтаксических, лексических) и суперсегментных (интонационных) признаков для разбиения всего множества предложений языка на иллокутивные типы. При этом сегментные средства иерархически более значимы, нежели суперсегментные, а среди сегментных морфологические средства (в частности, наклонение) обладают большим весом, нежели синтаксические и лексические.

Исследования в области типологического синтаксиса показывают, что иллокутивные типы предложений удивительным образом связаны друг с другом. Во-первых, порядок слов вопросительного и побудительного типов предложений определяется в зависимости от порядка слов ассертивного типа предложения, который признается базовым и описывается наиболее значимыми элементами — S, V, O. При этом считается, что если синтаксис вопросительных и побудительных предложений отличен от синтаксиса ассертивного, то такие предложения образуются на базе ассертивного путем синтаксической деривации; в обратном случае говорят о том, что порядок слов двух других основных иллокутивных типов предложений идентичен порядку слов ассертивного типа (ср. также [Croft 1994; Sadock 1994]). Во-вторых, типологически некоторые миноритарные иллокутивные типы предложений образуются в результате комбинации призна-

ков основных типов: например, восклицательный тип, включающий структуры ассертивных и вопросительных предложений (см. раздел 2.3).

Количество иллокутивных типов предложений зависит во многом от конкретно-языкового материала и от предлагаемого исследователем анализа. В данной работе, во многом опираясь на типологический опыт, мы попытались предложить еще один возможный путь классификации иллокутивных типов предложений русского языка.

Л и т е р а т у р а

Баранов, Кобозева 1983 — А. Н. Баранов, И. М. Кобозева. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 3. С. 263—274.

Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Гак 2000 — В. Г. Гак. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000.

Галкина-Федорук и др. 1958/2009 — Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык. Синтаксис. Учебное пособие. 2-е изд., М., 2009. (1-е изд.— 1958 г.)

Грамматика 1960 — В. В. Виноградов. Грамматика русского языка (том II). М., 1960.

Грамматика 1980 — Русская грамматика (в двух томах) / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.

Добрушина 2012 — Н. Р. Добрушина. Сослагательное наклонение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012.

Добрушина 2013 — Н. Р. Добрушина. Императив. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2013.

Есперсен 1924/1958 — О. Есперсен. Философия грамматики. Пер. с англ. М., 1958. (Ориг. изд. 1924 г.)

Золотова 1973 — Г. А. Золотова. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Кобозева 1987 — И. М. Кобозева. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности. М., 1987. С. 39—46.

Кобозева 2009 — И. М. Кобозева. Лингвистическая семантика. М., 2009.

Крейдлини 1994 — Г. Е. Крейдлин. Об одной лакуне в системе русских местоимений: восклицательные местоимения русского языка // Русистика сегодня. М., 1994. № 1. С. 56—65.

Левонтина 2014 — И. Б. Левонтина. Дискурсивные слова в вопросительных предложениях // Die Welt der Slaven LIX, 2014.

Литневская 2006 — Е. И. Литневская. Краткий теоретический курс для школьников. М., 2006.

Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

- Падучева 2014 — Е. В. Падучева. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014.
- Пешковский 2001 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., М., 2001.
- Плунгян 2003 — Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2003.
- Рахилина 2008 — Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2008.
- Серль 1986 — Дж. Серль. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 170—194.
- Храковский (ред.) 1992 — Типология императивных конструкций / Под ред. В. С. Храковского. СПб., 1992.
- Шаронов 1996 — И. А. Шаронов. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня. № 2. 1996. С. 89—112.
- Шаронов 2009 — И. А. Шаронов. Коммуникативы и методы их описания // Материалы международной конференции «Диалог» 2009. Вып. 8 (15). М., 2009. С. 543—548.
- Шахматов 1925/2001 — А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М., 2001.
- Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Янко 2008 — Т. Е. Янко. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.
- Castroviejo 2006 — E. Castroviejo. Wh-exclamatives in Catalan. PhD dissertation. Universitat de Barcelona, 2006.
- Chierchia, McConell-Ginet 1990 — G. Chierchia, S. McConell-Ginet. Meaning and grammar: an introduction to semantics. Cambridge, 1990.
- Croft 1994 — W. Croft. Speech act classification, language typology and cognition // Tsohatzidis, L. Svas (ed.). Foundations of speech act theory. 1994. P. 460—477.
- Evans 2007 — N. Evans. Insubordination and its uses // I. Nikolaeva (ed.), Finiteness. Theoretical and Empirical Foundations. Oxford, 2007. P. 366—431.
- Foley, Van Valin 1984 — W. A. Foley, R. D. Van Valin. Functional syntax and universal grammar. Cambridge, 1984.
- Grosz 2011 — P. Grosz. On the grammar of optative constructions. PhD dissertation. MIT, 2011.
- Harnish 1994 — R. Harnish. Mood, meaning and speech acts // Tsohatzidis, L. Svas (ed.). Foundations of speech act theory. 1994. P. 407—459.
- König, Siemund 2007 — E. König, P. Siemund. Speech act distinctions in grammar // Language typology and syntactic description. Cambridge, 2007. P. 276—324.
- König, Siemund 2013 — E. König, P. Siemund. Satztyp und Typologie // J. Meibauer, M. Steinbach und H. Altmann (eds.) Satztypen des Deutschen. Berlin, 2013. S. 846—873.
- Lyons 1977 — J. Lyons. Semantics. Vol. 2. London; New-York; Melbourne, 1977.
- Merin, Nikolaeva 2008 — A. Merin, I. Nikolaeva. Exclamative as a universal speech act category: a case study in decision-theoretic semantics and typological implications. Materials, 2008.

Michaelis 2001 — L. Michaelis. Exclamative constructions // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds). *Language typology and language universals* (vol. 2). An international handbook. Berlin, New York, 2001. P. 1038—1050.

Michaelis, Lambrecht 1996 — L. Michaelis, K. Lambrecht. Towards a construction-based theory of language function: The case of nominal extraposition // *Language* 72 (2), 1996. P. 215—247.

Moutaouakil 2005 — A. Moutaouakil. Exclamation: sentence type, illocution or modality? // C. de Groot, K. Hengeveld (eds). *Morphosyntactic expression in functional grammar*. Berlin and New York, 2005. P. 351—379.

Rett 2011 — J. Rett. Exclamatives, degrees and speech acts // *Linguistics and philosophy*. 34 (5). 2011. P. 411—442.

Sadock 1994 — J. Sadock. Toward a grammatically realistic typology of speech acts // Tsohatzidis, Svas L. (ed.), *Foundations of speech act theory*. 1994. P. 393—406.

Sadock, Zwicky 1985 — J. Sadock, A. Zwicky. Speech act distinctions in syntax // *Language typology and syntactic description*. Cambridge, 1985. P. 155—196.

Searle 1976 — J. Searle. Austin on locutionary and illocutionary acts // *The philosophical review* 77 (4). 1976. P. 405—424.

Ullman 1978 — R. Ullman. Some general characteristics of interrogative systems // *Universal of human language* Vol. 4 / J. Greenberg (ed.). Stanford, CA. 1978. P. 211—248.

Zevakhina 2013 — N. Zevakhina. Syntactic Strategies of Exclamatives // *The Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. 4 (2). 2013. P. 157—178.

References

Baranov, Kobozeva 1983 — A. N. Baranov, Kobozeva I. M. Semantika obshchikh voprosov v russkom yazyke (kategoriya ustanovki) // *Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz.* 1983. T. 42. № 3. S. 263—274.

Bulygina, Shmelev 1997 — T. V. Bulygina, A. D. Shmelev. *Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoy grammatiki)*. Moskva, 1997.

Castroviejo 2006 — E. Castroviejo. Wh-exclamatives in Catalan. PhD dissertation. Universitat de Barcelona, 2006.

Chierchia, McConell-Ginet 1990 — G. Chierchia, S. McConell-Ginet. *Meaning and grammar: an introduction to semantics*. Cambridge, 1990.

Croft 1994 — W. Croft. Speech act classification, language typology and cognition // Tsohatzidis, L. Svas (ed.). *Foundations of speech act theory*. 1994. P. 460—477.

Dobrushina 2012 — N. R. Dobrushina. Soslagatel'noe naklonenie. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki (<http://rusgram.ru>). Na pravakh rukopisi. Moskva, 2012.

Dobrushina 2013 — N. R. Dobrushina. Imperativ. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki (<http://rusgram.ru>). Na pravakh rukopisi. Moskva, 2013.

Evans 2007 — N. Evans. Insubordination and its uses // I. Nikolaeva (ed.), *Finiteness. Theoretical and Empirical Foundations*. Oxford, 2007. P. 366—431.

Foley, Van Valin 1984 — W. A. Foley, R. D. Van Valin. *Functional syntax and universal grammar*. Cambridge, 1984.

Gak 2000 — V. G. Gak. *Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazyka*. Moskva, 2000.

- Galkina-Fedoruk i dr. 1958/2009 — E. M. Galkina-Fedoruk, K. V. Gorshkova, N. M. Shanskiy. *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis. Uchebnoe posobie. 2-e izd., Moskva, 2009. (1-e izd. — 1958 g.)*
- Grammatika 1960 — V. V. Vinogradov. *Grammatika russkogo yazyka. T. II. Moskva, 1960.*
- Grammatika 1980 — *Russkaya grammatika (v dvukh tomakh) / Pod red. N. Yu. Shvedovoy. Moskva, 1980.*
- Grosz 2011 — P. Grosz. *On the grammar of optative constructions. PhD dissertation. MIT, 2011.*
- Harnish 1994 — R. Harnish. *Mood, meaning and speech acts // Tsohatzidis, L. Svas (ed.). Foundations of speech act theory. 1994. P. 407—459.*
- Jespersen 1924/1958 — O. Jespersen. *Filosofiya grammatiki. Per. s angl. Moskva, 1958. (Orig. izd. 1924 g.)*
- Khrakovskiy (red.) 1992 — *Tipologiya imperativnykh konstrukciy / Pod red. V. S. Khrakovskogo. St.-Peterburg, 1992.*
- Kobozeva 1987 — I. M. Kobozeva. *O pervichnykh i vtornichnykh funkciyakh voprositel'nykh predlozheniy // Tekst v rechevoy deyatelnosti. Moskva, 1987. S. 39—46.*
- Kobozeva 2009 — I. M. Kobozeva. *Lingvisticheskaya semantika. Moskva, 2009.*
- König, Siemund 2007 — E. König, P. Siemund. *Speech act distinctions in grammar // Language typology and syntactic description. Cambridge, 2007. P. 276—324.*
- König, Siemund 2013 — E. König, P. Siemund. *Satztyp und Typologie // J. Meibauer, M. Steinbach und H. Altmann (eds.) Satztypen des Deutschen. Berlin, 2013. P. 846—873.*
- Kreydlin 1994 — G. E. Kreydlin. *Ob odnoy lakune v sisteme russkikh mestoimeniy: vosklicatel'nye mestoimeniya russkogo yazyka // Rusistika segodnya. Moskva, 1994. № 1. S. 56—65.*
- Levontina 2014 — I. B. Levontina. *Diskursivnye slova v voprositel'nykh predlozheniyakh // Die Welt der Slaven LIX, 2014.*
- Litnevskaya 2006 — E. I. Litnevskaya. *Kratkiy teoreticheskiy kurs dlya shkol'nikov. Moskva, 2006.*
- Lyons 1977 — J. Lyons. *Semantics. Vol. 2. London; New-York; Melbourne, 1977.*
- Merin, Nikolaeva 2008 — A. Merin, I. Nikolaeva. *Exclamative as a universal speech act category: a case study in decision-theoretic semantics and typological implications. Materials, 2008.*
- Michaelis 2001 — L. Michaelis. *Exclamative constructions // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds). Language typology and language universals. Vol. 2. An international handbook. Berlin, New York, 2001 P. 1038—1050.*
- Michaelis, Lambrecht 1996 — L. Michaelis, K. Lambrecht. *Towards a construction-based theory of language function: The case of nominal extraposition // Language 72 (2). 1996. P. 215—247.*
- Moutaouakil 2005 — A. Moutaouakil. *Exclamation: sentence type, illocution or modality? // C. de Groot, K. Hengeveld (eds). Morphosyntactic expression in functional grammar. Berlin and New York, 2005. P. 351—379.*
- Paducheva 1985 — E. V. Paducheva. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu. Moskva, 1985.*
- Paducheva 1996 — E. V. Paducheva. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa. Moskva, 1996.*

- Paducheva 2014 — E. V. Paducheva. *Modal'nost'*. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki (<http://rusgram.ru>). Na pravakh rukopisi. Moskva, 2014.
- Peshkovskiy 2001 — A. M. Peshkovskiy. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii*. 8-e izd., Moskva, 2001.
- Plungyan 2003 — V. A. Plungyan. *Obshchaya morfologiya: vvedeniye v problematiku*. Moskva, 2003.
- Rakhilina 2008 — E. V. Rakhilina. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetamost'*. Moskva, 2008.
- Rett 2011 — J. Rett. Exclamatives, degrees and speech acts // *Linguistics and philosophy* 34 (5), 2011. P. 411—442.
- Sadock 1994 — J. Sadock. Toward a grammatically realistic typology of speech acts // Tsohatzidis, Svas L. (ed.), *Foundations of speech act theory*, 1994, pp. 393—406.
- Sadock, Zwicky 1985 — J. Sadock, A. Zwicky. *Speech act distinctions in syntax* // *Language typology and syntactic description*. Cambridge, 1985. P. 155—196.
- Searle 1976 — J. Searle. Austin on locutionary and illocutionary acts // *The philosophical review* 77 (4). 1976. P. 405—424.
- Searle 1986 — J. Searle. *Klassifikaciya illokutivnykh aktov* // *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. 17. *Teoriya rechevykh aktov*. Moskva, 1986. S. 170—194.
- Shakhmatov 1925/2001 — A. A. Shakhmatov. *Sintaksis russkogo yazyka*. 3-e izd., Moskva, 2001.
- Sharonov 1996 — I. A. Sharonov. *Kommunikativy kak funktsional'nyy klass i kak ob'ekt leksikograficheskogo opisaniya* // *Rusistika segodnya*. № 2. 1996. S. 89—112.
- Sharonov 2009 — I. A. Sharonov. *Kommunikativy i metody ikh opisaniya* // *Materialy mezhdunarodnoy konferencii «Dialog» 2009*. Vyp. 8 (15). Moskva, 2009. S. 543—548.
- Siemund 2001 — P. Siemund. *Interrogative constructions* // *Language typology and language universals Vol. 2. An international handbook* / M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds). Berlin; New York, 2001. P. 1010—1028.
- Ultan 1978 — R. Ultan. *Some general characteristics of interrogative systems* // *Universal of human language Vol. 4* / J. Greenberg (ed.). Stanford, CA. 1978. P. 211—248.
- Yanko 2001 — T. E. Yanko. *Kommunikativnye strategii russkoy rechi*. Moskva, 2001.
- Yanko 2008 — T. E. Yanko. *Intonatsionnye strategii russkoy rechi v sopostavitel'nom aspekte*. Moskva, 2008.
- Zevakhina 2013 — N. Zevakhina. *Syntactic Strategies of Exclamatives* // *The Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics* 4 (2). 2013. P. 157—178.
- Zolotova 1973 — G. A. Zolotova. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka*. Moskva, 1973.

Резюме

В статье обсуждаются принятые в отечественной литературе классификации иллокутивных типов предложений русского языка. Согласно наиболее распространенной точке зрения, в русском выделяются три типа предложений: асертивный, вопросительный и побудительный. Однако наряду с ними в ряде классификаций предлагается отдельно рассматривать или восклицательные, или оптативные предложения. Типологически с помощью определенных сегментных и суперсегментных средств помимо трех основных выделяются также миноритарные типы предложений. На основе типологического опыта в русском языке мы предлагаем

выделять пять иллокутивных типов предложений: асертивный, вопросительный, побудительный, экскламативный и оптативный.

Ключевые слова: иллокутивные типы предложений, классификация по цели высказывания, наклонение, типология, иллокутивная цель

Статья получена 03.11.2014

NATALIA A. ZEVAKHINA

**TOWARDS THE CLASSIFICATION
OF RUSSIAN ILLOCUTIONARY SENTENCE TYPES**

The paper discusses various classifications of Russian illocutionary sentence types in a cross-linguistic perspective. The common practice is to distinguish among three basic Russian sentence types: assertives, interrogatives, and imperatives. According to this view, exclamatives and optatives belong to assertives. However, some classifications suggest singling out either exclamatives or optatives from the three basic types. Cross-linguistically, the three types are also wide-spread and frequent. They are characterized by a number of grammatical and intonational features. However, minor sentence types (e. g., exclamatives, optatives, imprecatives, non-finite structures) can also be differentiated on the basis of their special formal properties. The paper argues that both exclamatives and optatives are formally distinct from the three basic types and, therefore, constitute two separate minor sentence types.

Keywords: sentence types, mood, speech act, typology, illocutionary force

Received on 03.11.2014

Т. Н. КОРОБЕЙНИКОВА

СЛИЯНИЕ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ /О/ И /Ѡ/ В ОДНОМ КИРОВСКОМ ГОВОРЕ: ПРИЧИНЫ, ПРОЦЕСС, РЕЗУЛЬТАТ

1. Введение

В статье рассматривается процесс объединения фонем в говоре села Кай и деревни Южаки Верхнекамского района Кировской области (далее кайский говор). В этом диалекте происходит объединение /o/ и /Ѡ/, что было выявлено на основе анализа речи представителей разных возрастных групп. В работе рассматриваются (1) возможные причины утраты фонологического контраста между /o/ и /Ѡ/, (2) последовательные стадии этого процесса, (3) его результаты, обнаруженные в индивидуальных системах носителей говора.

1) Интерес и сложность этого структурного изменения заключается в его неоднозначности. С одной стороны, сокращение смысловоразличительных единиц упрощает задачу говорящего. Но, с другой стороны, с уменьшением инвентаря фонем возрастает их функциональная нагрузка, что усложняет задачу слушателя (возникают омонимичные формы, увеличивается роль контекста)¹. Каковы причины этого процесса?

На данный вопрос можно ответить по-разному. Одна из версий предлагается в рамках теории дисперсии [Liljencrants, Lindblom 1972], согласно которой гласные в вокалическом пространстве стремятся расположиться так, чтобы расстояние между ними было максимальным. Тонкие акустические различия в качестве аллофонов двух разных фонем неудобны для говорящего, и для слушающего, которому необходимо воспринимать разницу между похожими звуками. Следовательно, объединению, в первую очередь, подвергаются фонемы, находящиеся близко друг к другу.

¹ Об этом противоречии писал М. В. Панов, называя его «антиномией говорящего и слушающего»: «в интересах говорящего упростить высказывание мысли, в интересах слушателя упростить процесс восприятия высказанного. Эти два устремления часто оказываются конфликтными. (...) интересы слушателя ограничивают интересы говорящего; развитие языка противоречиво, так как идет то в пользу слушателя, то в пользу говорящего; победа одной из конфликтных сторон впоследствии вызывает компенсацию для другой стороны» [Панов 1968: 24].

Другую версию предлагает Л. Л. Касаткин: на основании анализа многих фонетических процессов русского языка и его говоров исследователь делает вывод о том, что уменьшение числа звукотипов, различающихся в акустическом пространстве, вызвано ослаблением напряжённости русской артикуляционной базы [Касаткин 1989; 1999: 131—138].

Ещё одно объяснение даётся в рамках перцептивной теории [Ohala 1981; 1989; 1993]. Согласно этой теории сокращение количества фонем в системе инициируется слушающим. Молодые носители языковой системы начинают ориентироваться на иные перцептивные ключи, чем представители старшего поколения.

В результате этого процесса в английском языке могли, например, исчезнуть носовые согласные в позиции перед глухими фрикативными при их сохранении в других позициях: *mouth* [maʊθ] (англ.), но *mund* [mʊnt] (нем.) ‘рот’, *hound* [haʊnd] (англ.) ‘гончая’ и *hund* [hʊnt] (нем.) ‘собака’. Исчезновение носовых в английском могло произойти вследствие того, что слушающие воспринимали назализованный согласный как оттенок гласного, появившийся под влиянием следующего фрикативного согласного, и элиминировали его как «коартикуляционный шум» [Ohala 1993]².

Таким образом, объединение фонем может быть мотивировано акустическими причинами (недостаточно большим расстоянием между гласными в вокалическом пространстве), артикуляционными (ослаблением напряжённости артикуляционной базы языка или диалекта) и перцептивными (переоценкой роли фонетического контекста). В данной статье на материале кайского говора проверяются акустическая и перцептивная теории.

2) Объединение фонем — это сложное и неоднозначное явление ещё и потому, что протекает постепенно. Градуальность процесса выражается в вариативности звуков на месте двух объединяющихся фонем. Так, в системе гласных, представленной в говоре села Солдатское Белгородской области на месте *ʋ̄ под ударением в C'VC могут выступать звуки [ӣe], [ӣē], [ēē], [e], [e] на месте *e — [e], [e], [ӣe]³ [Корпечкова 2013]. Очевидно, что эта ситуация отражает один из этапов объединения /ʋ̄/ и /e/. Но, несмотря на то, что аллофонические ряды двух фонем не идентичны, говорить о фонологическом противопоставлении /ʋ̄/ и /e/ можно лишь в том случае, если имеются морфемы, в которых всегда выступают только звуки [ӣe], [ēe]. Кроме того, важно установить, является ли разница между представителями двух фонем смысловозначительной для носителей диалекта.

Вторая проблема, рассматриваемая в данной статье, связана с выделением этапов объединения фонем и отражением их особенностей на фонетическом, акустическом и перцептивном уровнях.

² Аналогичные наблюдения даны в работе Л. Л. Касаткина [1999: 93—95]. В этом исследовании приводятся примеры такой же фонологической переоценки в архангельских, вологодских и украинских говорах.

³ Далее это явление будет называться субаллофонической вариативностью.

3) Результаты процесса объединения тоже могут быть различными. Так, итогом процесса может быть утрата одной фонемы при сохранении другой. Второй вариант — утрата обеих фонем и возникновение на их месте новой фонологической единицы. Третий вариант — неполное объединение, когда в системе остаются явные следы фонологического различия, как в виде аллофонического варьирования, так и в форме способности носителей языковой системы воспринимать на слух разницу между звуками, представлявшими ранее разные фонемы. При этом их дифференциальные признаки могут остаться в системе в качестве недифференциальных или совсем исчезнуть. Таким образом, ещё одна задача данной статьи — проанализировать результаты процесса объединения и исследовать феномен неполного объединения.

2. Методика сбора материала и его анализ

2.1. Краткие сведения о кайском говоре

Объект данного исследования — кайский говор, распространённый в селе Кай и деревне Южаки Верхнекамского района Кировской области. Кировские говоры отражены на карте ДАРЯ лишь частично (картографирована лишь западная часть области)⁴, типологически эти диалекты сходны с соседними вологодскими и архангельскими говорами [Касаткин 2005: 262—264; Пшеничнова 2008]. В настоящее время на территории кировской области выделяется четыре группы говоров: котельническо-вятские говоры центра области, южные говоры Малмыжского, Вятско-Полянского и Уржумского районов, юго-восточные говоры переселенцев из Тверской и Калужской губерний, и верхнекамские говоры северо-востока области [Макарова 1999]. Кайский говор относится к последней из перечисленных групп.

В диалектологической литературе содержатся крайне лаконичные сведения о кайском вокализме [Троицкий 1962; Мошкина 1999: 67—102]. В фонохрестоматии Е. Н. Мошкиной даются краткие комментарии к отрывкам аудиозаписей из разных районов Кировской области. В издании представлено два текста, записанных в деревне Южаки Верхнекамского района. В комментариях к ним даётся следующая информация об ударном вокализме говора:

1. Вокалическая система говора содержит 7 фонем: /и/, /ѣ/, /е/, /а/, /о/, /ω/, /у/.

2. Фонему /ѣ/ реализует гласный верхне-среднего подъёма [e] в позиции C'VC и гласный [и] в позиции C'VC': л'ѣс, по л'ѣсу, б'ѣгат'-то, гд'ѣ, нос'ѣют, јѣд'еи, вѣ'ѣс'т'е.

⁴ В частности, в ДАРЯ вошли Лальский, Подосиновский, Даровской, Шабалинский, Свечинский, Опаринский, Мурашинский, Котельнический, Арбажский, Тушинский, Яранский, Кикнурский и Санчурский районы [ДАРЯ 1986].

3. Фонема /ω/ представлена звуком [ʊ]⁵ (*пропóлку, прорóб'иши, хорóбищи, одногóтк'и, погóда*).

4. Под ударением на месте /a/ между палатализованными согласными произносится [e]: *н'е гон'эл'и, выполн'эл'и, наставл'эл'и*.

Столь скромные данные не позволяют сделать чётких выводов ни об инвентаре гласных фонем, ни об их дистрибуции, ни о качестве их аллофонов в разных фонетических позициях по следующим причинам.

1) Нет сведений о том, какие звуки представляют фонемы среднего ряда /e/ и /o/, что важно для определения фонемного инвентаря. Известно, что в северно-русских говорах репрезентантами /o/ и /e/ могут быть гласные верхне-среднего подъёма [ʊ] и [e] соответственно [Высотский 1967]. Что не даёт возможности сделать вывод о наличии фонем /ω/ и /e/ в системе говора, поскольку в работе не приводится анализ существующих в говоре оппозиций, и данных для такого анализа недостаточно.

2) Если же на момент описания фонемы верхне-среднего подъёма всё же имелись в говоре, то неясно, какой была их функциональная нагрузка. В работе В. И. Троицкого примеры употребления не даются. В комментариях к хрестоматии представлено лишь несколько примеров с /ʔ/ и /ω/. При этом в представленных диалектных текстах имеется множество слов, где этимологически выступали /ω/ и /ʔ/, но в данных идиолектах в этих примерах зафиксированы звуки среднего подъёма, а среди немногочисленных примеров с /ω/ имеются такие, где этимологически выступала /o/: *одногóтк'и, погóда*.

3) Имеющиеся примеры не позволяют интерпретировать замену [a] на [e] между палатализованными согласными с фонологической точки зрения. Данное явление может отражать нейтрализацию фонем /a/ и /e/ в C'VC' (*кр'ест — кр'эс't'ик, гон'áл — гон'эл'и*), их чередование в глагольном суффиксе или их варьирование (*кр'ест — кр'эс't'ик, гон'áл — гон'эл'и и гон'áл'и*).

Поскольку на основе имеющихся в литературе сведений невозможно полноценно описать отношения между фонемами /o/ и /ω/, в настоящем исследовании наличие и функционирование /ω/ в системе говора основывается на синхронных данных.

2.2. Метод непосредственно наблюдаемых звуковых изменений

В данной работе для изучения динамики процесса объединения была использована методика непосредственно наблюдаемых изменений (apparent time construct), то есть сравнение вариантов произношения в речи людей, принадлежащих к разным возрастным группам. Данный метод детально разработан социолингвистом В. Лабовом [Labov 1975; 1994]. В основе этого подхода лежит идея о том, что каждое поколение говорящих отражает новый этап развития фонетической системы, что выражается в смене одно-

⁵ В цитируемой работе используется знак [o].

го варианта произношения другим. Сравнивая процентное соотношение произносительных вариантов в речи представителей нескольких поколений и располагая разные типы систем на временной шкале, можно проследить динамику развития фонетической системы⁶.

Данный метод представляется весьма удобным для исследования русских говоров, которые не были описаны ранее или были освещены в научной литературе недостаточно полно. Этот метод только начинает применяться в русской диалектологии (см., например, [Kochetov 2006; Ваахтера 2009; Красовицкий 2013]). Преимущество изучения фонетических процессов с помощью метода непосредственно наблюдаемых изменений заключается в том, что весь материал собирается и исследуется в одно и то же время с применением одних и тех же инструментов и способов анализа. Кроме того, метод позволяет провести эксперименты с носителями говора, выявляющие особенности развития системы, а также даёт возможность сравнить скорость нескольких фонетических изменений при сопоставлении динамики их протекания в различных идиолектах. Он позволяет выяснить роль перцепции в ходе звуковых процессов.

2.3. Выбор информантов

В ходе работы над настоящим проектом было совершено три экспедиции в село Кай и деревню Южаки. Во время первой экспедиции была записана речь 40 носителей говора разных возрастов. После экспедиции было отобрано 10 информантов из 3 возрастных групп: старшая (76—82 года), средняя (41—58 лет) и младшая (13—23 года). Старшую возрастную группу представили четыре информанта, среднюю и младшую — по три.

При отборе информантов предпочтение было отдано тем, кто родился и вырос в селе Кай или деревне Южаки и никуда надолго не уезжал. Кроме того, при выборе дикторов внимание обращалось на то, чтобы у представителей каждой из возрастных групп был примерно один и тот же уровень образования (старшие информанты — 2—3 класса, средняя возрастная группа — 10 классов, младшая группа — ученики или выпускники кайской средней школы).

2.4. Сбор материала

При подготовке к каждой из экспедиций разрабатывался специальный список слов, словосочетаний и небольших предложений, в которых все гласные фонемы выступали в разных фонетических позициях. Первый и второй списки состояли из 219 и 211 стимулов соответственно, третий список состоял из 100 стимулов.

Во время каждой из трёх экспедиций с информантами сначала проводилось интервью, в ходе которого они рассказывали о своей жизни, семье,

⁶ Похожая методика исследования применялась в отечественных фонетических исследованиях (см. [Баринаева 1996; Парикова 1996]).

работе, затем дикторам предлагалось повторять за диалектологом стимулы из списка слов. Проведение интервью и повторение списка записывались на диктофон Edirol R-09. Средняя длительность одной записи — 60 минут. В ходе последней экспедиции с 9 из 10 информантов был проведён перцептивный эксперимент (см. раздел 5), направленный на выяснение того, как звуковые изменения отражаются на уровне восприятия.

2.5. Обработка данных

Обработка данных проводилась следующим образом: во всех аудиозаписях с помощью программы Praat были выделены границы гласных в ударном положении (около 700 звуков из каждой идиосистемы). Затем с помощью скрипта (с) 2012 Sven Grawunder, MPI EVA, Leipzig были получены средние значения трёх первых формант на центральном участке гласного, равном одной его трети, сведения о длительности выделенного звука и ЧОТ в начале, середине и конце гласного. Собранные данные были переведены в таблицы Excel и при повторном прослушивании дополнены сведениями о фразовой позиции, в которой стоит слово с каждым из исследуемых гласных. Таким образом, получена обширная база данных, на основе которой был проведён фонологический анализ имеющегося материала, создана типология проанализированных идиосистем, выявлены факторы, влияющие на выбор гласных звуков в примерах с вариативностью.

С помощью программы нормализации <http://ncslaap.lib.ncsu.edu/tools/norm/>, нивелирующей физиологическую разницу в строении голосового тракта, но сохраняющей социолингвистически значимые различия между идиосистемами, были построены графики, отражающие области рассеивания всех гласных фонем во всех типах вокалических систем. Различия, обнаружившиеся при сравнении графиков, были верифицированы с помощью статистического анализа, выполненного в программе R.

Таким образом, в ходе работы использовались методики сбора и обработки материала, которые позволили проанализировать процесс объединения /o/ и /ω/ с точки зрения фонологии, акустики и перцепции.

3. Этапы объединения /ω/ и /o/ в кайском говоре

Данные ДАРЯ и справочных материалов к нему показывают, что в середине XX века звуки на месте этимологических фонем /o/ и /ω/ во многих русских говорах смешивались [ДАРЯ, карта 42]. В работах последних лет также указывается, что «в современных русских диалектах, даже в наиболее архаичных, семифонемная система вокализма никогда не бывает представлена в «идеальном» виде, с последовательным распределением отличающихся друг от друга звукотипов в соответствии с фонемами верхне-среднего и среднего подъёмов» [Савинов 2013: 99].

Анализ 10 идиосистем кайского диалекта показал, что фонемы /o/ и /ω/ в нём противопоставлены только в двух идиосистемах, в остальных восьми имеется лишь одна фонема среднего подъема /o/⁷. Системы этого последнего типа, как показывает анализ, первоначально унаследовали звуки обоих аллофонических рядов (фонем /o/ и /ω/), которые, однако, утратили способность противопоставляться в одной позиции. Наряду с удлинением аллофонического ряда фонемы /o/ за счет исчезнувшей фонемы /ω/ возникло множество новых условий, влияющих на выбор аллофона. Эти условия могут быть связаны 1) с консонантным контекстом (в окружении лабиальных, латеральных и заднеязычных чаще звучит [ʊ], в соседстве с зубными — [o]); 2) позицией слова во фразе⁸ (в слабой фразовой позиции более частотен закрытый звук, в сильной — открытый); 3) типом речи (в спонтанной речи чаще наблюдается [ʊ], при повторении списка — [o]). Основное различие между системами, где отсутствует противопоставление фонем /o/ и /ω/, заключается в том, насколько эти условия влияют на выбор звука. Если более архаичные системы сохраняют максимально длинный аллофонический ряд, выбор внутри которого определяется множеством факторов, то носители более инновативных систем не воспринимают различия между такими позициями, в результате чего аллофоны /o/ обобщаются в звуке [o]. Было выделено 4 типа систем, отражающих разные стадии звукового изменения.

Наиболее архаичная система (далее тип I) встретила в речи двух информантов VSV (1937 г. р.) и ENP (1933 г. р.). Особенность этого типа состоит в том, что фонема /ω/ в обоих идиолектах имеет «остаточный характер», поскольку регулярно выступает лишь в небольшом количестве морфем, при этом в других морфемах наблюдается вариативность [ʊ] и [o], в третьих — выступает только [o].

В идиолекте VSV только с [ʊ] отмечено 17 морфем (44 примера):

1) **корни:** *бѳк* (1), *вѳд'ит* (2), *вѳтка* (2), *дѳр* (2), *Кѳпч'икѳвѳ* (1), *кѳт* (3), *кѳшк'и* (1), *л'есѳзѳгѳтѳфкѳ* (1), *молѳшин'ицѳ* (1), *мѳх* (2), *пѳмн'н* (4), *покѳѳ* (1), *прѳпѳлкѳ* (1), *сѳвѳѳ* (2), *стрѳѳг'ицѳ* (2), *стѳл* (3), *укѳл* (2);

⁷ Настоящее исследование и предыдущие диалектологические описания показали, что на месте /ω/ в кайском говоре выступает [ʊ]. Дифтонгоиды и дифтонги на месте этой фонемы не зафиксированы. Причиной этому мог послужить быстрый темп речи носителей говора, не дающий гласному «развернуться» до дифтонга. Л. Л. Касаткин высказывает предположение о том, что законный представитель этой фонемы, звук [y̆], заменился в русском языке и некоторых его говорах на [ʊ] в результате монофтонгизации дифтонгов [Касаткин 1999: 390—397].

⁸ В данной работе фразовые позиции делились на слабые и сильные в зависимости от движения тона, изменений в контуре огибающей интенсивности и смыслового членения высказывания. Сильными считались позиции, которые подчеркиваются во фразе с помощью тонального акцента, усиления интенсивности, смыслового выделения, безакцентные, «теневые» участки высказывания считались слабыми.

2) окончание **-ов сущ. Р. п., мн. ч.:** *б'ес штэнóф* (1), *вэзрэстóф* (1), *дэмóф* (1), *зубóф* (2), *плэткóф* (1), *слóгóф* (1), *стэр'ик'óф* (2), *ч'есóф* (3), *шэгóф* (1).

В идиолекте ENP было зафиксировано 19 морфем, где произносится только [ʊ] (37 примеров):

1) **корни:** *бóл'иэ* (4), *гулóшы* (2), *двóр* (1), *дóлгаэ* (1), *кóшк'и* (1), *мóх* (1), *молóжэ* (1), *н'е зэпрэвóр'ил'и* (1), *плóт'ит* (3), *пóмн'у* (1), *покóц* (1), *помóк* (1) и *помóч'* (1), *скóл'кэ* (4), *стóл* (2), *свóц* (1), *укóл* (2), *холóд'н'иц* (1);

2) **суффикс -ов- прилагательных:** *дубóвэц* (1), *м'едóвэц* (1), *в холиóвэм* (1), *холиóвэц* (1);

3) **окончание -ов сущ. Р. п. мн. ч.:** *зубóф* (1), *плэткóф* (1), *стэр'икóф* (1), *ч'есóф* (1).

Важно отметить, что в морфемах, где был отмечен только [ʊ], в большинстве случаев исторически выступала /ω/⁹, но встречаются отступления от этимологической закономерности. Так, в идиолекте VSV есть примеры *бóк*, *стрóг'иц*, *мóх*, где по данным исследования [Стадникова 1989], этимологически выступала /o/, в идиосистеме ENP встретился пример с этимологической фонемой /o/: *мóх* и заимствование *гулóшы*. Обращает на себя внимание то, что в этих примерах ударный звук соседствует с губными, заднеязычными и латеральными согласными, что могло повлиять на качество ударного гласного¹⁰. Важно также отметить, что в данных примерах не наблюдается корреляции качества звука с условиями произношения: примеры с [ʊ] отмечаются как в сильной, так и в слабой фразовой позиции, как при повторении списка слов, так и в спонтанной речи, как в окружении губных, заднеязычных и латеральных, так и в контексте переднеязычных.

В ряде случаев в обоих идиолектах одна и та же морфема отмечалась и со звуком [ʊ], и с [o]. В идиосистеме VSV было зафиксировано 19 морфем с вариативностью (84 примера):

1) **корни:** *бóл'иэ* (3) и *бóл'иэ* (5), *по болóту* (1) и *болóто* (1), *вóс'ем'* (2) и *вóс'ем'* (2), *дэрóгу* (2), *дэрóгоц* (1) и *дэрóгэ* (2), *дэрóг'е* (2), *дэрóшкэ* (1), *знакóм'ицэ* (1) и *пэзнэкóм'ицэ* (1), *кэрóвэ* (2) и *корóвэ* (2) *мóц* (1) и *мóц* (2) (мест.), *нóвыц* (2), *нóваэ* (1), *нóвээ* (1), и *нóвыц* (1), *нэ Пóрыш* (1) и *нэ Пóрыш* (1)¹¹ (название реки), *помóк* (1) и *помóч'* (1), *в рэбóт'е* (1) *нэ рубóту* (1), *н'е рэбóтэут* (1) и *рэбóта* (1), *рэбóтэл'и* (1), *рэбóтэт'* (2), *улóф* (1) и *лóв'ит* (1), *хэрóшээ* (4), *хэрóшээ* (1) и *хэрóшээ* (1);

2) **суффикс -ов- прилагательных:** *дубóвэц* (1), *у Стр'елкóвых* (1) и *двухм'етрóвэц* (1), *м'едóвэц* (1);

⁹ Этимологические фонемы восстанавливались по данным [Зализняк 1985; Стадникова 1989].

¹⁰ Закрытый звук в примере *гулóшы* может объясняться и тем, что при заимствовании этого слова из литературного языка ударный гласный был оценен носителями говора как аллофон /ω/.

¹¹ Гидроним имеет пермское происхождение [Макарова 1963: 71].

- 3) суффикс **-о наречий**: *т'ежэлó* (1) и *н'е т'ежэлó* (1), *хэрэшó* (2);
 4) суффикс **-ой наречий**: *дэмбó* (2) и *дэмбó* (2);
 5) окончание **-о сущ. ср. р., ед. ч., И. п.**: *з'ернó* (1), *малокó* (1) и *в'едрó* (2), *в'еслó* (1);
 6) окончание **-ой сущ. ж. р., ед. ч., Т. п.**: *ногó* (1) и *бородбó* (1), *в'еснó* (2), *водбó* (1), *головбó* (1), *душбó* (1), *жэнбó* (1), *зэ р'екбó* (2), *с'ес-трбó* (1);
 7) окончание **-ом сущ. Т. п., м. р.**: *бэдэгóм* (1) и *с в'еслóм* (1), *з' з'ер-нóм* (1), *с м'ешкóм* (1), *скэтóм* (1), *языкóм* (1), *с кофшóм* (1), *с п'етнóм* (1).
 В идиолекте ENP вариативность отмечается в 9 морфемах (57 примеров):
 1) **корни**: (2) *ворбч'эл'и* и *ворбч'ет'* (1), *вóс'ем'* (3) и *пэ вóс'емд'ес'ет* (1), *нэрбт* (1) и *нербт* (3), *плóт* (1) и *плóдб'ише* (2), *пэтóм* (4) и *пэтóм* (10), *в роббтэ* (2), *руббтэт'* (1) и *рэббтал'и* (1), *рэббтэ* (1), *рэббты* (2), *рэббтэла* (1), *рэббтал* (1), *б'езрэббт'н'и* (1), *б'езрэббт'ицу* (1), *хэрбшэц* (1) и *хэрбшэвэ* (3);
 2) **суффикс -о наречий**: *н'е л'ек:ó* (1), *т'ежэлó* (1), *хэрэшó* (2) и *л'ек:ó* (1).
 3) **окончание -ой прил. м. р., ед. ч., И. п.**: *хрэмбó* (1) и *бол'ишбó* (1), *другбó* (4), *с'ед'мбó* (2), *жывбó* (1).

Вариативность [o] и [ω] в этих идиолектах отмечается в большинстве случаев на месте этимологической /ω/, отступления от этимологии отмечены в окончании **-ой прил. м. р. И. п.** и окончании **-ом сущ. Т. п. м. рода**. При этом произношение *хрэмбó* могло быть вызвано омонимией окончаний м. р. и ж. рода.

Анализ морфем, где ударные [o] и [ω] варьировались, показал, что в этих примерах на выбор одного из гласных влияют условия произношения. Так, в обоих идиолектах была отмечена корреляция качества ударного гласного с фразовой позицией. В сильной фразовой позиции чаще выступал [o], в слабой — [ω].

диктор ENP

сильная позиция: *Обрабатывать поля некому стало, [нерóд-эт] теперь легко живут.*

слабая позиция: *Тогда [нэрóд] был совестной.*

сильная позиция: *Надо ко всему привыкать: и брёвна надо [ворбч'ет'].*

слабая позиция: *Брёвна [ворбч'эл'и]: вот навикатываешь, снегом занесёт, накатаешь, навикопываешь, навикатываешь.*

диктор VSV

сильная позиция: *[рэббтэ], конечно, трудная была: маленькие пошли работать.*

слабая позиция: *Вот так и всю жись я [в рэббт'е].*

сильная позиция: *Вот к ей я вам советую сходить, она вам много наговорит: [бол'ишэ], чем Женя.*

слабая позиция: *Некоторые меньше понимают, да [бóл'ишэ] там задаются.*

В ряде примеров была обнаружена корреляция между качеством гласного и типом речи. При повторении списка слов чаще выступал [o], в спонтанной речи — [o̞].

диктор ENP

спонтанная речь: *Но материал-то раньше был [хэрбшоц] ...и кисточки сделаешь — вот это шаль.*

повторение списка слов: *Это [хэрбшюц] месяц.*

спонтанная речь: *Вот это-то хорошо помню: он редко [дэмбц-тэ] ездил.*

повторение списка слов: *Пойдём [дэмбц].*

диктор VSV

спонтанная речь: *Щас [вбс'ем] тысяч получаю, дак.*

повторение списка слов: *Без пяти [вбс'ем].*

спонтанная речь: *Он уж был работающий, хороший, но тоже обманывали его всю [дэрбгу].*

повторение списка слов: *[дэрбгэ].*

спонтанная речь: *[хэрбшцэ] полено.*

повторение списка слов: *Ей уже пятьдесят пять, шестой уже, но [хэрбша] женщина.*

В некоторых примерах была отмечена корреляция качества гласного с консонантным контекстом. Так, суффикс *-ов-* прилагательных отмечен в идиолекте VSV со звуком [o̞] в примерах *дуббвоц*, *у Стрелкбвых*, а в словах *м'едбвэц* и *двухм'етрбвэц* — со звуком [o]. В этом же идиолекте в морфеме *помок* звучит [o̞], а в алломорфе *помоч'* — выступает [o].

Эти данные позволяют предположить, что звуки [o̞] и [o] являются аллофонами одной фонемы, и выбор одного из них мотивирован условиями произношения. Однако этому противоречит тот факт, что в морфемах, где был отмечен только [o̞], влияние этих условий не отмечается.

Кроме того, в морфемах, которые были зафиксированы только с открытым гласным, корреляция перечисленных условий с качеством гласного тоже не была зафиксирована. В идиолекте VSV только с [o̞] было отмечено 84 морфемы (219 произнесений). При этом открытый гласный отмечен как на месте этимологической фонемы /ω/: *дббрэа* (1), *зэббтэ* (2), *кбн'ч'ил* (1), *кбн'ч'ила* (1), *кбн'ч'илос'* (1), *кбфш* (1), *н'е окбн'ч'ила* (1), *мнбго* (3), *нарбду* (1), *потбм* (3), *скбл'* (1), *скбт* (1), *рэсмбтр'иш* (1), *сброк* (2), *хбч'ем* (1), *хбч'ет'е* (1), *хбч'еш* (1), *хбчут* (1), *холбдныц* (2); так и на месте этимологической фонемы /o/: *ббл'* (1), *дбч'* (3), *дбч'ер'и* (3), *дблгэа* (2), *дблгэ* (2), *гбт* (2), *гбдэ* (1), *кблос* (1), *плбхэ* (6), *прбстэ* (1), *рбш* (2), *скбрэ* (1), *скрбмнэ* (1), *сблн'еч'ныц* (1), *тблстэа* (1) *хблэт* (1) и т. д.

В идиолекте ENP только с [o̞] отмечено 76 морфем (210 произнесений). Открытый звук зафиксирован на месте этимологической фонемы /ω/: *вбду* (1), *дорбг'е* (1), *голбд'н'иэ* (1), *лбтку* (1), *мнбго* (5), *мбжэт* (3), *мбжнэ* (3), *н'ембглыэ* (1), *н'е мбжэм* (3), *ног'и* (2), *хбд'ет* (1), *хбд'иш* (1), *пребхбд'ит*

(1); и на месте /o/: *бóк* (2), *бóл'* (1), *дóч'и* (4), *зóт* (3), *зóд'ик* (2), *зóды* (1), *кóпны* (4), *лóшат'* (2), *мóс* (1), *мóс'т'ик* (1), *плóхо* (3), *св'екрóфка* (1), *тóжэ* (6) и т. д.

Как интерпретировать эти данные с фонологической точки зрения? С одной стороны, есть небольшой набор морфем, где всегда произносится [ʊ], и большое количество морфем, где отмечен только [o], имеются пары примеров, где в одинаковом консонантном окружении произносится либо только [ʊ], либо только [o]: *кóт* — *скóт*, *плóт'ат* — *голóд'н'иц*, *лóв'ит* — *слóв'е*, *укóл* — *кóлос*, *плэткóф* — *кóфи*. Но, с другой стороны, есть примеры с вариативностью этих гласных в одной морфеме: *нэрóт* и *нерóт*, *хэрóшыи* и *хэрóшэ*, *пэтóм* и *пэтóm*, *нóвыц* и *нóвыц*. Кроме того, в ряде примеров ударный [ʊ] наблюдается в контексте губных, заднеязычных и латеральных согласных, что является аргументом в пользу того, что [o] и [ʊ] являются позиционно обусловленными представителями одной фонемы.

В такой ситуации, чтобы установить состав гласных фонем, акустического и дистрибутивного анализа материала недостаточно, поскольку нельзя установить, возможно ли произношение открытого звука в тех морфемах, в которых он не встретился в аудиозаписях. Если контраст и сохраняется в ряде примеров, то осознаётся ли он говорящими, в речи которых [o] и [ʊ] могут вести себя как аллофоны одной фонемы? Решение этого вопроса возможно только после проведения перцептивного эксперимента с носителями говора (см. раздел 5).

Следующий этап объединения фонем /o/ и /ω/ представлен в речи дикторов АЕН (1932 г. р.) и АМСН (1931 г. р.) (далее тип II). В этих системах [o] и [ʊ] становятся позиционными вариантами одной фонемы /o/, поскольку нет морфем, где бы регулярно вне зависимости от условий произношения выступал только закрытый звук. В идиосистеме АЕН только с [ʊ] было зафиксировано 3 слова: *бóк* (1), *испóлн'илэс'а* (1), *хóлэт* (1), где качество ударного гласного могло быть обусловлено влиянием окружающих согласных. В идиосистеме АМСН примеров, где бы отмечался только [ʊ], не встретилось. В каждом из идиолектов отмечены морфемы, которые были произнесены как с [ʊ], так и [o].

В идиолекте АЕН выделено 22 таких морфемы (83 примера):

1) **корни**: *бóл'иэ* (2) и *бóл'иэ* (2), *дóлгэ* (1), *дóлгээ* (1) и *дóлгээ* (1), *н'едóлгэ* (1), *дэрóгэ* (1), *дэрóгэц* (1) и *дэрóгэ* (2), *зэбóта* (1) и *зэбóта* (1), *кóфтэ* (1) и *кóфту* (1), *укóл* (1) и *укóл* (1), *плóхэ* (1) и *плóхэ* (2), *лóтку* (2) и *лóтка* (1), *улóф* (1) и *лóв'ит* (1), *помóк* (1) и *помóч'* (1), *по пэткóв'е* (1) и *пэткóва* (1), *п'ер'ерэбóтэлэ* (1), *пэрэбóтэл* (1), *прэрэбóтэлэ* (1), *рэбóтэши* (1), *рэбóтээт* (1), *рэбóтэл* (1), *рэбóтэла* (1), *рэбóтэт'* (2), *рэбóта-тэ* (1) и *нэ рубóту* (2), *схóд'им* (1) и *хóд'ет* (2), *хэлóднэц* (1) и *хэлóднэц* (1);

2) **суффикс -ок- прилагательных**: *глубóк'иц* (2) и *шырóкэн'к'иэ* (1), *высóкээ* (2);

3) **суффикс -ов- прилагательных**: *пухóвэц* (1), *дубóвэц* (1) и *м'едóвэц* (1);

4) **суффикс -ой наречий**: *думóц-ту* (1) и *домóц* (3);

5) окончание *-о* сущ. ср. р., ед. ч., **И. п.:** *в'есл'о* (1) и *з'ерн'о* (2), *малок'о* (1), *в'едр'о* (2), *п'етн'о* (1);

6) окончание *-ов* сущ. **Р. п., мн. ч.:** *дам'оф* (1), *мужык'оф* (1), *слог'оф* (1), *ст'ар'ик'оф* (2), *ш'аг'оф* (1) и *ч'ес'оф* (1), *вз'ер'оф* (1);

7) окончание *-ой* сущ. **ж. р., ед. ч., Т. п.:** *з'а р'ек'оц* (1) и *з'им'оц* (1), *ног'оц* (1), *п'ер'ед в'ац'ноц* (1), *п'ил'оц* (1), *с с'естр'оц* (1), *ж'ан'оц* (1);

8) окончание *-ой* прил. **ж. р., ед. ч., Т. п.:** *за храм'ой т'ётк'ац* (1) и *друг'оц д'ар'ог'ац* (1), *руч'н'оц п'ил'оц* (1), *с рад'н'оц с'естр'оц* (1);

9) окончание *-ой* прил. и мест. **м. р., ед. ч., И. п.:** *зл'оц* (1) и *дв'ерн'оц* (1), *друг'оц* (2), *вт'ар'оц* (1), *к'а'к'оц* (1), *тр'ав'ен'оц* (1), *т'ак'оц* (2), *с'ед'оц* (1), *с'ед'м'оц* (1), *храм'оц* (1), *сл'еп'оц* (1).

В идиолекте АМСН вариативность отмечена в 12 морфемах (55 примеров):

1) **корни:** *к'оф'ту* (1) и *к'оф'ту* (1), *к'он'ч'ил* (2) и *к'он'ч'ил* (3), *л'отка* (1) и *л'отку* (2), *р'аб'оту* (1) и *н'а р'аб'оту* (1), *вт'кр'оц* (1), *з'акр'оц* (1) и *з'акр'оц* (1), *вт'кр'оц* (1), *х'отк'иц* (2) и *сх'оду-т'а* (1), *х'ол'ат* (3) и *х'ол'адн'а* (2);

2) **суффикс *-ов-* прилагательных:** *дуб'ов'ац* (1), *пух'ов'ац* (1) и *м'ед'ов'ац* (1), *холод'ов'ац* (1);

3) **суффикс *-ок-* прилагательных:** *глуб'ок'иц* (2) и *выс'ок'иц* (1), *шыр'ок'иц* (1);

4) окончание *-ов* сущ. **Р. п., мн. ч.:** *дам'оф* (1), *ст'ар'ик'оф* (2), *ш'аг'оф* (1) и *г'ад'оф* (1), *ч'ес'оф* (1);

5) окончание *-ой* прил. **ж. р., ед. ч., Р. п.:** *н'ет друг'оц д'ар'ог'и* (1) и *у сл'еп'оц ст'ар'ух'и* (1), *у злоц ст'ар'ух'и* (1), *у храм'оц бат'к'и* (1);

6) окончание *-ой* прил., мест., числ. **м. р., ед. ч., И. п.:** *вт'ар'оц* (1) и *в'ас'м'оц* (1), *друг'оц* (4), *дв'ерн'оц* (1), *зл'оц* (1), *жы'в'оц* (1), *л'есн'оц* (1), *н'ебол'ш'оц* (1), *пр'ам'оц* (1), *т'ак'оц* (2), *тр'ав'ен'оц* (1), *ш'а'ст'оц* (1).

Примеры показывают, что вариативность [о] и [у] в идиосистеме АЕН встречается не только на месте этимологической /ω/, но и на месте /o/ и в заимствованиях: как [o], так и [u] на месте /o/ отмечается в морфемах: *долг-*, *плох-*, *подков-*; окончания *-ой* сущ. **ж. р., ед. ч., Т. п.; окончания *-ой* прил. и мест., **м. р., ед. ч., И. п.** и в заимствовании *к'офта*. В идиолекте АМСН вариативность [o] и [u] зафиксирована на месте /o/ в окончании *-ой* числ. **м. р., ед. ч., И. п.** и в том же заимствовании.**

Эти данные показывают, что влияние этимологического фактора на выбор между ударными [o] и [u] ослабевает. Произношение этих звуков в данных идиолектах мотивировано, как и в типе I, следующими условиями произношения.

1. Позицией слова во фразе (в сильной позиции выступает открытый звук, в слабой — закрытый):

диктор АЕН

сильная позиция: *Раньше ещё заставляли [р'эб'от'эт']!*

слабая позиция: *Раньше-то нас гоняли [н'а руб'оту-эт']:* *никого не было шибко-то людей.*

сильная позиция: *Всё говорят, что [плóхо], [плóхо] живём... Нет!*

слабая позиция: *Всё было девка, [плóхо] было.*

диктор АМСН

сильная позиция: *[хóлэднэ] избе-то: состану, скорей эту Аркашкину
(кофту —Т. К.) надеваю...*

слабая позиция: *Ну щас в сенях-то [хóлэднэ]: всё выдуют.*

сильная позиция: *Четыре класса [кóн'ч'илэ], а потом на лесозаготовки
поехала.*

слабая позиция: АЕН: *Кончилась-то?* АМСН: *Сорок пятом [кóнч'илэс']
она-то.*

2. Консонантным окружением (в контексте губных, заднеязычных и латеральных гласный звук часто становится более закрытым):

в суффиксе -ок- прил.: *глубóк'иц, но высóкээ, шырóк'иц, шырóкэн'к'иэ;*

в суффиксе -ов- прил.: *дубóвэц, пухóвэц, но м'едóвэц, холишóвэц;*

в окончании -ов сущ. м. р., мн. ч., Р. п.: *дэмóф, мужыкóф, слогóф,
стэр'икóф, шэгóф, но ч'есóф, вз'ероф, гэдóф;*

в окончании -о сущ. ср. р., ед. ч., И. п.: *в'еслó и з'ернó, в'едрó, п'етнó.*

3. Типом речи (при повторении списка слов звучит [о], в спонтанной речи — [ʊ]):

диктор АЕН

спонтанная речь: *Да, [стэр'икóф] у нас мало, умерли все.*

повторение списка слов: *Много [корóф] у нас.*

спонтанная речь: *Потом уж, когда [бóл'иэ] стали, подросли дак...
гармошка... гармошки были у людей дак...*

повторение списка слов: *Денег [бóл'иэ] нет.*

спонтанная речь: *К ей (к фельдшеру) ходят, [укóлы] делают, да чё да...
есть медпункт-от.*

повторение списка слов: *Ему [укóл] нужен.*

диктор АМСН

спонтанная речь: *Вот Аркашки сына-то надену эту [кóфту]...Лё, какую!*

повторение списка слов: *Новую [кóфту] купил.*

спонтанная речь: *В том окошечке-то посмотрю — не видно, там по-
смотрю — не видно, тут [схóду-тэ] посмотрела: ой-ёй-ёй.*

повторение списка слов: *Это [хóтк'иц] конь.*

Анализ материала показывает, что выявленные факторы часто действуют одновременно: закрытый гласный — более краткий и встречается в слабой позиции в спонтанной речи; открытый звук отмечается в сильной фразовой позиции при повторении списка. Действие этих необязательных условий заменило этимологическую обусловленность выбора между [о] и [ʊ]. Иными словами, звуки, представлявшие две разные фонемы, стали позиционно обусловленными аллофонами одной фонологической единицы.

Как и в системах типа I, в обоих идиолектах в большом количестве морфем вне зависимости от произносительных условий отмечался открытый звук: в 81 морфеме (182 произнесения) в идиолекте АЕН и в 83 морфемах (217 произнесений) в идиолекте АМСН.

Ниже приведены некоторые примеры, где в идиолекте АЕН был отмечен только [о] на месте этимологической фонемы /ω/: *вóс'ем* (1), *дóбрыц* (1), *гэрóх* (1), *кóн'* (1), *кóн'ихэм* (1), *кóт* (1), *кэ́торы* (2), *мнóгэ* (4), *мóц* (мест.) (1), *нóвоц* (1), *пэ́тóm* (10), *скóл'кэ* (1), *скóт* (1), *стóл* (2), *стóл'ик* (1), *хóд'ат* (2); на месте этимологической фонемы /o/: *брóс'ил* (1), *брóс'ит'* (1), *дóч'* (1), *дóрэгэ* (1), *гóда* (2), *гóд'ик* (1), *кóлэс* (1), *мóх* (1), *мóст* (1), *мóс't'ик* (2), *пóл'е* (1), *рóш* (3), *в стóрону* (1), *тóжэ* (13) и т. д.

В идиолекте АМСН только с [о] на месте этимологической фонемы /ω/ были зафиксированы следующие морфемы: *болóто* (1), *бóл'иэ* (2), *бóл'иээ* (1), *бэрóткэ* (1), *дóм* (4), *дóма* (3), *двóр* (1), *дэрóгэ* (2), *дэрóг'е* (1), *дэрóгу* (1), *гóлыэ* (2), *гэлóд'н'иэ* (3), *кэ́торы* (2), *лóткэ* (2), *лóтку* (1), *мнóгэ* (9), *н'е мóжэм* (2), *н'е мóжэт* (1), *н'е нóс'ит* (1), *нóвыц* (1), *помóжэм* (1), *помóч'* (1), *пэ́тóm* (8), *сбрэ́к* (3), *скóл'кэ* (1); на месте /o/: *бóл'*, *дóлгэа* (2), *дóрэгэ* (1), *гóт* (8), *гóлэд'е* (2), *гóр'а* (1), *гóр'ө* (1), *гóрэт* (1), *в гóрэд'е* (2), *кóс'* (кость) (2), *лóшэд'и* (2), *плóхэ* (5), *св'екрóф* (1), *св'екрóфкэ* (1), *тóжэ* (3), *холóд'н'иэ* (2), *холóдны* (1), *хорóшэ* (2) и т. д.

В чём же разница между типами I и II, если в обоих есть примеры с обусловленной вариативностью [о] и [у] в одной морфеме? Различия между ними заключаются в том, что в типе I имеются примеры, где вне зависимости от выделенных условий всегда произносится закрытый звук, а в типе II таких примеров не нашлось. Таким образом, в идиолектах типа II имеется одна фонема /o/, а звуки [о] и [у] являются её позиционно обусловленными аллофонами, тогда как фонологический статус этих звуков в идиосистемах типа I не вполне ясен.

Следующий этап развития говора представлен в идиолектах LICH (1955 г. р.), GAM (1957 г. р.) и SPK (1991 г. р.), TAM (1972 г. р.) (тип III).

В речи этих информантов количество примеров, где был отмечен [у], значительно меньше, чем в идиосистемах типов I и II. Только с [у] в идиолекте LICH были произнесены слова *кóфту* (1), *бóц* (1), *хлóпэл'и* (1); в идиолекте GAM: *укóл* (1), в идиолекте SPK закрытый звук зафиксирован в названии *Кóпч'икэвэ* (1). При этом все эти примеры были отмечены в слабой фразовой позиции, что могло повлиять на качество ударного звука.

Вариативность [о] и [у] в идиолекте LICH отмечена в 5 морфемах (23 примера):

1) **корни:** *бóх* (1) и *бóх* (1), *бóл'иэ* (1) и *бóл'иэ* (2), *пóмн'ит'* (6) и *пóмн'ит'* (3);

2) **окончание -ов сущ. Р. п., мн. ч.:** *врэгóф* (1) и *кэмэрóф* (1), *стэр'и-кóф* (1), *слóгóф* (1), *ч'есóф* (2);

3) **окончание -ом сущ. м. р., ед. ч., Т. п.:** *кускóм* (1) и *за стэлóм* (1), *с вцóм* (1).

В идиолекте ГАМ варианты произношения зафиксированы только в окончании **-ов сущ. Р. п. мн. ч.:** *врэгóф* (1), *вэзóф* (1) и *вэзóф* (1), *мужыкóф* (1), *слогóф* (1), *стэр'икóф* (2), *стэжэрóф* (1), *ч'есóф* (3).

В идиолекте СПК вариативность отмечена в 4 морфемах (25 примеров):

1) **корни:** *н'е пóмну* (2) и *н'е пóмну* (3), *зэрэбóтал'и* (1), *нэ рэбóту* (1) и *рэбóта* (10), *вóз'иш* (1) и *вóз'ит* (1);

2) **окончание -ой прил. и мест. м. р., ед. ч., И. п.:** *кэкóц* (1) и *Кр'е-жэвскóц* (1), *Слэбэдскóц* (3), *рэднóц* (1).

В идиолекте ТАМ вариативность [ʊ] и [o] была отмечена в пяти морфемах (18 примеров):

1) **корни:** *дрóф* (2) и *б'ез дрóф* (1), *н'е пóмну* (1) и *пóмну* (1), *пэтóм* (2) и *пэтóм* (3);

2) **окончание -ой сущ. ж. р., ед. ч., Т. п.:** *з'имóц* (1) и *з'имóц* (1), *с с'ес-трóц* (1);

3) **окончание -ов сущ. Р. п., мн. ч.:** *кубóф* (1), *кэрмóф* (1) и *стэр'икóф* (1), *слогóф* (1), *ч'есóф* (1).

В этих идиолектах закрытый звук, как и в идиосистемах типа II, выступает и на месте этимологической фонемы /ω/ в морфемах: *больш-*, *помн-*, *работ-*, *воз-*, *кол-*, *потом-*, в окончании **-ов сущ. Р. п. мн. ч.**, и на месте /о/ в морфемах: *бог-*, *бой-*, *дров-*, *хлоп-*, окончании **-ом сущ. м. р., ед. ч., Т. п.**, окончании **-ой прил. и мест. м. р., ед. ч., И. п.**, окончании **-ой сущ. ж. р., ед. ч., Т. п.** Это говорит о том, что этимологический фактор в этих идиосистемах не влияет на выбор между ударными [o] и [ʊ]. Анализ морфем, где эти звуки варьируют, показывает, что выбор одного из них может коррелировать с фразовой позицией. Ср.:

диктор ГАМ

сильная позиция: *Пять [слэгóф] всего.*

слабая позиция: *Он мирил [врэгóф].*

диктор СПК

сильная позиция: *Выезжаю в шесть часов, блин, на работу, чуть ли не в девять часов приезжаю на эту [рабóту], на фиг.*

слабая позиция: *Выезжаю в шесть часов, блин, на [рэбóту], чуть ли не в девять часов приезжаю на эту работу, на фиг.*

диктор ТАМ

сильная позиция: *Чё [б'ез дрóф] жить не будешь: у нас ведь всё на дровах!*

слабая позиция: *У многих нету [дрóф].*

В ряде примеров отмечена корреляция качества гласного с типом речи:

диктор LICH

спонтанная речь: *Один раз получится, например, праздник или на сцене что-нибудь получится: уже затягивает, ещё [бóл'ше], ещё лучше, что-то новое раскрыть.*

повторение списка слов: *Денег [бóл'ше] нет.*

диктор ТАМ

спонтанная речь: *Я пошла с первого сентября, а мама переехали где-то [з'имџи].*

повторение списка слов: *У нас [з'имџи] мороз.*

Отмечается зависимость качества гласного от консонантного контекста: закрытые гласные зафиксированы в примерах *кџфту, хлџнзл'и, укџл, Кџпч'икџвџ, кускџм* (но *вџџм*), *врџџџф, кубџф, кџрмџџф* (но *ч'есџџф*).

В большинстве примеров во всех перечисленных идиолектах отмечен только [о]. В идиолекте LICH только с открытым звуком было зафиксировано 107 морфем (205 произнесений) как на месте этимологической фонемы /џ/: *голџдныџ* (1), *гџн'ит* (1), *с гџрк'и* (1), *укџл* (1), *кџн'ч'илџ* (1), *вкџн'ч'илџ* (1), *кџт* (1), *лџтку* (1), *лџв'ит* (1), *улџф* (1), *мнџгџ* (3), *н'емнџгџ* (1), *нџвыџ* (2), *нџвџџ* (1), *пџмџш'*(1), *помџшн'икџф* (1), *пџмџч'* (1) *плџт* (1), *пџтџм* (1), *стџл* (2), *стџл'ик* (1), *н'е хџч'еџ* (1), *холџдныџ* (1), *хџрџшыџ* (1), *хџрџшыџ* (1); так и на месте /о/: *бџк* (1), *бџл'* (1), *дџрџгџ* (1), *дџрџгџџ* (1), *гџрџт* (2), *в гџрџд'е* (2), *в гџс'т'и* (2), *с гџлџду* (1), *кџлџкџл* (2), *кџлџс* (1), *н'е прџкџрм'иш* (1), *мџх* (1), *н'еплџхџ* (1), *рџш* (1), *св'екрџф* (1), *стрџг'иџ* (1), *тџл'кџ* (2) и т. д.

В идиолекте GAM только с [о] было зафиксировано 80 морфем (156 произнесений) как на месте этимологической фонемы /џ/: *бџл'иџ* (2), *дџрџгџџ* (1), *дџрџг'е* (1), *гџн'ит* (1), *кџн'ч'илџс'* (1), *кџт* (1), *лџдџч'к'е* (1), *лџтку* (1), *нџ лџтк'е* (2), *улџф* (1), *лџв'ит* (1), *мнџго* (1), *молџд'ен'кџа* (1), *нџвыџ* (1), *плџт* (1), *н'е пџмнн* (3); так и на месте /о/: *бџл'* (1), *дџлџгџа* (1), *дџлџгџ* (1), *гџдџ* (1), *кџлџс* (1), *мџх* (1), *мџст* (1), *мџс'т'ик* (1), *св'екрџф* (1), *холџдныџ* (1), *хџрџшыџ* (2), *хџрџшыџ* (1), *хџрџшыџ* (1) и т. д.

В идиолекте SPK только с [о] было отмечено 56 морфем (96 произнесений) как на месте этимологической фонемы /џ/: *бџл'иџ* (2), *пџбџл'иџ* (1), *дџрџг'и* (1), *дџрџг'е* (1), *гџн'ит* (1), *укџл* (1), *кџн'ч'ил* (1), *зџкџн'ч'ил* (1), *зџкџн'ч'ила* (1), *кџшк'и* (2), *кџшџџ* (1), *кџт* (1), *лџв'џт* (1), *улџф* (1), *сџрџк* (1), *смџтр'ит* (1), *холџдныџ* (1), *хџрџшыџ* (1), *хџрџшыџ* (2); так и на месте /о/: *бџк* (1), *дџч'* (1), *дџлџгџа* (1), *гџт* (1), *гџдџ* (2), *гџрџт* (1), *гџрџдџ* (1), *мџх* (1), *мџст* (1), *мџст'ик* (1), *нџч'и* (1), *нџч'џн* (1), *прџстџ* (2), *рџш* (2), *св'екрџф* (1), *стрџг'иџ* (1), *тџлџстыџ* (1), *тџџџ* (5) и т. д.

В речи диктора ТАМ зафиксировано 84 морфемы (196 произнесений) с [о] на месте этимологической фонемы /џ/: *бџл'иџ* (3), *гџн'ит* (1), *кџн'ч'ил* (1), *кџшкџ* (1), *кџшк'и* (1), *лџв'ит* (2), *улџф* (1), *мџџџт* (5), *мџџнџ* (1), *пџмџш'* (1), *пџмџк* (1), *пџтџм* (5), *сџрџк* (3), *тџп'иш* (1), *стџл* (1), *стџл'ик* (1); и на месте /о/: *бџк* (1), *бџл'* (1), *дџлџгџа* (1), *дџлџгџ* (1), *гџт* (4), *кџлџс* (1), *мџх* (1), *мџст* (1), *мџс'т'ик* (1), *рџш* (1), *тџлџстџз* (1), *тџџџ* (2), *хџлџт* (1), *хџлџднџ* (1) и т. д.

Таким образом, в речи этих четырех информантов отражается этап фонетического процесса, на котором рефлексы /џ/ в системе проявляются лишь как вариативность [о] и [џ], отмеченная в единичных морфемах.

Завершающий этап объединения двух фонем отражџн в идиосистемах дикторов SACH (2000 г. р.) и AIA (1996 г. р.) (далее — тип VI). В этих

идиолектах вариативность на месте /o/ совсем исчезает, закрытые звуки не отмечаются.

В идиолекте SACH звук [o] отмечен в 63 морфемах (88 произнесений) как на месте этимологической фонемы /ω/: *б́ол'иэ* (1), *в́ос'ем* (1), *дэ́рогэц* (1), *ѓон'ит* (1), *ќон'ч'илэс'* (1), *кэ́торыэ* (1), *л́отку* (1), *мн́огэ* (2), *немн́огэ* (1), *м́огут* (1), *м́ожэт* (1), *пэ́том* (3), *х́од'ит* (1), *хэ́ршыиэ* (1); так и на месте /o/: *б́ол'* (1), *б́ок* (1), *д́олгэа* (1), *д́ом* (1), *д́ома* (1), *ѓот* (1), *ѓода* (1), *м́ох* (1), *м́оцу* (1), *в ѓос't'u* (1), *св'екр́оф'* (1), *т́ожэ* (1).

В идиолекте AIA звук [o] зафиксирован в 99 морфемах (225 произнесений) как на месте этимологической фонемы /ω/: *б́ол'иэе* (4), *дэ́рог'е* (1), *дэ́рог'и* (1), *дэ́рогэц* (2), *ѓон'ит* (1), *ќон'ч'илэс'* (1), *звќон'ч'ила* (1), *ќот* (1), *ул́оф* (1), *мн́огэ* (9), *н'имн́огэ* (1), *н'имн́ошкэ* (1), *мэ́рос* (1), *м́ожэт* (2), *м́ожнэ* (1), *н́оуцу* (1), *н́овыц* (3), *н'е п́омн'н* (3), *п́омн'ат* (1), *х́оч'ет* (2), *х́од'ит* (2), *ух́од'ит* (1), *прэ́ход'ат* (1), *хэ́ршыиз* (1), *хэ́ршыиц* (3), так и на месте /o/: *б́ок* (1), *б́ол'* (1), *д́олгэа* (1), *д́олгэ* (1), *д́ом* (5), *в д́ом'е* (1), *ѓот* (2), *ѓода* (1), *в ѓорвд'е* (1), *пл́охэ* (1), *н'ипл́охэ* (2), *пр́остэ* (2), *р́ош* (2), *т́ожэ* (3), *т́ол'кэ* (1), *н'е т́ол'кэ* (1), *х́лэт* (1) и т. д.

Итак, все идиосистемы можно разделить на 4 типа, каждый из которых отражает одну из стадий объединения /o/ и /ω/:

Тип I зафиксирован в идиолектах ENP и VSV. Этот тип вокалической системы характеризуется наличием позиционно не обусловленных реализаций /o/ и /ω/. В то же время в ряде морфем наблюдается вариативность [o] и [ω], коррелирующая с условиями произношения. С фонологической точки зрения интерпретировать такую ситуацию сложно: с одной стороны, есть примеры, где [o] и [ω] противопоставлены в одной фонетической позиции, с другой — имеются морфемы, где эти звуки варьируются в одной морфеме в одинаковых фонетических условиях.

Тип II отражается в речи дикторов AEN и AMCH. В этих идиосистемах только [o] отмечен в единичных случаях в окружении губных и латеральных согласных, в ряде морфем зафиксирована вариативность [o] и [ω], мотивированная условиями произношения. В части примеров отмечается только [o] вне зависимости от условий произношения. Иными словами, в этих идиолектах контраст между /o/ и /ω/ полностью переосмысливается как контраст, связанный с условиями произношения, в результате чего происходит перераспределение аллофонов обеих фонем.

Тип III, зафиксированный в речи информантов SPK, GAM, TAM, LICH, отличается от II типа тем, что допускает появление старого [ω] намного реже. Фонема /o/ в большинстве примеров репрезентована звуком [o].

Тип IV отражают идиолекты SACH и AIA, где закрытые звуки на месте /o/ не отмечаются.

Приведённая типология систем показывает, как постепенно исчезают из говора следы различия /o/ и /ω/. В следующем разделе показано, как этот процесс отражается на акустическом уровне.

4. Акустический анализ

Для того чтобы выяснить, имеются ли различия между типами идиолектов на акустическом уровне, были построены графики, отражающие области рассеивания ударных аллофонов гласных фонем в каждом из типов идиолектов. Графики строились на основе значений F1 и F2¹²; предварительно данные были обработаны с помощью программы нормализации, представленной в [Lobanov 1971]. Данная программа позволяет нивелировать разницу в формантных значениях, вызванную различиями в строении голосового тракта, но сохраняет социолингвистически значимые различия между идиосистемами или их группами.

Нормализация данных необходима, когда анализируются формантные значения гласных нескольких идиолектов. В этом случае на значения F1 и F2 влияют особенности строения речевого тракта, связанные с полом и возрастом говорящих. Метод Лобанова ([Lobanov 1971]), согласно современным исследованиям [Adank, Smits, Hout 2004], является одним из наиболее надёжных методов нормализации, исключая разницу в формантных значениях, вызванную физиологическими различиями, и в то же время сохраняющим различия, мотивированные социофонетическими причинами. В рамках данного метода нормализованные значения рассчитываются по формуле

$$F^N_i = (F_i - M_i) / \sigma_i$$

Где F^N — нормализованное формантное значение,

i — номер форманты (1 или 2),

M_i — среднее значение F_i для всех гласных (рассчитывается отдельно для каждого диктора),

σ_i — стандартное отклонение от среднего значения для всех гласных (рассчитывается отдельно для каждого диктора).

На основе данных, нормализованных с помощью алгоритма [Lobanov 1971], были построены графики, отражающие расположение гласных в артикуляционном пространстве. На основе средних нормализованных значений определяется центр концентрации аллофонов каждой из фонем, пунктирными линиями отражается стандартное отклонение (степень дисперсии).

Для анализа вокалических систем кайского говора были отобраны примеры со звуками на месте непоследних фонем в позиции CVC и с аллофонами передних фонем в окружении C'VC, отмеченными в разных типах идиолектов¹³. В таблице 1 указано количество звуков [o] и [ʊ], использованных для анализа.

¹² Символами F1 и F2 обозначаются первая и вторая форманты гласных звуков. Значение F1 обратно пропорционально степени подъема языка: чем больше F1, тем ниже подъем языка. Значение F2 прямо пропорционально продвинутости языка вперед: чем больше язык продвинут вперед, тем выше частота F2 [Касаткин 2006: 11].

¹³ Важно отметить, что символы «и», «е», «у», «а» и пунктирные линии, отходящие от них, отражают средние значения и стандартное отклонение всех алло-

Таблица 1

Количество ударных [o] и [o] в каждом из типов идиолектов

	I тип (2 диктора)	II тип (2 диктора)	III тип (4 диктора)	IV тип (2 диктора)
[o]	515	503	765	312
[o]	139	34	20	0

В разделе 3 указывалось, что есть основания предполагать, что в идиолектах типа I [o] и [o] являются представителями двух разных фонем, тогда как в типах II и III эти звуки ведут себя как аллофоны одной фонемы, при этом в типе III закрытые гласные встречаются очень редко. Есть ли разница между типами систем в рассеивании звуков [o] и [o] в акустическом пространстве? Акустический анализ показал, что такая разница есть. Его результаты представлены на графиках 1—4.

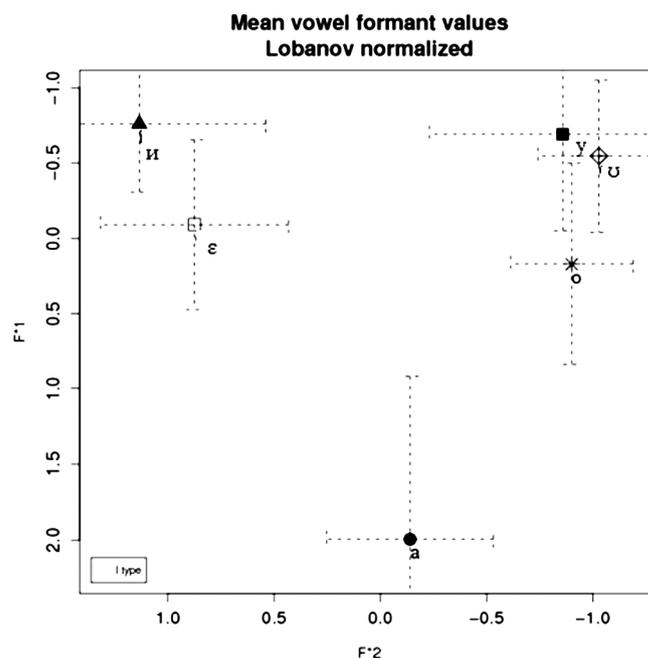

График 1. Среднее значение и стандартное отклонение нормализованных формантных значений ударных аллофонов гласных фонем в идиосистемах типа I

фоном каждой из данных фонем вне зависимости от их качества. Символы же «o» и «o» отражают центры рассеивания данных звуков, что обусловлено стремлением выявить акустические различия между этими звукотипами в разных идиолектах.

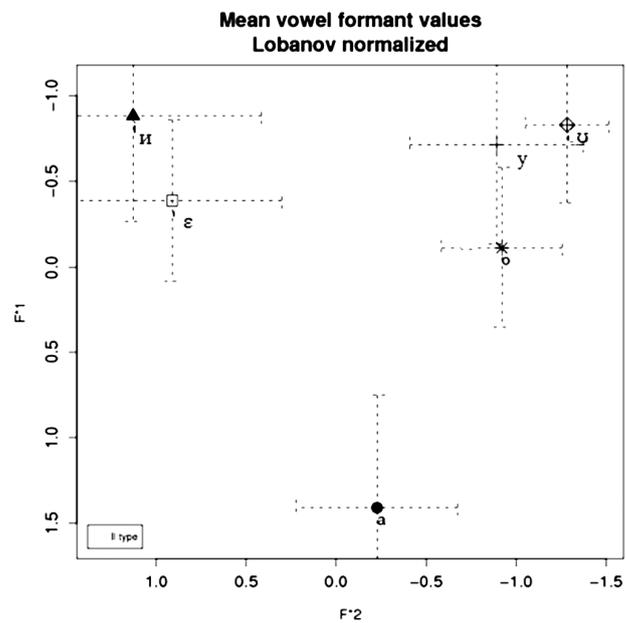

График 2. Среднее значение и стандартное отклонение нормализованных формантных значений ударных аллофонов гласных фонем в идиосистемах типа II

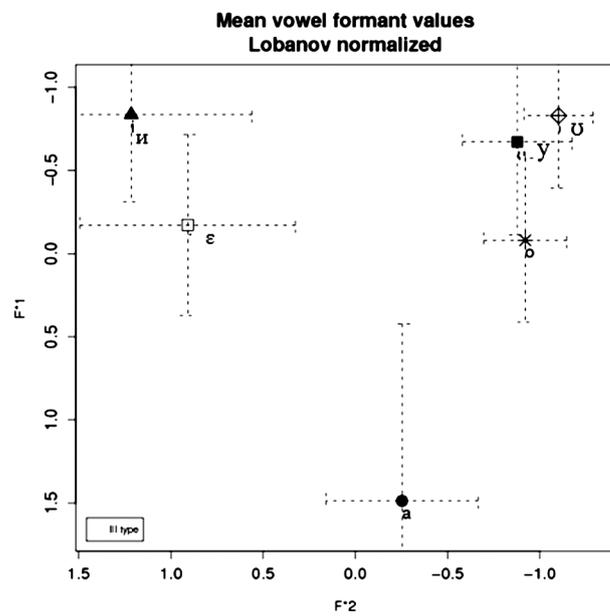

График 3. Среднее значение и стандартное отклонение нормализованных формантных значений ударных аллофонов гласных фонем в идиосистемах типа III

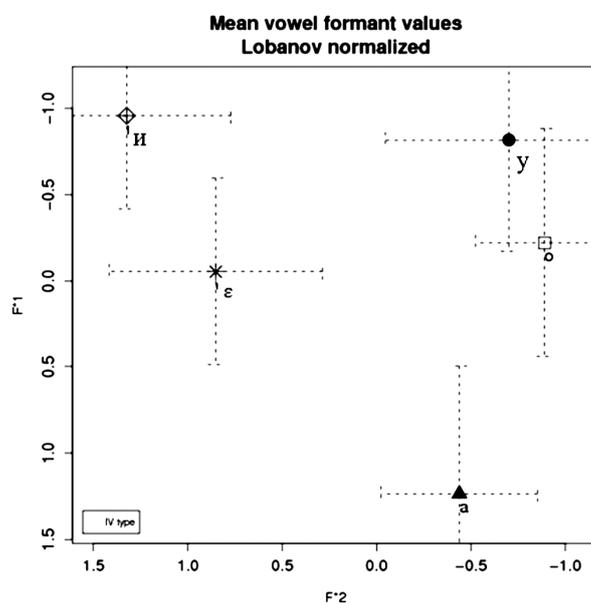

График 4. Среднее значение и стандартное отклонение нормализованных формантных значений ударных аллофонов гласных фонем в идиосистемах типа IV

Сравнивая области, занимаемые неверхними звуками задней зоны образования на графиках 1—4, можно заметить, что стандартное отклонение в разных типах идиолектов неодинаково. На основе визуального сравнения графиков можно выявить лишь его уменьшение в более инновативных типах. Для того чтобы выяснить, значимо ли данное различие статистически, был проведён анализ нормализованных значений с помощью двухвыборочного F-теста для дисперсии, результаты которого проверялись посредством поправки Бонферрони.

F-тест¹⁴ (критерий Фишера) позволяет выяснить, значима ли разница в дисперсии двух массивов данных. Поправка Бонферрони контролирует вероятность групповой ошибки при проведении теста.

При проведении F-теста принимается нулевая гипотеза о том, что разница в дисперсии двух выборок не значима. Критерий Фишера рассчитывается как отношение одной выборочной дисперсии к другой. При этом в числитель помещается большая выборка (s_1), в знаменатель — меньшая (s_2).

$$F = \frac{s_1^2}{s_2^2}$$

¹⁴ F-тест можно применить лишь в том случае, если анализируемые количественные переменные подчиняются закону нормального распределения вероятностей. Актуальные данные проверялись посредством построения гистограмм с помощью пакета для статистической обработки данных R.

Чем больше получившееся значение F , тем больше вероятность того, что различия в дисперсии значимы. Данное значение сравнивается с табличным значением F критическим¹⁵. Если получившееся значение F превышает F критическое, то нулевая гипотеза отклоняется. Кроме того, нулевая гипотеза проверяется с помощью выдаваемого тестом p -значения, показывающего вероятность того, что случайная величина с соответствующим распределением Фишера окажется равной или превысит рассчитанное по выборочным данным значение F .

Чтобы выяснить, значимы ли различия в дисперсии гласных в четырёх типах идиолектов, необходимо было сравнить между собой средние значения $F1$ и $F2$ для каждого из гласных (средние значения $F1$ для [ɔ] в I и II типах, потом в I и III, затем во II и III¹⁶, затем такой же расчет проводился для [o]).

Результаты тестов проверялись с помощью поправки Бонферрони, которая заключается в сравнении p -значений, полученных после проведения всех тестов, со значением $\alpha = 0,05$, разделённым на количество выполненных тестов.

Итак, чтобы установить, значима ли разница в рассеивании звуков типа [o] по подъёму, попарно сравнивались нормализованные значения $F1$ для разных типов идиолектов (для I и II, I и III, I и IV и т. д.). Чтобы выяснить значимость дисперсии по ряду, аналогичным образом сравнивались нормализованные значения $F2$. Полученные результаты проверялись с помощью поправки Бонферрони.

Результаты статистического анализа показали, что разница в стандартном отклонении формантных значений [o] по ряду ($F2$) существенна между типами I и III, I и IV, II и III, II и IV, III и IV (все пары, кроме I и II). Разница по подъёму (по $F1$) несущественна. Похожие результаты дало тестирование формантных значений [ɔ]: различия в дисперсии по подъёму существенны только между I и III типами (рассеивание уменьшается), различия по ряду существенны между всеми тремя типами, где был отмечен этот звук.

Чем может объясняться данный результат? Известно, что на среднее значение $F2$ гласного влияют условия произношения: консонантный контекст [Князев, Пожарицкая 2011: 105], темп речи [Listerri 1992], её тип [Labov 1972], фразовые условия [Torreira, Ernestus 2012]. В типах I и II качество гласного сильно зависит от различных условий, что выражается в большой дисперсии гласных по ряду. В типах III и IV эта зависимость ослабевает, что проявляется в более компактном расположении гласных в акустическом пространстве (в меньшем разбросе значений $F2$).

Таким образом, акустический анализ показал, что области рассеивания гласных [o] и [ɔ] постепенно становятся более компактными. Меняется ли при этом конфигурация всей вокалической системы?

¹⁵ F критическое — максимальное значение критерия под влиянием случайных факторов при текущих степенях свободы и уровне значимости $\alpha = 0,05$.

¹⁶ Тип IV исключен из рассмотрения, поскольку в нем закрытые звуки не встретились.

На графике 5 представлены центры рассеивания ударных гласных, установленные на основе нормализованных значений F1 и F2. Ясно видно, что центры областей рассеивания ударных гласных сближаются, и всё акустическое пространство сжимается от I типа к IV.

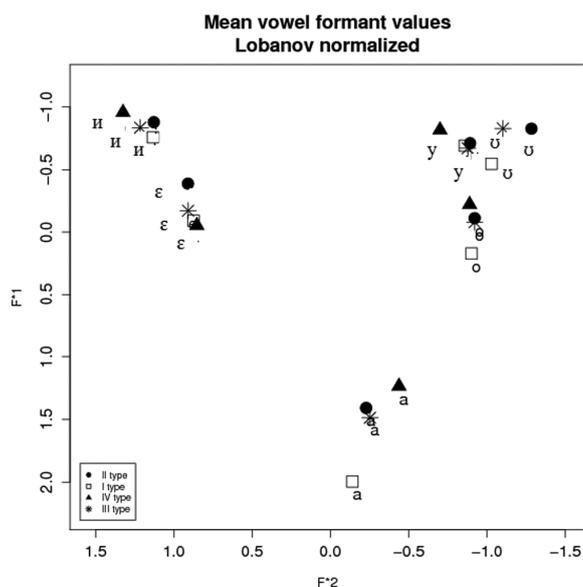

График 5. Центры концентрации аллофонов гласных фонем под ударением в I—IV типах идиолектов

Чем может быть вызвано данное изменение, сказать сложно. Однако можно предполагать, что такая перестройка могла быть одной из причин утраты различий между фонемами верхне-среднего и среднего подъёмов, поскольку в меньшем акустическом пространстве контраст между звуками становится более тонким и его труднее воспроизводить и воспринимать.

Важно отметить, что аналогичная корреляция между сужением вокалического пространства и утратой фонологических контрастов была отмечена в других языках и диалектах. Так, например, в корейском диалекте чеджу исчезновение различий между фонемами /e/ и /æ/, /o/ и /ɔ/ коррелирует со сжатием акустического пространства (см. график 6).

Данный факт соответствует принципу достаточного артикуляционного усилия, сформулированного в работах [Lindblom 1986, 1990]. Согласно этому принципу, артикуляционное усилие говорящего направлено на то, чтобы достичь достаточного, а не максимального контраста между звуками. Если количество гласных в инвентаре сокращается, то и необходимые артикуляционные усилия ослабевают, что облегчает задачу говорящего¹⁷.

¹⁷ С этим принципом коррелируют выводы Л. Л. Касаткина об ослаблении напряженности русской артикуляционной базы [Касаткин 1989, 1999].

В то же время, согласно теории дисперсии, в новой, более компактной, системе гласные располагаются так, чтобы расстояние между ними было достаточным для того, чтобы слушающий мог различать их аллофоны.

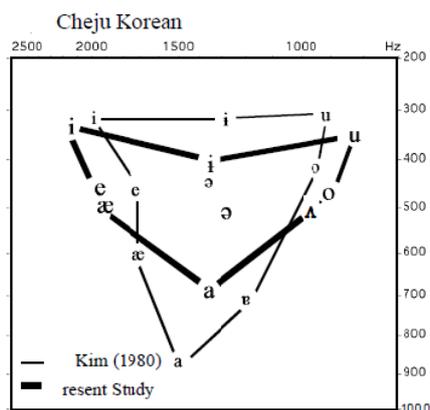

График 6. Сжатие вокалического пространства при утрате фонологического контраста между фонемами /e/ и /æ/, /o/ и /ʌ/ в корейском диалекте чеджу [Cho, Jun, Jung & Ladefoged 2001]

Таким образом, данные акустического анализа свидетельствуют о том, что одной из причин объединения фонем могло быть сжатие вокалического пространства. Эти данные также отражают процесс звукового изменения: движение от большого звукового варьирования в обширном вокалическом пространстве, при котором рассеивание [o] и [ʊ] обусловлено влиянием различных факторов, к унификации качества гласных на месте /o/ и их большей независимости от условий произношения в уменьшившемся пространстве. Кроме того, полученные данные свидетельствуют о том, что в результате процесса объединения формируется более сжатая вокалическая система, в которой аллофоны гласных фонем группируются более компактно.

5. Перцептивный эксперимент

В разделе 2 указывалось, что во время одной из экспедиций в село Кай и деревню Южаки был проведён перцептивный эксперимент, который состоял из двух частей: в ходе первой испытуемые решали, одинаковые или разные гласные звучат в парах стимулов, во второй — участникам предлагалось повторить вслух стимулы, которые они слышат. Все слова и части слов были вырезаны из аудиозаписей речи представителей идиолектов типа I.

Таблица 2

Пары стимулов со звуками [o] и [ɔ]

стимулы	лексический контекст	диктор
[кот] — [кɔт]	слово <i>кот</i> и фрагмент слова <i>скот</i>	VSV
[рош] — [рɔш]	слово <i>рожь</i> и фрагмент слова <i>хороший</i>	
[мои] — [мои]	два произнесения местоимения в списке слов и спонтанной речи	
[лош] — [лɔш]	фрагменты слов <i>ложка</i> и <i>галоши</i>	ENP

Каждый из дикторов прослушивал данные пары стимулов в случайном порядке наряду со стимулами, различающимися ударными [и] и [е], [а] и [э]. Для того чтобы увеличить достоверность эксперимента, каждая пара повторялась 6 раз (всего 24 пары стимулов). В таблице 3 представлены результаты данной части эксперимента.

Таблица 3

Обобщённые результаты первой части эксперимента для примеров с ударными [o] и [ɔ].

диктор	стимулы с [o] и [ɔ] 100% (24)	
	ответ «разные»	ответ «одинаковые»
VSV	83% (20)	17% (4)
AEN	21% (5)	79% (19)
AMCH	29% (7)	71% (17)
SPK	38% (9)	62% (15)
LICH	13% (3)	87% (21)
GAM	42% (10)	58% (14)
TAM	—	100% (24)
SACH	—	100% (24)
AIA	21% (5)	79% (19)

Из таблицы видно, что имеется существенная разница в способности носителей говора воспринимать контраст между [o] и [ɔ] в одинаковом консонантном окружении. Эти различия коррелируют с типологией систем вокализма лишь отчасти. Всех испытуемых можно разделить на три группы, в зависимости от того, слышат ли они разницу между [o] и [ɔ] в данных примерах. К первой группе можно отнести информантов, которые воспринимают контраст в большинстве случаев, ко второй — тех, кто различает эти звуки нерегулярно, к третьей — тех, кто в 100 % случаев не различает [o] и [ɔ]. В первую группу входит представительница типа I, информантка VSV, поскольку она различает гласные [o] и [ɔ] в 83 % случаев (20 примеров). Во вторую группу можно включить представителей типов II-IV AEN, AMCH, SPK, LICH, GAM и AIA, которые различают эти звуки лишь в некоторых примерах. К третьей группе относятся представи-

тельницы типов III и IV, TAM и SACH, которые в 100 % слышат одинаковые звуки¹⁸.

Полученные данные подтверждают результаты позиционного анализа и позволяют утверждать, что только представительница типа I различает /o/ и /ō/, а остальные информанты относят звуки [o] и [ō] к одной фонеме.

Полученные результаты дополняются акустическими данными. В таблице 4 представлено количество ответов «одинаковые» в каждой паре примеров у каждого из испытуемых. В нижней строке дано общее количество ответов «одинаковые» для всех пар. В двух первых строках указаны формантные значения [o] и [ō] в каждом стимуле. В третьей строке представлена разница между формантными значениями гласных каждой пары.

Таблица 4

**Подробные результаты первой части эксперимента
на восприятие контраста между [o] и [ō]**

пример с [o]	[рош] F1 = 440 Гц; F2 = 1033 Гц	[лош] F1 = 620 Гц; F2 = 1036 Гц	[кот] F1 = 444 Гц; F2 = 897 Гц	[мои] F1 = 424 Гц; F2 = 977 Гц
пример с [ō]	[рош̄] F1 = 391 Гц; F2 = 1003 Гц	[лош̄] F1 = 514 Гц; F2 = 848 Гц	[кот̄] F1 = 467 Гц; F2 = 818 Гц	[моӣ] F1 = 354 Гц; F2 = 851 Гц
разница в формантных значениях	F1 = 49 Гц F2 = 30 Гц	F1 = 106 Гц F2 = 188 Гц	F1 = 23 Гц F2 = 79 Гц	F1 = 70 Гц F2 = 126 Гц
VSV		3		
AEN	2	6	5	6
AMCH		1		6
SPK	1	3	2	4
LICH	6	6	2	6
GAM	4	3	2	6
TAM	6	6	6	6
SACH	6	6	6	6
AIA	6	6		6
общее количество	31	40	23	46

Можно видеть, что чаще всего как «одинаковые» маркировались пары [лош] — [лош̄] и [мои] — [моӣ], хотя разница в формантных значениях в этих примерах больше, чем в парах [кот] — [кот̄] и [рош] — [рош̄]. Можно предположить, что испытуемые воспринимали влияние левого контекста в примерах [мои] и [лош] как качество самого ударного звука (более закрытого, чем [o] после переднеязычных звуков) поскольку известно, что «ста-

¹⁸ К сожалению, информантка ENP не смогла принять участие в эксперименте по состоянию здоровья.

ционарные участки гласных в обычной речи практически отсутствуют, и для восприятия гласных, а также соседних с ними согласных, формантные переходы оказываются более существенными» [Князев, Пожарицкая 2011: 120]. Эти данные подтверждают теорию Дж. Охалы, согласно которой в ходе эволюции фонетической системы представители инновативных идиолектов могут воспринимать влияние контекста как часть целевой артикуляции звука [Ohala 1981; 1989; 1993].

Во второй части эксперимента испытуемые прослушивали те же стимулы с [o] и [o] и повторяли их вслух (8 стимулов из таблицы 3 включались в случайном порядке со словами, различающимися ударными [и] и [е], [а] и [е]). Результаты этой части эксперимента (см. таблицу 5) показывают, что носители говора, повторяя примеры с [o] и [o], либо заменяют ударный гласный на [y], либо во всех случаях произносят [o].

Таблица 5

Результаты второй части эксперимента с ударными [o] и [o]

испытуемые	примеры с заменой
VSV	[кoт] с [y]
	[рoш] с [y]
AEN	[кoт] с [y]
	[кoт] с [y]
AMCH	[рoш] с [y]
	[рoш] с [y]
SPK	во всех примерах звучит [o]
LICH	[рoш] с [y]
GAM	[кoт] с [y]
	[рoш] с [y]
TAM	во всех примерах звучит [o]
SACH	во всех примерах звучит [o]
AIA	во всех примерах звучит [o]

Первый способ «обобщения» качества гласного встречается у носителей идиолектов типов I и II и у половины представителей типа III, второй — у другой половины носителей идиолектов типа III и у представителей типа IV. Вероятно, перцептивно, как и акустически, за каждым гласным закреплено определённое пространство, которое индивидуально у каждого слушающего. Испытуемый принимает решение о качестве гласного на основе того, в перцептивную область какой фонемы он попадает. Исследование, проведённое Дж. Харрингтоном на материале английского, показало, что в ходе звуковых изменений эти границы смещаются: представители разных типов идиолектов отождествляют один и тот же звук с разными фонемами, в зависимости от того, какой этап звукового процесса отражают их идиосистемы. Дж. Харрингтон исследовал, как отражается процесс продвижения вперёд аллофонов /o/ в речи представителей двух

поколений. Эксперимент Харрингтона показал, что в сравнении с пожилыми дикторами молодые информанты не только произносят на месте /ʊ/ более передний звук, но и воспринимают синтезированные гласные, варьирующиеся от [ʊ] до [ɪ], как более передние [Harrington 2012].

Результаты второй части перцептивного эксперимента коррелируют с выводами Дж. Харрингтона: носители идиолектов типа IV, в речи которых не встречается [ʊ], воспринимают этот звук как [o], тогда как представители типов I и II, произносящие этот звук достаточно часто, воспринимают его как более закрытый и лабиализованный [y]. Напомним также, что в идиолектах типа IV область рассеивания аллофонов /y/ более передняя, чем в других типах. Вероятно, большая разница между [ʊ], представленным в стимулах, и звуками, произносимыми этими дикторами на месте /y/, также повлияла на идентификацию качества гласного во время эксперимента.

Анализ результатов эксперимента также выявил, что в ходе звукового изменения возможно рассогласование в процессах перцепции и речепроизводства. Информантка VSV, прослушав все стимулы первой части эксперимента, сказала, что в паре [мои] — [мои], разные слова: первый вариант [мои] можно употребить, например, в сочетании *мой посуду*, а второй — [мои] — в сочетании *мой журнал*¹⁹. Это замечание не только подтверждает то, что разница между [o] и [ʊ] для этой информантки смысловозначительна, но и проливает свет на то, как звуковое изменение отражается в восприятии. В таблице 2 указывалось, что в паре [мои] — [мои] были использованы примеры произнесения местоимения из списка слов и из спонтанной речи, а не местоимение и повелительная форма глагола²⁰. Это говорит о том, что в идиолекте этой информантки контраст между /o/ и /ω/ разрушается, поскольку она может произнести местоимение *мой* и с открытым, и с закрытым звуком, в зависимости от условий коммуникации, но в то же время она воспринимает более открытый звук, возникший под влиянием условий произношения, как аллофон /o/, а более закрытый звук в том же слове, произнесённом в других условиях, она считает аллофоном /ω/. Таким образом, звуковое изменение захватило артикуляцию, но ещё не затронуло перцепцию.

Подобное рассогласование между механизмами произношения и восприятия наблюдается в разных языках и диалектах мира. Например, в диалекте ижорского языка, где протекает процесс исчезновения глухих гласных: одни информанты продолжают «слышать» звук, когда он уже исчез из их речи, другие, наоборот, произносят звук, но уже не воспринимают его [Кузнецова 2012]. По данным ANAE (атласа североамериканских гласных), рассинхронизация в порождении и восприятии наблюдается в амери-

¹⁹ В диалектологической литературе не раз приводились примеры, когда информанты легко определяли в каких словах в их говоре произносятся звуки, отличные от тех, что на письме обозначаются буквами *o* и *e* [Диалектологические материалы 1916; Пауфшима 1983: 80].

²⁰ Напомним, что примеры были взяты из речи диктора VSV.

канском варианте английского языка в Средней Атлантике, в котором протекает процесс объединения гласных фонем в словах типа *lot* [lat] и *thought* [θɔ:t]. Одни информанты произносят гласные в данных примерах одинаково, но воспринимают их как разные, а другие — произносят гласные по-разному, но воспринимают их как одинаковые [Labov, Ash, Boberg 2006]. Такой результат объединения фонем называют неполным (*near-merger*).

Таким образом, эксперимент на восприятие установил следующее:

1) контраст между [ʊ] и [o] является смысловозначительным только для носительницы идиолекта типа I, о чём нельзя было с уверенностью говорить на основе акустического и дистрибутивного анализа материала;

2) более существенное влияние на аудитивное определение качества гласных оказывает качество окружающих согласных, чем акустические характеристики самих гласных;

3) рассматриваемое звуковое изменение градуально не только на уровне речепорождения, но и на уровне перцепции.

Кроме того, результаты эксперимента позволяют сделать более глубокие теоретические выводы: 1) переоценка качества гласных и их консонантного окружения слушателями может быть одной из причин звукового изменения, что подтверждает перцептивную теорию, согласно которой слушающему принадлежит ключевая роль в процессе звукового изменения; 2) результатом процесса объединения может стать рассогласование между перцепцией и речепроизводством, при котором контраст между звуками воспринимается, но уже не воспроизводится последовательно.

Заключение

В данной статье рассмотрено объединение фонем /o/ и /ω/ в кайском говоре. Анализ данных показал, что одной из причин этого процесса могло быть сужение вокалического пространства, занимаемого системой гласных, другой причиной могло послужить изменение в перцептивной стратегии носителей диалекта. Результаты исследования позволяют предполагать, что эти процессы взаимосвязаны.

В работе выделены стадии объединения двух фонем, отражённые в речи носителей говора. Анализ этапов развития системы показал, что с ослаблением фонологического контраста между /o/ и /ω/ усиливается роль условий произношения: выбор [ʊ] или [o] начинает зависеть от фразовой позиции, качества соседних согласных, типа речи. С развитием системы количество морфем с вариативностью уменьшается, а также прекращается влияние условий произношения на выбор ударного аллофона /o/.

Исследование показало, что в результате звукового изменения формируется более сжатая вокалическая система, в которой аллофоны /o/ группируются более компактно. В то же время промежуточным результатом слияния фонем может быть их неполное объединение, при котором кон-

траст между гласными воспринимается на слух, но в речи уже последовательно не воспроизводится.

Л и т е р а т у р а

Баринаова 1966 — Г. А. Баринаова. О произношении [ж'] и [ш'] // Развитие фонетики современного русского языка / Под ред. С. С. Высотского, М. В. Панова, В. Н. Сидорова. М., 1966. С. 25—55.

Ваахтера 2009 — Й. Ваахтера. Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области. Хельсинки, 2009.

Высотский 1967 — С. С. Высотский. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 5—82.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып I: Фонетика. М., 1986.

Диалектологические материалы 1916 — Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. Пг., 1916.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Касаткин 1989 — Л. Л. Касаткин. Одна из тенденций развития фонетики русского языка // ВЯ. 1989. № 6. С. 39—45.

Касаткин 2006 — Л. Л. Касаткин. Современный русский язык. Фонетика. М., 2006.

Касаткин 2005 — Л. Л. Касаткин. Русская диалектология. Фонетика. М., 2005.

Князев, Пожарицкая 2011 — С. В. Князев, С. К. Пожарицкая. Современный русский язык: фонетика, орфоэпия, графика, орфография. М., 2011.

Корпечкова 2013 — Е. В. Корпечкова. Развитие типов архаического вокализма (на примере говора с архаическим аканьем и обоянской разновидностью архаического яканья) // Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VII международной научной конференции 27—29 сентября 2013 года М., 2013. С. 47—49.

Красовицкий 2013 — А. М. Красовицкий. Артикуляционный сдвиг и развитие нейтрализации гласных // http://www.modangs.ox.ac.uk/files/docs/russian/Krasovitsky_XVCongress.pdf.

Кузнецова 2012 — Н. В. Кузнецова. Просодика словоформы в нижнелужском диалекте ижорского языка // Acta linguistica Petroliana. Труды ИЛИ РАН. Т. VIII. Ч. 1. СПб., 2012. С. 43—103, 506—521.

Макарова 1963 — Л. Н. Макарова. Некоторые особенности говоров северо-восточной части Кировской области (Кайского края) // Очерки по русскому языку. Киров, 1963. С. 68—92.

Макарова 1999 — Л. Н. Макарова. Фонетические, морфологические и синтаксические особенности русских говоров Кировской области // Энциклопедия земли Вятской. Т. 8. Киров, 1999. С. 244—256.

Мошкина 1999 — Е. Н. Мошкина. Вятские говоры. Звучащая хрестоматия. Приложение № 8 к Бюллетеню Фонетического фонда русского языка. Вятка; Бохум, 1999.

Панов 1986 — М. В. Панов. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968. С. 24.

Парикова 1966 — Н. Б. Парикова. О южнорусском варианте литературной речи // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966. С. 125—136.

Пауфошима 1983 — Р. Ф. Пауфошима. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

Пшеничнова 2008 — Н. Н. Пшеничнова. Лингвистическая география. М., 2008.

Савинов 2013 — Д. М. Савинов. Эволюция систем вокализма южнорусских говоров. М., 2013.

Стадникова 1989 — Е. В. Стадникова. Материалы к изучению двух фонем «типа о» в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989. С. 135—176.

Троицкий 1962 — В. И. Троицкий. О группировке русских говоров на Верхней Каме // Очерки по русскому языку. Киров, 1962. С. 56—66.

Adank, Smits, Hout 2004 — P. Adank, R. Smits and R. van Hout. A comparison of vowel normalization procedures for language variation research // Journal of the Acoustical Society of America 116. P. 3099—3107.

Cho, Jun, Jung, Ladefoged 2001 — T. Cho, S.-A. Jun, S. Jung, P. Ladefoged. The vowels of Cheju // Korean Journal of Linguistics. 26 (4). 2001. P. 801—819.

Harrington 2012 — J. Harrington. The relationship between synchronic variation and diachronic change // Handbook of Laboratory Phonology 2012. P. 321—332.

Kochetov 2006 — A. Kochetov. The role of social factors in the dynamics of sound change: A case study of a Russian dialect // Language Variation and Change, 18 (2006). P. 99—119.

Labov 1972 — W. Labov. Sociolinguistic Patterns. Philadelphia, 1972.

Labov 1975 — W. Labov. On the use of the present to explain the past // Linguistics at the Crossroads. 1975. P. 226—261.

Labov 1994 — W. Labov. Principles of Linguistic Change. Volume 1: Internal Factors. Oxford, 1994.

Labov, Ash, Boberg 2006 — W. Labov, Sh. Ash, Ch. Boberg. Atlas of North American English. New York, 2006.

Liljencrants, Lindblom 1972 — J. Liljencrants & B. Lindblom. Numerical simulation of vowel quality systems: The role of perceptual contrast // Language 48. P. 839—862.

Lindblom 1986 — B. Lindblom. Phonetic universals in vowel systems // Experimental Phonology. P. 13—44.

Lindblom 1990 — B. Lindblom. Explaining phonetic variation: A sketch of the H&H theory // W. Hardcastle & Marchal, Speech Production and Speech Modeling. P. 403—439.

Lobanov 1971 — B. M. Lobanov. Classification of Russian vowels spoken by different listeners // Journal of the Acoustical Society of America 49. P. 606—608. <http://ncslaap.lib.ncsu.edu/tools/norm/>.

Llisterri 1992 — J. Llisterri. Speaking styles in speech research // http://liceu.uab.es/~joaquim/publicacions/SpeakingStyles_92.pdf.

Ohala 1981 — J. J. Ohala. The listener as a Source of Sound Change // http://linguistics.berkeley.edu/~ohala/papers/listener_as_source.pdf.

Ohala 1989 — J. J. Ohala. Sound change is drawn from a pool of synchronic variation // Language Change: Contributions to the study of its causes. Berlin, 1989. P. 173—198.

Ohala 1993 — J. J. Ohala. Coarticulation and Phonology // *Language & Speech* 36. 1993. P. 155—170.

Torreira, Ernestus 2012 — F. Torreira, M. Ernestus. Weakening of intervocalic /s/. // *Nijmegen Corpus of Casual Spanish. Phonetica*, 69. P. 124—148.

References

Adank, Smits, Hout 2004 — P. Adank, R. Smits and R. van Hout. A comparison of vowel normalization procedures for language variation research // *Journal of the Acoustical Society of America*. 116. P. 3099—3107.

Barinova 1966 — G. A. Barinova. O proiznoshenii [zh'] i [sh'] // *Razvitie fonetiki sovremenogo russkogo yazyka / Pod red. S. S. Vysockogo, M. V. Panova, V. N. Sidorova. Moskva, 1966., S. 25—55.*

Cho, Jun, Jung, Ladefoged 2001 — T. Cho, S-A. Jun, S. Jung, P. Ladefoged. The vowels of Cheju // *Korean Journal of Linguistics*. 26 (4). 2001. P. 801—819.

DARYa — *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka: Centr Evropeyskoy chasti SSSR / Pod red. R. I. Avanesova, S. V. Bromley. Vyp I: Fonetika. Moskva, 1986.*

Dialektologicheskie materialy 1916 — Dialektologicheskie materialy, sobrannye V. I. Trostyanskim, I. S. Grishkinym i dr. Petrograd, 1916.

Harrington 2012 — J. Harrington. The relationship between synchronic variation and diachronic change // *Handbook of Laboratory Phonology 2012*. P. 321—332.

Kasatkin 1989 — L. L. Kasatkin. Odnaz iz tendency razvitiya fonetiki russkogo yazyka // *Voprosy Yazykoznaniiya*. 1989. № 6.

Kasatkin 2005 — L. L. Kasatkin. *Russkaya dialektologiya. Fonetika. Moskva, 2005.*

Kasatkin 2006 — L. L. Kasatkin. *Sovremenniy russkii yazyk. Fonetika Moskva, 1999.*

Knyazev, Pozharickaya 2011 — S. V. Knyazev, S. K. Pozharickaya. *Sovremenniy russkii yazyk: fonetika, orfoepiya, grafika, orfografiya. Moskva, 2011.*

Kochetov 2006 — A. Kochetov. The role of social factors in the dynamics of sound change: A case study of a Russian dialect // *Language Variation and Change*, 18 (2006). P. 99—119.

Korpechkova 2013 — E. V. Korpechkova. Razvitie tipov arkhaiskogo vokalizma (na primere govora s arkhaiskim akan'yem i oboyanskoy raznovidnost'yu arkhaiskogo yakan'ya) // *Fonetika segodnya. Materialy dokladov i soobshcheniy VII mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii 27—29 sentyabrya 2013 goda Moskva, 2013. S. 47—49.*

Krasovickiy 2013 — A. M. Krasovickiy. Artikulyacionnyy sdvig i razvitie neytralizacii glasnykh // http://www.modangs.ox.ac.uk/files/docs/russian/Krasovicky_XVCongress.pdf.

Kuznecova 2012 — N. V. Kuznecova. Prosodika slovoformy v nizhneluzhskom dialekte izhorskogo yazyka // *Acta linguistica Petroliana. Trudy ILI RAN. T. VIII. Ch. 1. St.-Peterburg, 2012. S. 43—103, 506—521.*

Labov 1972 — W. Labov. *Sociolinguistic Patterns. Philadelphia, 1972.*

Labov 1975 — W. Labov. On the use of the present to explain the past // *Linguistics at the Crossroads*. 1975. P. 226—261.

Labov 1994 — W. Labov. *Principles of Linguistic Change. Volume 1: Internal Factors. Oxford, 1994.*

Labov, Ash, Boberg 2006 — W. Labov, Sh. Ash, Ch. Boberg. *Atlas of North American English. New York, 2006.*

Liljencrants, Lindblom 1972 — J. Liljencrants & B. Lindblom. Numerical simulation of vowel quality systems: The role of perceptual contrast // *Language* 48. P. 839—862.

Lindblom 1986 — B. Lindblom. Phonetic universals in vowel systems // *Experimental Phonology*. P. 13—44.

Lindblom 1990 — B. Lindblom. Explaining phonetic variation: A sketch of the H&H theory // W. Hardcastle & Marchal, *Speech Production and Speech Modeling*. P. 403—439.

Llisterri 1992 — J. Llisterri. Speaking styles in speech research // http://liceu.uab.es/~joaquim/publicacions/SpeakingStyles_92.pdf.

Lobanov 1971 — B. M. Lobanov. Classification of Russian vowels spoken by different listeners // *Journal of the Acoustical Society of America* 49. P. 606 — 608. <http://ncslaap.lib.ncsu.edu/tools/norm/>.

Makarova 1963 — L. N. Makarova. Nekotorye osobennosti govorov severo-vostochnoy chasti Kirovskoy oblasti (Kayskogo kraja) // *Ocherki po russkomu yazyku*. Kirov, 1963. S. 68—92.

Makarova 1999 — L. N. Makarova. Foneticheskie, morfologicheskie i sintaksicheskie osobennosti russkikh govorov Kirovskoy oblasti // *Enciklopediya zemli Vyatskoy*. T. 8. Kirov, 1999.

Moshkina 1999 — E. N. Moshkina. Vyatskie govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Prilozhenie № 8 k Byulletenyu Foneticheskogo fonda russkogo yazyka. Vyatka; Bokhum, 1999.

Ohala 1981 — J. J. Ohala. The listener as a Source of Sound Change // http://linguistics.berkeley.edu/~ohala/papers/listener_as_source.pdf.

Ohala 1989 — J. J. Ohala. Sound change is drawn from a pool of synchronic variation // *Language Change: Contributions to the study of its causes*. Berlin, 1989. P. 173—198.

Ohala 1993 — J. J. Ohala. Coarticulation and Phonology // *Language & Speech* 36. 1993. P. 155—170.

Panov 1986 — M. V. Panov. Leksika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Moskva, 1968.

Parikova 1966 — N. B. Parikova. O yuzhnorusskom variante literaturnoy rechi // *Razvitie fonetiki sovremennogo russkogo yazyka*. Moskva, 1966. S. 125—136.

Paufoshima 1983 — R. F. Paufoshima. Fonetika slova i frazy v severnorusskikh govorakh. Moskva, 1983.

Pshenichnova 2008 — N. N. Pshenichnova. *Lingvisticheskaya geografiya*. Moskva, 2008.

Savinov 2013 — D. M. Savinov. Evolyuciya sistem vokalizma yuzhnorusskikh govorov. Moskva, 2013.

Stadnikova 1989 — E. V. Stadnikova. Materialy k izucheniyu dvukh fonem “tipa o” v starovelikorusskom // *Istoricheskaya akcentologiya i sravnitel’no-istoricheskii metod*. Moskva, 1989. S. 135—176.

Torreira, Ernestus 2012 — F. Torreira, M. Ernestus. Weakening of intervocalic /s/. // *Nijmegen Corpus of Casual Spanish. Phonetica*. 69. P. 124—148.

Troickiy 1962 — V. I. Troickiy. O gruppirovke russkikh govorov na Verkhney Kame // *Ocherki po russkomu yazyku*. Kirov, 1962. S. 56—66.

Vaakhtera 2009 — Y. Vaakhtera. Evolyuciya sistemy glasnykh fonem v nekotorykh russkikh govorakh Vologodskoy oblasti. *Khel’sinki*, 2009.

Vysotskiy 1967 — S. S. Vysotskiy. Opredelenie sostava glasnykh fonem v svyazi s kachestvom zvukov v severnorusskikh govorakh // *Ocherki po fonetike severnorusskikh govorov*. Moskva, 1967.

Zaliznyak 1985 — A. A. Zaliznyak. *Ot praslavyanskoy akcentuacii k russkoy*. Moskva, 1985.

Резюме

Статья посвящена объединению фонем /o/ и /ɔ/ в говоре села Кай и деревни Южаки Верхнекамского района Кировской области. Звуковой процесс исследуется на материале речи представителей трёх возрастных групп. В работе представлены результаты дистрибутивного и акустического анализа, а также данные перцептивного эксперимента. В статье рассматриваются вероятные причины исчезновения фонологического различия между /o/ и /ɔ/, этапы этого процесса и его результаты, выявленные в идиолектах носителей говора.

Ключевые слова: звуковое изменение, объединение фонем, акустический анализ, перцептивный эксперимент

Статья получена 15.12.2014

TATYANA N. KOROBAYNIKOVA

/O/ & /ɔ/ PHONEMIC MERGER: REASONS, PROCESS, RESULTS

The paper examines the synchronic merger of vowels /o/ and /ɔ/ in Russian regional dialect of villages Kay and Juzhaki (Kirov Region, North East of European Russia). In particular, it attempts to answer the questions: What is the motivation for the sound change? How do mergers develop? What is the result of this phonological process? These problems are solved using phonological, acoustic and perception analyses.

Keywords: sound change, phonemic merge, acoustic analysis, perception experiment

Received on 15.12.2014

Е. Л. БЕРЕЗОВИЧ

**ПОЙМАТЬ ОСТРОДЫМА:
ОБ ОДНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЗАГАДКЕ
РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ***

Толчком для написания этой статьи стали полевые находки 2009—2014 гг., которые сделали сотрудники Топонимической экспедиции Уральского федерального университета, работавшие на территории восточного Вологодско-Костромского пограничья (Никольский район Вологодской области, Вохомский, Октябрьский, Павинский, Шарьинский районы Костромской области).

Собирая прозвищные именованья, мы записали прозвища двух братьев (жителей деревни Малая Стрелка Октябрьского района) *Остродым* и *Шиман*: «Два брата было — Остродым и Шиман. Оба нехорошие к людям» [АКТЭ]. Забегая вперед, укажем, что этот бином образован семантически связанными именами. Поначалу они подтверждались именно как онимы, и информанты не могли объяснить, от каких нарицательных слов образованы прозвища. Вновь и вновь задавая вопросы об *Остродыме* и *Шимане*, мы все-таки смогли найти для каждого из них апеллятивы, — и, как часто бывает в таких ситуациях, нарицательные слова более четко фиксировались в некотором отдалении от зоны фиксации антропонимов (в самой этой зоне, в деревне Малая Стрелка и соседних, информантам нередко мешало знание имен собственных). Слово *шима* удалось записать (в Октябрьском районе) в значении ‘человек, который все делает исподтишка’ — «Шиман за спиной неладное делает», «Шиман тихо-тихо сделает, а на вред» [ЛКТЭ]¹.

Что касается *остродыма*, который далее будет в центре нашего внимания, то эта лексема отмечена и в Костромской области, и в Вологодской

* Автор выражает сердечную благодарность А. Е. Аникину, М. В. Бобровой, Ж. Ж. Варбот, И. Б. Качинской, Е. С. Коган, А. А. Пичхадзе, И. А. Подюкову, А. В. Тихомировой, С. М. Толстой за ценные консультации при подготовке статьи и предоставление нового для автора фактического материала.

¹ Более распространенный вариант — *шима* (Октябрьск., Вохомск., Шарьинск. р-ны Костромск. обл.) [ЛКТЭ]. Он имеет, помимо отмеченного, и другие пейоративные значения (‘нерасторопный человек’, ‘злой, агрессивный человек’, ‘нечистая сила, обитающая в доме’ и др.).

(в Никольском, Вохомском, Октябрьском районах) в вариантах *астродім*, *острадім*, *острогін*, *остродым* (последний наиболее частотен). Надо сказать, что данные слова нельзя причислить к активному лексикону современных диалектоносителей. Они ни разу не встретились нам при сборе «от понятия»; все фиксации лексем (около 25) появились в ходе опроса «от слова» («Знаете ли слово *остродым* (*острадим*) etc.? Что оно значит?»).

Изучаемые лексические единицы имеют различные значения, подавляющее большинство которых являются негативными характеристиками человека:

- злой, жестокий, агрессивный человек: костр. *остродым*, влг. *астродім*, *острадім* — «Остродым всех пообидит. Нехороший до людей. Экий вымахал парень, а недобрый, остродым-от» (костр.), «Астрадим злюшшой, всех измучил» (влг.), «Острадим злой, всех напугает» (влг.), «Остродым недобрый к людям. Всё ишшет, кого обидеть, зацепить-то» (костр.) [ЛКТЭ; КСГРС];
- тот, кто приносит вред, пакостничает: костр. *остродым*, влг. *острадім* — «Ну ты остродым, напакось штё-нибудь сделал» (костр.), «Острадим всё портит, пакостит» (влг.) [ЛКТЭ; КСГРС];
- грубый человек: костр. *остродым* — «“Ой, остродым ты, уходи!” — нахальный, заговорит буде чего неладно» [ЛКТЭ];
- непослушный, своенравный человек или животное: костр. *остродымка*, влг. *острадім* — «Остродымка — корова бежит, бойкая. Ходит-ходит и убежит. Уросит корова — капризничает» (костр.), «Острадим человек большой, непослушный. Ой, острадим, ничего не можно с им сделать» (влг.) [ЛКТЭ; КСГРС];
- высокомерный человек, зазнайка: костр. *остродым* — «Это остродым — он идёт, сам собой гордится. Напьются пьяные» [ЛКТЭ];
- жадина, скряга: костр. *остродым* — «Остродым, жох, у него снегу зимой не выпросишь», «Остродым-от всё хочет захватить», «В деревне у нас есть Остродым, прозвище ему такое. А любой, кто жадный, остродым» [ЛКТЭ];
- вор: костр. *остродым* — «Остродым — в Борьбе (неофициальное название дер. Малая Стрелка) прозвище такое. А значит это “вор”, вернее всего сказать. “Скупой” к этому не подходит, а “вор”» [Там же];
- тот, кто делает что-л. наобум: костр. *остродым* — «Не подумавши сотворит: ну, он такой остродым!» [Там же];
- худой высокий человек: костр. *остродым* — «Как большой идёт человек, так, скажут, остродым. Большой, длинный, худой, высокий» [Там же];
- строгий, требовательный человек: влг. *острогін* [КСГРС].

В диалектных словарях русского языка эти слова, кажется, не отмечены. Единственный близкий факт (с ожидаемым в данном случае протетическим *в*) — арх., пск. *востродымка* ‘гордая, спесивая женщина’ [СРНГ 5: 149]².

² К сожалению, арх. и пск. фиксации (имеющие в СРНГ хронологическую помету — 1962 г.) не дублируются новыми крупными словарями по указанным территориям [АОС, ПОС, СГРС, СРГК].

Семантика данных слов, а также фиксация варианта *остродым* в качестве основы для образования прозвищного антропонима заставляют предполагать, что они могут встречаться в составе фамилий. Из различных словарей фамилий и прозвищ (в том числе региональных) интересующий нас антропоним встречается только в [Ганжина 2001: 114] — в форме *Востродымов*: «В основе фамилии лежит прозвище из нарицательного *востродым* — слово это не зафиксировано словарями, вероятно, это мужской вариант имеющегося в архангельских, псковских говорах слова *востродымка* ‘гордая, спесивая женщина’». Поиск по различным электронным сводам фамилий, не являющимся собственно лингвистическими источниками³, позволил расширить перечень фамилий, связанных с интересующими нас словами. Приведем некоторые примеры, указывая место проживания носителей фамилии⁴: *Астрадимов* (Киев, Саранск, Казахстан), *Астрадымов* (Казань, Москва, Оренбург, Санкт-Петербург, Челябинск, Хабаровск, Ярославль и др.), *Востродымов* (Волгоград, Москва, Самара, Ставрополь, Тольятти), *Острадымов* (Тула), *Остродымов* (Белгород, Воркута, Томск). Фамилия *Востродымов* оказалась даже запечатленной в художественной литературе: в романе А. Н. Толстого «Хлеб» («Оборона Царицына») есть секретарь ревкома *Петька Востродымов*. Выбирая антропоним, писатель отразил «правду жизни»: кажется, фамилия *Востродымов* особенно активна именно в Поволжье.

Лексема *остродым* и ее варианты порождает у воспринимающего устойчивое ощущение, что разгадка его происхождения «где-то рядом», поскольку она связана явно осознаваемыми ассоциациями с некоторыми другими словами. В первую очередь это слово *острый* (*вострый*): его смысловой след может проявляться как в характеристиках поведения *остродыма* (он агрессивен, мучает окружающих, стремясь их уколоть, зацепить), так и его внешнего вида (ср. значение ‘худой высокий человек’). В варианте *острогин* чувствуется формально-смысловое влияние слова *строгий*. Компонент *-дым* имеет менее четкие лексические аллюзии. Формально возможную связь со словом *дым* (в том числе в диалектных значениях, ср. влад., ворон., ряз., якут. ‘жилье, изба, двор’ и др. [СРНГ 8: 262]) надо признать совсем не ясной в плане семантики. Вспоминается также литер. *вздымать* ‘поднимать кверху’, диал. шир. распр. *с(з)дымать* ‘то же’. Эта ассоциация может быть привлечена для объяснения значения ‘высокомерный человек, зазнайка’, ср. перм., свердл. *вздыморылить* ‘заноситься, задаваться, важничать’, свердл. *вздыморылка* ‘тот, кто долго сер-

³ Использовались поисковые системы социальных сетей («В контакте», «Одноклассники»), сайт «Телефонный справочник» (URL: <http://www.nomer.org/>), сайт «Жертвы политического террора в СССР» (URL: <http://lists.memo.ru/index.htm>) и др.

⁴ Приводятся названия крупных городов или стран (входивших в состав бывшего СССР). Если носитель фамилии проживает в селе или небольшом городе, указывается областной (районный) центр.

дится, дуется и делает все назло окружающим; зазнайка' [СРНГ 4: 262], арх. *здымонѠс* 'гордец, зазнайка' [СГРС 4: 257], арх. *здымонѠска* 'высокомерная, надменная женщина' [КАОС], пск. *сдынѹть нос* 'заважничать, загордиться' [СРНГ 37: 90].

Можно ли использовать указанные словесные ассоциации для научной трактовки происхождения лексемы? Связь со словом *строгий* явно носит народно-этимологический характер (форма *острогин* единична). Оставшиеся претенденты на роль производящих лексем дают возможность предполагать здесь сложение *острый* + *-дым (из глагола *с(з)дымать*). Составные слова с компонентом *острый*, характеризующие человека, известны (арх. *востролютыый* 'очень злой, лютый' [СРНГ 5: 149], перм. *вострокулачник* 'драчун' [Там же], смол. *острокѠл* 'об очень дерзком человеке' [СРНГ 24: 88], самар. *острожелатель* 'недоброжелатель(?)' [Там же: 87] и т. п.), лексические единицы такого рода могут становиться основой для образования фамилий. Быть может, *остродым* = '*тот, кто *остро* *вздымает* (нос)'. Но сочетаемость **острый* + *вздымать*, кажется, не встречается; этот глагол — как ни трактовать его происхождение⁵ — не фиксируется в русском языке в бесприставочном варианте (при этом условий для исчезновения приставки, как представляется, нет). Наконец, семантика высокомерия все же не занимает центрального места в смысловой структуре изучаемого слова (по крайней мере, в вологодских и костромских записях).

Понимая, что выяснение вопроса о происхождении *остродыма* зашло в тупик, мы решили ждать новых фиксаций этого слова. Они появились с неожиданной стороны. В «Словаре русских говоров Южного Прикамья» было найдено выражение *поймать остродыма* 'закончить уборку на поле': «Всё ведь раньше в поле робили, как уж поймали остродыма — всё, работу кончили» [СРГЮП 2: 381] (оно помещено в словарную статью *поймать*, но отсутствует в статьях на букву *О*, вследствие чего обнаружение этого факта в связи с интересующим нас вопросом было совершенно случайным)⁶.

Данная находка сделала историю с *остродымом* не только более интересной, но и более загадочной. Однако стало ясно, что надо отойти от поисков в направлении корня *остр-*. Было решено проверить версию о том, что *о-* является приставкой, — и искать возможности сочетания «темной» пока основы с другими приставками.

⁵ Литер. *вздымать* 'поднимать вверх', диал. *сдымать* 'то же' и проч. традиционно рассматривались как производные гнезда **dǫti*, **dǫtǫ* [Аникин РЭС: 121; ТСлРЯ: 88—89 и др.]. По остроумной версии А. А. Зализняка, *вздымать* 'поднимать' является продуктом трансформаций исходного *възимати*, при этом *д* получено этим глаголом от *подымать* [Зализняк 2013: 35].

⁶ Комментируя обстоятельства этой записи, один из авторов и научный редактор словаря, И. А. Подюков, отметил: «Как вспоминаю, бабушка довольно улыбулась, сказав эту фразу с *остродымом*» [устное сообщение].

Так были обнаружены два факта, явно связанные с «жатвенным» *остродымом*: устар. свердл. *пострады́м*, перм., свердл. *пострады́мка* ‘наемный работник или работница на время страды’ [СРГСУ 4: 108; СРНГ 30: 236]. Свердловская запись сделана в Камышловском районе краеведом и фольклористом И. Я. Стяжкиным, который собирал свой «Словарь народного говора б. Камышловского уезда» в первой половине XX в.; пермские материалы датируются в СРНГ 1895 годом. Словарями, основанными на записях на тех же территориях во второй половине XX — нач. XXI в., данные лексические единицы не зафиксированы, хотя в них есть разнообразные близкие формы: устар. свердл., перм. *постра́дка*, свердл. *постра́дница*, перм. *постраду́ля*, свердл., тюм. *постраду́лька*, свердл. *постраду́шка* ‘наемная работница на время страды’ — «От Петрова до Покрова я в пострадках жила», «Раньше у богатых пострадульки работали» [СРГСУ 4: 108], *постра́дка* перм. ‘батрачка’ — «Пострадкой на лето нарядишься, водят жать да косить» [СПГ 2: 185—186], тюм. ‘наемная домашняя работница в период косьбы, уборки урожая’ [СРГЮТО 2: 184]; ср. также кемер. *постра́дчик* ‘наемный работник в страду, жнец’ [СРНГ 30: 236]⁷.

Корневая идентификация лексических единиц с «сельскохозяйственными» значениями не составляет трудностей — это дериваты праслав. **strad-*. В этом гнезде, весьма обширном и разветвленном (и в литературном языке, и в говорах), имеются как бесприставочные образования, так и слова с разнообразной префиксацией, в том числе приставками *об-* и *от-* (одну из них можно предполагать в слове *остродым*). Если говорить о семантической структуре гнезда, то в нем представлены два основных смысловых блока: 1) «земледельческие» (и шире — «трудовые») значения; 2) значения, характеризующие страдания и муки⁸.

Приведем примеры таких значений для слов, восходящих к **stradati* (*se*) с приставками **ob-* и **ot-*. Элементы этих префиксальных гнезд в формально-смысловом плане наиболее близки интересующему нас слову.

«Земледельческие» значения: арх. *обстрада́ть*, *обстрада́ться* ‘закончить страду, уборку хлеба и покос’ [Даль 3: 622; СРНГ 22: 238], вят. *обстрадаваться* (уд.?) ‘закончить страду’ [ОСВГ 7: 40], карел. *отстрада́дываться* ‘завершать уборочные работы, страду’ [СРГК 4: 332], свердл.

⁷ Подобные значения фиксируются и у бесприставочных слов: арх., новосиб., пск. *страда́ник* ‘работник на сенокосе или жатве хлеба’, ‘батрак, работник, особенно на летнее время с мая по октябрь’, арх., новг., олон. *страда́ница* ‘работница на сенокосе или жатве хлебов’, вят. *страда́вка* ‘наемная работница на летние полевые работы во время страды’ [СРНГ 41: 274, 276]; ср. также старорус. *страда́ль* ‘работник, нанимаемый на время страды (покоса, жатвы)’ (XVII в.) [СлРЯ XI—XVII 28: 117] и др.

⁸ Основные семантические линии в гнезде **strad-* обозначены в работе С. М. Толстой, где закономерности смыслового развития данного гнезда рассматриваются на фоне гнезд **trud-*, **mok-*, **teg-*, демонстрирующих явление семантического параллелизма [Толстая 2008: 114—120].

отстрада́ваться ‘закончить уборку сена’ [СРНГ 24: 75], арх., вят., карел., кемер., перм., печор., свердл., сиб., тобол., челяб. *отстрада́ываться* (*отстрада́ваться, отстрада́ться*) ‘закончить (заканчивать) страду — покос и уборку хлеба’ — «Когда отстрадаецца колхоз, тогда и мы будём себе страдать» (печор.), «Лето было хорошоё, сухое — отстрадавались скорёхонько; и сена хорошие были в тот год» (перм.) [СРНГ 24: 325; КСГРС; СРНП 1: 546; СПГ 2: 63], пск., твер. *отстрада́* ‘страда, пора жнитва, жатва’ [СРНГ 24: 75], ср.-урал. *отстрада́ки* ‘конец страды’ [СРГСУ 3: 74], иркут., перм., свердл. *отстрада́ки* ‘последний день жатвы’ [СРНГ 24: 325] и др.

Значения, характеризующие страдания и муки: *обстрада́ться* ‘обтерпеться, обжиться со страданиями, муками’ [Даль 3: 622], пск. *отстрадать* (уд.?) ‘потерять на время контроль над собой, выйти из себя’ [СРНГ 24: 75], влг. *отстрада́ться* ‘переносить длительные мучения и страдания’ [КСГРС] и др. Ср. также н.-луж. *hobšadaś se* ‘погибнуть нуждаясь, истомиться (жаждой, голодом)’, ст.-польск. *ostradać* ‘потерпеть (урон), пострадать’ и др., которые в [ЭССЯ 30: 71] возводятся к **obstradati* (*se*).

Эти смысловые линии удачно проецируются на семантику *отрудыма*, сочетающего как раз «земледельческое» и «поведенческо-характерологические» значения. Детали можно уточнить позднее — после того, как будут решены проблемы из области словообразования, которые пока остаются непроясненными. Следует определить значение словообразовательной модели и решить вопрос морфонологического плана, связанный с возможностью сочетания глагольной основы и суффикса.

Мы предполагаем, что в наибольшей степени соответствует исходной форме слова вариант *отстрада́им* (зафиксированный в вологодских говорах), который представляет собой субстантив, образованный от глагола с корнем *страд-* и имеющий формант *-им*, совпадающий с показателем причастий настоящего времени (форма глагола будет восстановлена далее).

Если в русском литературном языке глагол *страдать* является переходным, то диалектные глаголы с корнем *страд-* могут быть переходными, что обеспечивает возможность образования от них страдательных причастий, ср.: пск. «Я и *страдала хлеба*, была большая дежка и кубан был — столько хлеба было»; арх. «Пора *сено страдать*, а они и не торопятся, таки самолюбны. *Пожни худо страдать*, трава большаша, не просушить»; арх. «Говорили, пусть сам себе *корм страдает*, тяжело его кормить, когда еще три рта»; амур. «*Страдовать хлеб* надо» [СРНГ 41: 273—275], тюм. «У сусетки *огурцы страдают* (воруют)» [СРГЮТО 2: 291] и др. Переходность проявлялась у этих глаголов и в старорусских текстах: «Призывают же того старца (Зосиму) соловецкаго, и начять ему сказывати о отрочяти, како *стражетъ* велику *болъзнь* отъ бѣса» (XVI в.); «А Лаврентии Фофанов сказал: ходил рѣпы рѣзат(ь) (в) воскрѣсьне, а в понѣделник были *угол(ь)я страдат(ь)* с товарищи» (XVII в.) [СлРЯ XI—XVII 28: 120]. Однако более значим, думается, другой аргумент в пользу возможности образования страдательного причастия от изучаемого глагола. Дело в том, что

в древнерусской системе причастий страдательные формы (как прошедшего, так и настоящего времени) нередко образовывались от непереходных (в том числе возвратных) глаголов; данная особенность проявлялась не только в переводных, но и в оригинальных текстах — летописных и деловых [Крысько 1995: 501—502]. Очевидно, эта особенность могла сохраниться в русских говорах (поэтому необязательно искать переходные формы глаголов на *страд-*).

Определенные трудности вызывает субъектно-объектная (залоговая) характеристика слов, имеющих формант *-им/-ым*, который совпадает с показателем причастия. Для формы *пострадым* ‘наемный работник’ следует реконструировать исходное субъектное значение: *«тот, кто “страдает” в поле». Для формы, фигурирующей в названии ритуала *поймать остродыма*, можно предполагать объектный смысл — *«убираемый урожай». Что касается *острадама*, *остродыма* и др. с «поведенческой» семантикой, то для этих лексем вероятно первичное субъектное значение — *«тот, кто “острадывает” (заставляет страдать, мучает) других».

Субъектные смыслы, на первый взгляд, противоречат пассивной форме. Однако известно, что глагольные дериваты с «пассивными» суффиксами страдательных причастий настоящего времени могут иметь «активные» значения. Этим вопросом (в связи с более широкой проблемой соотношения актантажной структуры глагола и семантики отглагольных имен) специально занималась С. М. Толстая [2005], которая прокомментировала ситуации «необычного» поведения слов с такими суффиксами⁹ и пришла к выводу, что они «свидетельствуют об утрате суффиксом *-им-* своего исконного “страдательного” значения, и если в литературном языке это явление представлено единичными случаями, то в диалектах оно приобрело значительно более широкий масштаб» [Там же].

В. Б. Крысько, подробно рассмотревший формы с суффиксальными *-м* и *-н* в древнерусском языке¹⁰, подтвердил предположения Р. Айтцетмюль-

⁹ Как указывает С. М. Толстая, во-первых, имеет место совмещение в одной лексеме активного и пассивного значения: рус. диал. *нежалимый* ‘такой, которого не жаль; не дорогой по цене’ (пассивное значение) — ‘безжалостный’ (активное значение), *незнамый* ‘неизвестный, незнакомый’ (пассивное значение: тот, кого не знают) — ‘несведущий, неосведомленный’. Во-вторых, есть многочисленные случаи «активных» значений у дериватов с «пассивным» суффиксом *-им-* (в том числе и от непереходных глаголов): *невредимый* ‘не приносящий вреда, безвредный’ (форма пассивная, значение активное), *непосидимый* ‘непоседливый’, *невсходимый* ‘невсхожий, бесплодный (о семенах и т. п.)’ и др. [Толстая 2005: 164].

¹⁰ Автором описаны различные варианты функционирования древнерусских отглагольных образований с указанными суффиксами: были представлены внешне страдательные формы от непереходных глаголов; возможно употребление пассивных форм от возвратных глаголов с активной семантикой; формы на *-м* от переходных глаголов могли выступать в явно активном значении; суффиксы *-м* и *-н* использовались для образования не вполне определенных в залоговом отношении

лера и Б. Гавранека о том, что данные суффиксы первоначально имели адъективную природу (и постепенно специализировались на славянской почве для выражения пассива), а страдательные формы были по происхождению отглагольными прилагательными. Это обуславливает их индифферентность по отношению к глагольным категориям переходности и залога [Крысько 1995: 503].

Таким образом, *острадам* реализует весьма старую словообразовательную модель: это, по всей видимости, субстантивированная форма отглагольного прилагательного, формально совпавшего со страдательным причастием настоящего времени. В примерах С. М. Толстой, нашедшей целый ряд диалектных лексических единиц с «пассивными» суффиксами и «активными» значениями [Толстая 2005], фигурируют преимущественно слова с приставкой *не-*, но можно найти и бесприставочные образования, а также лексемы с другими приставками. При этом у приводимых далее слов с суффиксом *-им-* есть однокорневые параллели с другими «активными» суффиксами: ряз., тамб. *водѣм* = дон., орл. *водатай*, без указ. м. *водѣц* 'вожак, зачинщик; руководитель какого-либо дела' [СРНГ 4: 334—336]; тамб. *насердѣм* 'недоброжелатель, враг' ≈ орл., твер. *насердник* 'тот, кто имеет злобу, неприязнь, досаду на кого-л.' — «Я со своим насердником помирился уж давно» (ср. смол., ср.-урал. *насердѣться* 'много посердиться, надосадоваться') [СРНГ 20: 158—159]; без указ. м. *облаѣм* 'ругатель, хулитель' [СРНГ 22: 83] = костр. *облаѣщик* 'тот, кто все время ругает других' [ЛКТЭ], иркут., киргиз., костр., новосиб., орл., пенз., пск., сиб., твер., тобол., тул., ульян. *облаѣй* 'грубиян, ругатель; скандалист' [СРНГ 22: 83] и др. Данные примеры демонстрируют и возможность субстантивированного употребления форм с причастным суффиксом.

Следует упомянуть и то, что в гнезде *страд-* есть примеры других (помимо предполагаемого *острадама*) причастных форм, демонстрирующих нейтрализацию различий в значении залоговой модели, ср. *страдѣщий* пск. 'бешеный, буйный, шальной', пск. 'имеющий дурной характер, нрав', пск., смол. 'страдающий нервным расстройством, неуравновешенный' = пск. *страдѣмый* 'бешеный, буйный, шальной': «Лошадя боялись, какая страдомая» [СРНГ 41: 276]. В форме *страдомый* наблюдается также внутренняя «омонимия» активного и пассивного значений: стар. и пск. *страдѣмый* 'рабочий', но *страдѣмый* 'о земле: пахотная' [Даль 4: 335], старорус. *страдомый* 'предназначенный для пахоты' — «А ловища, и пожни, и страдомыи земли, и лѣсъ, а то к тымъ селамъ по старинѣ, ис которого села которые мѣста делали» (XV в.) [СлРЯ XI—XVII 28: 122]¹¹.

форм (не являющихся ни собственно активными, ни пассивными); эти суффиксы употреблялись как словообразовательные форманты в прилагательных со значением возможности совершения действия [Крысько 1995: 502—503].

¹¹ Вообще, само действие страдания (особенно психологического) имеет сложную субъектно-объектную природу — и в некоторых случаях бывает трудно опре-

Возвращаясь к *острадиму*, можно предположить, что значения ‘бешеный’, ‘имеющий дурной нрав’, фиксируемые у слов *страдомый* и *страдающий*, ближе всего стоят к исходной «поведенческой» семантике интересующего нас слова.

Но не все вопросы словообразовательного характера еще выяснены. Если допустить, что *острадим* — это отглагольное образование с суффиксом *-им-*, то встает вопрос о производящей основе. Суффикс *-им-* сочетается с глагольными основами II спряжения (X словоизменительного класса) [РГ 1980 1: 667], следовательно, глагол *страдать* (с приставками или без них) не может дать образования с таким суффиксом. Значит, надо искать глагол с корнем *страд-*, относящийся к X классу. Он обнаруживается¹²: *стра́дити* стар. ‘заниматься земледельческой работой’ — «И страда мнѣ страдити съ другими вмѣстѣ» [СЦСРЯ 4: 232]; сев., вост. *стра́дить* ‘стар. усиленно трудиться, работать’, сев., юж. ‘о летних полевых работах: жать и косить’; стар. *стра́да стра́дити* ‘работать в поле, спешно сымать и убирать хлеб и сено’ [Даль 4: 334]. Отсюда предположение, что производящей основой для *острадима* стал устаревший глагол *страдить* с приставкой *об-* или *от-*. Появление формы *острадым* можно объяснить дистактной прогрессивной ассимиляцией гласных по ряду; *астрадым* — регрессивной ассимиляцией гласных; *остродым* — следствием притяжения к прилагательному *острый*. Значение словообразовательной модели не осознается говорящими, и, конечно, изучаемые слова имеют высокую степень дезтимологизации.

Затемненность модели связана, во-первых, с ее грамматической неопределенностью (как говорилось выше, перед нами, очевидно, отглагольное прилагательное, позднее формально совпавшее с причастием, категориально слабым в говорах), во-вторых, с тем, что адъективная / причастная модель употребляется в субстантивированной форме. Рассмотрим подробнее такое употребление модели. Праславянский именной суффикс *-имъ*, *-има* анализируется, в частности, в трудах Ф. Славского и А. Вайана. Славский отмечает, что данный суффикс обычно выступает в обозначениях родства

делить, какое значение (субъектное или объектное) имеется в виду, ср., к примеру, новг. *страда́тель* ‘милый, любимый’ [НОС 10: 164]. Более того, субъектно-объектные отношения могут зависеть и от того, как оценивается говорящим характер страсти (страдания), ср., к примеру, старорус. слово *страстникъ*, которое сочетает значения ‘страдалец, мученик, подвижник’ и ‘грешник’ [СлРЯ XI—XVII 28: 137]: в основе первого лежит представление о «высоких» страданиях, второго — о подверженности «низким» страстям.

¹² В данном случае мы сталкиваемся с явлением «разноосновности», когда для глагольных лексем реконструируется несколько праславянских основ, оформленных разными тематическими показателями. Как указывает С. М. Толстая, «модель “разноосновности”, “преодоленная” в целом литературными языками, не чужда диалектам (ср. рус. диал. *гудеть* — *гудать* — *гудить* — *густь/густы* при единственном литературном *гудеть*)» [Толстая 2006: 365].

или свойства, например: *bratimъ: bratъ: bratiti se* ‘брататься, вступать в отношения побратимства’, *pobratimъ: pobratъ: pobratiti se* ‘то же’, *posestrima: posestriti se* ‘вступать в отношения посестримства’, *otъcimъ: otъсь*, ср. старорус. *otчимися* ‘потакать по-родственному’, болг. *побацим* ‘посаженный отец’: *баца* ‘отец’, др.-рус. *иночимъ* ‘пасынок’ и др. [Sławski 1976: 14—15]. Даются также некоторые примеры обозначений людей за пределами названий родственников и свойственников: рус. *нелюдим*, укр. *нещадим* ‘мучитель’: *щадити* и др. Комментируя происхождение модели, автор отмечает, что разные ее реализации не имеют, возможно, единого источника. Помимо старых deverбальных прилагательных (из причастий пассивного залога настоящего времени) на *-(i)тъ* (типа *побратим*, *посестрим*), здесь есть также слова со старым суффиксом *-имъ*, соответствием которому служит литовский суффикс *-ymas*, выступающий в отпризнаковых именах (например, *báltymas* ‘белок’: *báltas* ‘белый’) и в существительных от глаголов на *-yti* (*dārymas* ‘изготовление, поступок’: *daryti* ‘делать, готовить, совершать’) [Там же: 15]. Примеры, приводимые Вайаном, во многом совпадают с примерами Славского (добавляется, скажем, с.-хорв. стар. *hotim* ‘любовник’¹³). По мнению Вайана, славянский суффикс *-имъ* обычно указывает на приобретение родственной связи и появляется в субстантивированных формах страдательного причастия настоящего времени. Другие версии относительно происхождения суффикса автор не обсуждает [Vailant 1974: 574].

Следует заключить, что данный суффикс нуждается в дальнейшем изучении — как в функционально-смысловом, так и в этимологическом плане. Нельзя не отметить, что слово *острадим*, пополняющее список примеров с этим суффиксом, практически тождественно в плане семантики украинской лексеме *нещадим*, которую упоминает Ф. Славский. Поиск других примеров такого рода может пролить свет на особенности языковой категоризации представлений славян о семейных и межличностных взаимоотношениях людей (интересна логика объединения в одну словообразовательную группу *отчима*, *нелюдима*, *острадима*, *нещадима* и проч.; сюда же, кстати, надо добавить еще костр. *нерусім*, влг., костр. *нерусімка*, вят. *нерусімко* ‘замкнутый, нелюдимый человек’ [ОСВГ 6: 237; КСГРС; ЛКТЭ]; подробнее об этом слове см. в [Березович 2014: 124]).

Заканчивая анализ лексем *острадим*, *остродым* и проч. в значениях, характеризующих человека, следует сказать несколько слов о причинах разнообразия такой семантики. Как уже отмечалось, первичный смысл слова *острадим*, по-видимому, близок к значениям слов *страдамый* и *страдающий* — *«тот, кто имеет дурной нрав» (возможен субъектно-объектный акцент: *«тот, кто заставляет страдать других»). Это согласуется

¹³ К этой семантике ср. также рус. ленингр., пск. *любимка* ‘о любимом человеке, животном’ [СРНГ 17: 235]; данное слово функционирует и в современной молодежной речи (но, кажется, не отмечено словарями).

с доминантными семантическими линиями в наших вологодских и костромских записях: ‘злой, жестокий, агрессивный человек’, ‘тот, кто приносит вред’. Кажется, в этих значениях присутствует также смысловой компонент «страх» (ср. контекст «Острадам злой, всех напугает»). Вообще, аттракция слов, принадлежащих гнездам **straxъ* и **strastъ*, **stradati*, — явление весьма распространенное¹⁴, ср.: рус. простореч. *страсть* ‘страх, ужас’, старорус. *страстный* ‘страшный’ — «Братие! Потрѣпимъ мало, зима яра, но рай сладокъ, и страстенъ мечь, но сладостно вѣнчаніе» (XVI в.), *страстнѣ* ‘со страхом’ [СлРЯ XI—XVII 28: 137—138], рус. общенар. *Страстная неделя* ↔ диал. шир. распр. *Страшная неделя* ‘неделя перед Пасхой, седьмая неделя Великого поста’ [РНК: 426], влг. *острастѣть* ‘испугать’ — «Острадаила ты меня, напугала» [СВГ 6: 81], пск., твер. *пострастка* ‘устрашение, угроза’ [СРНГ 30: 236], карел. *пострастѣть* ‘попугать’ [СРГК 5: 100] и т. п. Значения грубости, непослушания, своенравия, скупости и т. п. появились, по всей видимости, по закону расширения пейоративно-экспрессивной семантики. Что касается семем ‘строгий человек’, ‘худощавый, высокий человек’, то они, как говорилось выше, могли возникнуть в результате аттракции, соответственно, к словам *строгий* и *острый*; влияние последнего может проявляться и в других негативных значениях рассматриваемого слова¹⁵.

Обратимся к слову *остродым* из прикамского названия ритуала *поймать остродыма*. Какова мотивация этой лексемы и обозначения ритуала?

Исследователи, работающие в области этнолингвистики и этнографии, не раз обращали внимание на явление антропо(зоо)морфизации последнего снопа и вообще процесса окончания жатвы (сенокоса). На языковом уровне это выражается, в частности, в существовании антропо(зоо)нимических моделей номинации последнего снопа: рус. влг. *ванька* (*ванюшка*, *иванушка*, *иванушко*) [СГРС 2: 21—22; 4: 297], влг. *гость* [СГРС 3: 116], вят. *кузьма* [Усачева 2008: 100], смолен. *баба*, влг. *кумушка* [СД 5: 92], вят. *коза* [СРНГ 14: 57] и т. п. Олицетворение может поддерживаться и развиваться в составе глагольных формул (например, влг. *последний ванька пришел* ‘о дожинальном снопе, который украшают лентами и вносят в избу’ [КСГРС]), при этом фиксируются конструкции с глаголами *поймать*, *схватить* и т. п.: пск. *поймать яловицу* ‘закончить работу в поле, на уборке зерна’ — «Севонни на ржи яловицу поймали» [СПП: 84], перм. *зайчика поймать* ‘сжать последнее’ [сообщено И. А. Подюковым], влг. «Ой, сегодня мы *иванушка схватим!*» (слова, которые говорят, сжиная последний

¹⁴ Есть версии о родстве этих гнезд: так, Вайан производит *страсть* от **srā-* вместе со *страх*; Брюкнер видит в **straxъ* слав. новообразование по отношению к **strastъ* [Фасмер 3: 770, 772].

¹⁵ Интересно, что смысловой компонент остроты проявлен и в «этимологической памяти» слова *страдать*: среди его индоевропейских соответствий есть, например, др.-греч. στρηνής, στρηνός ‘острый, грубый’ [Фасмер 3: 770].

сноп) [СГРС 4: 297]¹⁶, ср. также луж. *honacza bić, kokota lapać* («бить / ловить петуха») «обрядовая игра, которой отмечали окончание жатвы» [СД 3: 451]. За подобными формулами может стоять живое и яркое представление о том, что жнец или косец, заканчивая свою работу, преследует какое-то существо, которое убегает от него по пустующему полю и скрывается в последних колосьях или остатках травы: влг. «Полоска-матушка, как серый зай в край. Кыш, побегай!» (так просили полоску бежать впереди и помогать жать) [Усачева 2008: 110]. Примерами такого рода, относящимися к различным западноевропейским традициям (в первую очередь, германским и романским), изобилует знаменитая книга Дж. Фрэзера [Фрэзер 1980], ср. некоторые из них: силез. «схватить волка» «скосить последний клочок поля», франц. «ты цапаешь волка», нем., швед., франц., итал., нидерл. «он убивает зайца», нем. «заполучил корову» «слова, которые говорятся тому, кто жнет последний сноп», румын. «настало время ловить петуха» «слова, которые кричат косцы, готовясь скосить последний участок поля», франц. *conjoulage* («кастрированный баран»), «кот», нем. «овсяный жеребец» «последний сноп», сев.-герм. «изгонять петуха» «сжинать последний сноп», франц. «поймка кота (зайца)», «убийство собаки» «окончание сенокоса или сбора урожая», чеш. «вот кто прогнал козла» «о том, кто закончил обмолот последнего снопа», вост.-прусс. «в снопе-то козел сидит» «слова, которые кричат женщине, вяжущей последний сноп», нем. «волчица» «женщина, вяжущая последний сноп», нем. «овсяная (ячменная, гороховая и т. п.) корова» «о человеке, сделавшем последний удар при молотбе», шваб. «бык убит» «слова, которые говорят по окончании обмолота» и мн. др. [Там же: 495—514].

Таким образом, прикамский *остродым* встает в ряд обозначений антропоморфизированных существ, которых «ловят» по окончании сельскохозяйственных работ. При этом путь образования этого слова до конца не ясен. Наиболее простой способ объяснения — предположить, что в составе формулы *поймать остродыма* фигурирует обозначение рабочего, батрака, убиравшего поле (ср. значения слов *пострадым, пострадымка*, ареал которых как раз накладывается на ареал комментируемой формулы). Но такое объяснение «не дотягивает» со смысловой стороны: в других подобных формулах объект ловли, кажется, не отождествляется с субъектом жатвы / сенокосения. Более вероятна другая мотивационная версия: данное слово — «персонификация» конца страды¹⁷, «квазиантропоним», образованный от глагола **острадить* со значением «закончить уборочную страду». По сути, это «опредмеченный» убираемый урожай (см. выше о ре-

¹⁶ Ср. также вят. *погонялка* «об очень редко растущей ржи» — «На Драганихе рожь-то такая погонялка, не знаем, как и схватить её» [СРНГ 27: 307].

¹⁷ Ср. примеры персонифицированных номинаций такого типа: влг. *дрёма сватается* «о состоянии дремоты» [КСГРС], костр., петерб. *жданки потерять* «потерять терпение при долгом ожидании» [СРНГ 9: 94] и т. п.

конструкции такого смысла для причастной формы)¹⁸. Известны примеры «опредмечивания» на основе других обозначений конца жатвы, при этом языковые факты обычно отражают обрядовые реалии: так, на русском северо-востоке (влг., костр.) из последнего снопа вязали куклу *пожинальницу* и сажали ее на горсть несжатых колосьев [СД 1: 231—232]; ср. брян., влад., влг., нижегор., пск., ряз. *пожинать(ся)* ‘оканчивать жатву’ [СРНГ 28: 196; КСГРС], влад., влг., иван., казан., краснояр., латв., литов., новг., пенз., пск., сарат., симб., твер., яросл. *пожинки* ‘окончание жатвы’ [СРНГ 28: 196].

* * *

Итак, в статье рассмотрены разные группы лексических фактов, в основе которых предлагается видеть субстантивированную форму страдательного причастия настоящего времени от глагола **острадить* ‘завершить сельскохозяйственные работы (сенокос, жатву)’, ‘принести страдания, мучения кому-либо’. К их числу относятся: 1) русские диалектные (арх., влг., костр., пск.) лексемы с поведенческо-характерологической семантикой: *астродим*, *востродымка*, *острадим*, *острогйн*, *остродым*; 2) факты антропонимии: прозвище *Остродым*, фамилии *Астрадимов*, *Астрадымов*, *Востродымов*, *Острадымов*, *Остродымов*; 3) лексема *остродым* из прикамского выражения *поймать остродыма* ‘закончить уборку на поле’; ср. также с другой приставкой — ср.-урал. *пострадым*, *пострадымка* ‘наемный работник или работница на время страды’.

Возникает искушение расширить круг сопоставляемых фактов. Так, на той же территории восточного Вологодско-Костромского пограничья, где записаны *острадим*, *остродым* и проч., отмечен созвучный гидроним — река *Астраданка* (*Астрадама*, *Астродымка*, *Остраданка*), которая впадает в Юг справа в двух километрах от дер. Кожаево Никольского района Вологодской области [ТЭ]. Можно предположить, что в основе названия — страдательное причастие прошедшего времени от глагола *обстрадать* или *отстрадать*¹⁹. В этом случае название встает в ряд многочисленных то-

¹⁸ Упомянем и о любопытных смысловых переключках, которые можно усмотреть между жатвенными и поведенческими значениями *остродыма*. По окончании сельскохозяйственных работ в Прикамье иногда говорили: «Все убрали — чисто своровали» [сообщено И. А. Подюковым]. При этом «воровской» смысл есть и у слов с корнем *страд-* — как глаголов, так и существительных (перм., свердл. *страдавать* ‘воровать овощи, ягоды в огороде, в поле’ [СРГСУ 6: 66; СРГЮП 3: 188], костр. *остродым* ‘вор’ [ЛКТЭ]). Небезынтересна идея М. В. Бобровой (Пермь), высказанная при обсуждении выражения *поймать остродыма*: жнец, работающий в поле, то пригибается, срезая колосья, то выпрямляется. Пригибаясь, он исчезает из виду, как бы скрывается от наблюдателя. Такие движения, возможно, провоцируют «воровские» ассоциации, проявляющиеся в смысловой структуре *остродыма*.

¹⁹ Страдательные причастия прошедшего времени от глаголов на *страд-* фиксируются в народной речи. Ср., к примеру: арх. *выстрадан(ой)* — «Выстрада пожня» [АОС 8: 258], перм. *страдаван* — «Сено страдовано было здесь» [АС 5: 149].

понимов Русского Севера с основой *страд-*, ср.: поле *Постра́дное* — «Страдовали там» (дер. Алифино Нюксенск. р-на Вологодск. обл.), луг *Стра́дне* — «Трудно косить» (дер. Паржинское Плесецк. р-на Архангельск. обл.), поле *Стра́днее*, покос *По́стради* (Красноборск. р-н Архангельск. обл.), урочище *Страда́нихи*, покос *Постра́ды* (Вельск. р-н Архангельск. обл.), покос *Стра́дно* (Коношск. р-н Архангельск. обл.), поле *Стради́ще* (Устьянск. р-н Архангельск. обл.), острова *Первое*, *Второе* *Стра́дново* (Никольск. р-н Вологодск. обл.), урочище *Стра́дыни* (Кадуйск. р-н Вологодск. обл.), река *Страду́ха* (Кичменьгско-Городецк. р-н Вологодск. обл.), покос *Стра́дные* (Верховажск. р-н Вологодск. обл.), поле *Устра́да* (Виноградовск. р-н Архангельск. обл.) и др. [Там же]²⁰.

Если принять предлагаемую версию, то буквальный смысл топонима *Астраданка* (< *Остраданка*) — «та (река), которая *обстрада*на». Мотивацию можно объяснить двумя путями. В Никольском районе, как и в других зонах Русского Севера, сенокосы располагаются преимущественно по берегам рек. Поскольку данная река протекает недалеко от деревни, можно предполагать, что ее берега целиком обкашиваются, что и находит отражение в названии. Есть и другой мотивационный вариант. В ряде топонимов Русского Севера весьма явно выражена идеограмма «место, где завершают уборку урожая или сенокосение» (как правило, на таком поле или покосе справляют ритуал окончания страды). Ср.: поле *Обсе́нница* — «Обсеялись там. Кончали на том поле обсеиваться» (дер. Степановская Верхнетоемск. р-на Архангельск. обл.); поле *Борода́*²¹ — «Старики там бороде справляли» (дер. Долгощелье Мезенск. р-на Архангельск. обл.); поле *Дежённое*²² — «Это поле последним убирали» (дер. Мальгино Вашкинск. р-на Вологодск. обл.), поле *Дежнёво* — «Дежонь там хлебали, жнивье завершали дак» (дер. Матвеево Нюксенск. р-на Вологодск. обл.); поле *Пивова́р* — «Какой трети доставалось — с той трети пиво на конец сенокоса» (дер. Морозовица Великоустюгск. р-на Вологодск. обл.); поле *Солома́тница*²³ — «Завершали сенокос, дак солодат хлебали» (дер. Удальцовская Верховажск. р-на Вологодск. обл.), покос *Солома́тница* — «Потому что самый дальний, когда раньше косили, завершали весь покос, солодат мешали» (дер. Мокшинская Вельск. р-на Архангельск. обл.) и др. [ТЭ] (некоторые из этих и другие примеры см. в [Березович 2009: 245]). Возможно,

²⁰ Ср. в географической терминологии: старорус. *пострадь* 'росчисть' [СлРЯ XI—XVII 17: 254]; возможно, также арх. *страда́мина* 'остров на болоте' [КСГРС].

²¹ Арх. *борода* 'окончание уборки урожая', 'праздник по случаю окончания сельскохозяйственных работ' [СГРС 1: 157].

²² Арх., влг. *дежён* 'кушанье из толокна (реже из ячменной муки), разведенного в простокваше, молоке, сметане, квасе и т. п., которое готовили чаще в праздник окончания жатвы' [СГРС 3: 201].

²³ Арх., влг. *солома́т* 'жидкое кушанье из крупы или толокна, которое обычно готовилось по окончании жатвы', 'застолье по случаю окончания жатвы' [КСГРС].

река *Астраданка* тоже была своеобразной границей, возле которой заканчивались покосы (косцы шли по Югу — и, доходя до этой реки, завершали сенокос).

Эта версия вполне имеет право на существование, однако несколько смущают два обстоятельства. Первое из них таково. Кажется, что внутренняя форма рассматриваемого гидронима должна быть более прозрачна, чем в случае с *остродымом* и проч., поскольку производящий глагол существует в синхронной системе языка. Тогда непонятно, почему в окружающих говорах преобладают формы с начальным *a* (фиксация *Остраданка* единична). Второе заключается в следующем. Поиск по различным источникам по русской топонимии (правда, весьма беглый и поверхностный) не позволил обнаружить других названий на *острадан-*, но были найдены два названия на *астрадам-*. Одно из них — село *Астрадамовка* в Ульяновской области (ранее относилось к Астрадамовской волости Алатырского уезда); другое — *Астрадамская улица* в Москве. Относительно названия улицы есть справка в топонимическом словаре «Улицы Москвы», говорящая об этимологической затемненности и, возможно, «многослойности» этого имени²⁴. Неясно и то, может ли название вологодской реки восходить к той же основе, что обозначение московской улицы и поволжской деревни (или это разные основы?): несмотря на формальное совпадение топонимов, надо помнить, что модели номинации природных объектов и населенных пунктов могут весьма различаться.

Но это — тема отдельного исследования. Здесь нам было важно показать, что *остродым* и схожие с ним слова задают много загадок, начало разгадки которых положено, как хочется думать, в настоящей статье.

Литература и источники

АКТЭ — антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

²⁴ Ср.: «Название перешло в 1964 г. с бывшего здесь ранее 2-го *Астрадамского тупика*. По легенде, Петр I основал здесь сельскохозяйственную ферму, похожую на ту, которую он видел в Амстердаме (царь в своих письмах называл город *Астрадамом*). Но уже в писцовой книге 1584 г. здесь названа пустошь *Остроганова*, в 1623 г. — *Остроганова*, в 1667 г. — дер. *Остродамова*. На чертежах 1670-х гг. — *Астрадамово* и *Амстрадамово*, в XVIII в. — *Астрадамово* (после 1812 г. деревня не упоминается). Очевидно, название восходит к какому-то личному именованию (известны были прозвище *Острога*, имя *Астрадам*)» [УМ: 19]. Действительно, прозвище *Астрадам* упоминается в старых русских ономастиконах, ср., к примеру, *Астрадам Варкалап (Баркалаб) Всеволодский*, первая четверть XVII в. [Веселовский 1974: 16].

- Аникин РЭС — А. Е. А н и к и н. Русский этимологический словарь. М., 2007—. Вып. 1—.
- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980—. Вып. 1—.
- АС — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь, 1984—2011. Вып. 1—6.
- Березович 2009 — Е. Л. Б е р е з о в и ч. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М., 2009.
- Березович 2014 — Е. Л. Б е р е з о в и ч. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.
- Веселовский 1974 — С. Б. В е с е л о в с к и й. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Ганжина 2001 — И. М. Г а н ж и н а. Словарь современных русских фамилий. М., 2001.
- Даль 1—4 — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880—1882 (1989). Т. 1—4.
- Зализняк 2013 — А. А. З а л и з н я к. К истории слов // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира: К юбилею С. М. Толстой / Редкол.: А. В. Гура, О. В. Белова, Е. Л. Березович. М., 2013. С. 31—41.
- КАОС — картотека Архангельского областного словаря (кафедра русского языка МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва).
- Крысько 1995 — В. Б. К р ы с ь к о. Залоговые отношения // Древнерусская грамматика XII—XIII вв. / Отв. ред. В. В. Иванов. М., 1995. С. 465—506.
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992—1995. Вып. 1—12.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / Под ред. В. А. Бердинских, В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров, 1996—. Вып. 1—.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967—. Вып. 1—.
- РГ 1980 — Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1—2.
- РНК — О. В. А т р о ш е н к о, Ю. А. К р и в о щ а п о в а, К. В. П ь я н к о в а. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / Науч. ред. Е. Л. Березович. М., 2015.
- СВГ — Словарь вологодских говоров / Под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда, 1983—2007. Вып. 1—12.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001—. Т. 1—.
- СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995—2012. Т. 1—5.
- СПГ — Словарь пермских говоров / Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000—2002. Вып. 1—2.
- СПП — Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Псков, 2001.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994—2005. Вып. 1—6.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1964—1987. Т. 1—7.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003—2005. Т. 1—2.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1—22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23—42), С. А. Мызников (вып. 43—). М.; Л., 1965—. Вып. 1—.

СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья / Науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2010—2012. Вып. 1—3.

СРГЮТО — Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области. Тюмень, 2014. Т. 1—2.

СлРЯ XI—XVII 17 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 17. М., 1991.

СлРЯ XI—XVII 28 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 28. М., 2008.

СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. 1—4.

Толстая 2005 — С. М. Толстая. Актантная структура глагола и семантика отглагольных имен: «субъектные» и «объектные» имена // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой / Отв. ред. В. Н. Топоров. М., 2005. С. 162—168.

Толстая 2006 — С. М. Толстая. «Разноосновные» глаголы в русском языке // *Od fonemy do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu* / Pod red. I. Bobrowskiego, K. Kowalik. Kraków, 2006. S. 365—372.

Толстая 2008 — С. М. Толстая. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

ТСЛРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

ТЭ — топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

УМ — Р. А. Агеева, Г. П. Бондарук, А. Л. Шилов и др. Улицы Москвы. Старые и новые названия. Топонимический словарь-справочник. М., 2003.

Усачева 2008 — В. В. Усачева. Магия слова и действия в народной культуре славян. М., 2008.

Фасмер 1—4 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973. Т. 1—4.

Фрэзер 1980 — Дж. Фрэзер. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М., 1980.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1—31), А. Ф. Журавлева (вып. 32—). М., 1974—. Вып. 1—.

Ślawski 1976 — Fr. Ślawski. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego (ciąg dalszy) // *Słownik prasłowiański* / Pod red. F. Ślawskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. T. 2. S. 13—60.

Vaillant 1974 — A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. Paris, 1974. T. IV: La formation des noms.

References and sources

- AKTE — antroponimicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspedicii Ural'skogo federal'nogo universiteta (kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznaniya UrFU, Ekaterinburg).
- Anikin RES — A. E. Anikin. Russkiy etimologicheskii slovar'. Moskva, 2007—. Vyp. 1—.
- AOS — Arkhangel'skiy oblastnoy slovar' / Pod red. O. G. Gecovoy. Moskva, 1980—. Vyp. 1—.
- AS — Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti (Akchimskiy slovar') / Gl. red. F. L. Skitova. Perm', 1984—2011. Vyp. 1—6.
- Berezovich 2009 — E. L. Berezovich. Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek. Moskva, 2009.
- Berezovich 2014 — E. L. Berezovich. Russkaya leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivacionnaya rekonstrukciya. Moskva, 2014.
- Dal' 1—4 — V. I. Dal'. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. 2-e izd. St.-Peterburg; Moskva, 1880—1882 (1989). T. 1—4.
- ESSYa — Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond / Pod red. O. N. Trubacheva (vyp. 1—31), A. F. Zhuravleva (vyp. 32—). Moskva, 1974—. Vyp. 1—.
- Frazer 1980 — J. Frazer. Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii / Per. s angl. Moskva, 1980.
- Ganzhina 2001 — I. M. Ganzhina. Slovar' sovremennykh russkikh familiy. Moskva, 2001.
- KAOS — kartoteka Arkhangel'skogo oblastnogo slovarya (kafedra russkogo yazyka MGU im. M. V. Lomonosova, Moskva).
- Krys'ko 1995 — V. B. Krys'ko. Zalogovye otnosheniya // Drevnerusskaya grammatika XII—XIII vv. / Otv. red. V. V. Ivanov. Moskva, 1995. S. 465—506.
- KSGRS — kartoteka Slovarya govorov Russkogo Severa (kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznaniya UrFU, Ekaterinburg).
- LKTE — leksicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspedicii Ural'skogo federal'nogo universiteta (kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznaniya UrFU, Ekaterinburg).
- NOS — Novgorodskiy oblastnoy slovar' / Otv. red. V. P. Strogova. Novgorod, 1992—1995. Vyp. 1—12.
- OSVG — Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov / Pod red. V. A. Berdinskikh, V. G. Dolgusheva, Z. V. Smetaninoy. Kirov, 1996—. Vyp. 1—.
- POS — Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi. Leningrad, 1967—. Vyp. 1—.
- RG 1980 — Russkaya grammatika / Gl. red. N. Yu. Shvedova. Moskva, 1980. T. 1—2.
- RNK — O. V. Atroshenko, Yu. A. Krivoschchapova, K. V. P'yankova. Russkiy narodnyy kalendar'. Etnolingvisticheskiy slovar' / Nauch. red. E. L. Berezovich. Moskva, 2015.
- Sławski 1976 — Fr. Sławski. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego (ciąg dalszy) // Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. T. 2. S. 13—60.
- SD — Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar' / Obshch. red. N. I. Tolstogo. Moskva, 1995—2012. T. 1—5.
- SGRS — Slovar' govorov Russkogo Severa / Pod red. A. K. Matveeva. Ekaterinburg, 2000. T. 1.

- SIRYa XI—XVII 17 — Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv. Vyp. 17. Moskva, 1991.
- SIRYa XI—XVII 28 — Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv. Vyp. 28. Moskva, 2008.
- SPG — Slovar' permskikh govorov / Pod red. A. N. Borisovoy, K. N. Prokoshevoy. Perm', 2000—2002. Vyp. 1—2.
- SPP — Slovar' pskovskikh poslovic i pogovorok / Sost. V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. Pskov, 2001.
- SRGK — Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey / Gl. red. A. S. Gerd. St.-Peterburg, 1994—2005. Vyp. 1—6.
- SRGNP — Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory / Pod red. L. A. Ivashko. St.-Peterburg, 2003—2005. T. 1—2.
- SRGSU — Slovar' russkikh govorov Srednego Urala / Pod red. A. K. Matveeva. Sverdlovsk, 1964—1987. T. 1—7.
- SRGYuP — Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikam'ya / Nauch. red. I. A. Podyukov. Perm', 2010—2012. Vyp. 1—3.
- SRGYuTO — Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoj oblasti. Tyumen', 2014. T. 1—2.
- SRNG — Slovar' russkikh narodnykh govorov / Gl. red. F. P. Filin (vyp. 1—22), F. P. Sorokoletov (vyp. 23—42), S. A. Myznikov (vyp. 43—). Moskva; Leningrad, 1965—. Vyp. 1—.
- STsSRYa — Slovar' cerkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlenyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoj Akademii nauk. St.-Peterburg, 1847. T. 1—4.
- SVG — Slovar' vologodskikh govorov / Pod red. T. G. Panikarovskoy. Vologda, 1983—2007. Vyp. 1—12.
- TE — toponimicheskaya kartoteka Toponimicheskoy ekspedicii Ural'skogo federal'nogo universiteta (kafedra russkogo yazyka i obshchego yazykoznanija UrFU, Ekaterinburg).
- Tolstaya 2005 — S. M. Tolstaya. Aktantnaya struktura glagola i semantika otglagol'nykh imen: «sub'ektnye» i «ob'ektnye» imena // Yazyk. Lichnost'. Tekst. Sbornik statey k 70-letiyu T. M. Nikolaevoy / Otv. red. V. N. Toporov. Moskva, 2005. S. 162—168.
- Tolstaya 2006 — S. M. Tolstaya. «Raznoosnovnye» glagoly v russkom yazyke // Od fonemy do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu / Rod red. I. Bobrowskiego, K. Kowalik. Kraków, 2006. S. 365—372.
- Tolstaya 2008 — S. M. Tolstaya. Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavyanskoy perspektive. Moskva, 2008.
- TSIRYa — Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / Otv. red. N. Yu. Shvedova. Moskva, 2007.
- UM — R. A. Ageeva, G. P. Bondaruk, A. L. Shilov i dr. Ulicy Moskvy. Starye i novye nazvaniya. Toponimicheskyy slovar'-spravochnik. Moskva, 2003.
- Usacheva 2008 — V. V. Usacheva. Magiya slova i deystviya v narodnoy kul'ture slavyan. Moskva, 2008.
- Vaillant 1974 — A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. Paris, 1974. T. IV: La formation des noms.
- Vasmer 1—4 — M. Vasmer. Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka. Moskva, 1964—1973. T. 1—4.
- Veselovskiy 1974 — S. B. Veselovskiy. Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvishcha i familii. Moskva, 1974.

Zaliznyak 2013 — A. A. Zaliznyak. K istorii slov // Slavica Svetlanica. Yazyk i kartina mira: K yubileyu S. M. Tolstoy / Redkol.: A. B. Gura, O. V. Belova, E. L. Berzovich. Moskva, 2013. S. 31—41.

Резюме

В статье рассматривается комплекс лексических и ономастических единиц русского языка: русские диалектные лексемы *астрадѣм*, *востродѣмка*, *острадѣм*, *острогѣн*, *остродѣм* со значением негативной характеристики человека ('жестокый человек', 'тот, кто приносит вред', 'высокомерный человек', 'вор' и др.); антропонимы: прозвище *Остродым*, фамилии *Астрадимов*, *Астрадымов*, *Востродымов*, *Острадымов*, *Остродымов*; пермское выражение *поймать остродыма* 'закончить уборку в поле'. Автор осуществляет групповую реконструкцию этих единиц, привлекая данные исторического словообразования, морфонологии, этнолингвистики. В основе этих единиц предлагается видеть субстантивированную форму страдательного причастия настоящего времени от глагола **острадить* 'завершить сельскохозяйственные работы (сенокос, жатву)', 'принести страдания, мучения кому-либо'.

Ключевые слова: русская диалектная лексика, фразеология, русские фамилии, этимология, семантическая реконструкция, этнолингвистика, морфонология, причастия

Статья получена 21.11.2014

ELENA L. BEREZOVICH

ПОЙМАТЬ ОСТРОДЫМА: A LEXICAL RIDDLE OF RUSSIAN SUBDIALECTS

The article analyzes a complex of Russian lexical and onomastic units: dialect lexemes *астрадѣм*, *востродѣмка*, *острадѣм*, *острогѣн*, *остродѣм* which carry the meaning of a negative characterization of a person ('a cruel person', 'somebody who causes harm', 'an arrogant person', 'a thief' etc.); anthroponyms: the nickname *Остродым*, the surnames *Астрадимов*, *Астрадымов*, *Востродымов*, *Острадымов*, *Остродымов*; the Perm set expression *поймать остродыма* 'to finish harvesting a field'. Considering materials in historical derivation, morphonology and ethnolinguistics, the author performs a group reconstruction of these units. According to the author, the stem of these units is a substantivized form of the present passive participle of the verb **острадить* 'to finish farm work (haymaking, reaping)', 'to inflict torture or suffering on somebody'.

Keywords: Russian dialect vocabulary, phraseology, Russian surnames, etymology, semantic reconstruction, ethnolinguistics, morphonology, participles

Received on 21.11.2014

А. А. ПИЧХАДЗЕ

**ФЛЕКСИЯ Д. ЕД. -ОВИ/-ЕВИ
В ДРЕВНЕРУССКОМ О-СКЛОНЕНИИ**

К 50-летию А. А. Гинтиса

Окончание *-ови/-еви* в дательном падеже единственного числа у слов мужского рода, заимствованное в славянское (*j*)*o*-склонение существительных из *й*-склонения, чаще всего рассматривают как показатель категории лица ([Diels 1932: 155; Вайан 1952: 113; Vaillant 1958: 124], см. недавно [Igartua 2005: 518—524], там же литература). Такая трактовка применительно к древнерусскому языку была оспорена В. Б. Крысько [1994: 56—58], который указал на большое число неодушевленных существительных, зафиксированных в памятниках древнерусской письменности с окончанием *-ови/-еви*. По словам С. И. Иорданиди, автора соответствующего раздела «Древнерусской грамматики XII—XIII вв.» [Грамматика 1995: 176, 192, 293], «материалы не подтверждают традиционное мнение о том, что флексия *-ови* выступает как показатель значения лица», хотя в новгородских берестяных грамотах и Новгородской I летописи флексия *-ови/-еви* «связана... с личными именами и существительными лица».

Распространение обсуждаемой флексии в *o*-склонении объясняют тенденцией к объединению парадигм существительных, принадлежащих к одному грамматическому роду [Селищев 1952: 93]. М. В. Шульга [2003: 75—78] подчеркивает, что проникновение флексии *-ови/-еви* в *o*-склонение нужно рассматривать не изолированно, а в рамках процесса унификации парадигм *o*- и *й*-склонения, в результате которого распространение получили флексии *й*-склонения, маркированные в отношении грамматического рода, поскольку на протяжении древнерусского периода категория рода усиливала свои морфологические позиции. Однако признание фактора родовой унификации, как кажется, не объясняет всех особенностей функционирования окончания *-ови/-еви* у слов *o*-склонения в древнерусских памятниках¹.

¹ В настоящей статье принадлежащими к мягкой разновидности *o*-склонения считаются и существительные с суффиксами *-арь* и *-тель* (см. о них ниже), поскольку в единственном числе они имели суффикс *-ьь*; формы множественного числа, лишённые этого суффикса, первоначально образовывались по согласному склонению.

А. Вайан [1952: 113] заметил, что окончание *-ови/-еви* у слов *о*-склонения в старославянском чаще всего встречается в именах собственных и заимствованиях (все имена собственные в переводных памятниках тоже являются заимствованиями). Действительно, подавляющее большинство фиксаций форм на *-ови/-еви* в старославянских текстах приходится на имена **адамъ, андрѣи, ноанъ, носифъ, родъ, исоусъ, мосѣи, паулъ, петръ, пилатъ, симонъ, христосъ**; часто это окончание принимает этноним **израиль**. Из апеллятивов, по данным [Scholvin 1877: 492—495, 540; Паний 1991: 184—187], с флексией *-ови/-еви* зафиксированы следующие существительные (на первом месте — заимствования, затем слова твердой разновидности, за ними — слова мягкой разновидности):

	КиевЛ	СинПе ²	Клоц	СинТр	Мар	Зогр	Ас	Ен ³	Сав	Супр
адъ										1
архирен					8	7	3		6	
архисунагогъ					1	1				
архитриклинъ					1	1				
газофилакки					1	1				
днѣволъ										1
нерен				1	1	1	1		1	
кесарь					9	7			1	1
львъ										1
патриархъ										1
цѣсарь	1	1	1	1				1	1	1
богъ	2	1	2		4	5	2	1	3	25
грѣшникъ		1								
доухъ				6	1	2	2			
миръ							1		1	3
рабъ										1
сътъникъ									1	
чловѣкъ					1					1
благодѣтель										1
винарь					1	1				
вратарь									1	
врачь				1						1
господь		13		1	8	7	6	6	6	16
мжжь					1	2	1		2	1

В списке решительно преобладают одушевленные существительные, что, по-видимому, и дало основание исследователям старославянского языка рассматривать окончание *-ови/-еви* как показатель одушевленности. Доля заимствований среди апеллятивов, принимающих это окончание, как

² С учетом новооткрытой части по изданию [Mareš 1997].

³ Данные по Енинскому апостолу приведены по [Чешко 1970: 94].

и указывал А. Вайан, действительно очень велика. Из существительных славянского происхождения чаще всего с этим окончанием в старославянских текстах засвидетельствованы **богъ**, **доухъ**, **миръ** ‘вселенная’, **господь**⁴ и **мжжъ**; большинство из них — **богъ**, **доухъ**, **господь** — относятся к категории *nomina sacra*. Кроме того, можно заметить, что окончание *-ови/-еви* редко появляется в памятниках западного происхождения (в Синайской псалтыри, Киевских листках и Клоцевом сборнике), в то время как в восточноболгарских памятниках — Саввиной книге и Супрасльской рукописи — оно охватывает наибольшее количество лексем. В текстах южнославянского происхождения — Супрасльской рукописи, «Слове против ариан» Афанасия Александрийского, Болонской псалтыри, Охридском апостоле, XIII Словах Григория Богослова — зафиксированы единичные случаи употребления окончания *-ови/-еви* у существительных среднего рода: **дѣло**, **иго**, **морє**, **тѣло**, **зѣданик** [Вайан 1952: 116; Чешко 1970: 120—121].

В старославянских памятниках число лексем твердой и мягкой разновидности о-склонения, выступающих с окончанием *-ови/-еви*, практически одинаково. Такое же соотношение в Путятиной минее XI в. — восточнославянском списке служебной минее южнославянского происхождения; здесь это окончание отмечено у слов **богъ**, **братъ**, **доухъ**, **миръ**, **въседьжителъ**, **господь**, **огнь**, **рачителъ**. В «Хронике» Синкелла, болгарском переводе X в., сохранившемся в позднейших русских списках, лексемы твердой и мягкой разновидности, принимающие это окончание, также представлены в равной пропорции: **богъ**, **фараонъ**, **господь**, **цѣсарь** (см. словоуказатель в [Тотоманова 2008]). Такая же ситуация наблюдается в Слепченском апостоле XII в.; Г. А. Ильинский [1912: LXXX] цитирует с этим окончанием слова **богъ**, **грѣхъ**, **доухъ**, **елинъ**, **законъ**, **изврагъ**, **миръ**, **фараонъ**, **архирен**, **господь**, **иуден**, **издранль**, **мжжъ**, **олтарь**, **отъць**, **цѣсарь**. Примерно равное соотношение фиксируется в болгарских триодях XIII в. — Хлудовской (**богъ**, **братъ**, **доухъ**, **крѣстъ**, **миръ**, **правьдникъ**, **свѣтъ**, **дѣмонъ**, **фараонъ**, **датель**, **кесарь**, **мжжъ**, **отъць**, **ран**, **родитель**, **оучитель**, **цѣсарь** [Rusek 1964: 10, 12]) и Орбельской (**богъ**, **доухъ**, **миръ**, **господь**, **ран**, **зидителъ**, **оучитель** [Црвенковска, Макаријоска 2010: 38—39]). Некоторые отличия можно отметить в переводе XIII Слов Григория Богослова, выполненном в Болгарии в X в. и сохранившемся в русском списке XI в.: число слов твердой и мягкой разновидности о-склонения мужского рода с окончанием *-ови/-еви* здесь тоже одинаково (**богъ** 358б⁵, **гласъ** 158б, **доухъ** 158б, 179г, 186а, 348а, 357а, 360в, 365а, **чрьтожьникъ** 158б, **ниль** 285б — название реки; **господь** 120б — Пс. XCIV 1, 158б, 162г — Пс. XXXVI 7, 320б, 367б, **зми** 155в, **олтарь** 167г, **цѣсарь** 160г, 202а), однако здесь имеются еще формы на *-еви* от существительных среднего рода **морє** 107г, 196а, 225г и **самовластикъ** 155б, а кроме того от существитель-

⁴ Слово колеблется между *i-* и *(j)о-*склонением [Вайан 1952: 123].

⁵ По изданию [Будилович 1875].

ного **днь** За, принадлежавшего первоначально к согласному склонению. В итоге число слов с окончанием *-еви*, хотя и незначительно, превышает число слов с окончанием *-ови*. Этот памятник выделяется на общем фоне еще и тем, что форма **богови** употребляется в нем всего лишь один раз при многократном **богоу**, а из пяти случаев употребления формы **господѣви** два фиксируются в цитатах из Псалтыри. В результате связь флексии *-ови/-еви* с *nomina sacra* в переводе XIII Слов Григория Богослова не так очевидна, как в других памятниках.

В текстах Успенского сборника XII—XIII вв. (за исключением произведений Нестора, о которых см. ниже), составленных в большинстве своем в Болгарии, существительных твердой разновидности в полтора раза больше: **адъ, ангелъ, богъ, грѣхъ, другъ, доухъ, кръсть, миръ** ‘вселенная’, **миръ** ‘покой’, **фараонъ, господь, конь, огнь, отъць, стрын** ‘дядя’, **цѣсарь** (см. словоуказатель в [Князевская, Демьянов, Ляпон 1971]). Такое же соотношение в русском списке праздничной минеи XI—XII вв. — Ильиной книге, где флексию *-ови/-еви* принимают **женихъ, оученикъ, отъць** [Крысько 1999: 14].

Однако в памятниках восточнославянского происхождения дело обстоит иначе. На важную особенность функционирования окончания *-ови/-еви* в древнерусской письменности указал А. А. Гиппиус: «с флексией Д. ед. *-ови* в собственно новгородских памятниках выступают исключительно одушевленные существительные, в псковских иногда также неодушевленные, но только *jo*-основы (*по ручьєви, по крове*)» [Гиппиус 1996: 60]. Факт неодинаковой распространенности рассматриваемой флексии у *o*- и *jo*-основ до этого как будто не останавливал на себе внимания исследователей. Хотя приведенный в вышедшей годом раньше «Древнерусской грамматике XII—XIII вв.» материал свидетельствовал о том, что формы Д. ед. на *-еви* гораздо более многочисленны, чем формы на *-ови*, это расхождение не было зафиксировано авторами, поскольку обзор окончаний твердой и мягкой разновидности проводился отдельно, без сопоставления [Грамматика 1995: 191—192, ср. 177]. Лишь спустя десятилетие, обсуждая исчезновение флексии *-ови/-еви* в новгородском диалекте во вт. пол. XII — нач. XIII в., И. Б. Иткин и Ю. К. Коган [2006: 211—212] отметили, что в этот период в мягкой разновидности количество форм с данной флексией остается практически неизменным, в то время как в твердой разновидности оно стремительно падает, и выдвинули гипотезу, что в мягкой разновидности этот процесс протекал медленнее, чем в твердой.

На самом деле замеченная А. А. Гиппиусом разница в употребительности форм на *-ови* и на *-еви* в древнерусских памятниках разительна — за исключением личных имен собственных, у которых частотны оба варианта. Оставляя имена собственные в стороне, попробуем сопоставить данные текстов, которые в исчерпывающем объеме доступны благодаря электронным ресурсам <https://www.ruscorpora.ru>⁶ и <https://www.lrc-lib.ru>.

⁶ Национальный корпус русского языка, древнерусский подкорпус.

Вот данные киторской части Студийского устава, переведенного с греческого в 1060—1070-х гг., по списку к. XII в.: с окончанием *-еви* здесь зафиксированы слова алѣлоу҃гнарѣ (1:0⁷), врачѣ⁸ (3:0), конѣ (1:0), краи (1:0), манастырь (4:1), олѣтарѣ (1:0), парамонарь (3:0), покои (1:0), приатель⁹ (2:0), радичѣ (1:0), трепарѣ (1:0), оучитель (1:0), цѣсарѣ (2:0). Как видно, говорить о принадлежности флексии *-еви* преимущественно одушевленным существительным не приходится, не наблюдается здесь и зависимости в выборе окончания от количества слогов в слове. Из приведенного перечня лишь у слова манастырь один раз встретилась форма манастырю, остальные слова отмечены только с окончанием *-еви*. Из трех слов, относящихся к неподвижной акцентной парадигме *a*, два (краи и покои) имеют исход основы на гласный + [j], а третье — суффикс *-тель*. Любопытно, что слово алѣлоу҃гнарѣ в Студийском уставе принимает окончания *й*-склонения и в других формах: *-еви* в Им. мн., *-евѣ* в Род. мн., *-ьми* в Тв. мн. (при *-ѣ* в Род. ед.). Флексия *-ови* представлена в памятнике всего четырьмя примерами: попови (2:0), крѣстови (1:0), мирови (1:1). В целом картина во многом напоминает ситуацию в старославянском, где окончание *-ови/-еви* принимают чаще всего заимствования и несколько исконно славянских существительных, в числе которых — миръ, регулярно употребляющееся с флексией *-ови* и в древнерусских текстах [Шульга 1978: 16]. Однако Студийский устав в некоторых отношениях отличается от старославянских памятников: здесь нет форм богови и господеви, обычных в старославянском. Среди слов, принимающих рассматриваемую флексию, значительно преобладают принадлежащие к акцентным парадигмам *b* и *c*, — такое распределение наблюдается и во всех остальных памятниках.

В небольшом цикле из шести Чудес св. Николы, также сохранившемся в списке к. XII в., с окончанием *-еви* зафиксированы слова краи (1:0) и моужѣ (2:2), флексия *-ови* у слов *o*-склонения вообще отсутствует. Похожая ситуация в «Повести об Акире Премудром», переведенной с неизвестного оригинала в домонгольской Руси и сохранившейся в списке XV в., где с рассматриваемой флексией зафиксированы только слова цѣсарѣ (15:0) и моужѣ (2:0).

В древнерусском переводе «Пчелы», представленном в списках начиная с XV в., окончание *-ови* из существительных твердой разновидности

⁷ Здесь и далее в скобках на первом месте приводится количество форм с окончанием *-ови/-еви*, после двоеточия — количество форм с окончанием *-у/-ю*.

⁸ Здесь и ниже слова акцентной парадигмы *b* подчеркиваются сплошной чертой, акцентной парадигмы *c* — двойной сплошной чертой, акцентной парадигмы *a* — точечным пунктиром. Сведения об акцентуации даны по [Зализняк 2011]; слова, отсутствующие в этом словаре, остались не подчеркнутыми.

⁹ Указана исконная акцентуация, следы которой сохранились в памятниках [Зализняк 2011: 260].

o-склонения имеет только **богъ** (3:30). Окончание *-еви* отмечено у слов **господь** (10:2), **конь** (1:0), **моужь** (4:15), **огнь**¹⁰ (2:0), **цѣсарь**¹¹ (4:5).

В древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» по списку посл. трети XV в. окончание *-еви* из существительных твердой разновидности, как и в «Пчеле», имеет только **богъ** (10:41), причем форма **богоу** заметно преобладает. Окончание *-еви* отмечено у слов **кесарь** (38:18), **конь** (2:1), **моужь** (4:2), **огнь** (4:3), **цѣсарь** (14:15) — этот перечень почти полностью совпадает с тем, что фиксируется в «Пчеле» (за исключением Д. ед. от **господь**, встречающегося в «Истории Иудейской войны» вообще очень редко). Интересно, что форма **кесареви** заметно частотнее формы **кесарю**, в то время как форма **цѣсареви**, напротив, менее частотна, чем **цѣсарю**: лексема **кесарь** не так распространена в памятниках, как **цѣсарь**, и менее освоена на древнерусской почве; вероятно, форма **кесареви** получила широкое распространение благодаря употребительности в Евангелии, особенно заметной на фоне почти полного отсутствия формы **цѣсареви** в древнейших евангелиях (см. таблицу выше).

В древнерусском переводе «Александрии», представленном в том же списке, что и «История Иудейской войны», только одно существительное твердой разновидности *o*-склонения **сълъ** ‘посланник’ имеет флексию *-еви* (1:0); очевидно, присоединению двусложной флексии способствовало то, что односложная основа этого существительного в Д. ед. теряла слоговость в результате падения редуцированного в слабой позиции. С окончанием *-еви* выступают **конь** (2:0), **моужь** (1:1), **огнь** (2:2), **стражь** (1:0), **цѣсарь** (11:17). У большинства этих лексем Д. ед. образуется либо только с этим окончанием, либо в равном соотношении с окончанием *-у/-ю*, лишь у **цѣсарь** окончание *-ю* преобладает.

Из всех обследованных церковнославянских памятников самое большое число форм с окончанием *-еви* обнаруживается в древнерусском переводе «Жития Андрея Юродивого», древнейший список которого датируется XIV в.: **адъ** (1:1), **ангелъ** (1:9), **богъ** (6:42), **громъ** (3:0), **грѣхъ** (1:2), **доухъ** (3:5), **миръ** ‘вселенная’ (4:1; **миръ** ‘покой’ имеет окончание *-оу*). Бросается в глаза принадлежность всех слов *o*-склонения, принимающих здесь флексию *-еви*, к «высокой» сфере — это церковнославянизмы (**громъ** предстает здесь как эманация высшей силы), в том числе заимствования из греческого; многие из них имеют Д. ед. на *-еви* в старославянском, а больше всего группа слов с окончанием *-еви* в «Житии» напоминает ту, что была выделена выше в переводных текстах Успенского сборника. Число слов с флексией *-еви* в «Житии Андрея Юродивого» даже превышает количество лексем, принимающих флексию *-еви*: **вепрь** (1:0), **господь** (4:25), **изрань** (1:0),

¹⁰ Это слово рано перешло из *i*-склонения в *jo*-склонение, форма Д. ед. уже в старославянских памятниках не имеет окончания *i*-склонения [Вайан 1952: 124].

¹¹ Наряду с акцентуацией по акцентной парадигме *b* фиксируется акцентуация по акцентной парадигме *a* [Зализняк 2011: 265].

моужь (1:0), огнь (4:0), цѣсарь (2:0). Однако соотношение словоформ с флексией *-ови/-еви* и словоформ с флексией *-у/-ю* в твердой и мягкой разновидности разное. У слов твердой разновидности формы на *-ови* малочисленны. Напротив, слова мягкой разновидности, за исключением господь, фиксируются исключительно с флексией *-еви*.

Данные древнерусских переводных памятников в целом совпадают с данными болгарского по происхождению, но подвергнутого русификации Изборника 1076 г.: здесь с флексией *-ови* выступает лишь слово богъ (1:82), с флексией *-еви* — господь (6:15), конь (1:0), моужь (1:6), олътарь (1:0). Такая же картина в Прологе, переведенном, по-видимому, южнославянскими переводчиками на Руси: флексия *-ови* засвидетельствована у апеллятивов богъ (4:96), бѣсъ (1:0), миръ 'вселенная' (1:5), попъ (1:0), флексия *-еви* — у слов дѣждь (1:0), зми (2:0), мечь (1:0), моужь (5:2), моучитель (2:2), пшеницехранитель (1:0), свѣтитель (1:0), цѣсарь (37:4) [Крысько 2011: 806—807]. Для Пролога характерно преобладание флексии *-еви* у слов мягкой разновидности, которые её принимают, над флексией *-ю*. Возможно, частотность рассматриваемой флексии именно в мягкой разновидности о-склонения в Изборнике 1076 г. и Прологе представляет собой результат восточнославянского влияния, однако можно допустить, что оно было свойственно и некоторым болгарским диалектам, хотя пока памятники южнославянского происхождения с значительным преобладанием флексии *-еви* над *-ови* неизвестны.

Небольшой перевес форм с флексией *-еви* у существительных мягкой разновидности наблюдается в сочинениях Нестора: в «Сказании о Борисе и Глебе» фиксируются формы господьви (11в28, 14г28, 15в28, 20а3), стражеви (23а30) и боговви (20б7), в «Житии Феодосия Печерского» — господьви (27а3), пономонарьви (46г28) и прозвѣтерови (51в4) [Князевская, Демьянов, Ляпон 1971].

Летописи демонстрируют картину, во многом сходную с церковнославянскими текстами, но имеющую свою специфику. Лексемы мягкой и твердой разновидности в Повести временных лет по Ипатьевскому списку ок. 1425 г. распределяются следующим образом. С флексией *-еви* выступают слова бон (2:0), воробни (2:0), господь (12:2), знон (1:0), кѣсарь (1:0), конь (3:0), манастырь (1:3), моужь (3:5), огнь (2:1), строн 'дядя' (1:0), цѣсарь (9:12). Только с этой флексией зафиксирован Д. ед. от бон, воробни, знон, строн 'дядя', в исходе основы которых перед [j] находится гласный. Кроме того, флексию *-еви* принимает слово голувь, исконно принадлежавшее к *i*-склонению: формы Д. ед. голуви и голуьви употребляются по одному разу. С флексией *-ови* зафиксированы только богъ (2:51), валъ (1:0), доухъ (1:3), попъ (1:0). Все слова твердой разновидности с окончанием *-ови* в Повести временных лет имеют односложную основу.

В Киевской летописи по Ипатьевскому списку формы на *-еви* и *-ови* распределяются более равномерно, главным образом за счет большего числа форм от твердых основ. С флексией *-еви* здесь встречаются бон (1:0),

господь (2:2), **конь** (2:0), **король** (33:1), **моужь** (2:1), **строи** (22:0), **оуи** (2:0), **цѣсарь** (3:1). У слов с основой на гласный + [j] — **вои**, **строи** ‘дядя’ и **оуи** — представлена только эта флексия. Можно заметить, что в Киевской летописи окончание *-еви* у тех слов *jo*-склонения, которые его принимают, имеет тенденцию вытеснять окончание *-у/-ю*. Оно фиксируется здесь и у первоначально принадлежавшего к *i*-склонению слова **зѣть**: при решительном преобладании исконной формы **зѣти** (19 раз) здесь встречается **зѣтию** (5 раз) и дважды — **зѣтеви**. Набор слов твердой разновидности с окончанием *-еви* довольно велик по сравнению с другими источниками: **богъ** (9:23), **боръ** (1:0), **валъ** (3:0), **лоугъ** (1:1), **миръ** ‘вселенная’ (Д. ед. встречается один раз в устойчивом сочетании **дати мирови миръ** и один раз в контексте **творѣць Бѣ и всемоу мироу своемуу**), **попъ** (5:0), **сватъ** (1:9). Как и в Повести временных лет, все слова твердой разновидности с окончанием *-еви* в Киевской летописи имеют односложную основу. При этом тематически они несколько отличаются от лексем с окончанием *-еви* в Повести временных лет: там все слова на *-еви*, кроме **валъ**, относятся к церковнославянизмам и заимствованиям, здесь число не книжных слов заметно возрастает.

В Галицкой летописи с флексией *-еви* отмечены только **богъ** (единичный пример на фоне 29 форм на *-у*) и заимствование **герцикъ** (дважды, форм на *-у* нет). Несколько больше, хотя тоже невелико число слов с флексией *-еви*: **король** (33:1), **огнь** (1:0), **оуи** (2:0), **цѣсарь** (1:0). Окончание *-еви* здесь практически вытесняет окончание *-ю* у всех перечисленных лексем. К этой группе примыкает первоначально принадлежавшее *i*-склонению существительное **тѣсть**, которое наряду с одной исконной формой **тѣсти** и одной вторичной **тѣстоу** имеет три формы **тѣтеви**.

Самая большая доля слов с Д. ед. на *-еви* представлена в совсем небольшой по объему Волынской летописи (начиная с 1261 г. в Галицко-Волынском своде, см. [Юрѣва 2013: 137—138, 149]). На частотность таких форм в Волынской летописи указывал П. С. Кузнецов [1959: 15]. Число слов с окончанием *-еви* здесь превышает число слов с окончанием *-еви*. Из слов мягкой разновидности это окончание принимают **вепрь** (1:0), **король** (4:0), **строи** ‘дядя’ (3:1) и исконно принадлежавшее к *i*-склонению существительное **медвѣдь** (1:0). Как и в Киевской летописи, окончание *-еви* у слов *jo*-склонения, принимающих это окончание, вытесняет здесь окончание *-у/-ю*. Обращает на себя внимание не книжный характер этих слов (заимствование **король** имеет полногласную форму); любопытно, что **цѣсарь** здесь выступает с окончанием *-ю* (правда, всего один раз). Из слов твердой разновидности с флексией *-еви* зафиксированы **ледъ** (2:1), **осѣкъ**¹² (1:0), **соромъ** (1:0), **сѣньмъ** (2:0), а также название города **Хѣлмъ** (4:1). Примечательно, что в эту группу попадают по преимуществу не книжные слова и не только с односложной, но и с двусложной основой. Активное

¹² Акцентная парадигма *a* или *c* [Зализняк 2011: 230].

использование флексии *-ови/-еви* в Волынской летописи, по-видимому, отражает ее употребительность в говоре составителя летописи.

В Суздальской летописи флексию *-еви* из слов мягкой разновидности принимают слова **господь** (7:0), **кесарь** (1:1), **король** (6:1), **огнь** (3:1), **строн** ‘дядя’ (7:0), **цѣсарь** (2:3). Здесь, как и во всех остальных летописях, у слов, принимающих окончание *-еви*, оно имеет тенденцию вытеснять окончание *-ю*. Однако у лексемы **цѣсарь** формы Д. ед. распределяются иначе: в повторяющейся дважды цитате из Псалтыри (LXXI, 1) представлена форма на *-еви* (**такѡ пррѡкъ рѣ · Бѣ сѣ^д твон црви дажъ 423.34, такѡ пррѡкъ глѣ Бѣ сѣ^д твон црви дажъ 467.25**), а в трех остальных контекстах, где речь идет о конкретных властителях, — форма на *-ю* (**оупрѣдѣ и Анѣдрианѣ епѣпѣ · Болгарьскѣи · передѣ црмь Манѣило^м · стошцю црю товары надѣ рѣкою 352.11, коли рать бѣла · со мною кси ко црю не бѣжа^а 482.23, не идешь ни к своему црю ни к Ногою на исправу 482.28**). С флексией *-ови* фиксируются только **богъ** (8:28), **доугъ** (1:1), **миръ** ‘вселенная’ (один раз в устойчивом сочетании **дати миръ мирови 369.2**, второй раз в цитате из Послания к Галатам (VI, 14) **миѣ миръ распатса и азъ мирови 439.20**; окончание *-у* встречается дважды в сочетании **Ѡ начала мироу**). Как и в «Повести временных лет» и в Киевской летописи, все слова твердой разновидности с окончанием *-ови* в Суздальской летописи имеют односложную основу.

В новгородских источниках древнерусского периода окончание *-ови/-еви* у неличных имен о-склонения появляется очень редко. В Новгородской I летописи с флексией *-еви* употребляются слова **господь** (дважды), **конь** (один раз), **отъць** (дважды), **цѣсарь** (5 раз), флексия *-ови* у апеллятивов не отмечена. Похожая картина наблюдается и в новгородских берестяных грамотах: из слов мягкой разновидности с указанной флексией здесь отмечены только **моужь** и **отъць**, из слов твердой разновидности — **богъ** и **попъ** [Зализняк 2004: 108]. Флексия *-ови/-еви* не чужда смоленским памятникам: в Договоре неизвестного смоленского князя с Ригой и Готским берегом 1223—1225 гг. отмечены формы **богови** и **мастерови** [Сумникова, Лопатин 1963: 11]. Здесь, как и в берестяных грамотах, слова твердой разновидности, принимающие окончание *-ови*, принадлежат к сфере книжной лексики и заимствований. В поздних списках Договора Смоленска с Ригой и Готским берегом конца XIII—XIV в. появляются формы на *-ови/-еви* в местах, где в древнейшем списке 1229 г. фигурируют формы на *-у/-ю*: **послоу** сп. 1229 г. — **послови** в списках D, E, F, **поу** сп. 1229 г. — **попови** в списке E, **вѣсцѣ** (описка вместо **вѣсцю** ‘весовщику’) сп. 1229 г. — **вѣсцѣви** в списке C¹³ (см. словоуказатель в [Сумникова, Лопатин 1963]).

Итак, материал складывается в довольно сложную картину. Можно согласиться с исследователями, отвергающими связь окончания *-ови/-еви* с категорией одушевленности в древнерусском языке. За вычетом личных

¹³ Для формы **богови**, зафиксированной в поздних списках, в списке 1229 г. нет соответствия.

имен, эта флексия как будто не обнаруживает тяготения к существительным, обозначающим лицо, или вообще к одушевленным существительным [Шульга 1978: 7]. Наличие таковых среди слов *o*-склонения, выступающих с окончанием *-ови/-еви*, скорее всего, объясняется другими причинами [Крысько 1994: 57].

В то же время бросается в глаза разница между распространением в древнерусских памятниках окончания *-ови/-еви* у личных имен и остальных существительных: если у личных имен эта флексия употребительна как в мягкой, так и твердой разновидности *o*-склонения, то у остальных существительных она используется по преимуществу в мягкой разновидности, в то время как в твердой разновидности её принимает гораздо меньшее число лексем, причем известны памятники, в которых у существительных твердой разновидности она вообще отсутствует. Более того, окончание *-еви* у тех слов мягкой разновидности, которые его принимают, вытесняет исконное окончание, особенно в древнерусских летописях, в то время как у слов твердой разновидности, принимающих окончание *-ови*, часто преобладают или господствуют формы на *-у*. Различие в частотности форм на *-ови* и на *-еви* свидетельствует о том, что маркированность по роду не была единственным фактором, регулирующим распространение окончания *-ови/-еви* у апеллятивов; если бы определяющим фактором являлось то обстоятельство, что окончание *-ови/-еви* специфично для мужского рода, оно употреблялось бы одинаково часто в твердой и мягкой разновидности *o*-склонения.

Преобладание окончания *-ови/-еви* у имен мягкой разновидности характерно для церковнославянских древнерусских памятников и летописей, ориентированных на книжные образцы; в Киевской и Волынской летописях, в большей степени отступающих от книжной нормы, а также грамотах оно отсутствует.

Зафиксированное в восточнославянских памятниках распределение неожиданно: поскольку к *й*-склонению в исторический период принадлежали слова исключительно твердой разновидности, окончания *й*-склонения должны были усвоить в первую очередь существительные *o*-склонения с твердой основой. Причина экспансии флексии *-ови/-еви* главным образом в мягкой разновидности *o*-склонения неясна, хронология и ареал этого явления точно не установлены. Поскольку в старославянских памятниках расхождение между твердой и мягкой разновидностью отсутствует, его возникновение, вероятно, следует датировать более поздним временем, причем неизвестно, присутствовало ли оно в южнославянских памятниках или являлось особенностью древнерусского — прежде всего церковнославянского — языка. Возможно, внедрение окончаний *й*-склонения в мягкой разновидности *o*-склонения связано с вторичным достраиванием мягкой разновидности *й*-склонения, по аналогии с *a*- и *o*-склонениями, где мягкая разновидность существовала изначально. Интересно сопоставить факт экспансии флексии *-ови/-еви* преимущественно в мягкой разновидности *o*-

склонения с тем, что у *jo*-основ окончание *-у/-ю* в звательной форме, по-видимому, заимствованное из *й*-склонения, подобно окончанию *-ови/-еви*, утвердилось еще в дописьменную эпоху, ср. [Шульга 1978: 8]. Допускают, впрочем, что в дописьменную эпоху мягкая разновидность существовала и в *й*-склонении, — её реликт усматривают в слове **мжжь** и существительных на **-тель** и **-арь** [Мейе 1951: 288, 331]. Приведенные выше данные демонстрируют высокую частотность употребления флексии *-еви* как раз у этих существительных, но доказать, что именно они дали импульс экспансии окончания *-ови/-еви*, продуктивной, как показывает материал, в XI—XIII вв., т. е. в сравнительно поздний период, затруднительно.

Рассматривая вопрос об истории окончания *-ови/-еви*, особенно в церковнославянских памятниках, нельзя игнорировать фактор книжной традиции. Способность лексемы усваивать это окончание в книжном языке определяется прежде всего наличием образованных от неё форм с этим окончанием в образцовых текстах. П. С. Кузнецов [1959: 20] заметил, что Д. ед. на *-ови/-еви* образуется «от слов, тождественных старославянским или идущих из старославянского языка, — **господь**, **богъ**, **цѣсарь**». Если к *jo*-основам в древнерусских церковнославянских памятниках замечание П. С. Кузнецова приложимо с оговорками, то в отношении слов твердой разновидности *о*-склонения оно совершенно справедливо. Именно книжным влиянием объясняется употребление в церковнославянских памятниках форм на *-ови* в первую очередь у слов **богъ** и **миръ** ‘вселенная’ и вообще ограничение этих форм книжной лексикой. В летописях тематический диапазон лексем с окончанием *-ови* в Д. ед. шире: в их круг входят слова, не имеющие книжной окраски, — **боръ**, **валъ**, **ледъ**, **лоуѣтъ** и др. Разница в распространении рассматриваемой флексии между церковнославянскими памятниками и летописями проявляется прежде всего в твердой разновидности *о*-склонения: в летописях отражен узус восточнославянских диалектов, в книжных текстах — церковнославянская традиция. Вероятно, фактор книжности определял и частотность форм с *-ови/-еви* у каждой отдельной словоформы; возможно, неслучайно в «Истории Иудейской войны», как отмечалось выше, форма **кесареви** более распространена, чем **цѣсаревнн**, в Суздальской летописи форма **цѣсаревнн** используется исключительно в библейских цитатах, а в «Житии Андрея Юродивого» **миръ** ‘вселенная’ принимает окончание *-ови*, а **миръ** ‘покой’ — нет.

Среди слов твердой разновидности, принимающих окончание *-ови*, подавляющее большинство составляют лексемы, имеющие односложную основу. Это объясняется тем, что в *й*-склонение входили существительные с односложной основой. Книжная традиция поддерживала это ограничение: в образцовых южнославянских текстах в твердой разновидности *о*-склонения с флексией *-ови* выступают чаще всего именно односложные слова **богъ**, **доухъ**, **миръ**. Однако количество слогов в основе не влияет на выбор окончания *-еви* у слов мягкой разновидности. В историческую эпоху мягкой разновидности в *й*-склонении не было, соответственно для слов

мягкой разновидности *o*-склонения не существовало модели с определенным количеством слогов; в образцовых текстах чаще всего с флексией *-еви* выступало слово **господь**, имеющее двусложную основу. Если же допустить, что экспансия окончания *-еви* в *jo*-склонении имела опору в некогда существовавшей мягкой разновидности *й*-склонения, к которой принадлежали слова с суффиксами **-тель** и **-арь**, наличие многосложных *jo*-основ среди лексем, принимающих окончание *-еви*, можно было бы объяснить аналогией с этими суффиксальными производными. Очевидно, что финаль старых славянских заимствований (**цѣсарь**) и новых грецизмов (**алѣлоу-гнарь**, **трепарь** и т. п.) воспринималась как суффикс **-арь** (чем, собственно, и объясняется мягкость основы латинизма **цѣсарь** и более позднего грецизма **кесарь**). В результате сложилась ситуация, при которой в церковнославянском языке в твердой разновидности возникли формальные и семантические ограничения на употребление флексии *-еви* (односложность и принадлежность к сакральной сфере), а в мягкой разновидности ни формальных, ни семантических ограничений не было. Этим может объясняться распространенность окончания *-ови/-еви* в книжных текстах именно в мягкой разновидности. В то же время в текстах, менее подверженных церковнославянскому влиянию, в твердой разновидности действовали только формальные (односложность), но не семантические ограничения, поэтому преобладание рассматриваемой флексии в мягкой разновидности в некоторых грамотах и летописях не так заметно или отсутствует вовсе.

Летописи имеют свои особенности в употреблении окончания *-ови/-еви* по сравнению с церковнославянскими памятниками. Для церковнославянских памятников характерно его употребление в *nomina sacra* и заимствованиях; летописи продолжают эту традицию, но параллельно формируют свою собственную, распространяя окончание *-ови/-еви* на термины родства: **зѣть**, **сватѣ**, **строи**, **тъсть**, **оуи**. В целом в летописях круг лексем, принимающих указанное окончание, расширяется за счет некнижных слов разной семантики. Кроме того, в древнерусских летописях слова, имеющие основу на гласный + [j], регулярно употребляются с окончанием *-еви* в Д. ед. Лексемы с таким исходом основы принимают окончание *-еви* и в церковнославянских текстах (**краи**, **покон**, **рани**), но в летописях их число возрастает: **бон**, **воробни**, **знои**, **строи**, **оуи** зафиксированы здесь почти исключительно с окончанием *-еви*. Наконец, в летописях окончание *-еви* принимают не только слова с основой на *jo*-, но и существительные мужского рода исконного *i*-склонения. Можно заметить, что формы на *-еви* не воспринимались как книжные, об этом свидетельствует, в частности, их образование от полногласных основ: **воробьеви**, **королеви**, **сторожеви**.

В летописях отражаются и диалектные различия: в Новгородской I летописи окончание *-ови* у апеллятивов вообще отсутствует, а *-еви* представлено гораздо слабее, чем в других летописях. Наиболее велика доля окончания *-ови/-еви* в Волынской летописи, где в твердой разновидности его принимают даже двусложные основы.

Таким образом, употребление флексии *-ови* в твердой разновидности исключительно или преимущественно у слов, связанных с сакральной сферой, представляет собой книжную черту, хотя само по себе использование флексии *-ови/-еви* в о-склонении не является книжной особенностью и в летописях, менее строго ориентированных на книжный узус, распространяется на профанную лексику даже в твердой разновидности.

Среди слов о-склонения, употребляющихся с окончанием *-ови/-еви*, подавляющее большинство составляют принадлежащие акцентным парадигмам *b* и *c*, т. е. слова с подвижным ударением, поскольку именно такие акцентные характеристики имели существительные *й*-склонения (**мѣдѣ, сынѣ, волѣ, вѣрхѣ, полѣ**). Существительные акцентной парадигмы *a* (с неподвижным ударением на основе) принимают это окончание только в особых случаях: 1) если их основа имеет исход на гласный + [j] (**краи, покон, строи, оѹи**) или содержит суффикс **-тель** (**моучитель, оучитель**), 2) если они входят в тематический круг *nomina sacra* (**адѣ, ангелѣ, господѣ**) или — в летописях — терминов родства (**затѣ, сватѣ, строи, оѹи**). Есть слова (**строи, оѹи**), которые подпадают под действие двух факторов одновременно.

Некоторые аспекты функционирования окончания *-ови/-еви* в Д. ед. проясняются благодаря сравнению с окончанием И. мн. *-ове/-еве*, также заимствованным из *й*-склонения. Помимо общего элемента *-ов-*, бросается в глаза семантическое сходство: окончание *-ови/-еви* употребляется в первую очередь у личных имен собственных мужского рода, окончание *-ове/-еве* в древнерусской письменности характерно прежде всего для этнонимов (**татарове, чехове, ляхове** и т. д.¹⁴ [Иорданиди 1981: 171; Иорданиди, Крысько 2000: 82]). Имя указывает на индивидуума, этноним — на уникальную группу людей; имя и этноним являются средством идентификации лиц или их групп¹⁵. Возможно, это в определенном отношении связывает их с категорией лица. Поскольку флексии *й*-склонения специфичны для мужского рода, именно они получают широкое распространение в личных именах и этнонимах.

Между функционированием окончания Д. ед. *-ови/-еви* и окончания И. мн. *-ове/-еве* в южнославянских памятниках есть различия. Если первое в той или иной мере фиксируется в большинстве старославянских памятников, то второе отмечено только в Синайском требнике (**попове** [Diels 1932: 156]), Синайской псалтыри (**змиеве** 1067, новонайденная часть) и Супрасльской рукописи, где это окончание принимает целый ряд слов: **даоѣ, доуѣ, поѣ, садѣ, сждѣ, оудѣ, змии, знои** [Scholvin 1877: 492—496].

¹⁴ Часто приводимое в этом ряду **жидове** является этимологически правильной формой, поскольку слово исконно принадлежало *й*-склонению, а единственное число образовывалось с помощью сингулятивного суффикса **-инѣ** [Вайан 1952: 112].

¹⁵ «(D)ie Völkernamen bezeichnen in ihrem eigentlichen Gebrauch keine Klassen, sondern individuelle Kollektive» [Berger 1969: 76]. Ср. принятый в немецкой традиции термин *Personengruppenname* ‘этноним’.

Эти слова не объединяются ни в какую семантическую группу, но имеют общий формальный признак: односложную основу. Одушевленные существительные здесь единичны. Преобладают существительные твердой разновидности *о*-склонения; из слов мягкой разновидности представлены только имеющие основу с исходом на гласный + [j]. Очень похожий набор слов с окончанием *-ове* в И. мн. фиксируется в Изборнике 1076 г.: даръ (1:0), садъ (2:0), соудъ (1:0), оудъ (1:0), чаръ (1:0), цвѣтъ (1:0). Здесь все существительные односложны, принадлежат твердой разновидности, и среди них нет ни одного одушевленного. В Путятиной минее XI в. засвидетельствованы только грознаове (1:0) и стлѣпове (1:0), принадлежащие твердой разновидности; как и в Изборнике 1076 г., одушевленных существительных здесь нет, и окончание *-ове* является для всех перечисленных слов единственным в И. мн. В Прологе рассматриваемую флексию имеет только существительное львь (4:0). В Ильиной книге И. мн. на *-ове/-еве* образуют бѣсъ и чинъ [Крысько 1999: 14], в «Хронике» Синкелла — бѣсъ, видъ, дрьгъ ‘друг’, садъ, свѣтъ, огнь, цѣсарь, в Успенском сборнике — бѣсъ, врѣдъ, даръ, потъ, споудъ, соудъ ‘судьба’, шаръ ‘цвет’, врачь.

В памятниках восточнославянского происхождения картина иная — прежде всего за счет большого числа существительных мягкой разновидности. В древнерусских церковнославянских памятниках существительных мягкой разновидности, принимающих рассматриваемое окончание, обычно столько же, сколько существительных твердой разновидности, или даже больше. В Студийском уставе оно фиксируется у слов попъ (11:0) и алѣлоу-гнаръ (1:0), в цикле из шести «Чудес св. Николы» — только у слова врачь (1:0), в «Повести об Акире Премудром» — только у слова оръ ‘конь’ (2:0).

В «Александрии» число существительных твердой разновидности равно числу существительных мягкой разновидности: вѣлхвъ (2:0), львь (1:0), слонъ (2:0), вождь (1:0), змни (1:0), стражь (одна фиксация стражеве при двух стражне), такое же соотношение в «Истории Иудейской войны»: орѣхъ (1:0), пѣлакъ (1:11), слонъ (1:0), вожь (1:0), стѣнь (1:0), оучитель (1:0), цѣсарь (7:1).

В «Житии Андрея Юродивого» преобладают существительные мягкой разновидности: вранъ (2:0), громъ (1:0), змни (2:0), стѣбль ‘дикий кот’ (1:0), цѣсарь (4:0), здесь же единственная форма И. мн. от существительного скорпи имеет вид скорпиови. Такая же ситуация в «Пчеле»: гворъ (2:0), львь (1:0), сватъ (1:0)¹⁶, властель (1:0), врачь (4:0), змни (1:0), мытарь (1:0), цѣсарь (2:0).

Для древнерусских летописей в целом характерен численный перевес существительных твердой разновидности над существительными мягкой разновидности. Однако в разных памятниках наблюдаются разные соот-

¹⁶ Здесь же зафиксирована форма И. мн. рыболове. В Поздней редакции «Пчелы» И. мн. оуди один раз заменено на оудове (в двух других случаях оставлено без изменений).

ношения. В Повести временных лет по Ипатьевскому списку соотношение равное, что сближает её с церковнославянскими памятниками: боръ (2:0), бѣсъ (1:16), громъ (1:0), попъ (6:0), оудъ (1:0), хроу҃стъ (1:0), воробин (2:0), манастырь (1:2), прыщъ (1:0), развон (1:0), сторожь (1:0); здесь же отмечена форма И. мн. г҃л҃убєви (так!) от существительного г҃лоубь, исконно принадлежавшего к *i*-склонению (других форм И. мн. в памятнике нет).

Равное отношение наблюдается и в Киевской летописи: боръ (1:0), даръ (3:0), дворъ (1:0), ледъ (1:0), попъ (7:0), монастырь (1:0), прятель (одна форма прятелеве при двух прятеле и двух прятелн), псарь (1:0), сторожь (7:1, форма сторожи — самый ранний пример; здесь, кроме того, один раз отмечена форма И. мн. сторожеви), о҃н (1:0).

В Суздальской летописи преобладают существительные твердой разновидности: боръ (2:0), громъ (1:0), даръ (3:2), дымъ (1:0), попъ (7:2), стѣпъ (1:1), дѣждь (2:0), сторожь (8:0), стрын (1:0). В Волынской летописи мягкая разновидность представлена только одной формой: боръ (2:0), попъ (2:0), станъ (1:0), цѣсарь (1:0), в Новгородской I летописи также единственная форма мягкой разновидности выглядит еще более изолированной: дворъ (1:0), попъ (5:0), посъль (2:7), пѣакъ (1:1), дѣждь (1:0). В новгородских берестяных грамотах флексия *-ове/-еве* в И. мн. не зафиксирована.

Лишь в Галицкой летописи отмечены исключительно формы существительных мягкой разновидности — правда, крайне малочисленные: вожеве (1:0) и сторожеве (1:0).

Итак, в отличие от окончания Д. ед. *-ови/-еви*, окончание И. мн. *-ове/-еве* в целом не обнаруживает тяготения к мягкой разновидности *о*-склонения, однако в незначительной степени оно заметно в церковнославянских древнерусских текстах, т. е. именно там, где наблюдалось самое большое преобладание окончания *-еви* над окончанием *-ови*. Летописи, как и памятники южнославянского происхождения (Путятин минея, Изборник 1076 г., «Хроника» Синкелла, Успенский сборник), демонстрируют ожидаемое преобладание форм на *-ове* у существительных твердой разновидности, воспроизводящих модель *й*-склонения, к которому в исторический период принадлежали слова исключительно с твердой основой. Как и в случае Д. ед. на *-ови/-еви*, флексию И. мн. *-ове/-еве* в твердой разновидности заимствуют, за редчайшими исключениями, слова с односложной основой, поскольку именно такие слова принадлежали к *й*-склонению. В мягкой разновидности *о*-склонения окончание *-еве* принимают слова с основой из любого количества слогов, потому что в *й*-склонении либо не существовало мягкой модели, либо в ней (если допустить принадлежность к *й*-склонению в доисторическую эпоху слова мжъ и существительных на -тель и -арь) были представлены разносложные основы.

В отличие от существительных, принимающих флексию *-ови/-еви* в Д. ед., слова, имеющие окончание *-ове/-еве* в И. мн., не образуют тематических групп и в большинстве случаев используют флексию *-ове/-еве* в ка-

честве единственно возможной. В твердой разновидности *о*-склонения её употребление регулируется формальными параметрами: односложностью основы и подвижным ударением. В мягкой разновидности *о*-склонения благоприятствующими факторами являются исход основы на гласный + [j] и наличие суффиксов *-тель* и *-рь*.

Функционирование флексии *-ове/-еве* в И. мн. в древнерусском *о*-склонении представляется более простым и предсказуемым, нежели поведение флексии *-ови/-еви* в Д. ед.: оно хорошо объясняется влиянием *й*-склонения на слова *о*-склонения, сходные по формальным признакам с существительными *й*-склонения. Тем рельефнее выступают на этом фоне особенности функционирования флексии Д. ед. *-ови/-еви*: отличия между церковнославянскими текстами и летописями, значимость семантического фактора и книжной традиции. Разница в усвоении окончаний *й*-склонения в И. мн. и Д. ед. связана с почти полным отсутствием окончания И. мн. *-ове/-еве* в Евангелии и Псалтыри, в отличие от окончания Д. ед. *-ови/-еви*, которое укоренилось в церковнославянской книжности прежде всего под влиянием канонических текстов.

Можно предположить, что между преобладанием форм Д. ед. на *-еви* и значительным распространением форм И. мн. на *-еве* у существительных именно мягкой разновидности *о*-склонения в древнерусских книжных текстах существует связь. Возможно, для восточнославянской письменности более характерна восприимчивость к этим окончаниям *й*-склонения в мягкой разновидности, чем для южнославянской. Впрочем, этот феномен нуждается в дальнейшем изучении с привлечением более обширного материала.

Литература и источники

Будилович 1875 — А. Будилович. XIII Слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской публичной библиотеки XI века. Критико-палеографический труд А. Будиловича. Спб., 1875.

Вайан 1952 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Гиппиус 1996 — А. А. Гиппиус. «Русская Правда» и «Вопрошание Кирика» в Новгородской Кормчей 1282 г. (К характеристике языковой ситуации древнего Новгорода) // Славяноведение. 1996. № 1. С. 48—61.

Грамматика 1995 — Древнерусская грамматика XII—XIII вв. М., 1995.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. М., 2004.

Зализняк 2011 — А. А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. II. Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь (XIV—XVII вв.). М., 2011.

Ильинский 1912 — Г. А. Ильинский. Слепченский апостол XI в. М., 1912.

Иорданиди 1981 — С. И. Иорданиди. К истории функционирования флексии именительного множественного *-ов'е* в восточнославянских языках // Общеславянский лингвистический атлас. 1979. М., 1981. С. 167—183.

Иорданиди, Крысько 2000 — С. И. И о р д а н и д и, В. Б. К р ы с ь к о. Множественное число именного склонения (Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В. Б. Крысько. Т. I). М., 2000.

Иткин, Коган 2006 — И. Б. И т к и н, Ю. К. К о г а н. Окончание дательного падежа -ови в древненовгородском диалекте // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2(12). С. 204—212.

Князевская, Демьянов, Ляпон 1971 — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

Крысько 1994 — В. Б. К р ы с ь к о. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Крысько 1999 — Е. М. В е р е щ а г и н, В. Б. К р ы с ь к о. Наблюдения над языком и текстом архаичного источника — Ильиной книги // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 3—26.

Крысько 2011 — В. Б. К р ы с ь к о. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам: Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь—февраль. Т. II. Указатели. Исследования / Изд. подгот. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. М., 2011.

Кузнецов 1959 — П. С. К у з н е ц о в. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Мейе 1951 — А. М е й е. Общеславянский язык. М., 1951.

Панић 1991 — М. П а н и ћ. Прасловенске *й*-основе у старословенској именичкој дефлексији // Јужнословенски филолог XLVII. 1991. С. 177—199.

Селищев 1952 — А. М. С е л и щ е в. Старославянский язык. Ч. 2. М., 1952.

Сумникова, Лопатин 1963 — Смоленские грамоты XIII—XIV веков / Подгот. к печ. Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.

Тотоманова 2008 — А.-М. Т о т о м а н о в а. Славянската версия на Хрониката на Георги Синкел (Университетска библиотека. № 474). София, 2008.

Црвенковска, Макаријоска 2010 — Е. Ц р в е н к о в с к а, Л. М а к а р и ј о с к а. Орбелски триод. Скопје, 2010.

Чешко 1970 — Е. В. Ч е ш к о. История болгарского склонения. М., 1970.

Шульга 1978 — М. В. Ш у л ь г а. Парадигма типа *медь* в древнерусской письменности // Исследования по исторической морфологии русского языка. М., 1978. С. 3—40.

Шульга 2003 — М. В. Ш у л ь г а. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М., 2003.

Юрьева 2013 — И. С. Ю р ь е в а. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. (2012—2013). М., 2013. С. 135—151.

Berger 1969 — D. B e r g e r. Sind Völkernamen und andere pluralische Personennamen Appellativa? // 10. Internationaler Kongress für Namenforschung. Abhandlungen. T. I. Wien, 1969. S. 73-81.

Diels 1932 — P. D i e l s. Altkirchenslavische Grammatik. T. I. Heidelberg, 1932.

Igartua 2005 — I. I g a r t u a. Origen y evolución de la flexión nominal eslava. Bilbao, 2005 (= Filología y lingüística 11).

Mareš 1997 — Psalterii Sinaitici pars nova (monasterii s. Catharinae codex. slav. 2/N) / Ad ed. praep. P. Fetková, Z. Hauptová, V. Konzal, L. Pacnerová, J. Švábová. Sub red. Fr. V. Mareš. Wien, 1997.

Scholvin 1877 — R. Scholvin. Beiträge zur Declination in den pannonisch-slovenischen Denkmälern des Altkirchenslavischen // Archiv für slavische Philologie 2. 1877. S. 482-569.

Vaillant 1958 — A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. T. II. P. 1. Paris, 1958.

References

Berger 1969 — D. Berger. Sind Völkernamen und andere pluralische Personennamen Appellativa? // 10. Internationaler Kongress für Namenforschung. Abhandlungen. T. I. Wien, 1969. S. 73—81.

Budilovich 1875 — A. Budilovich. XIII Slov Grigoriya Bogoslova v drevneslavjanskome perevode po rukopisi Imperatorskoy publichnoy biblioteki XI veka. Kritiko-paleograficheskiy trud A. Budilovicha. St.-Peterburg, 1875.

Cheshko 1970 — Ye. V. Cheshko. Istoriya bolgarskogo skloneniya. Moskva, 1970.

Crvenkovska, Makarijoska 2010 — Ye. Crvenkovska, L. Makarijoska. Orbelski triod. Skopje, 2010.

Diels 1932 — P. Diels. Altkirchenslavische Grammatik. T. I. Heidelberg, 1932.

Gippius 1996 — A. A. Gippius. «Russkaya Pravda» i «Voproshaniye Kirika» v Novgorodskoy Kormchey 1282 g. (K kharakteristike yazykovoy situacii drevnego Novgoroda) // Slavyanovedeniye. 1996. № 1. S. 48—61.

Grammatika 1995 — Drevnerusskaya grammatika XII—XIII vv. Moskva, 1995.

Igartua 2005 — I. Igartua. Origen y evolución de la flexión nominal eslava. Bilbao, 2005 (= Filología y lingüística 11).

Ilinskiy 1912 — G. A. Ilinskiy. Slepchenskiy apostol XI v. Moskva, 1912.

Iordanidi 1981 — S. I. Iordanidi. K istorii funkcionirovaniya fleksii imenitel'nogo mnozhestvennogo *-ov'e* v vostochnoslavjanskikh yazykakh // Obshch斯拉vianskiy lingvisticheskiy atlas. 1979. Moskva, 1981. S. 167—183.

Iordanidi, Krysko 2000 — S. I. Iordanidi, V. B. Krysko. Mnozhestvennoye chislo imennogo skloneniya (Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka / Pod red. V. B. Krysko. T. I). Moskva, 2000.

Itkin, Kogan 2006 — I. B. Itkin, Yu. K. Kogan. Okonchaniye datelnogo padezha *-ovi* v drevnenovgorodskom dialekte // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2006. № 2 (12). S. 204—212.

Knyazevskaya, Demyanov, Lyapon 1971 — Uspenskiy sbornik XII—XIII vv. / Izd. podgot. O. A. Knyazevskaya, V. G. Demyanov, M. V. Lyapon. Moskva, 1971.

Krysko 1994 — V. B. Krysko. Razvitiye kategorii odushevlenosti v istorii russkogo yazyka. Moskva, 1994.

Krysko 1999 — Ye. M. Vereshchagin, V. B. Krysko. Nablyudeniya nad yazykom i tekstem arkhainogo istochnika — Ilinoy knigi // Voprosy yazykoznaniiya. 1999. № 2. S. 3—26.

Krysko 2011 — V. B. Krysko. Morfologicheskiye osobennosti zhitiynoy chasti Sofijskogo prologa // Slavyano-russkiy Prolog po drevneyshim spiskam: Sinaksar (zhitiynaya chast Prologa kratkoy redakcii) za sentyabr—fevral. T. II. Ukazateli. Issledovaniya / Izd. podgot. V. B. Krysko, L. V. Prokopenko, V. Zhelyazkova, I. M. Ladyzhenskiy, A. M. Pentkovskiy. Moskva, 2011.

Kuznecov 1959 — P. S. Kuznecov. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka. Moskva, 1959.

Mareš 1997 — Psalterii Sinaitici pars nova (monasterii s. Catharinae codex. slav. 2/N) / Ad ed. praep. P. Fetková, Z. Hauptová, V. Konzal, L. Pacnerová, J. Švábová. Sub red. Fr. V. Mareš. Wien, 1997.

Melliet 1951 — A. Melliet. Obshchieslavjanskiy yazyk. Moskva, 1951.

Panih 1991 — M. Panih. Praslovenske *ŭ*-osnove u staroslovenskoj imenichkoj deklinaciji // Juzhnoslovenski filolog XLVII. 1991. S. 177—199.

Rusek 1964 — Je. Rusek. Deklinacija i užycie przypadków w triodzie Chłodowa: studium nad rozwojem analityzmu w języku bułgarskim. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964.

Scholvin 1877 — R. Scholvin. Beiträge zur Declination in den panonisch-slovenischen Denkmälern des Altkirchenslavischen // Archiv für slavische Philologie 2. 1877. S. 482—569.

Selishchev 1952 — A. M. Selishchev. Staroslavjanskiy yazyk. Ch. 2. Moskva, 1952.

Shulga 1978 — M. V. Shulga. Paradigma tipa *med* v drevnerusskoy pismennosti // Issledovaniya po istoricheskoy morfologii russkogo yazyka. Moskva, 1978. S. 3—40.

Shulga 2003 — M. V. Shulga. Razvitiye morfologicheskoy sistemy imeni v russkom yazyke. Moskva, 2003.

Sumnikova, Lopatin 1963 — Smolenskiye gramoty XIII—XIV vekov / Podgot. k pech. T. A. Sumnikova i V. V. Lopatin. Pod red. R. I. Avanesova. Moskva, 1963.

Totomanova 2008 — A.-M. Totomanova. Slavyanskata versiya na Khronikata na Georgi Sinkel. (Universitetska biblioteka. № 474). Sofiya, 2008.

Vaillant 1958 — A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. T. II. P. 1. Paris, 1958.

Vaillant 1952 — A. Vaillant. Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku. Moskva, 1952.

Yuryeva 2013 — I. S. Yuryeva. Nekotoryye osobennosti sintaksisa, morfologii i leksiki tak nazyvayemoy Galicko-Volynskoy letopisi // Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka. (2012—2013). Moskva, 2013. S. 135—151.

Zaliznyak 2004 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. 2-e izd., pererab. Moskva, 2004.

Zaliznyak 2011 — A. A. Zaliznyak. Trudy po akcentologii. T. II. Drevnerusskiy i starovelikorusskiy akcentologicheskii slovar (XIV—XVII vv.). Moskva, 2011.

Резюме

В статье рассматривается распространение флексии Д. ед. *-ови/-еви*, заимствованной из *ŭ*-склонения, в древнерусском о-склонении. Показано, что в мягкой разновидности о-склонения экспансия окончания *-ови/-еви* у апеллятивов в древнерусский период протекала гораздо интенсивнее, чем в твердой разновидности. В церковнославянском языке в твердой разновидности возникли формальные и семантические ограничения на употребление флексии *-ови* (односложность и принадлежность к сакральной сфере), а в мягкой разновидности ни формальных, ни семантических ограничений не было. В текстах, менее подверженных церковнославянскому влиянию, в твердой разновидности действовали только формальные (односложность), но не семантические ограничения, поэтому преобладание рассматриваемой флексии в мягкой разновидности в некоторых летописях и грамотах не так заметно или отсутствует вовсе.

Ключевые слова: древнерусское склонение, Д. ед. *-ови/-еви*, о-склонение, мягкая разновидность, твердая разновидность

Статья получена 29.03.2014

ANNA A. PICHKHADZE

THE D.SG. -OVI/-EVI DESINENCE IN THE OLD RUSSIAN O-DECLENSION TYPE

The article investigates the spread of the Old Russian Dsg desinence *-ovi/-evi*, borrowed from the *ŷ*-declension, into the *o*-declension. It is shown that expansion of the desinence *-ovi/-evi* in appellatives was much more intensive in the soft inflexion pattern than in the hard one. In Old Church Slavonic in the hard inflexion pattern use of the ending *-ovi* was restricted formally (to monosyllable stems) and semantically (to words with meanings pertaining to religious sphere), whereas in the soft inflexion pattern neither formal nor semantic restrictions obtained. In texts less influenced by Church Slavonic norms formal constraints only (the word should have a monosyllable stem) but not semantic ones were operative; therefore in chronicles, formal documents and private letters the predominance of the desinence in question in the soft inflexion pattern is not so salient, and may be absent altogether.

Keywords: Old Russian inflection, Dsg *-ovi/-evi* ending, o-inflectional type, soft inflectional pattern, hard inflectional pattern

Received on 29.03.2014

А. В. САХАРОВА

**ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ
В ДРЕВНЕРУССКОМ ПЕРЕВОДЕ ЖИТИЯ АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО
И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В ГРЕЧЕСКОМ ОРИГИНАЛЕ**

Известно, что славянская книжность возникла как переводная и самой греческого языка не мог не оказывать воздействия на церковнославянский. Между славянским и греческим существовало генетическое родство и типологическое сходство, в частности формально симметричной классической греческой была старославянская и ранняя древнерусская система основных книжных претеритов (аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект). Параметры употребления претеритов в древнерусских текстах разных жанров много раз были предметом изучения, но не ясно, как конкретно дистрибуция этих глагольных форм в славянских переводах отличалась от ситуации в греческих оригиналах. Тем более что обе глагольные системы эволюционировали, значительно отклонившись в живом языке от древнего состояния, поэтому понятно, что соответствия не были взаимно-однозначными.

Удобным памятником для такого исследования является Житие Андрея Юродивого (ЖАЮ) в славянском переводе начала XII в. Имеется достаточно оснований судить о его русском происхождении, а дошедшие до нас списки XIV в. в плане синтаксиса не должны сильно отличаться от протографа [Молдован 2000]; см. также [Пичхадзе 2011].

ЖАЮ, как известно, принадлежит к тому корпусу византийской литературы (преимущественно житийной), язык которой (так называемое «византийское койне») не соответствовал классическим стандартам, но отчасти приближался к живому языку средневековой эпохи. Важно для данного исследования отметить, что глагольная система такого «византийского койне» значительно отличалась от древнегреческой. Древнегреческие плюсквамперфект и перфект уже в языке эпохи римского владычества употреблялись очень нерегулярно (именно такова ситуация в тексте Нового Завета), а в византийскую эпоху исчезли из разговорного языка. Поэтому недостаточно образованные византийские книжники могли употреблять их неправильно. Вместо них грамматикализировались новые аналитические формы, в частности выражения с глаголом εἶμι (в форме соответственно презенса или имперфекта) и активным перфектным или аористным при-

частью [Browning 1969: 37 и далее]. Именно так обстоит дело и в ЖАЮ, где присутствуют эти аналитические формы глагола, а перфект и плюсквамперфект используются непоследовательно: перфекты — в контексте аориста и даже презенса, плюсквамперфекты — в контексте аориста или перфекта [Rydén 1995].

При наличии синтаксических баз данных с текстами можно проверить, как соответствовали друг другу греческие и русские претериты¹. В данном исследовании для каждого из русских глагольных времен подсчитывается, каким греческим глагольным формам оригинала они соответствуют (но не обратное — поэтому нельзя все же сказать точно, в каком соотношении русские формы используются для перевода конкретной греческой).

Известно, что в летописи параметры употребления форм глаголов отличались в прямой речи действующих лиц и в речи автора [Зализняк 2008: 55], поэтому статистика соответствий приводится отдельно для прямой речи и речи автора (хотя, как можно будет видеть, в большинстве случаев различий нет). В ЖАЮ есть разные по свойствам фрагменты прямой речи персонажей: как диалоги, так и довольно большие фрагменты нарратива от первого лица, по своим свойствам не отличающиеся от нарратива авторского. К сожалению, четко разделить эти два типа прямой речи невозможно.

Следует пояснить, как именно подсчитываются здесь такие соответствия: формы с пассивным причастием считаем полными аналогами активных (3635 ... **тѣ бѣаше привязанъ сотона** — просто имперфект, а 965 ... **словомъ взаты выхомъ** — просто аорист). Случаи, когда одной русской глагольной лексеме по смыслу соответствует греческий глагол с дополнением, или наоборот, тоже приравниваем к однословным соответствиям (τοὺς πεπαιωμένους μου ὀδόντας τῷ γρόθῳ ἐκρίζώσας κατέκλασε. — 1172 **вещьхъ моя зъбы пастню мю естъ извилъ**).

Из общей статистики для каждого претерита вычитаем конструкции с претеритом глагола **начати** и инфинитивом (они рассматриваются как особая аналитическая форма глагола), а также претериты 2 лица единственного числа (они рассматриваются отдельно, поскольку в этом контексте хотя и не обязательным, но явно предпочтительным было употребление одной глагольной формы — перфекта [Успенский 2002: 230]).

Некоторые глагольные формы омонимичны, например, русский имперфект — аористу (736 ... **приде ми оумъ. да кроцася великою зимою и трепетомъ плакхса**); была сделана попытка различить их по контексту. Греческий по форме перфект οἶδα трактуем как презенс, а его плюсквамперфект — как имперфект.

Результаты подсчетов соответствий для каждой русской глагольной формы приводятся в таблицах. В каждой таблице в особую категорию «Другие соответствия или отсутствие соответствий» выделены примеры,

¹ Используется база данных ИРЯ РАН с текстом, греческий текст цитируется по Мюнхенскому списку.

для которых в большинстве случаев в греческом оригинале нет никакого соответствия:

2327 ... да кпифанъ сѣдѣ на лавицѣ. а сѣи. тако кдинъ ѿ нищихъ. **сѣде на земли** — Ὁ μὲν οὖν Ἐπιφάνιος ἐν ἐνὶ τῶν σκάμων ἐκάθισεν, ὁ δὲ μακάριος, ὡς εἰς τῶν πενήτων, ἐπὶ τοῦ ἐδάφους;

1536 ... се славномѣ оцю рекшо. слышавъ онъ. оужасеса. и **зардѣса** лице кго. и **бы(ѣ)**. тако **огнь** — Ταῦτα τοῦ ἀοιδίου πατρὸς εἰρηκότος, ἔφριξεν ἐκεῖνος ἀκούων, ὡς πῦρ γεγονὸς τὸ πρόσωπον αὐτοῦ.

К этой же категории относим более редкие примеры, где конструкция сильно переделана переводчиком и для русского глагола нельзя найти глагольное соответствие в оригинале:

2086 ... **такоже гатъ бы неч(ѣ)тымъ дхмъ и авик разумѣ. поманувъ. кже бѣ кго оударилъ сѣць за скоронью. и такоже кмѣ проре(ѣ)**. тако кмѣ и **бы(ѣ)** — Ὡς οὖν συνελήφθη τῷ πονηρῷ πνεύματι, συνήκεν εὐθέως τῇ ἐπαναμνήσει τοῦ κόσσου τῆς ἀπὸ τοῦ δικαίου καὶ ὡς αὐτῷ προειρήκει, ἐγένετο.

В общем случае нет смысла классифицировать русские глаголы по виду (если только нет четкой закономерности, связанной с видом). Ведь у непроизводных глаголов типа **ити** или **видѣти** формы аориста (а также перфекта и плюсквамперфекта) в нарративе обозначали, как известно, законченную, имевшую результат, а не длительную ситуацию (194 ... и **азъ г(ѣ)же вѣдѣлъ ксмъ нъ играа к тебе молвнѣ ксмъ тако** — не всегда возможно однозначно отделить такие претериты от обозначающих действительно длительные ситуации). Что касается имперфекта, то для парных глаголов неясно, от какой основы — совершенного или несовершенного вида — он образован. Только про конструкции с **начати** можно определенно сказать, что они образуются только с инфинитивом несовершенного вида.

Аорист

Наиболее частотной глагольной формой в исследуемом нарративном тексте, как и в других нарративных древнерусских текстах, является, конечно, аорист — простое прошедшее (табл. 1).

Таблица 1

Аорист и его соответствия в греческом оригинале

Греческие конструкции	Аорист в авт. речи 1238 (100 %)	Аорист в прям. речи 386 (100 %)
Аорист	633 (51 %)	208 (54 %)
Прич. аор и перф.	58 (5 %)	14 (4 %)
Инф. аор.	6 (1 %)	4 (1 %)
Перфект	55 (4 %)	27 (7 %)
Плюсквамперф.	5 (> 1 %)	1 (> 1 %)
Имперфект	194 (16 %)	23 (6 %)

Прич. през.	10 (1 %)	6 (2 %)
Инф. през.	6 (> 1 %)	1 (> 1 %)
Презенс	251 (21 %)	56 (15 %)
Др. констр. или нет соотв.	20 (2 %)	46 (12 %)

Как можно видеть, для него процент соответствий греческому аористу оказывается не очень высоким. Ср.:

1855 ... οὔτοι же σα нѣкомѹ οὔτροκῷ прѣже κῆρῷ повелѣнькѣ γ(ε)να свогю поити по οὐλιци — Ἔτυχε δέ τινα παῖδα πρὸ τοῦ τὸν ἀλεκτρυόνα φωνῆσαι δι' ἐπιταγῆς τοῦ κυρίου αὐτοῦ ἐν τῇ λεοφόρῳ ἐπ' ἀποκρίσει διέρχεσθαι,

2616 По нѣколико же дни прѣстави са дщи нѣкого вола рина — Μεθ' ἡμέρας οὖν τις ἐτελεύτησεν θυγάτηρ πριγκηρίου τινος.

Небольшая часть русских аористов соответствует греческим нефинитным формам, аористным причастиям и инфинитивам:

71 ... единѣ нѣкто οὔνοша. велии красенѣ. слѣзе ω горни(χ). в руцѣ держа γ · вѣнца — Ἴς τις νεανίας πάνυ ὠραῖος καταβάς ἐκ τῶν ἄνωθεν, ἐν τῇ χειρὶ κατέχει τρεῖς στεφάνους,

624 также οὔнѣи почеловаѣше ω нидоша на свои пѣть. слѣчи же са и ка пилиникѹ οὔρδѣа дѣла нѣкого изити ис капилиа — ἐν τῷ οὖν τοὺς νέους ἀσπάσασθαι ἀπελθεῖν τὴν ὁδὸν αὐτῶν, ἔτυχε δὲ καὶ τὸν φουσκάριον χρείας τινὸς ἕνεκα ἐξελθεῖν τοῦ ἐργαστηρίου.

Если такие конструкции приплюсовать к аористным (а они довольно близки по видовой характеристике, переводчик только меняет нефинитную форму на финитную), то на них в сумме придется около 58 % соответствий.

Из прочих соответствий наиболее частотным является греческий презенс. В подавляющем большинстве случаев это настоящее историческое. В греческом нарративе ЖАЮ некоторые ситуации обозначаются презенсом: чаще всего это вводящие прямую речь глаголы λέγω, φημί, также некоторые другие (βλέπω, ὀράω, ἔρχομαι, συναντάω и т. п.). Ср.:

97 ... се слышавѣ андрѣи. о словесѣ семь дерьзновеник вза и ре(ч) кми «вѣрѹ ими ми пак с творю книко ми кси реклѣ» — Ταῦτα ἀκούσας Ἀνδρέας ἐπὶ τῷ λόγῳ θαρσήσας λέγει πρὸς αὐτὸν «Πίστευσον μοι, ποιῶ τὰ λεγόμενα ὑπὸ σοῦ»,

833 ... также начахѣ ходити. ширѣаса по пространѣ веселомѣ ср(д)цель. видихѣ и се. рѣка велика идеть посредѣ рага — Ὡς οὖν ἐπορευόμην ἐ[ν] πλατυσμῷ σκιρτῶσαν ἔχω μεγάλως τὴν καρδίαν, βλέπω καὶ ἰδοὺ ποταμὸς μέγας μέσον τοῦ παραδείσου διώδευεν,

1203 ... възвращающю же са емѣ. играше. гдѣмаса. οὔсрѣте добраго οὔтрока епифаниа — Ἐν τῷ οὖν ὑποστρέφειν αὐτὸν μετρίοις παιγνίοις χρώμενος συναντᾶ τῷ καλλίστῳ νεανίᾳ Ἐπιφανίῳ,

1490 ... о скопцѣ. Приде нѣкто οὔтроцице скопць сы. нѣкого велика мѣжа слѣга — Ἐπὶ τῆς προγνώσεως τοῦ εὐνούχου ἔρχεται τις νεανίας εὐνούχος τυγχάνων τῇ φύσει, μεγιστάνου τινὸς κουβουκούλARIOS.

В греческом тексте ЖАЮ для обозначения событий из нарративной последовательности употреблялись и презенс, и аорист, и перфект, и импер-

фект (см. далее об имперфекте)²; в древнерусских летописях исторический презенс был допустим, хотя и редок [Мишина 2001]. Однако переводчик ЖАЮ, как можно видеть, последовательно избегает исторического презенса, заменяя его на аорист, если обозначаемая им ситуация принадлежит нарративной последовательности.

Есть также небольшое количество примеров (причем только в прямой речи, в рассказе самого Андрея), где аористом переводится презенс не исторический, а скорее гномический, вневременной, вводящий цитаты, чаще всего — из Писания. Например:

4254 ... **сѣць ре(ч)**. «д҃г҃г҃ мою поставлю». **ре(ч) бѣ**. «на **сѣлацѣхъ**» — Ὁ ἅγιος εἶπε: «Τὸ τόξον μου τίθημι», **φησὶν** ὁ θεός, «ἐν ταῖς νεφέλαις»,

4337 ... **чл҃вци во о҃гомь вредни с҃ще**. да по **свокум҃ь вез҃г҃мью** написаша тако. **такоже се**. **рѣша**. **тако х(с)ъ** **врабнѣ** **дѣлаше** **каломь** **рѣдѣ** **жидѣми** — Ἄνθρωποι γὰρ φρενοβλαβεῖς ἐξ οἰκείας διανοίας ταῦτα γοῦν γεγράψαντο τὸ ὄσπερ καὶ: «Τὰ στρουθία, **φησιν**, ὁ Χριστὸς ἐναντίον τῶν Ἰουδαίων ἐκ πηλοῦ διαπλάττων»,

5570 ... **сѣць ре(ч)**. «**како нѣкто рѣ(ч)**. **тако сладка** **гортани** **моем҃ь** **слова** **твоя** **паче** **медѣ** **о҃стомѣ** **монимѣ**» — Ὁ μακάριος ἔφη: «Πὼς **φησι**, τίς; Ὡς γλυκέα τῷ **λάρυγγί** μου τὰ **λόγια** σου, ὑπὲρ μέλι τῷ **στόματί** μου».

И только в одном предложении переводчик фактически заменил аористом две формы презенса, изменив таким образом смысл примера:

5838 ... «**мене** **рѣльстилъ** **естѣ** **такоже** **сотона**. да **погывохъ**. **вы же како** **есте** **не** **раз҃мѣли**. **тако** **придоште** **къ** **гровѣ** **моем҃ь** **и** **ослепосте**. **и** **лишени** **высте** **свѣта**» — ἄδηλον καὶ γὰρ αὐτὸς ἐπλανήθην ὀπίσω τοῦ Σατανᾶ καὶ ἀπόλλομαι. Ὑμεῖς δὲ οὐκ ἤσθάνεσθε καθότι ἐν τῷ μνημεῖῳ μου παραγενόμενοι τῶν ὀμμάτων **τὴν τύφλωσιν ὑπομένετε** καὶ τοῦ φωτὸς ἐστερεῖσθαι πανάθλιοι.

Перфект

Как известно, русский перфект уже в начале письменной эпохи не был по сути глагольной формой с перфектным значением. Для некнижного языка, деловых текстов и берестяных грамот он был просто универсальным претеритом [Зализняк 2004: 173]. В книжном языке летописей в раннедревнерусскую эпоху перфект употреблялся нечасто и имел ряд особенностей. Чаще всего он обозначал ситуации, не входящие в нарративную

² Известно, что во многих языках употребление исторического презенса характерно для нарратива, в особенности — для устного. Отчасти похожее на ситуацию в ЖАЮ распределение претеритов: презенс для отдельных ключевых ситуаций, простое прошедшее — для большинства, имперфект — для фоновых длительных ситуаций характерно, например, для старофранцузского фольклора [Fleischmann 1990]. Избавляясь от исторического презенса, переводчик как бы делал нарратив более «гладким» и литературным.

последовательность; особенно характерно для него было употребление в определительных придаточных [Klenin 1993]³. Такого рода закономерности употребления перфекта не имели прямого отношения к эволюции глагольной формы в живом языке, а существовали исключительно в книжном, возникая в результате переосмысления авторами закономерностей употребления глагольной формы в образцовых текстах [Петрухин 2004а].

В ЖАЮ у перфекта, в отличие от других претеритов, параметры употребления в речи автора не такие, как в речи персонажей (табл. 2).

Таблица 2

Перфект и его соответствия в греческом оригинале

Греческие конструкции	Перфект в прям. речи в придат. 251 (100 %)	Перфект в прям. речи не в придат. 99 (100 %)	Перф в авт. речи в придат. 45 (100 %)	Перфект в авт. речи не в придат. 2 (100 %)
Аорист	139 (51 %)	67 (68 %)	17 (40 %)	2
Прич. аор. и перф.	15 (6 %)	2 (2 %)	3 (6 %)	—
Инф. аор.	8 (3 %)	—	2 (5 %)	—
Перфект	52 (19 %)	13 (13 %)	14 (30 %)	—
Плюсквамперф.	—	—	2 (4 %)	—
Имперфект	12 (45 %)	7 (7 %)	3 (8 %)	—
Прич. през.	3 (1 %)	2 (2 %)	1 (2 %)	—
Инф. през.	—	—	1	—
Презенс	7 (3 %)	2 (2 %)	—	—
Др. констр. или нет соотв.	15 (6 %)	6 (6 %)	2 (4 %)	—

Общее число перфектов в авторском нарративе меньше, чем в речи персонажей (47 против 348), тогда как для прочих глагольных форм все наоборот, так как большая часть текста ЖАЮ — авторский нарратив.

Рассмотрим сначала перфект в речи автора. Почти все такие перфекты — в придаточных предложениях или же в предложениях, вводимых частицей *βο* (которые тоже, с некоторой натяжкой, можно считать обстоятельственными придаточными). Исключениями из этого правила являются всего 2 формы из 47 перфектов авторской речи — то есть параметры употребления перфекта в нарративе оказываются приблизительно такими же, как и в летописях той же эпохи. В обоих этих примерах перфекту соответствует греческий аорист:

³ В некоторых летописях, например в Новгородской первой летописи [Петрухин 2004б], перфект мог переосмыслиться еще *уже*: как средство маркирования в ненарративных контекстах прагматических презумпций, отсылок к уже сообщенной информации. Однако в исследуемом тексте подобной закономерности не обнаруживается.

2195 ... οὐβωγῆю свою челады морѧ гладомъ и ранами. и наготовю. бес портъ и безъ обѣви оставлаа ихъ въ дни зимныа. многы жь обонмь οὐβивъ и подъ коньскын помостъ покопалъ — τοὺς ἐλεεινοὺς οἰκέτας ἄκρως κατέχων τῆ πείνῃ καὶ ταῖς μάστιξι καὶ τῆ γυμνότητι, ἀχίτωνας καὶ ἀνυποδήτους ἐπαφίων ταῖς τοῦ χειμῶνος ἡμέραις, ἱκανοὺς τε καὶ ροπάλοις ἀνεῖλε ποντίλοις τῶν ἀλόγων συνέχωσεν,

4811 ... се же. бра(ѣ)к. не оу κдиноа андрѣа бл̄жнаго слышалъ ксть. но и ѿ жены лишенаго того — Ταῦτα μὲν, ὃ ἀγαπητοῖ, οὐ μόνον ἀπὸ τοῦ μακαρίου ἐκείνου στόματος ἤκουσά, φημι, τοῦ δικαίου Ἀνδρέου, ἀλλὰ καὶ ἀπὸ τῆς γυνακὸς τοῦ ἀθλίου ἐκείνου.

Во всех прочих случаях в речи автора перфект употребляется, как уже говорилось, в придаточном предложении. При этом в большинстве случаев он соответствует греческому аористу, ср.:

2982 ... гл̄аху же вси о немь. тако к женѣ не гл̄алъ ксть николиже — Φασὶ γὰρ ἅπαντες δι' αὐτὸν, καθότι γυναικὶ οὐδαμῶς προσωμίησε πώποτε.

Как обычно, в некоторых случаях русский претерит соответствует нефинитным формам оригинала, причастиям и инфинитивам:

1537 ... срамивса велми. паче же и кпифана дѣла. тако и тъ тѣ сѧ при-
годилъ. с нимь стоа — Αἰσχυρθεὶς δὲ μεγάλως, μάλιστα διὰ τὸν Ἐπιφάνιον ἐκεῖσε παρεῖναι μετ' αὐτόν,

1967 ... проклатын же дѣмонъ. видивъ. тако сѣдрѣжилса ксть сѣць сѣ отрокомъ и егоже дѣла показалъ емѣ естъ прежере(ч)нага чюдеса сѣць. завистню сѧ ражьжегъ — Ὁ δὲ κατάρατος δαίμων ἰδὼν φιλιωθέντα τὸν δίκαιον παῖδα καὶ δι' ὃν δέδειχεν αὐτῷ τὰ προρρήθέντα θαυμάσια ὁ δίκαιος, φθόνῳ συσχεθεῖς.

Немного менее частотное соответствие русского перфекта — греческий перфект. Ср.:

666 ... видив же его азъ. оудивихса дх̄омъ. азъ во мнѣлъ есмь. тако оуже оумерлъ естъ — Ἰδὼν οὖν αὐτὸν ἐγὼ ἐξέστην τῷ πνεύματι. Εἴκαζον γὰρ ἐκ παντὸς τετελεύτηκεν,

1342 ... се же все. елико емѣ гл̄алъ праведникъ. въ скровнѣ мѣстѣ сѣда. въ оухо шепца гл̄алъ — Ταῦτα δὲ πάντα, ὅσα λελάληκεν αὐτῷ ὁ δίκαιος, ἐν ἀποκρύφῳ τόπῳ καθεζόμενος καὶ πρὸς τὸ οὐς ψιθυρίζων λελάληκεν.

Однако можно видеть, что, хотя процент соотношений «перфект — перфект» немалый (30 %), общее количество примеров совсем мало. Для греческого перфекта более частым эквивалентом оказывается русский аорист, что неудивительно, поскольку, как уже говорилось, в оригинале ЖАЮ перфект употреблялся нерегулярно и часто в аористных контекстах.

Интересно, что перфектом может изредка переводиться и греческий имперфект в придаточном, причем в древнерусском используется только форма несовершенного вида:

666 ... видив же его азъ. оудивихса дх̄омъ. азъ во мнѣлъ есмь. тако оуже оумерлъ естъ — Ἰδὼν οὖν αὐτὸν ἐγὼ ἐξέστην τῷ πνεύματι. Εἴκαζον γὰρ ἐκ παντὸς τετελεύτηκεν.

Теперь перейдем к перфектам из прямой речи персонажей — их, как уже говорилось, значительно больше и здесь характер соответствий несколько другой.

В речи персонажей еще более частотным греческим соответствием, чем в речи автора, оказывается аорист, причем и абсолютное количество и процент таких соответствий здесь больше, чем в речи автора (59 % против 38 %). В прямой речи перфект нередко может употребляться не в придаточном (или вводимом частицей **во**) предложении, а в главном — то есть как аналог аориста из речи автора. Ср.:

406 ... «ни нѣ такоже азъ мно занеже вихомъ кго везъ мл(ѣ)ти. того дѣла **въздад ны ксть бѣ**» — «Οὐχί, [13v] ἀλλ' ὡς εἰκάζω, ὅτι ὑπὲρ ὧν ἐτύπτομεν αὐτοῦ ἀνελεημόνως, διὰ τοῦτο ὁ Θεὸς ἡμῖν ἀνταπέδωκεν».

4127 ... **кпифанъ ре(ч)**. «**что ксть stworилъ бѣ третькк**» — Ἐπιφάνιος εἶπεν: «Τρίτη φορᾶ ὁ Θεὸς τί ἐποίησεν;»,

3269 ... **ре(ч) сѣын**. «**ни чадо. нѣ да видиши мѣсто. се во ксть. кже твои другъ мванъ стажалъ ксть совѣ**» — Λέγει ὁ μακάριος: «Οὐχί, τέκνον, ἀλλ' ἵνα ἴδῃς τὸν τόπον, οὗτος γὰρ ἐστίν, ὃν ὁ φίλος σου Ἰωάννης ἑαυτῷ ἐκτίησατο».

Кроме того, есть небольшое количество соответствий аористным и перфектным причастиям и инфинитивам греческого оригинала:

151 ... **паче же полүнощи. розмысли же в себе. тако дхъ кладажъныи пришедъ. наддохнѣлъ ксть. кгоже обрѣтъ прѣдъ собою** — μάλιστα ὥρα μεσονυκτίου· ὑπέλαβεν ὅτι πνεῦμα τοῦ φρέατος αὐτομολῆσαν παρακροῦσαι τὸν εὐρισκομένον πρόχειρα εὐρέθη οὕτως,

1812 ... **глаху**. «**проклатъ вѣди ѿ ба кже ксть stworила сему лишену**» — ἔλεγεν: «Πῦρ καὶ θεῖον ἐπὶ τὴν κεφαλὴν τῆς [54] ἀσελγοῦς τῆς τοιαῦτα τῷ ταλαιπώρῳ ἐργασαμένης».

Процент соответствий перфекта греческому перфекту в речи персонажей меньше, чем в речи автора:

3747 ... **сѣын же глше**. «**погревите ослы. погребите. тако нзмерли сѣтъ**» — Ὁ δὲ μακάριος ἔλεγε: «Θάψατε τοὺς ὄνους, θάψατε, ἐπειδὴ τετελευτήκασι».

4154 ... **нѣ во. такоже кси реклѣ. члвкообразно. ни подовенъ никокиже твари. ни ксть кго видилъ никтоже** — Οὐ γὰρ ἓνι, ὡς ἔφη, ἀνθρωπόμορφον οὔτε ὁμοιοῦ τι κτίσματι, ἀλλ' οὔτε γὰρ ἑώρακεν αὐτόν τις.

Соответствий перфекта греческому имперфекту немного (причем во всех этих случаях в древнерусском используется глагол несовершенного вида или производный от **быти**):

194 ... **ре(ч) старецъ** «**и азъ г(ѣ)же вѣдѣлъ ксмь нѣ играа к тебе молвилъ ксмь тако**» — Ἐφη ὁ γέρον: «Ἦιδειν κάγω ταῦτα, κυρία μου, ἀλλὰ μετριοπαθῶν πρὸς σέ ταῦτα λελάληκα»,

697 ... **не потан прѣславны(х)**. **каже на теѣѣ есть было ѿ ба**. **какоже и древле** — μὴ ἀποκρύψῃς τὰ παράδοξα ἃ σοὶ ἐκ Θεοῦ γεγόνασι ὡς ἐκ πάλαι.

Так же, как и другие формы претеритов, перфект может использоваться для перевода презенса — причем не исторического, то есть некоторые презентные ситуации прямой речи переводятся как прошедшие:

558 ... **вѣ(сѣ) цѣ не вѣсть кто владеть. кто ли прелюбы творить. кто ли крадетъ кто ли естъ скѣпѣ. или кто колнко цать вѣдалъ естъ из домѣ** — Μη οὐκ ᾔδει ὁ δαίμων τίς πορνεύει, τίς μοιχεύει ἢ τίς κλέπτει, ἢ τίς ἐστὶν κνιπὸς ἢ τίς πόσας φύλλεις ἐκ τῶν ἔνδον βαστάζει,

2689 ... «**проклатъ да вѣши [sic]. насытъи гортане. како тебе дѣла и чрева мокго слѣпотѣ сню пригалъ ксмы**» — «Κατάθεμά σοι ἀκόρεστε λαίμη, ὅτι διὰ σέ καὶ τὴν τῆς γαστροῦ μου ἀπόλαυσιν, τὴν τύφλωσιν ταύτην ἔχω»,

5580 ... **епифанъ ре(ч). «да гдѣ сѣтъ вѣдалѣ сѣни аггли бни каднло и кадѣльницу и оугли»** — Ἐπιφάνιος εἶπεν: «Καὶ ποῦ ἄρα οἱ τοῦ Σωτῆρος τίμοι Ἄγγελοι τότε θυμίαμα καὶ τὸ θυματήριον τοὺς τε ἄνθρακας εὐρίσκουσιν».

Плюсквамперфект: «русский» и «книжный»

В древнерусском языке, как известно, различались два плюсквамперфекта: «русский» (со связкой в форме перфекта) и «книжный» (со связкой в форме имперфекта).

Для «русского», не характерного для старославянского языка и сохранившегося в некоторых великорусских говорах, характерно развитие антирезультативного значения (обозначение ситуации с аннулированным или недостигнутым результатом) [Шевелева 2007; Сичинава 2013: 187–203]. В исследуемом тексте есть только два примера такой формы (в первом случае связка переделана в аорист, видимо, ради гиперкоррекции, чтобы сделать форму более книжной), причем оба они в прямой речи — и именно с антирезультативным значением (так, в первом примере Андрей на время забыл то, что видел, но потом, разумеется, вспомнил; во втором он вошел в палату, но потом вышел):

858 ... **древа же сущаго тамо лѣпотѣ исполниласѣ вѣаше вона дивны. какоже оуже вѣхъ забвѣ(х) и ч(с)тага она и честънага мѣста таже прѣже походихъ** — Ἡ δὲ τῶν δένδρων τῶν ἐκεῖσε εὐπρέπεια ἦν ἐμπελησμένη εὐωδίας θαυμαστῆς ὑπὲρ ἅπαντα τὰ ἀρώματα τὰ τῶν ἐπιγείων, πόρρωθεν ταύτην ἐκπέμπουσα τῇ ὀσφρήσει εἶχον οὖν τὴν εὐωδίαν ταύτην εἰσφοβερὸν καταθύμιον λίαν μοι ἐνιστάμενον ὥστε ἐπιλαθέσθαι με τὰ ἄχραντα ἐκεῖνα καὶ τίμα θαυμάσια ἅπερ ὀπισθεν διοδεύσας,

1040 ... **сѣа три словеса слышавъ. авне имже образомъ вѣлъ вшелъ. тѣмже и сндохъ** — Ταῦτα τὰ τρία θεῖα ῥήματα ἀκούσαντός μου εὐθέως οἶψ ἀνήλθον τοιοῦτόφ καὶ κατήλθον εὐθυφορούμενος.

В греческом им соответствуют, как это видно из текста, аористный инфинитив и аорист.

Прочие примеры на употребление плюсквамперфекта — со связкой в форме имперфекта. Для иных древнерусских текстов нельзя четко сформулировать, каковы точные критерии употребления книжного плюсквамперфекта (см. например, [Петрухин 2008]), хотя в общих чертах можно сказать, что он обозначает наличие результата в момент повествования, также

[Зализняк 2004: 175 и далее]⁴. В отличие от «русского» плюсквамперфекта, редко появляющегося в летописи, притом в основном в прямой речи, книжный плюсквамперфект употребляется чаще, и именно в нарративе [Шевелева 2007]. Отмечалось, что книжный плюсквамперфект часто используется в придаточных предложениях и в таких случаях выглядит как синоним перфекта [Klenin 1993].

В ЖАЮ большая часть употреблений книжного плюсквамперфекта, как и других претеритов, приходится на речь автора (табл. 3). Что же касается критериев различения перфекта и плюсквамперфекта, то есть здесь есть любопытная закономерность: в речи автора плюсквамперфект употребляется как в придаточном, так и в главном, а в прямой речи — только в главном. Таким образом, в некоторых контекстах противопоставление плюсквамперфект vs. перфект нейтрализовано (в прямой речи в придаточном не бывает книжного плюсквамперфекта, а в речи автора в главном почти не бывает перфекта).

Таблица 3

**«Книжный» плюсквамперфект
и его соответствия в греческом оригинале**

Греческие конструкции	«Книжный» плюсквамперф. в авт. речи 43 (100 %)	«Книжный» плюсквамперф. в прямой речи 16 (100 %)
Аорист	14 (33 %)	6 (38 %)
Прич. аор. и перф.	6 (14 %)	1 (6 %)
Перфект	1 (2 %)	1 (6 %)
Плюсквамперфект	2 (5 %)	—
Имперфект	7 (16 %)	2 (12 %)
Прич. през.	3 (6 %)	1 (6 %)
Инф. през.	2 (5 %)	2 (12 %)
Аналитич. плюсквамперф.	5 (10 %)	2 (12 %)
Др. констр или нет соотв.	3 (7 %)	1 (6 %)

Наиболее частым соответствием для плюсквамперфекта в греческом оригинале оказывается греческий аорист — и в прямой речи и в речи автора. Ср.:

338 ... **се рекъ к нему како се кого послалъ еъше негда на орудые. и авик оубудиса** — Ταῦτα εἰρηκῶς αὐτῷ ὄσπερ ἀπέλυσεν αὐτὸν ὡς δῆθεν εἰς τινὰ ἀλόκριον,

⁴ Точно таким же образом и перфект будущего времени (*будет* + л-причастие) обозначает наличие результата к определенному моменту в будущем.

3456 ... ре(ѣ). «обрелъ ксть дьаволъ толико дерьзновеник на мнѣ». разумѣла бо вѣаше оуже. тако 3458 кфиопъ онъ демонъ ксть былъ лѣ-кавъ — πόθεν ὁ διάβολος εὔρε τοσαύτην παρρησίαν κατ' αὐτῆς: ἔγνω γάρ, ὅτι ὁ Αἰθίοψ ἐκεῖνος δαίμων ἦν πονηρός,

4113 ... нъ сего дѣла ксть свержень. такоже вѣаше помыслилъ поста-вити престолъ свои на облацѣхъ — ὡς διὰ τοῦτο ἐρρίφη, ὅτι ἐνενόησε στήσαι τὸν θρόνον ἐν νεφέλαις.

Точно так же, как и для прочих глагольных форм, небольшая часть греческих нефинитных предикаций переводится личными формами:

1950 ... оусрѣте же кго отрокъ онъ. иже кго вѣаше видилъ на въздусѣ вислица и видивъ чюдеса кго — συναντᾷ οὖν αὐτὸν ὁ παῖς, ὁ ἰδὼν ἐπὶ τοῦ ἀέρος κρεμάμενον καὶ βλέψας αὐτοῦ τὰ θαυμάσια.

В то же время плюсквамперфектом может переводиться имперфект:

4739 ... да сѣдаше начаша глти о житъи его. како вѣаше былъ лють — παρακαθεζόμενοι ἐκίνουν λόγον περὶ αὐτοῦ, ὅποῖος ἦν χαλεπός,

882 ... такоже рѣидохъ рѣкѣ онѣ тако в шириню. оуже вѣхъ прошеелъ градъ вѣжи. прогладата неizrеченьнок оно вѣтство — ἐν τῷ περάσαι με τὸν ποταμὸν ἐκεῖνον ὡς πρὸς τὸ πλάτος ἤδη ἐχώρου τοῦ κήπου τοῦ Θεοῦ ἀναθεωρῶν τὸ ἄφατον πλοῦτος ἐκεῖνο.

Заметим, что соответствия греческому синтетическому плюсквамперфекту — большая редкость для русского перевода (что неудивительно, поскольку в греческом тексте ЖАЮ старый синтетический плюсквамперфект употреблялся, как уже говорилось, весьма нерегулярно). Зато интересны примеры, где русский плюсквамперфект соответствует новому аналитическому плюсквамперфекту (формально калькируя его)⁵:

1182 ... авие ѿстѣпивъ того мѣста. ворзо тамо приде сѣдашеи бавѣ. въпрашающеи бо ю оуже вѣахъ ѿшли ѿ неа — εὐθέως ἀποστάς τοῦ τόπου δρομαίως τοῦ ἐκεῖ παραγίνεται καθεζομένης μόνης τῆς γριός, οἱ γὰρ ἐπερωτῶντες αὐτὴν ἀνακεχωρηκότες ἦσαν.

1203 ... оусрѣте добраго отрока епифанниа. о немъже и рѣже повѣсти дѣахъ имъ. вѣаше же отрокъ оужаслъса. не вѣды. что есть дьаволь — συναντᾷ τῷ καλλίστῳ νεανία Ἐπιφανίῳ περὶ οὗ ἀνωτέρω ἢ διήγησις γέγονε, ἦν δὲ ὁ παῖς τεταραγμένος ἐξ ἐπιφρείας τοῦ διαβόλου,

858 ... древа же сицаго тамо лѣпота исполниласа. вѣаше вона дивны — Ἦ δὲ τῶν δένδρων τῶν ἐκεῖσε εὐπρέπεια ἦν ἐμπλησμένη εὐωδίας θαυμαστῆς.

В отличие от других претеритов, плюсквамперфект не употребляется для перевода греческого презенса.

⁵ Интересно, что некоторые из таких конструкций (обозначающих наличие результата в момент повествования) могут быть описаниями пейзажа: 843 прострлѣло [так!] бо са вѣаше лозык кго по всемѣ раю и по всемѣ саду. и по вѣтвемъ. исполнена грозновниа и красна. такоже въ вѣнца мѣсто вѣахъ са оукрасли садѣ тѣ лознымъ исплетеникмъ. Вероятно, отсюда могла произойти традиция использования книжного плюсквамперфекта именно в описаниях природы в летописи [Петрухин 2008].

Имперфект

Имперфект, как известно, обозначал прошедшую ситуацию как длительную. И в греческом и в древнерусской летописи он мог обозначать не только ситуацию длительную, фоновую, но и принадлежащую нарративной последовательности, имеющую начало [Петрухин 2001], поэтому в нарративном тексте ЖАЮ он оказался довольно употребительным⁶ (табл. 4).

Таблица 4

Имперфект и его соответствия в греческом оригинале

Греческие конструкции	Имперфект в прям. речи 222 (100 %)	Имперфект в авт. речи 682 (100 %)
Аорист	5 (3 %)	41 (6 %)
Прич. аор. и перф.	—	5
Инф. аор.	1	1
Перфект	—	1
Плюсквамперфект	6 (3 %)	4
Имперфект	171 (76 %)	510 (75 %)
Прич. през.	19 (8 %)	56 (8 %)
Инф. през.	3 (1 %)	18 (3 %)
Презенс	2 (1 %)	7 (1 %)
Др. констр. или нет соотв.	15 (7 %)	38 (6 %)

Наиболее частым соответствием для русского имперфекта, как можно видеть, является греческий имперфект (около 75 % употреблений):

2989 ... **ѣдиноу же шедъшю кпифану на заоугтренюу. да иде по немь и рече(ч)ныи оуноша. с нимь стоаше поа** — Ἐν μιᾷ δὲ τῶν ἡμερῶν ὀρθρίσαντος τοῦ Ἐλιφανίου εἰς τὴν τοῦ Θεοῦ δοξολογίαν συνηγέρθη αὐτῷ καὶ ὁ ῥηθεὶς νεανίας καὶ σὺν αὐτῷ ἴστατο ψάλλον,

4291 ... **г(ѣ)ь глше. на хрѣстѣ виса. перьстомъ кажа на ивана. «жено. се снѣ твои»** — ὁ Κύριος ἔλεγε ἐπὶ τοῦ σταυροῦ κρεμάμενος δακτυλωδεκτῶν τὸν Ἰωάννην: «Γύναι, ἴδε ὁ υἱός σου».

Точно так же, как и в других памятниках, имперфект может обозначать регулярно повторяющуюся ситуацию [Маслов 2004: 150]. Ср.: 527 ... **идаше к нимъ. носани чаты в рѣцѣхъ творася играи да быша не разгмѣлѣ**

⁶ Впрочем, четко отличить начинательный, нарративный, имперфект от описательного, фонового, не всегда возможно, по крайней мере если речь идет о нефизическом действии (см. например 689 ... **се же мнѣ слышавшю. еже о себѣ ми есть глалъ и еже ѿ ба вышше на немъ възданіе . азъ мышлахъ на ср(д)ци. тако нѣчто са створило есть ѿ ба** – является ли **мышлахъ** начинательным?). Поэтому в данном исследовании не будем пытаться их различать.

дѣла юго. сѣдъ начинаше играти чатыми. да югда кто ѿ нмщицхъ деръз-
нивъ вѣсхыщаше оу него. пѣхнаше юго пастью — καὶ ἀπῆρχετο ἐν τῇ χειρὶ
κατέχων τὰ φολερά ὡς δῆθεν παίζων πρὸς τὸ οὖν μὴ ἐπιγνωσθῆναι τὴν
ἐργασίαν αὐτοῦ καθεζόμενος τοῖς ὀβολοῖς ἐπαιγνίαζε καὶ ὅτε εἶχε τις τῶν
πρωχῶν ἀχρονίσαι πρὸς τὸ ἀρπάσαι, ἐδίδου αὐτῷ κόσσον. Не всегда точно
понятно, от какой глагольной основы образована форма такого имперфек-
та (вѣсхыщаше — вѣсхыщати/вѣсхитити), но если омонимии форм нет,
то ясно, что от основы совершенного вида. Поэтому специально выделять
такие итеративные имперфекты не будем.

Можно видеть, что небольшое количество имперфектов соответствует
греческим нефинитным формам, презентным причастиям и инфинитивам. Ср.:

3864 ... юдин же ѿ нихъ ре(ч) ми. югда ѿхожаху. «горе товѣ. лишене» —
Εἷς δὲ ἀπ' αὐτῶν εἶρηκέ μοι, ἐν τῷ αὐτοῦς ἐξέρχεσθαι, «Οὐαί σοι, ταπεινὲ»,

1109 ... бѣаше видити чю(до) дивно. такоже бо цвѣти добровонни
вонахѣ уколо наю — ἦν ἰδεῖν θαῦμα φοβερὸν καὶ παράδοξον καθάπερ γὰρ
ἀνθη κρίνων καὶ ῥόδων εὐωδιάζοντα κύκλω ἡμῶν.

Если такие соответствия суммировать с имперфектными, то на них в
сумме придется около 85 % соответствий — то есть русский имперфект по
дистрибуции оказывается очень близок греческому. Разницы между пара-
метрами употребления имперфекта в прямой речи и в речи автора, как
можно видеть, нет.

В редких случаях имперфект может соответствовать греческому пре-
зенсу. При этом в греческом обозначаемая ситуация имеет референцию к
прошедшему:

1108 ... еже блженни все къ мнѣ исповѣда. да велми ми сѧ оужаснѣ
дша. да тако се къ мнѣ глше. бѣаше видити чю(до) дивно — Ταῦτα πάντα
τοῦ μακαρίου πρὸς με διηγησαμένου εἰς ἑκστασιν φρενῶν ἠγαγον τὴν ψυχὴν
μου ὡς δὲ ταῦτα μοι λέγει, ἦν ἰδεῖν θαῦμα φοβερὸν καὶ παράδοξον,

2098 ... оузри жену стоиашю предъ дверми сѣго олтарѧ. одѣну в вѣ-
сомѣ и вагромѣ. свѣташе же сѧ лице юѧ. тако сѣнце — καὶ θεωρεῖ γυναῖκαν
ἐστῶσαν πρὸ τῶν θυρῶν τοῦ ἁγίου θυσιαστηρίου διὰ βύσσου καὶ πορφύραν
ἠμφιεσμένην. Ἀληυάζεται τὸ πρόσωπον αὐτῆς καθάπερ ἥλιος.

Однако в одном примере — в прямой речи — имперфектом переводит-
ся не историческое настоящее, а обычное, с референцией к настоящему
времени:

4003 ... в начало же вси члвци боле сѣнца свѣташюсѧ. дшо юждо при-
имаше. ростѣще же и тѣломѣ болши бывающе — Κατ' ἀρχὰς δὲ πάντες οἱ
ἄνθρωποι ὑπὲρ τὸν ἥλιον τρανότερον ἀπαστρέπτουσαν, εὐθέτως τὴν ψυχὴν
ἕκαστος κοιζόμεθα.

Правда, при этом описывается генерическая характеристическая ситуа-
ция — то, что происходило со всяким человеком, — поэтому замена не из-
менила смысл примера.

Конструкция с *начати*

Особо рассмотрим также глагольные конструкции из претерита *начати* и инфинитива несовершенного вида, весьма частотные именно в ЖАЮ, но менее характерные для других древнерусских памятников [Пичхадзе 2011: 342 и далее]. Такие конструкции использовались в нарративе для обозначения начала ситуации, причем какой угодно — и состояния и процесса, т. е. для древнерусского *начати* в отличие от его современного аналога ограничений на сочетаемость с инфинитивом не было [Юрьева 2010]. Подавляющее большинство таких конструкций образуются с аористом глагола *начати*, но в отдельных случаях в них представлены и другие претериты. Статистика по таким конструкциям приводится отдельно: как уже говорилось, из общего количества претеритов мы выделили конструкции с *начати*.

Можно видеть сразу, что для аориста *начати* с инфинитивом невелико количество употреблений в прямой речи (и те, которые имеются, возникли потому, что некоторые фрагменты прямой речи представляют собой длинные нарративы действующих лиц, по языку не отличающиеся от речи автора). См. табл. 5:

Таблица 5

Аорист *начати* с инфинитивом
и его соответствия в греческом оригинале

Греческие конструкции	Аорист <i>начати</i> + инфинитив в авт. речи 186 (100 %)	Аорист <i>начати</i> + инфинитив в прям. речи 24 (100 %)
Аорист	33 (18 %)	6 (25 %)
Прич. аор. и перф.	2 (1 %)	—
Инф. аор.	2 (1 %)	—
Перфект	2 (1 %)	—
Имперфект	71 (38 %)	10 (41 %)
Прич. през.	17 (9 %)	1 (4 %)
Инф. през.	9 (5 %)	2 (8 %)
Презенс	1	—
Аорист <i>ѡρχω</i> + инфинитив	42 (23 %)	5 (21 %)
Др. констр. или нет соотв.	7 (3 %)	—

Наиболее частотным соответствием для этой конструкции оказывается греческий начинательный имперфект:

150 ... οὐβῦδιν же сѧ г(ѣ)нѣ кго. дивитисѧ нача бывшемѣ — Ἐξυπνος γενόμενος ὁ κύριος αὐτοῦ ἐξενίξετο τὸ συμβᾶν,

1999 ... сѣдше же близъ сѣго сего мѣжа. то же начаста дѣлати. сѣць же часто нача взирати на на. разѣмѣвъ прегрѣшениа ихъ — Μεθ' ἑτέρου νεανίου καθεσθέντες οὖν πλησίον τοῦ θεοφόρου ἀνδρὸς τοῖς ὁμοίοις ἐχρήσαντο.

К имперфектным довольно близки те соответствия, где в греческом представлено презентное причастие или инфинитив:

1167 ... третьеє же приде. да гахъ его. да онъ. оставъса татьбы. влачити ма нача. за власы держа — Τρισεύσας δὲ καὶ κατασχεθεὶς ὑπ' ἐμοῦ ἔασας τὴν τῶν κλεμμάτων ἐπάχθειαν σύρειν με,

673 ... повелѣхъ отрокѣ. да створить слѣжеѣ. отрокъ же повелѣное емѣ нача стронти — Ἐγὼ δὲ τὸ ῥῆμα ἀκούσας προσέταξα τῷ παιδί τὴν ὑπηρεσίαν ἐργάζεσθαι. Τοῦ οὖν παιδὸς περὶ τῆς διαταγῆς νῦν ἀσχολουμένου ἔφη μοι ὁ δίκαιος.

Однако напомним, что чаще для перевода греческого начинательного имперфекта использовался славянский имперфект, а не эта конструкция.

Также нередко русская конструкция с начати просто калькирует греческую с ἄρχω:

... завидив же неприазнивыи дѣмонъ. добрыоуми начатью кго. пришедъ нача бити въ двери. храмины — Φθονέσας ὁ πολυμήχανος δαίμων τὴν καλὴν τοῦ νέου ἀρχὴν, προσελθὼν ἤρξατο προσκρούειν μεγίστῳ πατάγῳ τὰς προσοῦσας θύρας τῷ οἰκήματι,

3850 ... да тако мало преста ѿ плача. нача онъ лежа тужити и плакатиса — Ὡς δὲ μικρὸν ἀνέθη τοῦ ὀδυρμοῦ, ἤρξατο ἐκεῖνος κείμενος δεινῶς ἀγωνιᾶν καὶ ὀλοφύρεσθαι.

Еще небольшое количество соответствий — с аористом:

116 ... да леташю таковому дѣмоню. оуличиса леву кго на камени. и авик нача въпити — ὁ τοιοῦτος δαίμων ἔτυχεν τὸ κράνιον εἰς πέτραν κατενεχθεὶς καὶ παραυτὰ διεφώνησεν,

2814 ... да обратившася на вѣстокъ. въпрашати нача англь г(ѣ)а отажи тои — Καὶ στραφέντων κατὰ ἀνατολὰς, ἠρώτησε τὸν Κύριον ὁ λαμπρὸς νεανίας ἐκεῖνος περὶ τῆς ὑποθέσεως.

Аналогичные формы могут изредка образовываться, как уже говорилось, с другими формами глагола начати, помимо аориста. Есть два итеративных имперфекта с начати (полные аналоги конструкций с аористом, только обозначающие повторяющиеся действия), соответствующие греческим имперфектам:

529 ... сѣдъ начнаше играти чатыми. да кгда кто ѿ нмшихъ дерзнывъ вѣсхыщаше оу него. пьхнаше кго пастью — καθεζόμενος τοῖς ὀβολοῖς ἐπαιγνιάζε καὶ ὅτε εἶχε τις τῶν πτωχῶν ἀχρονίσει πρὸς τὸ ἀρπάσαι, ἐδίδου αὐτῷ κόσσον,

532 ... вини же обрѣтъ вѣганьк. повѣргъ же чатѣ. повѣгнаше ѿ нихъ. они же к тому начнаху гравити цаты кго — Αἰτίαν δὲ φυγῆς ἀφορμὴν εὐρίσκων ἐκπηδῶν πάντα τὰ φολερία ἐσκόρπιζεν. Λοιπὸν ἐκεῖνοι ἕκαστος εἰς ἴδιον κέρδος ἤρπαζεν ἐκέκτητο.

От глагола начати образуется и перфект, в греческом этой конструкции может соответствовать конструкция с греческим глаголом ἄρχω, презентное причастие, аорист (то есть приблизительно те же формы, как и для аориста начати с инфинитивом):

1635 ... вопаса. тако хлапъ симь образомъ са ксть прѣмѣнилъ и начал са ксть похавомъ творити виною прихода дѣла праведнаго — ὑφωρώ-

μενος καθ' ὅτι τοῦ παιδός, φησι, τρόπῳ τῷ τοιούτῳ ἀλλοιουμένου καὶ ἀρχομένου μὲν εὐποιοῖα παρατρέπεσθαι προφάσει τῆς εἰσόδου τοῦ δικαίου,

4516 ... да послышан. сдѣ безначалноє рѣтво начало ксть знаменати — πρόσεχε. Ἐνθάδε τὴν ἄχρονον γέννησιν ὑποσημαίνων ἠνίξαστο,

4745 ... повѣдаше. тако поневаже есмъ начала оу него быти. николиже былъ въ цркви. ни комканиа взималъ — διηγήσατο, ὅτι ἀφ' οὗ αὐτῷ συνεζεύχθη (!) οὐδέποτε ἐκκλησίαν ἐγνώρισεν οὔτε ἐκοινώνησεν.

Эта же конструкция возможна и в форме плюсквамперфекта (с соответствиями в виде имперфекта и причастия):

68 ... да такоже онѣ началѣ вѣаху хвалитица тако. и бѣжноу тѣ стоащю. и послышающю. а вѣлоризцемъ не оумѣющемъ что ѿвѣщати. единъ нѣкто оуноша. велми красенъ. слѣзе — Ἐν ὅσῳ οὖν ταῦτα ἐκαυχῶντο ἐκεῖνοι καὶ τοῦ μακαρίου ἐκεῖσε ἐστῶτος καὶ ἀκρωμένου, τῶν λευσχημόνων ἐν ἀπορίᾳ ὄντων, εἰς τις νεανίας πάνυ ὠραῖος καταβάς ἐκ τῶν ἄνωθεν,

3118 ... створилъ ксть бѣ и палицю не да выхом сѧ вили кю самѣ. нѣ да сѧ кю подѣпираемъ. и да сѧ остану и огна и иного всего. и о немже начали вѣхомъ глати — Ἐποίησεν ὁ Θεὸς ῥάβδον, οὐχ ἵνα τύπτωμεν ἀλλήλους, ἀλλ' ἵνα ἐν αὐτῇ στηριζώμεθα. Καὶ ἵνα τὸ πῦρ καὶ τὰ ἄλλα πάντα παραέσω καὶ τοῦ ζητουμένου.

3246 ... оному же не покаившюсѧ. нѣ паче боле началъ вѣаше твори-ти бл҃гдѣ и нача ходити по всѧ ноци на бл҃гды (в греческом нет соответствий, фраза вставлена переводчиком).

Аналитическая конструкция с активным причастием

Еще одним особым претеритом можно считать русскую конструкцию из имперфекта глагола **быти** (или, в трех случаях, — формы глагола **быти** с аористными окончаниями, но с основой **бѣ**) и презентного причастия (табл. 6). Отмечалось, что в славянском Евангелии она калькирует аналогичную греческую конструкцию [Issatschenko 1980–1983, I: 87], ставшую употребительной в эпоху койне. Древнерусская конструкция с презентным причастием характерна для наиболее книжных текстов и может обозначать разные типы длительных ситуаций, как актуальных (прогрессивных), так и хабитуальных [Живов 2012]).

Таблица 6

Имперфект быти с презентным причастием

Греческие конструкции	Имперфект быти (или аорист с основой бѣ) + през. прич. 17 (100 %)
Имперфект εἰμί + причастие през.	10 (из них 1 в прямой речи) (59 %)
Имперфект εἰμί + прилагат.	3 (из них 1 в прямой речи) (18 %)
Имперфект	2 (12 %)
Другое	1 прич. наст., имперф. εἰμί с перф. прич.; 1 прич. наст. (12 %)

В ЖАЮ такая конструкция тоже чаще всего калькирует аналогичную греческую:

391 ... оуѣрѣтоша же ꙗ стражыѣ и изымаша всѧ. вѣдѡше же праведникѣ. что имѣ хотѡше быти и **вѣдѡше же тѣ лежа въ кдиноу оуглѣ. ꙗко кдиноу ѿ нищиѣхъ** — συναντᾶ οὖν αὐτοῖς τὸ κέρκετον καὶ πάντας αὐτοὺς συνέλαβοντο. Ἦιδει δὲ ὁ δίκαιος ὁ ἡμελλον γενέσθαι καὶ ἦν ἐκεῖ ἐν μιᾷ γωνίᾳ ἀνακειμενος ὡς εἰς τῶν πενήτων,

4129 ... створилъ ксть пропасть безъ дна и тьмѣ. и водѣ. и огнь. и меглы. и несвѣтлаѧ мѣста прѣисподнихъ. вода же не **вѣдѡше стоѡщи. но валлющиѧ и движающѧ** — Ἐποίησεν ἕρεβος καὶ χάος, σκότος καὶ ὕδωρ, πῦρ καὶ ὁμίχλην καὶ τὰ ἀφεγγῆ χωρία τῶν καταχθωνίων. Τὸ τε ὕδωρ οὐκ ἦν ἐστὼς, ἀλλὰ γε κλυζόμενον καὶ κινούμενον.

Гораздо реже в такой конструкции в греческом употребляется не причастие, а прилагательное, причем только тогда, когда оно является одним из однородных членов при глаголе-связке:

1220 ... **вѣдѡше во отрокѣ личенѣ и красенѣ и смиренѣ и медѣ каплющѣ имѣѧ бесѣды** — Ἦν γὰρ ὁ παῖς εὐειδῆς, ὠραῖος τῇ ὀράσει καὶ γλυκὺς τῇ αἰδῶ, εὐφυῆς καὶ προσηνῆς καὶ πραότατος, μελίρρουτος τῇ ὁμιλίᾳ.

Перевод имперфекта тоже оказался возможен, так что нельзя сказать, что конструкция полностью калькирует греческую:

15 ... **се же мѣжь многу челады вѣ имѣѧ** — Οὗτος οὖν ὁ ἀνὴρ πολλοὺς μὲν καὶ ἄλλους οἰκέτους ἔκτητο.

2610 ... **нападе на кфиопа. кгоже рѣцѣ вѣсте исполнени крове и посинилѣ. каплюще пагѣву** — ἐπελάβετο τινος Αἰθίοπος, οὗτινος αἱ χεῖρες πλήρεις αἵματος μεμελανωμένα ἀπέσταζον ὄλεθρον.

Претериты 2 лица

Отдельно от прочих рассмотрим формы 2 лица единственного числа. Уже в древнейших старославянских текстах, где перфект имел действительно перфектную семантику, во втором лице единственного числа перфект употреблялся частотнее прочих претеритов [Večerka 1993: 166]. Это связано, вероятно, с желанием избежать омонимии между формами 2 и 3 лица единственного числа (для глаголов на **-ити** — еще и с императивом 2 лица). В древнерусских же текстах использование перфекта вместо аориста во втором лице единственного числа стало со временем почти абсолютным [Успенский 2002: 230]. В исследуемом тексте во втором лице единственного числа употребляется 149 перфектов, 2 имперфекта и 5 аористов. То есть можно сказать, что и в ЖАЮ претерит 2 лица единственного числа — это всегда перфект (табл. 7).

Наиболее частотным соответствием для такого перфекта оказывается аорист. Ср.:

Таблица 7

**Перфект 2 лица ед. числа и его соответствия
в греческом оригинале**

Греческие конструкции	Перфект 2 л. 148 (100 %)
Аорист	90 (60 %)
Прич. аор. и перф.	4 (3 %)
Инф. аор.	—
Перфект	18 (13 %)
Плюсквамперфект	—
Имперфект	16 (11 %)
Прич. през.	6 (4 %)
Презенс	10 (7 %)
Др. констр. или нет соотв.	4 (3 %)

301 ... ρε(ϕ) ϰ(Ϸ)рь «да горкоко разγμβλъ кси. а сладкγμμ нѣси разγμβλъ кси» — Ἐφη ὁ βασιλεὺς: «Τὸ πικρὸν ἔγνωσ καὶ τὸ γλυκὸν οὐκ ἔγνωσ»,

1079 ... ако безαπαпа в позорищи миродержавца вшедъ. с тѣмъ самѣмъ бравсѧ. прѣвратилъ его еси свысока долѧ въ срамъ. пр(Ϸ)тлъ его еси испроверьглъ. того дѣла видилъ сѣщапа. дивна сдѣ — οὕτως ἀθρόως εἰς τὸ στάδιον τοῦ κοσμοκράτορος εἰσελθὼν αὐτὸν ἐκεῖνον μονομαχίᾱς διέστρεψας ἄνωθεν κάτω, εἰς αἰσχύνῃν τὸν θρόνον αὐτοῦ κατέρραξας. Εἶδε[ς] τὰ φρικτὰ τὰ ὧδε,

3777 ... он же ρε(ϕ) к немѣ. «занеже ты кси напоилъ отрока г(Ϸ)на кипфаниа прѣсоленѣ соль. да правоγμμ бнѧ сγдѣ о семь мγчимъ хощеши сγдѣ приати!» — Ὁ δὲ φησιν πρὸς αὐτόν: «Ἐπειδὴ σὺ ἐποίησας τὸν παῖδα Κυρίου Ἐλιφάνιον ἄλμη δριμύζασθαι τὰ ἐντὸς αὐτοῦ, τῇ δικαιοκρίσιᾳ οὖν τοῦ Θεοῦ ἐταζόμενος περὶ τούτου δίκας ὀφείλεις εἰσπραχθῆναι».

Гораздо менее частотным соответствием оказывается греческий перфект:

1072 ... како ли еси сѣмо пришелъ. дивно чю(до) и преславно — Πῶς δὲ τὰ ἐνθαῦτα κατείληφας; Ξένον θαῦμα καὶ τὸ πρᾶγμα παράδοξον,

2045 ... нѣ и ты на ма сѧ кси ополчилъ. вси вы на ма ксте вѣсталѣ. что же ксте мнѣ и тебе — ἀλλὰ καὶ σὺ με παρεμβέβληκας; Πάντες ὅλοι κατ' ἐμοῦ ἐκινήθητε. Τί δὲ ἐμοὶ καὶ σοὶ.

Возможен и имперфект:

696 ... право ты г(Ϸ)и мон. гдѣ еси былъ въ злыа си дни — Τὸ ὄντως σὺ, κύριέ μου, ποῦ διῆγες ἐν τῆς τῆς ἀνάγκης ἡμέραις,

2432 ... престани. отроце. оуже Ѡ лжа тога. не того бо дѣла тебе въпрашаю. тако взалъ кси и снѣлъ — «Παῦσον τοῦ ψεύδεσθαι, νεανία, οὐ γὰρ ἐγκαλῶ σοὶ περὶ τούτου, δι' ὃν ἤρες καὶ ἔφαγες».

Причем среди соответствий имперфекту есть и такие, где в древнерусском используется и глагол совершенного вида.

Все соответствия русского перфекта 2 лица презенту — это примеры, где ситуация имеет референцию к прошлому, но переводчик, заменяя неисторический презент на перфект, меняет смысл примера:

676 ... «Г(ѣ)не и брате мои добрыи. почто тако еси тѣжнлѣ мене дѣла. мнѣ. тако оуже 678 есмь оумерлѣ зимою» — «Οὕτως, κύρι ἀδελφέ μου γλυκύτατε, διατι οὕτως ἐπ' ἐμὲ ἀγωνιᾶς νομίσας ἀπὸ τοῦ κρύου ἀπογύζει με»,

2711 ... «Сси во твоя дша и нозѣ твои разтвращены сѣтъ. да се сѣ кси приближнаѣ оуже къ живущему аду» — Οἱ γὰρ ἄξονες τῆς ψυχῆς σου καὶ οἱ πόδες τοῦ πνεύματος διεστραμμένοι εἰσι καὶ ἰδοὺ ἐγγίσεις πρὸς χάνοντα τὸν ἄδη,

3589 ... «Велми сѣ оужасохѣ. ѿче. нѣ видилѣ кси черныхѣ дѣмонѣ по- жаганиа и колико ми бѣдѣ створиша звѣрьк и гади. и прочини» — «Ἐκθαμβήθην, πάτερ, λίαν, ἀλλ' οἶδας πυρρῶν δαιμόνων τὸν καύσωνα καὶ ὅσα δεινά μοι τὰ θηρία καὶ τὰ ἔρπετά σύν τοῖς ὑπολοίποις ἐνεδείξαντο».

Пример перевода неисторического презенса претеритом, причем в прямой речи, уже был рассмотрен выше, в разделе, посвященном соответствию древнерусского аориста. Чем обусловлен такой перевод, непонятно.

Перейдем теперь к прочим претеритам второго лица единственного числа.

Имеется два случая употребления конструкции из **начати** с инфинитивом во втором лице, при этом **начати** стоит тоже в форме перфекта:

1555 ... «почто. великыи мои гнѣ. тако кси началѣ напрасно **обличати** милаго моего» — «Τίτι τρόπω, κύριε ὁ μέγας, οὕτως ἀποτόμως ἐχρήσω ἐνελεγμοῖς τῷ προσφιλεῖ μου χρηματίζοντι»;

4203 ... **сѣтъ** ре(ѣ). тако ми мс(ѣ)а. высоко началѣ кси **вѣпрашати** — Ὁ ἅγιος λέγει: Μὰ τὸν Ἰησοῦν, ὑψηλὰ καὶ ἄνορμα λέγεις ἐρωτῶν.

Можно видеть, что и здесь в греческом оригинале используется презенс.

Кроме того, встречаются формы 2 лица единственного числа других претеритов.

Есть две формы имперфекта 2 лица единственного числа, причем если в одной из них имперфект просто соответствует греческому аористу, то в другой он используется для перевода неисторического презенса:

5646 ... «что еси чюлѣ. фе(ѣ)доре. егда на дрѣвѣ висаше и сѣдѣ сню **плоть ногты драхѣ**» — «Τί ἡσθάνου, φησιν, κύρι Θεόδωρε, ὀπηνίκα ἐν τῷ ξύλῳ ἐκρέμασο [ἐκρέμασο?] καὶ τὰς ἀγίας ταύτας σάρκας τοῖς ὄνυξι διεσπαράττου»;

2224 ... «что то ксть. похаве. надшене. кже стоа **всѣды дѣшаше къ сѣнѣ**» — «Τίνα εἰσὶ, μωρὲ καὶ παρατετραμμένε, ἄπερ ἐστὼς τῷ τοίχῳ ὀμιλεῖς».

Также в ЖАЮ есть пять форм аориста 2 лица единственного числа. Все они встречаются только в прямой речи:

246 ... **старецъ приде къ рабу бнѣю. и вѣзложивѣ оуже на выю кго. ре(ѣ) к немѣ играа «види ли како ти сѣ ксмь оумранилѣ. на помощь твою велми во сѣ пекѣ твоею»** — ὁ δὲ ὠραῖος γέρον ἐκεῖνος ἔρχεται πρὸς τὸν δοῦλον τοῦ Θεοῦ καὶ περιβαλὼν τὴν ἄλυσον τῷ τραχήλῳ αὐτοῦ ἔφη πρὸς αὐτὸν χαριέντως: «**Ὡλέπεις** πῶς ἐτάχυνα εἰς τὸ βοηθησαί σοι»;

294 ... **видив же ц(ѣ)рь сѣгнѣсившасѣ кго тако. ре(ѣ) к немѣ. «видѣ ли како не може притищати. горкаго вкѣшениа того. свершенаго моего сѣг-**

женниа» — Ἰδὼν οὖν ὁ βασιλεὺς οὕτως σιανθέντα λέγει πρὸς αὐτὸν: «Ὅρα πῶς οὐχ ὑποφέρεις τὴν πικρίαν τοῦ γεύματος καὶ γὰρ τῆς τελείας μου ὑπηρεσίας»;

1455 ... речѣ оцѣю. «гнѣ мои ѡче. види ли члвкѣ оного. како ходитъ овнаженъ тѣломъ лишенъ» — ἔφη τῷ πατρί: «Κύριε μου πάτερ, βλέπεις τὸν αὐτὸν ἐκεῖνον, πῶς περιέρχεται γεγυμνωμένος τῷ σώματι, ἐλεεινός»;

2033 ... се сѣмѣ рекше к неприязни. Ѡвѣща к немѣ дьгаволь. «овиди мене. ан(д)реѣ. тако ми неподвижнаго при(с)тла и лѣпоты его» — Ταῦτα τοῦ δικαίου εἰπόντος πρὸς τὸν πονηρὸν, ἀπεκρίθη αὐτῷ ὁ διάβολος: «Ἄδικεῖς τὴν τοῦτου εὐπρέπειαν!»

Как можно видеть, везде в греческом ситуация имеет референцию к настоящему времени. Таким образом, во втором лице единственного числа тенденция переводить обыкновенный, неисторический презенс претеритом очевидна.

В заключение приведем сводную таблицу русско-греческих соответствий, сняв противопоставление прямой и авторской речи для всех претеритов, кроме перфекта.

Таблица 8

Сводная таблица греческо-русских соответствий форм глаголов

Греческие конструкции	Имперфект 904 (100 %)	Аорист 1624 (100 %)	Перфект в придаточном в прямой речи / в речи автора 251/45 (100 %)	Перфект не в придаточном в прямой речи / в речи автора 99 / 2 (100 %)	«Славянский плюсquam- перфект» 59 (100 %)	Аорист начати + инфинитив 210 (100 %)
Аорист	46 (5 %)	841 (51 %)	139 (51 %) / 17 (40 %)	67 (68 %) / 2	18 (31 %)	39 (19 %)
Прич. аор. и перф.	5	72 (4 %)	15 (6 %) / 3 (6 %)	2 (2 %) / —	7 (12 %)	2 (1 %)
Инф. аор.	2	10 (>1 %)	8 (3 %) / 2 (5 %)	— / —	—	2 (1 %)
Перфект	1	82 (5 %)	52 (19 %) / 14 (30 %)	13 (13 %) / —	2	2 (1 %)
Плюсquamпер- фект	10 (1 %)	6 (>1 %)	— / 2 (4 %)	— / —	2 (3 %)	—
Имперфект	681 (75 %)	217 (13 %)	12 (45 %) / 3 (8 %)	7 (7 %) / —	9 (15 %) /	81 (39 %)
Прич. наст.	75 (8 %)	16 (1 %)	3 (9 %) / 1 (2 %)	2 (2 %) / —	4 (7 %)	18 (9 %)
Инф. през.	21 (2 %)	7 (>1 %)	10 (1 %)	—	4	11 (5 %)
Презенс	10 (1 %)	308 (19 %)	7 (3 %) / —	2 (2 %) / —	—	1
Аналитич. плюсquamперф.	—	—	— / —	— / —	7 (12 %)	—
Аорист ѡρχω + инфин./	—	—	— / —	— / —	—	47 (22 %)
Другие констр. или нет соотв.	57 (6 %)	66 (4 %)	15 (6 %)	6 (6 %)	5 (8 %)	7 (3 %)

Можно кратко повторить сделанные в работе выводы. Несомненна тенденция переводить часть греческих нефинитных форм — инфинитивов и причастий — личными формами. И даже без учета этой тенденции дистрибуция греческих претеритов значительно отличается от русской. Только русский имперфект в значительной степени соответствует имперфекту греческого оригинала (но не наоборот — греческий имперфект может нередко переводиться и не имперфектом, а, скажем, аористом). Русский аорист, наоборот, оказывается формой, более широко употребляемой, чем аорист греческий, так как им переводится еще и настоящее историческое в нарративе и часть нарративных имперфектов. Русский перфект в прямой речи оказался значительно более употребительным, чем в речи автора; почти только там он употребляется в независимых предикациях (то есть как аналог аориста, соответствуя греческим аористу и нарративному имперфекту). «Книжный» плюсквамперфект (точно так же, как аорист и перфект в прямой речи) чаще всего соответствует аористу и, реже, имперфекту. Конструкция с **начати** чаще передает греческий имперфект (гораздо реже — аорист). При этом обе эти конструкции могут иногда и калькировать аналогичные по структуре греческие конструкции. Конструкция из связки с причастием настоящего времени очень редка и в основном калькирует греческую. Во втором лице при референции к прошедшему почти исключительно употребляется перфект.

Л и т е р а т у р а

Живов 2012 — V. Ž i v o v. Об употреблении одной книжной конструкции в памятниках восточнославянской письменности: «глагол *быти* с причастием настоящего времени» // Podtergera I. (Hg.). Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 3: Vom Wort zum Text. Göttingen, 2012. С. 235—249.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.

Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Слово о Полку Игореве: взгляд лингвиста. М., 2008.

Маслов 2004 — Ю. С. М а с л о в. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.

Мишина 2001 — Е. А. М и ш и н а. Настоящее историческое в восточнославянских памятниках XI—XV вв. // Древние языки в системе университетского образования: Исслед. и преподавание / Ред. В. А. Кочергина. М., 2001. С. 197—212.

Молдован 2000 — А. М. М о л д о в а н. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

Петрухин 2001 — П. В. П е т р у х и н. Консекутивный имперфект в ранних восточнославянских летописях // Рус. яз. в науч. осв. 2001, № 1. С. 219—238.

Петрухин 2004а — П. В. П е т р у х и н. Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // Исследования по теории грамматики.

Ирреалис и ирреальность / Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Вып. 3. М., 2004. С. 313—329.

Петрухин 2004б — П. В. Петрухин. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // *Russian Linguistics*. Vol. 28. № 1. P. 73—107.

Петрухин 2008 — П. В. Петрухин. К вопросу о дискурсивных функциях древнерусского книжного плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). М., 2008. С. 213—240.

Пичхадзе 2011 — А. А. Пичхадзе. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.

Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // *Рус. яз. в науч. осв.* 2007. № 2. С. 214—252.

Юрьева 2010 — И. С. Юрьева. Особенности древнерусских инфинитивных сочетаний с глаголом *начати* // *Рус. яз. в науч. осв.* 2010. № 2. С. 270—286.

Browning 1969 — R. Browning. *Medieval and Modern Greek*. London, 1969.

Fleischman 1990 — S. Fleischman. *Tense and Narrativity: From Medieval Performance to Modern Fiction*. Austin, 1990.

Issatschenko 1980—1983 — A. Issatschenko. *Geschichte de russischen Sprache*. Heidelberg, 1980—1983.

Klenin 1993 — E. Klenin. The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377 // R. A. Maguire, A. Timberlake (eds.). *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists*. Bratislava, August — September 1993. *Literature. Linguistics. Poetics*. Columbus, Ohio. P. 330—343.

Rydén 1995 — L. Rydén. *The Life of St. Andrew the Fool*. V. 1: Introduction, testimonies and Nachleben indices. Uppsala, 1995.

Večerka 1993 — R. Večerka. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax*. II, Die Innere Satzstruktur (*Monumenta linguæ slavicæ dialecti veteris*, 34). Freiburg, 1993.

References

Browning 1969 — R. Browning. *Medieval and Modern Greek*. London, 1969.

Fleischman 1990 — S. Fleischman. *Tense and Narrativity: From Medieval Performance to Modern Fiction*. Austin, 1990.

Issatschenko 1980—1983 — A. Issatschenko. *Geschichte de russischen Sprache*. Heidelberg, 1980—1983.

Klenin 1993 — E. Klenin. The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377 // R. A. Maguire, A. Timberlake (eds.). *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists*. Bratislava, August — September 1993. *Literature. Linguistics. Poetics*. Columbus, Ohio. P. 330—343.

Maslov 2004 — Yu. S. Maslov. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie*. Moskva, 2004.

Mishina 2001 — E. A. Mishina. *Nastoyashchee istoricheskoe v vostochnoslavjanskikh pamyatnikakh XI—XV vv. // Drevnie yazyki v sisteme universitetskogo obrazovaniya: Issled. i prepodavanie / Red. V. A. Kochergina*. Moskva, 2001. S. 197—212.

Moldovan 2000 — A. M. Moldovan. *Zhitie Andrey a Yurodivogo v slavyanskoj pis'mennosti*. Moskva, 2000.

Petrukhin 2001 — P. V. Petrukhin. *Konsekutivnyj imperfekt v rannikh vostochnoslavjanskikh letopisyakh // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2001. № 1. S. 219—238.

Petrukhin 2004a — P. V. Petrukhin. *Ekspansija perfekta v drevnerusskom letopisanii kak tipologicheskaja problema // Issledovaniya po teorii grammatiki. Irrealis i irreal'nost' / Yu. A. Lander, V. A. Plungyan, A. Yu. Urmanchieva (red.)*. Vyp. 3. Moskva, 2004. S. 313—329.

Petrukhin 2004b — P. V. Petrukhin. *Perfekt i plyuskvamperfekt v Novgorodskoj pervoj letopisi po Sinodal'nomu spisku // Russian Linguistics*. Vol. 28. № 1. P. 73—107.

Petrukhin 2008 — P. V. Petrukhin. *K voprosu o diskursivnykh funkciyakh drevnerusskogo knizhnogo plyuskvamperfekta (na materiale Kievskoj i Galicko-Volynskoj letopisej) // Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 4: Grammaticheskie kategorii v diskurse / V. Yu. Gusev, V. A. Plungyan, A. Yu. Urmanchieva (red.)*. Moskva, 2008. S. 213—240.

Pichkhadze 2011 — A. A. Pichkhadze. *Perevodcheskaja deyatel'nost' v domongol'skoj Rusi: lingvisticheskiy aspekt*. Moskva, 2011.

Rydén 1995 — L. Rydén. *The Life of St. Andrew the Fool*. V. 1: Introduction, testimonies and Nachleben indices. Uppsala, 1995.

Sheveleva 2007 — M. N. Sheveleva. «*Russkij plyuskvamperfekt*» v drevnerusskikh pamyatnikakh i sovremennykh govorakh // *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007. № 2. S. 214—252.

Sichinava 2013 — D. V. Sichinava. *Tipologija plyuskvamperfekta. Slavyanskiy plyuskvamperfekt*. Moskva, 2013.

Uspenskiy 2002 — B. A. Uspenskiy. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI—XVII vv.)*. Moskva, 2002.

Večerka 1993 — R. Večerka. *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax*. II, Die Innere Satzstruktur (Monumenta linguæ slavicæ dialecti veteris, 34). Freiburg, 1993.

Yur'yeva 2010 — I. S. Yur'yeva. *Osobennosti drevnerusskikh infinitivnykh sochetanii s glagolom nachati // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2010. № 2. S. 270—286.

Zaliznyak 2004 — A. A. Zaliznyak. *Drevnenovgorodskij dialekt*. 2-e izd., pererabotannoe s uchetoj materiala nakhodok 1995—2003 gg. Moskva, 2004.

Zaliznyak 2008 — A. A. Zaliznyak. *Slovo o Polku Igoreve: vzglyad lingvista*. Moskva, 2008.

Zhivov 2012 — *Ob upotreblenii odnoj knyzhnoj konstrukcii v pamyatnikakh vostochnoslavjanskoj pismennosti: <glagol byti s prichastiem nastoyashchego vremeni> // Podtergera I. (Hg.)*. *Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag*. Teil 3: Vom Wort zum Text. Göttingen, 2012. S. 235—249.

Резюме

Для древнерусских форм прошедшего времени (аорист, перфект, плюсквамперфект, имперфект, аналитическая форма с *начати* и аналитическая форма с пре-

зентным причастием) используемых в древнерусском переводе «Жития Андрея Юродивого», анализируются их соответствия с греческими претеритами оригинала, подсчитываются количества таких соответствий.

Ключевые слова: древнерусский язык, исторический синтаксис, глагольная система, формы прошедшего времени, древнерусские переводы с греческого

Статья поступила 07.06.2014

ANNA V. SAKHAROVA

**PAST TENSES IN THE OLD RUSSIAN TRANSLATION
OF THE LIFE OF SAINT ANDREW THE FOOL
AND THEIR EQUIVALENTS IN THE ORIGINAL GREEK TEXT**

For Old Russian past tense forms (aorist, perfect, pluperfect, imperfect, periphrastic form with *načati* and periphrastic tense formed with present participle) which occur in the Old Russian translation of the *Life of St Andrew the Fool* their equivalents with the tenses in the Greek original are analyzed, the numbers of these types of equivalents are counted.

Keywords: Old Russian, historical syntax, verbal system, forms of past tense, translation from Greek into Old Russian

Received on 07.06.2014

И. М. ЛАДЫЖЕНСКИЙ

ГРАФЕМЫ **Ѡ**, **Ѣ**, **Ю** И **Ѥ** В ИЛЬИНОЙ КНИГЕ¹

Употребление графем **Ѣ** и **Ѥ** (наряду с **Ѡ**) в ранних древнерусских памятниках традиционно относят к числу ключевых датирующих признаков. После публикации рукописи [Крысько 2005; Верещагин 2006] и выхода Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XIV в. [СК XIV: 565—566] датировка и локализация Ильиной книги (рукопись Типографского собрания Российского государственного архива древних актов [ф. 381] № 131; далее — Ил.), как кажется, не должны вызывать принципиальных возражений. В настоящее время считается, что памятник был создан на рубеже XI и XII вв. на территории Новгородской земли. Однако очевидно, что интерес к юсам не должен ограничиваться лишь проблемой времени появления текста. Наличие данных графем в тексте, переписанном носителем диалекта, фонетическая система которого не знала носовых гласных уже в самом начале письменного периода, несомненно, представляет интерес само по себе — с орфографической точки зрения.

Графемы **Ѣ** и **Ѥ** в ранних восточнославянских памятниках давно интересуют исследователей (см. [Дурново 2000: 407—411; Тот 1985: 74—128; Баранкова и др. 1988: 6—8]; а также [Живов 2006: 247—248]). Попытка описать систему употребления юса большого в Ил., дать статистическую интерпретацию представленным в тексте закономерностям уже предпринималась Д. Вортом [1998]. Однако исследование Ворта основано не на самом тексте Ил., а на публикации в первом томе «историко-критического» издания декабрьской минеи [Rothe, Vereščagin 1996], содержащем службы с 1 по 8 декабря, и, таким образом, охватывает не весь материал памятника, а лишь незначительную его часть (в Ил. имеются только последования на 4 и 6 декабря, что в совокупности составляет 8,5 листов из 145, причем текст под 4 декабря учтен в издании преимущественно в виде разночтений: полностью опубликованы лишь некоторые богородичны и седален). Следует заметить, что текст Ил. воспроизведен в [Rothe,

¹ Статья написана в рамках проекта «Древнерусские рукописи XII в.: исследование и подготовка к изданию», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (№ 13-34-01009). Автор выражает искреннюю благодарность В. Б. Крысько за помощь в работе и консультации.

Vereščagin 1996] с ошибками: так, на с. 142 напечатано **-бѣжѣствѣна** вместо **-бѣжѣствѣна**, на с. 153 — **очьскок** вм. **очьскок**, на с. 196 — **Ѡкоже** вм. **Ѡвѣже**, на с. 415 — **напастынѣмъ** вм. **напастынѣмъ**, на с. 418 — **свѣтлостъ** вм. **свѣтлостъ**, на с. 426 — **Процвѣлъ** и **чюдѣсты** вм. **Процвѣлъ** и **чюдѣсты**, на с. 427 — **избавль** и вм. **избавльи**, на с. 436 — **въпнѣ** вм. **въпнѣ**, на с. 440 — **празднѣюще** вм. **празднѣюще**, на с. 441 — **вѣчнѣю** вм. **вѣчнѣю**, на с. 175 после **сѣна** пропущено **же** (ср. характеристику других томов боннской минейной серии в [Крысько 2009а; 2009б]). Это существенно снижает ценность данного издания как лингвистического источника. Выводы Д. Ворта, сделанные на основании лишь небольшой части текста, нельзя применить ко всему тексту в целом. Так, уже в начале статьи исследователь отмечает, что некоторые корни могли писаться только с юсом (в качестве примера приведен корень *мжж-*) или только с *оу* (*люб-*) [Ворт 1998: 65]. Однако это утверждение не соответствует действительности, точнее, его нельзя применить ко всему тексту Ил., поскольку в рукописи нет частотных корней, которые последовательно писались только с юсом большим или только с *оу*: корень *мжж-* трижды написан с диграфом *оу*, а корень *люб-* в принципе в соответствии с нормами орфографии, представленными в Ил., не должен был писаться с юсом, так как **ж** не указывал на мягкость предшествующего согласного, а **ѡ** мог употребляться только в начале графического слога (тем не менее один раз этот корень все же написан с нейотированным юсом большим — см. ниже). Необоснованным кажется предположение Ворта о том, что употребление юсов в корнях (в особенности в корнях с носовыми согласными) могло быть фонетически обусловленным, т. е. носовые гласные частично могли сохраняться в книжной речи новгородцев [Ворт 1998: 74]. Орфография всего текста Ил. не только не подтверждает это мнение, но и очевидным образом противоречит ему. Не менее важно то, что Д. Ворт совсем не учитывает такие факторы, как положение графем после согласных или в начале графического слога. При анализе употребления **ж** и *оу* этот аспект имеет принципиальное значение.

В Ил. в фонетическом значении [y]/[ʲy] используются следующие графемы: *оу*, **ж**, **ю**, **ѡ**, **Ѹ**, а также *у*. Лигатуру **Ѹ**, которая встретила в тексте памятника 76 раз, следует рассматривать как вариант диграфа, ее употребление обусловлено графически. Большинство примеров **Ѹ** связано с позицией конца строки (или позицией, близкой к концу строки): **пѸ|сти** 122v15—16, **по законѸ приносѣ** 124r1—2. При этом и в остальных случаях мы, как правило, видим постановку лигатуры в длинных строках, т. е. тех, что выходили за пределы текстового блока (см., к примеру: 20r18, 34v18, 48v7), или там, где строка требовала определенного графического оформления (включая указания гласов, песней, ирмосов для тропарей канона и т. п.: 88v7, 98v16, 104r21, 116r9 — см. факсимильное издание памятника [Верещагин 2006]). Это показывает, что писец по крайней мере в некоторых случаях тщательно планировал размещение текста, рассчитывал необходимое пространство листа.

Ижица употреблена 32 раза преимущественно в словах греческого происхождения в соответствии с *υ*. Неэтимологические написания этой графемы в тексте Ил. чрезвычайно редки: *мүсикинска* 86r17, *ісү* 87v13, *ісүсово* 100v8, *стүхик* 144v15 (см. [Крысько 2005: 661]).

После исконно мягких шипящих обычно используется графема ю, постановка ж и оу (ѡ) в этой позиции нетипична (ѡ при этом не пишется никогда). Тем не менее в некоторых случаях употреблены именно эти буквы: ж — 13 раз, оу (ѡ) — 18. Чаще всего эти буквы пишутся после ш: *въплъцьшжса* 96v14, *прѣсвѣтълѣишж* 86v10, *рожьшжса* 87v13, *рожь|шжмжса* 94v20—95r1, *въплъцьшжса* 96v14, *прино|шж* 121r10—11, *рождьшжмоу|са* 143v13—14, *ѡновльшжмоу* 143v14, *ѡвльшжса* 99v4—5, *по|поношьшж* 37v2—3, *въвъшьшжмоу* 47v1, *извольшж* 76v11, *рожьшоу|са* 5v1—2, *развъръзьшоу|мж* 6v3—4, *повѣждьшоу* 33r10, *въплъцьшоу|са* 76v14, *рожьшоу|са* 87r9, *въснѣвъ|шоу* 89v6—7, *рожьшоу|са* 109r21, *чьстьнѣи|шоу* 116r15—16, *пришьдъшѡ|мж* 89r1—2, *просвѣтившѡ* 117r13, *рожьшѡю* 123r10; реже — после некоторых других шипящих и аффрикат: *чжвъшю* 80v8, *вждоуцжмѡ* 85v9; *плачоуци* 9r1, *врачоуцѣта* 35v10, *подающеу* 10r2, *носающеу* 40r1, *ѡуцоу|мѡ* 66r14, *сжщоу* 85r16, *първомѣнищеу* 18v12.

Единичными случаями представлено смешение графем ю и ж (нейотированный) (см. [Тот 1985: 107, 148; Гальченко 2001: 36; Кривко 2001: 146—147]). Точнее, в рукописи обнаруживаются некоторые последствия такого смешения — написания ю на месте исконного носового там, где ему предшествует твердый согласный, и наоборот, ж там, где исконно был неносовой гласный и предшествующий согласный должен быть мягким: *лозю* (ВП) 57v16, *отъвъръзю* 137r3, *смѣрадню* (ед. жс. ВП) 30r8, *люкавъствик* 107r5—6, *лжбѣвъ* 32v8 (все примеры). Однако орфография памятника не позволяет приписывать эти примеры самому писцу Илию. Вероятно, их следует возводить к антиграфу рукописи².

В целом использование графем оу, ж, ѡ, ю в Ил. можно представить в виде таблицы 1, в которой помимо этимологии и числа употреблений учитываются такие факторы, как постановка графем в позиции после согласных (С) и в начале графического слога, т. е. после гласных (V).

За пределами таблицы осталась немногочисленная группа слов: наречия на *-жду*, *тоу*, *вынж*, *неисполоу*, а также предлог *противоу*. Соотношение ж и оу в данном случае не может быть показательным из-за малого числа примеров, а включение слов этой группы в таблицу существенно усложнит ее. Неучтенными также оказались примеры на употребление прил. *соугоубъ* и его производных. Определить место данных словоформ в таблице пред-

² Написание юса большого после шипящих не может рассматриваться в одном ряду с этими примерами. Графемы ш, щ, ч и ц не требовали дополнительных обозначений мягкости соответствующих им согласных фонем, поскольку те не имели твердых коррелятов. Кроме того, ж в этой позиции употребляется наряду с диграфом оу.

Таблица 1

Употребление графем ж, оу, ѡж и ю в позиции *р и *ои

	Сж	Вж	Соу	Воу	Вѡж	Вю	Сю
ВП ед. ⁱ	179		234		117	69	196
ТП ед. ж.					225	149	
Наст. 1 ед.	8		5		13	12	15
Наст. 3 мн.	2		5		18	14	7
Импф. 3 мн.	7		17				
*-рѡ-	103		38		143	139	33
*-пѡ-	9		7				
*р-корни	330	3	101	19			
*ср-	3		1				
ДП ед. ⁱⁱ	168		336		35	28	91
Зв. ед.					5	1	31
РП и МП дв.	18		15		15	6	5
-ова- (-ѡѡ-)	75		44				2
*ои-корни	165	7	90	229	2	9	178
Им. собств. ⁱⁱⁱ	4		24	4	2	10	1
*ои- и *ои		3		274			

ⁱ ВП ед. ч. имен сущ. *а-скл., прил. и мест. ж. р.ⁱⁱ ДП ед. ч. имен сущ. *о-скл., прил. и мест. м. и ср. р.ⁱⁱⁱ Основы имен собственных и книжная лексика неславянского происхождения.

ставляется затруднительным, так как **соу҃гоу҃ѣѣ** писалось с диграфом **оу** в префиксе уже в старославянских памятниках. Рассматривать его в одном ряду с другими примерами на **сж-**, которые в южнославянских оригиналах должны были последовательно писаться с юсом, не вполне корректно. Хотя вполне возможно, что писец Илия при выборе той или иной графемы на письме не обязательно ориентировался на правописание протографов. Членные флексии прил. ВП ед. ч. ж. р. и ДП ед. ч. м. и ср. р. (**-ѡѡ**, **-оуѡ**, **-оуѡу**, **-ѡѡу** и пр.) в таблице учитывались дважды.

Таблица 1 показывает, что графемы, изначально обозначавшие носовые гласные, довольно активно распространяются на аффиксы и корни с исконным *ои. Очевидно, что **ж** и **ѡж** для писца имели фонетические соответствия [у] и [ju]. Сфера употребления йотированной графемы носового ограничена позицией после гласных, т. е. **ѡж** обозначает сочетание [ju], но не используется в значении [ʹу]. Графема **ж**, наоборот, крайне редко пишется в начале слов (всего 11 примеров: *ои-корни — **ѡчению** 60r14, **ѡченикъ** 64r13, **ѡченикъ** 101r18, **ѡницю** 54r7, **ѡмъ** 66v14, **без ѡма** 67r6³, **ѡже** 81r15; префикс *ои- — **ѡдолѣ|ниѡ** 66v7—8, **ѡбийствьно** 91v6, **ѡ|лжчисте**

³ Этот пример, впрочем, не может считаться показательным, так как фактически графема **ж** здесь употреблена после согласного.

76r11—12; *р-корни — жгль 120v12) и после гласных (блгож | ханна 64r4—5 блгожханиа 72r20).

Детализация соотношений описываемых графем в тексте Ил. отражена в таблицах 2а—5.

Таблица 2а

Употребление ж и оу в флексиях после согласных

	ж	оу
ВП (всего 413)	43,34%	56,66%
Наст. 1 л. ед. (всего 13)	61,54%	38,46%
Наст. 3 л. мн. (всего 7)	28,57%	71,43%
Импф. 3 л. мн. (всего 24)	29,17%	70,83%
ДП ед. (всего 504)	33,33%	66,67%
Дв. ч. (всего 33)	54,55%	45,45%

Как показывает таблица 2а, буква ж преобладает над оу в формах 1 л. ед. ч. глаголов наст. вр., однако здесь процентное соотношение не может быть показательным из-за малого количества соответствующих форм. Незначительное преобладание неисконной флексии в формах РП и МП дв. ч. (в отличие от других флексий, где преобладает оу) имеет частное объяснение (см. ниже). В целом даже во флексиях с исконным носовым юс большей не доминирует (в отличие от юса малого йотированного — ср. таблицу 2б).

Таблица 2б

Употребление љ и ю во флексиях в значении [ju]

	љ	ю
ВП (всего 186)	62,9%	37,1%
ТП ед. ж. (всего 374)	60,2%	39,8%
Наст. 1 л. ед. (всего 27)	52%	48%
Наст. 3 л. мн. (всего 32)	56,25%	43,75%
ДП ед. (всего 63)	55,56%	44,44%
Зв. (всего 6)	83,33%	16,67%
Дв. ч. (всего 21)	71,43%	28,57%

Преобладание љ в окончаниях в тексте Ил. довольно устойчиво. Писец предпочитает писать эту графему во всех [y]-флексиях, независимо от этимологии гласного.

Таблица 3а

Употребление ж и оу в суффиксах после согласных

	ж	оу
*-отj- (всего 141)	73,05%	26,95%
*-пo- (всего 16)	56,25%	43,75%
*-ова- (всего 119)	63,03%	36,97%

Таблица 3а показывает, что употребление [у]-графем в суффиксах также мало зависит от этимологии. Юс большой здесь преобладает даже в суффиксе *-uj-, для которого было характерно чередование с *-ova-.

Таблица 3б

Употребление ъж и ю в суффиксах (после гласных)

	ъж	ю
*-oj- (всего 282)	50,71%	49,29%

В суффиксе действ. прич. наст. вр. (см. таблицу 3б) процентное соотношение демонстрирует практически равномерное использование йотированных графем, что отличается от ситуации с употреблением этих букв во флексиях. Соотношение двух графем говорит здесь скорее в пользу предположения о случайности выбора между ними в процессе написания текста.

Таблица 4

Употребление графем ж и оу в корнях

	Сж + Vж	Сж	Vж	Соу + Vou	Соу	Vou
*o-корни (453 / 431 / 22) ¹	73,51%	76,57%	13,64%	26,49%	23,43%	86,36%
*ou-корни (491 / 255 / 236) ¹	35,03%	64,71%	2,97%	64,97%	35,29%	97,03%
Им. собств. (32 / 28 / 4) ¹	12,5%	14,29%	0%	87,5%	85,71%	100%

¹ Общее число примеров / примеры после согласных / примеры после гласных

Таблица 5

Употребление графем ж и оу в префиксах

	ж	оу
*so- (всего 4)	75%	25%
*ou- (всего 270)	1,11%	98,89%

Из соотношений, представленных в таблицах 4 и 5, видно, что писец Илия крайне неохотно употреблял графему ж после гласных и в начале слов (это доказывается не только тем, что в позиции праславянского носового гласного эта графема практически вытеснена оу, но также и существенным преобладанием последней буквы в позиции исконного *ou, что совсем не соответствует общей статистике употребления корней с носовым гласным). Надо полагать, это не случайно, а обусловлено вполне осознаваемой установкой, ограничивающей употребление данной графемы позиции после согласных. В этой ситуации общее преобладание в *ou-корнях графемы оу представляется относительным, поскольку вызвано значительным числом корней, начинающихся фонемой /y/, и нормами, ограничивающими постановку ж в начале графического слога. Исключительная редкость использования ж при написании префикса *ou- (всего 3 примера из 270) полностью согласуется с этой тенденцией.

В позиции после согласных в корнях наблюдается преобладание юса. Эта закономерность относится не только к **o*-корням, но также и к корням с **oi* (за исключением книжных слов и имен собственных неславянского происхождения). Причем процент употребления **ж** в неисконной для него позиции лишь незначительно меньше, чем в исконной.

В целом соотношение **ж** и **оу** в корневых морфемах и аффиксах демонстрирует следующую закономерность. Юс большой в корнях пишется значительно чаще (регулярнее), чем диграф **оу**; во флексиях же картина как раз противоположна — писец Илия отдает предпочтение диграфу. В суффиксах мы также наблюдаем преобладание **ж**. При этом статистическое соотношение интересующих нас графем, как в корнях, так и в других формантах, показывает очень малую зависимость выбора графем от этимологического гласного в той или иной морфеме.

Для древнерусского периода восточнославянской письменности начало графического слога является маркированной графико-орфографической позицией. Именно эта позиция часто определяла функциональную дифференциацию целого ряда графем (**о** и **ω**, **л** и **la**, **у** и **оу**). В Ил. наблюдаются определенные тенденции аналогичного распределения букв **ж** и **оу**, **ю** и **ѣ**. В отношении **ю** и **ѣ** эта тенденция реализована наиболее последовательно. После согласных писец Илия употребляет только **ю**. Преобладание **ѣ** в позиции начала графического слога также соответствует этому вектору развития орфографической системы древнерусского периода⁴, однако может быть и простой случайностью, поскольку в Ил. [y] в позиции после *j* значительно чаще восходит к праславянскому носовому, чем к **oi*. В идеальном (с точки зрения южнославянской орфографии) тексте Ил. **ѣ** должен был бы встретиться около 900 раз, в то время как в действительности общее число его употреблений более чем в полтора раза меньше. Таким образом, при кажущемся преобладании **ѣ** в значении [ju], мы наблюдаем скорее его количественное вытеснение более функциональной графемой **ю**.

Ограничение на использование **ж** в позиции начала графического слога не является жестким, однако очевидно, что писец Илия все же руководствовался этим правилом при выборе графем. Проиллюстрировать это можно на материале употребления корня **-оум-**. Этот корень встретился в Ил. 98 раз, из них 39 примеров — после префикса *раз-* (*-разоум-*): в 21 случае написан **ж**, в 18 — **оу**. 6 раз корень встретился после префикса или предлога *без-*: **безжмнѣ** 67v17, **безжмьна** 11r3, **без жма** 67r6, **безоумнѣ** 93v14, 94r3, **безоумьнѣ** 18v16. Таким образом, после согласных графемы **оу** и **ж** в этом корне распределялись равномерно. Из оставшихся 53 примеров только в одном случае представлен **ж**: **жмѣ** [вм. **оумѣ**] 66v14⁵.

⁴ Тенденция подобного распределения **ѣ** и **ю** (**ю** — после согласных, **ѣ** — в позиции начала графического слога) известна и в других ранних древнерусских памятниках (см. [Дурново 2000: 659]).

⁵ На этой же странице имеется другое написание юса на месте приставки **oi-* (**ждолѣннѣ** 66v7—8), что также встречается исключительно редко.

Причины описанного ограничения, как представляется, в следующем. В южнославянских оригиналах юс большой довольно редко оказывался в начале графического слога (в отличие от графемы **оу**, которая в этой позиции употреблялась регулярно) — корни на **o* не относились к числу частотных, что прекрасно демонстрируется текстом Ил. (см. *таблицы 4, 5*). И это, в свою очередь, влияло на формирование орфографических навыков писцов, поскольку представления писца о нормативной орфографии во многом основывались на его индивидуальном опыте работы с книжными текстами.

То, что в корнях чаще, чем во флексиях, используется графема **ж**, на наш взгляд, также должно иметь объяснение. Едва ли тот факт, что вполне квалифицированный писец при написании корней по меньшей мере в полтора раза чаще использует графему **ж** (не только в **o*-, но и в **oi*-корнях), может быть просто случайностью (и это при том, что во флексиях мы наблюдаем совсем иную закономерность). За этим должна стоять определенная орфографическая установка (или установки), что, в свою очередь, обусловлено исходной высокой частотностью использования юса в книжных текстах (именно в корнях после согласных). В тексте Ил. юс большой в корнях после согласного в соответствии с этимологией должен был быть употреблен 431 раз, что составляет почти 63% (62,92%) от общего числа [у] в корнях (после согласных без указания на их твердость или мягкость). (Эти цифры, кстати, соотносятся с процентом написаний юса в корнях с праславянским **ou*.) В суффиксах ситуация аналогична. Если бы в тексте Ил. была представлена орфография с этимологическим распределением **оу** и **ж**, последняя графема также встречалась бы чаще — почти в 54% случаев. Таким образом, частотность написания графем **ж** и **оу** определенным образом коррелирует с исходным соотношением данных графем в идеальном (с точки зрения исходной южнославянской орфографии) тексте.

Высокий процент написаний юса в корнях с праславянским носовым говорит об их определенной маркированности, т. е. они, вероятнее всего, узнавались писцом как корни, в которых предпочтительнее писать **ж**. Для иллюстрации этого факта приведем очередную таблицу (6).

Таблица 6

Употребление **ж** и **оу** в наиболее частотных *o*-корнях

	ж	оу
* <i>mok</i> -	23 — 71,88%	9 — 28,12%
* <i>modr</i> - ⁶	84 — 71,79%	33 — 28,21%
* <i>mōž</i> -	9 — 75%	3 — 25%
* <i>bod</i> -	14 — 87,5%	2 — 12,5%
* <i>lok</i> -	13 — 92,86%	1 — 7,14%
* <i>orōž</i> -	18 — 94,74%	1 — 5,26%
* <i>rok</i> -	47 — 95,92%	2 — 4,08%

⁶ Подробнее об употреблении слов с этим корнем написано в [Крысько 2006: 45].

Ни один из наиболее частотных корней с исконным носовым гласным не писался Илией исключительно с **ж**. Абсолютное доминирование юса в корне **ropk-*, судя по всему, позволяет объяснить и высокий процент употребления этой графемы в формах РП и МП дуалиса. Так, из 33 зафиксированных случаев РП и МП дв. ч. 15 приходится на МП дв. ч. от слова *ржка*; юс большой написан в 11 из них (73,33%). Такая частотность не соответствует закономерности употребления **ж** во флексиях дв. ч. (если рассматривать оставшиеся 18 примеров, то соотношение будет, разумеется, совсем иным: 38,89% с **ж** и 61,11% с **оу**) и идет вразрез с общей тенденцией употребления **ж** и **оу** в окончаниях. Объяснением этому должно служить то обстоятельство, что на флексию здесь распространялась именно маркировка корня, предполагавшая написание юса. Корень *лжк-* также в большинстве случаев пишется с юсом, и это, судя по всему, оказывает влияние на употребление слов с омофоничным корнем: *прилоучитися*, *оулоучити* — эти лексемы встретились 4 раза, и во всех случаях написан **ж**. Помимо того, слово *лоуча* в 9 из 10 случаев написано с юсом, исключительно с **ж** пишется корень компаратива *лоучни* (5 примеров). Полагать, что писец по каким-либо причинам мог смешивать эти корни, нельзя. Очевидно, что с употреблением **ж** он ассоциировал прежде всего звуковой облик корня, независимо от значения и тем более этимологии⁷.

Имена собственные и книжная лексика неславянского происхождения в системе Ил. занимают особое положение, поскольку закономерности употребления в их основах [у]-графем принципиально отличаются от тех, что представлены в славянских корнях. Возможно, слова этой группы устойчиво ассоциировались писцом с написанием диграфа (основа *хероуѡвим-*, к примеру, встретившаяся в тексте 10 раз, ни разу не употреблена с юсом). Также можно предположить, что при написании таких слов писец Илия значительно больше зависел от орфографии южнославянских протографов, чем в любых других случаях. Если **ж**-маркировка корня *лжк-* распространяется на все омофоничные славянские корни, то имя *Лоука* этому правилу не подчиняется. Из 13 написаний этого имени только в трех случаях использован **ж**.

Употребление графем **ж** и **оу** в окончаниях также в целом соответствует исходным соотношениям флексий с носовым и неносовым гласными. В Ил. суммарное соотношение форм с исконными **o* и **oi* (после согласных) выглядит следующим образом: 457:537 (45,98% : 54,02%)⁸. Таким образом, для идеального текста Ил. нормальным является количественное пре-

⁷ Это обстоятельство вполне определенно свидетельствует о том, что правописание данных корней следует связывать с орфографическими установками восточнославянского переписчика, а не с прямым копированием южнославянских оригиналов.

⁸ Большинство жанров древнерусской письменности предполагало большую частотность форм ВП по сравнению с ДП. Однако в рамках данной проблемы это не играет существенной роли, поскольку словоформы на [у] — лишь малая часть от общего числа форм ВП.

обладание флексий с исконным неносовым гласным, что отчасти должно объяснять общее доминирование графемы **оу** во флексиях.

Среди факторов, влиявших на регулярность употреблений той или иной буквы во флексиях, следует учитывать значительное число написаний **ѡу**, **ѣу** и **ѡу**. Идеографический характер таких написаний способствовал однозначному выбору графемы в процессе письма. Вполне ожидаемо диграф **оу** здесь встретился в 95 случаях и лишь в 4 примерах представлена графема **ж** (**ж** 52v20, 53v1, 64r14, 104r14). Этот факт влияет на общую статистику употребления гласных букв со значением [у] во флексиях, а также мог определенным образом формировать орфографические предпочтения писца, его представления о нормативном книжном узусе.

Попытаемся обобщить наши выводы. Если орфографические навыки писца формировались на материале южнославянских текстов, подобных Ил. (а именно южнославянские книги в этот период, надо полагать, считались образцовыми), должно быть понятно, почему при передаче на письме звука [у] он предпочитал в корнях использовать юс большой, а во флексиях диграф **оу**. В южнославянской орфографической системе с этимологическим распределением интересующих нас графем **ж** встречался чаще в корнях и реже в окончаниях. Помимо этого, орфография Ил. свидетельствует о наличии комплекса орфограмм, связывающих юс большой с определенной группой корней, а диграф **оу** — с идеографическими написаниями типа **ѡу**.

При рассмотрении комплекса общих закономерностей употребления [у]-графем есть еще один фактор, который можно назвать эстетическим. Отметим, что он имеет весьма ограниченное влияние на орфографию рукописи в целом. При контактном написании графем **оу**, **ю**, **ж**, **ѡж** (т. е. при фонетической последовательности [ују]) писец Илия предпочитает писать сочетания с одним или даже с двумя разными юсами. Количественное соотношение выглядит следующим образом.

Таблица 7

Отражение на письме последовательности [ују]

-оую(-)	-жю(-)	-оуѡж(-)	-жѡж(-)	-юѡж(-)	-юю(-)
18	42	37	41	18	1

Последовательность из двух **ю** встретила только один раз на переносе (**непѣщю|ють** 79r8—9), т. е. две буквы **ю** были разделены между строками (именно это обстоятельство позволяет нам называть данный фактор эстетическим, поскольку очевидно, что Илия считал нежелательным контактное употреблений двух одинаковых графем). Сочетание **-оую-** представлено малым числом примеров (ср. с **-жѡж-**). Подобные орфографические предпочтения, вероятно, также являются результатом переосмысления исходной орфографической системы с последовательным отражением на письме носовых гласных (где сочетания **-оую-** и **-юю-** были исключительно редки).

Итак, употребление **оу**, **ж**, **ѣж** и **ю** в тексте Ил. не оставляют сомнений в том, что писец Илия должен был руководствоваться определенными нормативными установками при выборе той или иной буквы. В некоторых случаях, вероятно, выбор был произвольным. Предпочтение **ж** в корне и **оу** во флексии было связано со сформированным представлением о нормативном книжном узусе. К числу факторов, которые вмешивались в подобное распределение графем на письме, относится ассоциирование отдельных корневых морфем именно с юсом большим, а ряда словоформ — именно с написанием **оу** во флексии. Однако в целом стихийно сформированные представления о книжной норме употребления юса большого и его йотированного варианта довольно иррациональны. При общей, несомненно, рациональной тенденции развития древнерусской орфографии такая система не могла быть устойчивой. Дальнейшее вытеснение **ж** и **ѣж** графемами, использование которых не было ограничено какими-либо фонетическими или графическими условиями, представляется вполне закономерным.

Л и т е р а т у р а

Баранкова и др. 1988 — Г. С. Баранкова, Р. В. Бахтурина, Л. А. Владимирова и др. Изборник Святослава 1073 г. Некоторые древнерусские и южнославянские черты рукописи // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации: Сб. докладов. М., 1988.

Верещагин 2006 — Древнейший славянский богослужебный сборник «Ильина книга». Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием / Изд. подготовил Е. М. Верещагин. М., 2006.

Ворт 1998 — D. S. Worth. Grammatical Constraints on Orthography: **ж**, **ѣж** in a 12th-c. Russian Manuscript // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. М., 1998. Т. 1. С. 63—77.

Гальченко 2001 — М. Г. Гальченко. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М., 2001.

Дурново 2000 — Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.

Живов 2006 — В. М. Живов. Восточнославянское правописание XI—XIII века. М., 2006.

Кривко 2001 — Р. Н. Кривко. Функции буквы **у** в древних славянских рукописях (преимущественно на материале Бычковско-Синайской псалтири) // Russian Linguistics. 2004. Vol. 28. С. 317—359.

Крысько 2005 — Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. М., 2005.

Крысько 2006 — В. Б. Крысько. Ильина книга — новоизданный памятник древней славянской письменности // Известия на Научен център «Св. Дазий Доростолски». Кн. I: Международна научна конференция 1—2 септември 2006 г., посветена на 1900 години град Силистра. Силистра, 2006. С. 42—55.

Крысько 2009а — В. Б. Крысько. Об издании февральской минеи // *Russian Linguistics*. 2009. № 1. С. 65—99.

Крысько 2009б — В. Б. Крысько. Еще раз об издании февральской минеи (по поводу возражений Ганса Роте) // *Acta Linguistica*. 2009. № 2. С. 3—17.

СК XIV — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1 (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская). М., 2002.

Тот 1985 — И. Тот. Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI — начале XII вв. София, 1985.

Rothe, Vereščagin 1996 — Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts. Teil I: 1. bis 8. Dezember. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. (*Patristica Slavica*, herausgegeben von Hans Rothe, Band 2 = Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 98).

References

Barankova i dr. 1988 — G. S. Barankova, R. V. Bakhturina, L. A. Vladimirova i dr. *Izbornik Svyatoslava 1073 g. Nekotoryye drevnerusskiye i yuzhnoslavyanskiye cherty rukopisi* // *Slavyanskoye yazykoznanie*. X Mezhdunarodnyy syezd slavistov. Doklady sovetskoy delegacii: Sb. dokladov. Moskva, 1988.

Durnovo 2000 — N. N. Durnovo. *Izbrannyye raboty po istorii russkogo yazyka*. Moskva, 2000.

Galchenko 2001 — M. G. Galchenko. *Knizhnaya kultura. Knigopisaniye. Nadpisi na ikonakh Drevney Rusi. Izbrannyye raboty*. Moskva, 2001.

Krivko 2001 — R. N. Krivko. Funkcii bukvy u v drevnikh slavyanskikh rukopisyakh (preimushchestvenno na materiale Bychkovsko-Sinayskoy psaltiri) // *Russian Linguistics*. 2004. Vol. 28. S. 317—359.

Krysko 2005 — Ilina kniga. Rukopis RGADA, Tip. 131. *Lingvisticheskoye izdaniye, podgotovka grecheskogo teksta, kommentarii, slovoukazateli* V. B. Krysko. Moskva, 2005.

Krysko 2006 — V. B. Krysko. Ilina kniga — novoizdannyy pamyatnik drevney slavyanskoy pismennosti // *Izvestiya na Nauchen centr «Sv. Daziy Dorostolski»*. Kn. I: Mezhdunarodna nauchna konferenciya 1—2 septemvri 2006 g., posvetena na 1900 godini grad Silistra. Silistra, 2006. S. 42—55.

Krysko 2009a — V. B. Krysko. Ob izdanii fevralskoy minei // *Russian Linguistics*. 2009. № 1. S. 65—99.

Krysko 2009b — V. B. Krysko. Yeshche raz ob izdanii fevralskoy minei (po povodu vozrazheniy Gansa Rote) // *Acta Linguistica*. 2009. No. 2. S. 3—17.

Rothe, Vereščagin 1996 — Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften der Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts. Teil I: 1. bis 8. Dezember. Opladen, 1996. (*Patristica Slavica*, herausgegeben von Hans Rothe, Band 2 = Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 98).

СК XIV — Svodnyy katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v Rossii, stranakh SNG i Baltii. XIV vek. Vyp. 1 (Apokalipsis — Letopis Lavrentyevskaya). Moskva, 2002.

Тот 1985 — I. Тот. *Russkaya redakciya drevnebolgarskogo yazyka v konce 11 — nachele 12 vv. Sofiya*, 1985.

Vereshchagin 2006 — Drevneyshiy slavyanskiy bogoslužebnyy sbornik «Ilina kniga». Faksimilnoye vosproizvedeniye rukopisi. Bilinearно-spaticheskoye izdaniye istochnika s filologo-bogoslovskim kommentariyem / Izd. podgotovil Ye. M. Vereshchagin. Moskva, 2006.

Worth 1998 — D. S. Worth. Grammatical Constrains on Orthography: **ж**, **ѣ** in a 12th-c. Russian Manuscript // Slovo i kultura. Pamyati Nikity Iicha Tolstogo. Moskva, 1998. T. 1. S. 63—77.

Zhivov 2006 — V. M. Zhivov. Vostochnoslavjanskoje pravopisanije XI—XIII veka. Moskva, 2006.

Резюме

В статье рассматривается употребление букв **оу**, **ю**, **ж**, **ѣ** в Ильиной книге (рукопись РГАДА, Тип. 131). Закономерности постановки данных графем свидетельствуют о наличии определенных орфографических установок, регламентирующих их использование. Так, писец Илия совсем не употребляет **ѣ** после согласных (в этой позиции пишется только **ю**), а **ж** крайне редко появляется в начале слов и после гласных. В целом Илия предпочитал писать в корнях букву **ж**, а во флексиях диграф **оу**. Ряд корней довольно устойчиво ассоциировался писцом с графемой **ж**, при этом **ж**-маркировка могла распространяться на омофоничные корни (так, под влиянием корня **лжк**- в подавляющем большинстве случаев с юсом написаны слова *прилоучитися*, *оулоучити*, *лоуча* и компаратив *лоучии*).

Ключевые слова: история русского языка, церковнославянский язык, древнерусский язык, орфография, юс большой, носовые гласные

Статья получена 22.04.2014

IGOR M. LADYZHENSKY

THE GRAPHEMES **оу**, **ж**, **ю** AND **ѣ** IN IL'INA KNIGA

The article examines the usage of graphemes **оу**, **ю**, **ж**, **ѣ** in Il'ina kniga (Russian State Archive, F.381, No. 131). Regularities of using these graphemes provide evidence for the existence of certain spelling rules. For example, scribe Ilya never uses **ѣ** after consonants (in this position only **ю** is used), and **ж** very seldom appears at the beginning of words or after vowels. On the whole Ilya preferred to write **ж** in roots and the digraph **оу** in inflections. He quite consistently associated some roots with grapheme **ж**, and **ж**-marking could extend to homophonous roots (thus, under the influence of the root **лжк**- the words *прилоучитися*, *оулоучити*, *лоуча* and the comparative *лоучии* were written in most cases with *jus*).

Keywords: history of Russian language, Church Slavonic, orthography, big jus, nasal vowels

Received on 22.04.2014

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

В. М. КРУГЛОВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ТОЛКОВОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО «СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА» 1930-Х ГГ.: ОПИСАНИЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ БОЛЬШОЙ СЛОВАРНОЙ КАРТОТЕКИ ИЛИ РАН

1. Вводные замечания

В архиве Большой словарной картотеки ИЛИ РАН хранятся корректурные экземпляры толкового академического «Словаря русского языка» (далее Словарь), которые были подготовлены к печати в середине 1930-х гг., но так и не были изданы. Экземпляры интересны тем, что содержат обширную редакторскую правку и, таким образом, представляют ценность не только как источники по истории словарного состава русского языка первой трети XX в., но и как материалы по истории и теории лексикографии.

Напомним, что Словарь, издававшийся с 1891 по 1937 гг., был основан Я. К. Гротом как толково-нормативный. Я. К. Грот успел составить и подготовить к изданию первые три выпуска на буквы А—Д. После его смерти на должность главного редактора был избран А. А. Шахматов, который изменил принципы составления и существенно расширил словник за счет диалектных и просторечных слов. В 1920 г. редколлегию словаря возглавил В. М. Истрин. Под его руководством было продолжено издание выпусков в старой орфографии, набор которых был начат еще до революции [Истрин 1927]. На новую орфографию словарь перешел лишь на рубеже 20-х—30-х гг. Первыми такими выпусками стали *О — Обезоруживать* (Л., 1929) и *Обезоруживать — Обкататься* (Л., 1930).

В связи с необходимостью перехода на новую орфографию и расстановки заголовочных слов в соответствии с изменившимся алфавитным порядком на рубеже двадцатых-тридцатых годов началось исправленное и дополненное переиздание Словаря. Решение об этом было принято на общем собрании Академии наук в 1928 г. [Державин, Обнорский 1932: 26]. Это издание сменило несколько наименований. Сначала оно называлось «вторым», затем — «новым, переработанным и дополненным», затем — просто «новым», и, наконец, с 1934 г. — «седьмым» (по числу толковых

академических словарей русского языка, начиная со «Словаря Академии Российской»). «Седьмое издание», сначала под руководством В. М. Истрина, а с 1932 г. под руководством Н. С. Державина, составляли и редактировали Е. С. Истрина, П. Л. Маштаков, С. П. Обнорский, С. И. Ожегов, И. А. Фалев, В. И. Чернышёв, Л. В. Щерба. В 1937 г. работа над словарем была прекращена.

Выпуски «седьмого издания» печатались в произвольном порядке, поэтому в вышедших словарных материалах оставались обширные лакуны. Чтобы оценить значение обнаруженных архивных материалов и их место в истории Словаря, целесообразно составить хронологический указатель напечатанных выпусков, а также алфавитный перечень содержащихся в них отрезков словника.

Хронологический указатель выпусков «седьмого издания»

1930

Том V. Вып. 1. *Л* — *Лактукон*.

1932

Том V. Вып. 2. *Лактукопикрин* — *Лебедушка*.

Том VI. Вып. 1. *М* — *Малый*.

Том VIII. Вып. 1. *Не* — *Невинность*.

Том I. Вып. 1. *А* — *Ажно*.

1933

Том VI. Вып. 2. *Малый* — *Масловый*.

Том I. Вып. 2. *Ажно* — *Аллотриология*.

Том VIII. Вып. 2. *Невинность* — *Недовернуться*.

1934

Том XI (по старой нумерации — V). Вып. 3. *Лебедушка* — *Лезгинка*.

Том XII (по старой нумерации — VI). Вып. 2. *Малый* — *Масловый*.

Том XIV (по старой нумерации — IX). Вып. 3. *Обкатить* — *Облупливать*.

1935

Том I. Вып. 3. *Аллотриоморфный* — *Анархический*.

Том IX. Вып. 1. *И* — *Идеализироваться*.

Том XI (по старой нумерации — V). Вып. 4. *Лезгота* — *Лесной*.

Том XIII (по старой нумерации — VIII). Вып. 3. *Недовернуться* — *Нежунька*.

Том XIV. Вып. 4. *Облупливать* — *Ободрать*.

1936

Том I. Вып. 4. *Анархический* — *Антиципировать*.

Том XII (по старой нумерации — VI). Вып. 3. *Маслоглазый* — *Махать*.

Том XIII (по старой нумерации — VIII). Ч. 2. Вып. 4. *Нежурёный* — *Некрытый*.

Том XIV. Вып. 5. *Ободраться* — *Обратность*.

1937

Том V. Вып. 1. *Д — Даятельный.**Алфавитный перечень изданных словарных материалов*

А: А — Антиципировать

А — Ажно. 1932. Том I. Вып. 1.*Ажно — Аллотриология.* 1933. Том I. Вып. 2.*Аллотриоморфный — Анархический.* 1935. Том I. Вып. 3.*Анархический — Антиципировать.* 1936. Том I. Вып. 4.

Д: Д — Даятельный

Д — Даятельный. Том V. Вып. 1. 1937.

И: И — Идеализироваться

И — Идеализироваться. Том IX. Вып. 1. 1935.

Л: Л — Лесной

Л — Лактукон. Том V. Вып. 1. 1930.*Лактукопикрин — Лебёдушка.* Том V. Вып. 2. 1932.*Лебёдушка — Лезгинка.* Том XI (по старой нумерации — V). Вып. 3. 1934.*Лезгота — Лесной.* Том XI (по старой нумерации — V). Вып. 4. 1935.

М: М — Махать

М — Малый. Том VI. Вып. 1. 1932.*Малый — Масловый.* Том XII (по старой нумерации — VI). Вып. 2. 1933, 1934.*Маслоглазый — Махать.* Том XII (по старой нумерации — VI). Вып. 3. 1936.

Н: Не — Некрытый

Не — Невинность. 1932. Том VIII. Вып. 1.*Невинность — Недовернуться.* 1933. Том VIII. Вып. 2.*Недовернуться — Нежунька.* 1935. Том XIII (по старой нумерации — VIII). Вып. 3.*Нежурёный — Некрытый.* 1936. Том XIII (по старой нумерации — VIII). Ч. 2. Вып. 4.

О: Обкатить — Ободрать

Обкатить — Обдупливать. 1934. Том XIV (по старой нумерации — IX). Вып. 3.*Обдупливать — Ободрать.* 1935. Том XIV. Вып. 4.*Ободраться — Обратность.* 1936. Том XIV. Вып. 5.

Таким образом, в 1930-х гг. в рамках «седьмого издания» было составлено 20 выпусков, при этом один из них (*Малый — Масловый*) в связи с переходом на новую нумерацию был напечатан два раза — в 1934 г. он вышел с новым титульным листом. Были изданы материалы на буквы А, Д, Л, М, Н, О, но ни одна из них не была доведена до конца.

2. Описание архивных материалов

В процессе работы над Словарем каждая буква алфавита делилась на отрезки (или «формы», как их тогда называли) неравного объема. Каждой из «форм» присваивался порядковый номер. Для редактирования очередного выпуска составленные отрезки печатались типографским способом в нескольких экземплярах. На одном листе помещался только один столбец словаря, широкие поля оставлялись для замечаний редакторов.

«Формы», которые в середине 1930-х гг. были напечатаны и отредактированы, но не были опубликованы в связи с прекращением работ в 1937 г., в настоящее время хранятся в архиве Большой словарной картотеки ИЛИ РАН. Это переплетенные стопки сложенных пополам листов шириной примерно 35,5 см и высотой примерно 25,5 см. У некоторых листов отсутствует правая половина, и тогда они имеют размер 18 x 25,5 см. Столбцы словаря напечатаны в левой части разворотов. На первом листе каждой «формы» типографским способом указаны ее номер и границы. Например: «II (2) форма. Гадать — Газета». В границах «формы» листы имеют арабскую фолиацию, которая помещается над столбцами. Объем каждой «формы» составляет от 15 до 25 листов.

Приведем список обнаруженных материалов, соблюдая алфавитный порядок:

Г

- № 1. 18 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **I (1) форма. Г — Гадательствовать.** Стб. 1—18. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: синими чернилами — «27. II. 36. Е. Истрина», простым карандашом — «19. III. Е. Истрина». Многочисленные исправления и маргиналии простым карандашом.
- № 2. 17 л. 35,5 x 25,5 см. Второй лист отсутствует. Заглавие: **I (1) форма. Г — Гадательствовать.** Стб. 1—17. На первом листе в левом верхнем углу имеется неразборчивая подпись, выполненная синими чернилами, и дата «21 окт. 1935 г.», справа сверху — надпись красным карандашом «Пометки Истр. и Черныш. 1935»; справа внизу — штамп «13 АВГ 1935». Немногочисленные исправления и маргиналии синими и красными чернилами, а также простым карандашом.
- № 3. 9 л. 25,5 x 18 см. Последние листы отсутствуют. Заглавие: **I (1) форма. Г — Гадательствовать.** Стб. 1—9. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: простым карандашом — «Сергею Петровичу», синими чернилами — «С. Обнорский. 28 фев 1936». Многочисленные исправления и маргиналии синими чернилами.
- № 4. 5 л. 35,5 x 25,5 см. Первый и последние листы отсутствуют. Заглавие: **I (1) форма. Г — Гадательствовать.** Стб. 2—6. На первом

листе в левом верхнем углу имеется надпись простым карандашом «И. Крачковский. 4/III 935». Немногочисленные исправления и маргиналии простым карандашом.

- № 5. 18 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **II (2) форма. Гадать — Газета.** Стб. 1—18. На первом листе в верхнем левом углу имеется надпись синими чернилами «Е. Истрина 14. IV. 35». Обширные исправления и маргиналии синими чернилами и простым карандашом.
- № 6. 23 л. 25,5 x 18 см. Без титульного листа. **II (2) форма. Гадать — Газета.** Стб. 2—18. Стб. 4, 13, 14, 16 — в двух экз., стб. 15 — в трех экз. Лл. 4, 15, 16 — 35,5 x 25,5 см. Обширные исправления и маргиналии простым карандашом и синими чернилами.
- № 7. 17 л. 25,5 x 18 см. Заглавие: **III (3) форма. Газетёнка — Газопотребный.** Стб. 1—17. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись синими чернилами «С. Обнорск. 11 фев. 1936». Обширные исправления и маргиналии синими чернилами.
- № 8. 6 л. 35,5 x 25,5 см. Последние 11 листов отсутствуют. Заглавие: **III (3) форма. Газетёнка — Газопотребный.** Стб. 1—6. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись синими чернилами «Е. Истрина. 7. II. 936». Обширные исправления и маргиналии простым карандашом и синими чернилами.
- № 9. 14 л. 25,5 x 18 см. Заглавие: **IV (4) ф. Газопровод — Гаксодиевый.** Стб. 1—14. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: простым карандашом — «С. П. Обнорскому», синими чернилами — «С. Обнорск. 11 февр. 1936». Обширные исправления и маргиналии синими чернилами.
- № 10. 16 л. 25,5 x 18 см. Заглавие: **V (5) ф. Гал — Галдун.** Стб. 1—16. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: простым карандашом — «С. П. Обнорскому», синими чернилами — «С. Обнорск. 11 апр. 1936». Обширные исправления и маргиналии синими чернилами.
- № 11. 18 л. 35,5 x 25,5 см. Последнему листу ошибочно присвоен номер 17. Заглавие: **VI (6) ф. Галё — Галлеров.** Стб. 1—18. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись простым карандашом: «Евгении Самсоновне». Обширные исправления и маргиналии простым карандашом.
- № 12. 18 л. 25,5 x 18 см. Два последних листа ошибочно пронумерованы как 17. Заглавие: **VI (6) ф. Галё — Галлеров.** Стб. 1—18. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись красным карандашом: «С. Обнорск. 16. VI. 1936». Обширные исправления и маргиналии красным карандашом.

- № 13. 20 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **VII (7) ф. Галлея — Галуха**. Стб. 1—20. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись простым карандашом: «Евгении Самсоновне» и «Е. Истр.». Обширные исправления и маргиналии простым карандашом.
- № 14. 20 л. 25,5 x 18 см. Заглавие: **VII (7) ф. Галлея — Галуха**. Стб. 1—20. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: красным карандашом: 11. VI. 36. простым карандашом — «Сергею Петровичу», перьевой ручкой — «С. Обнорск. 18. VI. 1936». Обширные исправления и маргиналии синими чернилами.
- № 15. 15 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **VIII (8) ф. Галуша — Гамать**. Стб. 1—15. На первом листе в верхнем левом углу имеется надписи простым карандашом: «Евгении Самсоновне» и «Е. Истр.». Обширные исправления и маргиналии простым карандашом.
- № 16. 15 л. 25,5 x 18 см. Заглавие: **VIII (8) ф. Галуша — Гамать**. Стб. 1—15. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: красным карандашом — «11. VI. 36», простым карандашом — «Сергею Петровичу», перьевой ручкой — «С. Обнорск. 18. VI. 1936». Обширные исправления и маргиналии синими чернилами и простым карандашом.
- № 17. 13 л. 25,5 x 18 см. Заглавие: **IX (9) ф. Гамаша — Гамыла**. Стб. 1—13. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: простым карандашом — «Сергею Петровичу», синими чернилами — «С. Обнорск. 18 июня 1936». Обширные исправления и маргиналии синими чернилами.
- № 18. 5 л. 25,5 x 18 см. Последние листы отсутствуют (отрезок заканчивается словом Ганноверский). Заглавие: **X (10) ф. Ганабобель — Гапонка**. Стб. 1—5. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: простым карандашом — «Сергею Петровичу», синими чернилами — «С. Обнорск. 18 июня 1936». Обширные исправления и маргиналии синими чернилами.
- № 19. 12 л. 25,5 x 18 см. Последние листы отсутствуют (отрезок заканчивается словом Гарезничать). Заглавие: **XI (11) ф. Гар — Гарезнуть**. Стб. 1—12. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: простым карандашом — «Сергею Петровичу», синими чернилами — «С. Обнорск. 18 июня 1936». Вверху в центре имеется надпись синими чернилами «15/IV» и штамп «16 АПР 1936». Обширные исправления и маргиналии синими чернилами.

Е

- № 20. 17 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **I (1) ф. Е — еврит**. Стб. 1—17. На первом листе в левом верхнем углу имеются надписи: перьевой

ручкой — «М. Карпинский» и штамп «15 ЯНВ 1936». Слева в центре имеются надписи синими чернилами: «Еще корректуру», «60 экз-земпл.», «5 апр. 1936. М. Карпинский», а также штамп «ЕЩЕ КОРР. 7/10». Обширные исправления и маргиналии синими чернилами.

- № 21. 13 л. 35,5 x 25,5 см. Первый лист отсутствует, на втором — окончание статьи *Европеец*. Заглавие: **II (2) ф. (?) — египетка**. Стб. 2—14. Многочисленные исправления и маргиналии простым карандашом.
- № 22. 17 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **VIII (8) ф. Ежели — езда**. Стб. 1—17. На первом листе справа вверху имеется штамп «3 МАЯ 1936» и надпись синими чернилами «С. Обнорск. 9 окт. 1936». Обширные исправления и маргиналии простым карандашом.
- № 23. 17 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **IX (9) ф. Ездава — экзамент**. Стб. 1—17. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись синими чернилами «С. Обнорский» и штамп «3 МАЯ 1936». Вверху имеется надпись синими чернилами «3/V». Немногочисленные исправления и маргиналии простым карандашом.
- № 24. 19 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **X (9) ф. Екзарх — елкасик**. Стб. 1—19. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись синими чернилами «С. Обнорский. 9 окт. 1936». Вверху имеется надпись простым карандашом «16/V». Многочисленные исправления и маргиналии простым карандашом.

И

- № 25. 7 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **X (10) ф. Идеализм — Идеже**. Стб. 1—7. Слово **Идеже** в заглавии зачеркнуто и от руки исправлено на **Идезия** (словарная статья *Идезия* добавлена от руки в конце отрезка). На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись синим карандашом «Еще корр. Ляпунов. 10 экз.». Обширные исправления и маргиналии синими чернилами.
- № 26. 9 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **X (10) ф. Идеализатор — Идеже**. Стб. 1—9. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись красным карандашом «Читал Н. Державин» и штамп «19 ЯНВ 1935». Обширные исправления и маргиналии синими чернилами и красным карандашом.
- № 27. 8 л. 35,5 x 25,5 см. Печатное заглавие отсутствует. Вместо него имеется запись: **XI (11) ф. Идеишка — Идефикс** (статья *Идефикс* добавлена от руки в конце отрезка). Стб. 9—17. На первом листе в левом верхнем углу имеется надписи: синими чернилами — «14. II. 33 г.», синим карандашом — «Еще корр. Ляпунов. 10 экз.». Обширные исправления и маргиналии синими чернилами.

- № 28. 14 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **XI (11) ф. Идеишка — Идефикс.** Стб. 1—14. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись: красным карандашом — «Еще оттиснуть 15 экз. 11/II 36 г.», синим карандашом — «тиснуть 15 экз. 13/II» и штамп «25 ДЕК 1935». Исправления и маргиналии в тексте отсутствуют.

Л

- № 29. 18 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **IV (4) ф. Лес — лесотасочный.** Стб. 1—18. На первом листе в левой верхней части штамп «4 НОЯ 1934». Немногочисленные исправления и маргиналии синими чернилами.

М

- № 30. 18 л. 35,5 x 25,5 см. Заглавие: **XXIII (23) ф. Махинный — мачта.** Стб. 1—18. Многочисленные исправления и маргиналии синими чернилами.
- № 31. 14 л. 35,5 x 25,5 см. Последние листы отсутствуют; л. 14 заканчивается словарной статьей Машинный. Заглавие: **XXIV (24) ф. Мачтап — машинотракторный.** Стб. 1—14. На первом листе в левом верхнем углу имеется надпись перьевой ручкой «И. Фалев». Многочисленные исправления и маргиналии синими чернилами.

3. Содержание редакторской правки

История «седьмого издания» Словаря нуждается в изучении. При этом круг источников, содержащих сведения о его теоретической основе, чрезвычайно ограничен, так как работе по исправлению и дополнению словарных материалов не предшествовало составление программы, проекта и пробных словарных статей. В рамках «седьмого издания» вопросам лексикографической теории были посвящены лишь лаконичные формулировки в предисловиях к первым выпускам на букву *А* и отдельные фрагменты двух инструкций для внутреннего пользования, изданных уже накануне закрытия Словаря, — «Инструкции для редакторов», составленной С. П. Обнорским (1936), и «Инструкции для выборщиков», составленной Е. С. Истриной и И. А. Фалевым (1936).

В предисловии к первому выпуску на букву *А* (*А — Ажно*) редколлегия ограничилась сообщением о том, что в словник «включаются как слова литературные (в пределах от второй четверти XVIII века до наших дней) и употребляющиеся в обиходе различных социальных групп и местностей СССР, так и научные и технические термины по разным отделам знания и производств (Словарь, т. I (1932), вып. 1, с. 1). В предисловии ко второму выпуску (*Ажно — Аллотриология*), изданному год спустя, был определен

тип словаря: «толковый словарь современного русского языка, взятый в историческом развитии» (Словарь, т. I (1933), вып. 1, с. 1).

В этом контексте обнаруженные корректурные экземпляры представляют несомненный интерес, так как имеющаяся в них редакторская правка содержит сведения, касающиеся самых разных вопросов — от состава словника и структуры словарной статьи до техники показа системы значений и правил подачи иллюстративного материала. Остановимся на некоторых показательных примерах.

3.1. В ряде случаев речь идет о принципах формирования словника. Известно, что выпуски «седьмого издания» неоднократно критиковались за слишком широкие и неопределенные границы представленной в них лексики. Так, С. И. Ожегов (к слову, сам являвшийся членом редколлегии) позже увидел в «седьмом издании» «гипертрофию шахматовского принципа» и «отрицание здоровых начал шахматовского плана» [Ожегов 1952: 89].

Найденные архивные материалы свидетельствуют о том, что к середине тридцатых годов в вопросах формирования словника произошли некоторые изменения: его границы существенно сужаются, и Словарь, таким образом, обнаруживает движение в сторону нормативности. В частности, постепенно перестают наделяться статусом заголовочных слов устаревшие варианты и авторские неологизмы, которые начинают, соответственно, либо помещаться в статью при основном варианте, либо вообще вычеркиваться. При этом редактор не всегда демонстрирует уверенность в правильности вносимых исправлений и нередко оставляет вопрос открытым. Например, напротив лексемы *Газард* («Устар. То же, что азарт. Встретилось у Данилевского») имеется замечание: «*Газард*. См. *Азарт* и скорее (слово подчеркнуто двумя чертами. — В. К.) туда материал» (№ 5, стб. 15). В случае же с авторским неологизмом *Газелить* («Иметь движенья, свойства газели. Встретилось у И. Северянина. И фиолетовая, как черника, Фигурка Юнии газелит в сад. Сев. Гром. Куб.») редактор сомнений не испытывает и на полях помещает лаконичную запись: «в архив» (№ 5, стб. 15).

Начинают исключаться из словника и энциклопедические сведения, а точнее — наименования, обозначающие реалии других культур и эпох. И в этих случаях редактор иногда обнаруживает неуверенность. Например, статья *Габелла* («Франц. *gabelle*, лат. *gabella*. Косвенный налог вообще. Соляной налог, один из наиболее ненавистных налогов Франции старого порядка, неоднократно вызывавший возмущение широких народных масс против правительства (БСЭ)») уверенно вычеркивается. Ср.: «*Это энциклопедические сведения. Не надо*». (№ 1, стб. 5). В случае со словами *Габарр* («Лат. *gabbarae*. Род мумий у египетских христиан начала нашей эры») и *Габасс* («Франц. *gabasse*. Род коммерческого судна на севере Европы») вопрос остается открытым. Ср. на полях: «*Нужно ли?*» (№ 1, стб. 4).

3.2. Некоторые замечания редактора касаются семантики слов. Может уточняться содержание дефиниций, порядок следования значений и оттен-

ков, техника оформления переносных и специальных значений и т. д. Так, в статье *Гавкать* переносное употребление 'ругаться, браниться, кричать' редактор наделяет статусом оттенка, снабжая его соответствующим знаком (двумя вертикальными чертами) и ремаркой. Ср.: «*Лаять (о собаке)*. || *Переносно и в сравнении. Ругаться, браниться, кричать*» (№ 1, стб. 9). Точно так же в статье *Гаерство* данное без всякого знака употребление «шутовство» снабжается соответствующим знаком и ремаркой, а его дефиниция уточняется. Ср.: «|| *В сравнении и переносно. Об несерьезном отношении, показной шутливости*» (№ 5, стб. 11).

Следующие примеры свидетельствуют о том, что в Словаре постепенно изменяются правила показа терминологических значений, характеризующихся той же денотативной отнесенностью, что и соответствующие им общеязыковые. В «седьмом издании» подобные случаи либо наделялись статусом самостоятельных значений, либо приводились в ряду прочих специальных употреблений, объединенных в одном последнем значении. К середине тридцатых годов техника оформления, по всей видимости, начинает меняться. Так, напротив статьи *Гагара* — «1. Большая водяная птица из породы уток рыбалок, черного цвета с кургузым хвостом и затейливым оперением шеи и головы; живет постоянно у воды и питается преимущественно рыбой. <...> 2. Зоол. Род птиц *Colymbus* L., сем. гагаровых» — помещено соответствующее разъяснение: «*Разве это иное значение, чем 1. ?? Зоол. выделяется в конце, как термины, без цифры 2, только за — или с новой строки (чтобы отделить от перен.)*» (№ 1, стб. 1). Этот же прием описания термина предложен редактором и в статье *Гад*. Здесь на полях помещена новая структура основного значения: «1. Пресм. и земнов. <далее с новой строки. — В. К.> — Зоол.» (№ 1, стб. 14).

В некоторых случаях стремление уточнить дефиницию значения вызвано желанием избежать идеологических ошибок, которые могли грозить самыми серьезными последствиями, ведь известно, что академическая лексикография того времени испытывала регулярное давление вульгарной журналистики и бдительной, но некомпетентной общественности. Так, напротив первого значения слова *Гаврик* («простак, простофиля, разиня») редактор помещает подробное объяснение того, почему оба оттенка этого значения («босьяк, оборванец» и «хулиган») необходимо объединить в один и почему не следует использовать в определении лексемы, подразумевающие негативное отношение к бедным слоям населения. Ср.: «*Объединить: || Хулиган. Не следует в объяснении брать слова: оборванец, босьяк, т. к. они отражают стар. идеологию. <...> Что-то надо отметить для сл. Гаврик в данном употр.; в чьих устах? Это связано с класс.-чуждыми элементами и не м. б. дано вне всякого освещения. Лучше не давать, а оставить в архиве*» (№ 1, стб. 10). В уже цитировавшейся выше статье *Гад* случай устойчивой лексической сочетаемости, оформленный в виде оттенка, — «|| *Гады союзные, белые и под. — Об интервентах, белой эмиграции и других врагах революции и советской власти*» — редактор по той же

причине превращает в самостоятельное значение, а саму дефиницию дополняет описанием вражеской деятельности, усиливая отрицательную оценочную коннотацию. Ср.: «2. *Переносно. Не надо выделять: белые, союзные и т. д., а сказать о врагах революции и советской власти, примен. подлые средства вредительства, клеветы и под.»* (№ 1, стб. 14). Нетрудно заметить, что проявленная осторожность привела к серьезной ошибке: в действительности переносное значение было существенно шире и врагами революции не исчерпывалось.

3.3. Редакторы обращают внимание и на употребление нормативно-стилистических помет. Слово *Гаврик* снабжается пометой *Вульг(арное)* (№ 1, стб. 10), а слово *Габарит* («предельные очертания каких-либо предметов — зданий, машин и под.») — пометой *Техн(ическое)* (№ 1, стб. 3).

Широкие хронологические границы Словаря — «в пределах от второй четверти XVIII века до наших дней» (Словарь, I (1932), вып. 1, предисл. с. 1 нн.) компенсировались тем, что включенные в словник устаревшие слова маркировались целым рядом хронологических помет: относящиеся к XVIII в. — пометой *Стар.*, к XIX в. — пометой *Устар.*, к дореволюционному времени — пометой *Доревол.* (см. [Обнорский 1936: 58]). В статье *Габинет* («о высшем органе правительства Анны Иоанновны») С. П. Обнорский исправляет дефиницию: «*О правительственном учреждении (Времени Анны Иоанновны)*» и, по всей видимости, ошибочно заменяет помету *Стар.* на *Устар.* (№ 1, стб. 5).

3.4. Неизданные корректуры содержат сведения о правилах оформления и требованиях к содержанию иллюстративного материала.

Так, в комментариях к слову *Гаврик* говорится о порядке следования цитат и бестекстовых ссылок при значениях с пометой *Обл.* Ср.: «*Если есть пример в обл., он ставится на первое место. После источника . (точка. — В. К.) и тогда другие ссылки*» (№ 1, стб. 10). Замечания напротив статьи *Газетный* (точнее, напротив оттенка «свойственный газете. Газетный язык, газетные обороты и под.») содержат ценные сведения о технике оформления цитат при оттенке значения, осложненном устойчивой лексической сочетаемостью. Здесь же можно почерпнуть сведения о профессиональном жаргоне лексикографов. Из примечания следует, что указания на устойчивую лексическую сочетаемость слова в то время среди научных сотрудников было принято называть «выносками». Ср.: «*После определения надо дать примеры без выносок, а потом специфические, устойчивые обороты с выносками*» (№ 7, стб. 3).

Так же, как и дефиниции значений, иллюстративный материал проходил проверку на идеологическое соответствие. «Инструкция для выборщиков» предупреждала сотрудников о недопустимости искажения смысла в случае вынужденного сокращения цитаты. На этот счет было составлено подробное разъяснение, которое заслуживает того, чтобы быть приведенным пол-

ностью. Ср. (разрядка принадлежит авторам инструкции): «С большой осторожностью надо относиться к выпискам из научно-публицистических сочинений: цитаты из них должны отражать высказывания самого автора. Совершенно недопустимо, чтобы упоминаемые автором высказывания других лиц приводились на карточках без оговорок, как будто принадлежащие самому автору; совершенно недопустимо, чтобы автору приписывались чужие высказывания, иногда совершенно чуждые ему идеологически. Недопустимо иронические или осуждающие высказывание автора передавать в таких выдержках, в которых ирония и осуждения не обнаруживаются» [Истрина, Фалев 1936: 16].

Из статьи Г («буква „ге“ (...) четвертая в современном русском алфавите»), точнее — из иллюстративного материала к значению «2. в сокращениях: а) город, б) господин, в) гражданин, г) губерния д) год», по видимому, по причине возможного возникновения нежелательных ассоциаций была вычеркнута цитата «Мы оборонцы с 7 ноября (25 октября) 1917 г.», взятая из статьи В. И. Ленина «Главная задача наших дней». Напротив нее на полях имеется замечание редактора: «Не надо тревожить Ленина для такого пустяка!» (№ 1, стб. 1).

Из того же корректурного экземпляра, уже отпечатанного типографским способом и датированного 19 марта 1936 г., были удалены цитаты из произведений Б. Л. Пастернака. В первом случае речь шла о статье *Гавань*, где при первом значении имелось указание на лексическую сочетаемость слова, снабженное соответствующим толкованием и иллюстрацией:

«Взять гавань за плечи — оставить, покинуть гавань. Встретилось у Пастернака.

Тихо взявши гавань за плечи,
Мы отходим за пакгаузы.
Пастернак, Отплыть (Поверх барьеров 96)».

Приведенный фрагмент был целиком вычеркнут редактором, оставившим на полях запись: «Не надо вносить в Словарь индивидуальных поэтических мудрствований» (№ 1, стб. 8).

Чуть ниже, в статье *Газ* («название тонкой шелковой прозрачной ткани»), была удалена цитата:

«И говор долетает снизу.
А сверху, задыхаясь, вяз
Бросает в трепет холст маркизы
И ветки вчерчивает в газ.
Пастернак, Из поэмы (Поверх барьеров 80)».

Напротив на полях было помещено указание: «Непонятно!! Какой газ? Выбросить» (№ 5, стб. 14).

3.5. Несомненную ценность представляют и те комментарии, в которых обобщается личный опыт словарной работы. Объемное примечание

Е. С. Истриной напротив статьи *Газетный* заканчивается словами, которые могли бы быть адресованы не только составителю: «*Надо вырабатывать в себе навык — владеть материалом, а не подчиняться ему, быть его хозяином, а не рабом. Это мой товарищеский совет*» (№ 8, стб. 4).

4. Выводы

Подведем итоги. В архиве Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН хранятся материалы неопубликованных выпусков Словаря, относящиеся к середине 1930-х гг. Это отпечатанные типографским способом корректурные экземпляры, содержащие многочисленные исправления и комментарии редакторов.

Объем неопубликованных словарных материалов составляет 309 столбцов: 166 столбцов на букву Г (*Г* — *Гарезнуть* с лакунами *Ганноверский* — *Гапонка*, *Гарезничать* — *Гарезнуть*), 70 — на букву Е (*Е* — *Египетка* и *Ежели* — *Елкасик* с лакуной *Египетка* — *Европеиц*), 23 — на букву И (*Идеализатор* — *Идефикс*), 18 — на букву Л (*Лес* — *Лесотасочный*), 32 — на букву М (*Махинный* — *Машинный*). При этом один отрезок на букву И (№ 26) и один на букву Л (№ 29) были частично опубликованы в соответствующих выпусках, вышедших в 1935 г.: первый — до слова *Идеализироваться*, второй — до слова *Лесной*.

Отпечатанные типографским способом «формы» в ряде случаев сохранились в нескольких экземплярах. Это могут быть как копии, с которыми параллельно работали разные редакторы, так и отличающиеся по содержанию фрагменты, которые отражают разные этапы подготовки словаря к публикации. Представленная в обнаруженных материалах редакторская правка является ценным источником по истории и теории русской академической лексикографии. В ней содержатся сведения, касающиеся общих принципов составления и структуры Словаря.

Л и т е р а т у р а

Державин, Обнорский 1932 — Н. С. Державин, С. П. Обнорский. История и техника издания Словаря русского языка Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. 1932. № 7. Стб. 13—26.

Истрин 1927 — В. М. Истрин. Работа над словарем русского языка в Академии Наук // Известия АН СССР. VI серия. 1927. Том XXI и последний. Вып. 18. С. 1661—1673.

Истрина, Фалев 1936 — Е. С. Истрина, И. А. Фалев. Словарь русского языка. Инструкция для выборщиков. М.; Л., 1936.

Обнорский 1936 — С. П. Обнорский. Словарь русского языка. Инструкция для редакторов. М., 1936.

Ожегов 1952 — С. И. Ожегов. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 85—103.

References

Derzhavin, Obnorskiy 1932 — Derzhavin N. S., Obnorskiy S. P. Istoriya i tekhnika izdaniya Slovarya russkogo yazyka Akademii nauk SSSR // Vestnik Akademii nauk SSSR. 1932. № 7. Stb. 13—26.

Istrin 1927 — Istrin V. M. Rabota nad slovarem russkogo yazyka v Akademii Nauk // Izvestiya AN SSSR. VI seriya. 1927. Tom XXI i posledniy. Vyp. 18. S. 1661—1673.

Istrina, Falev 1936 — Istrina E. S., Falev I. A. Slovar' russkogo yazyka. Instruksiya dlya vyborshchikov. Moskva; Leningrad, 1936.

Obnorskiy 1936 — Obnorskiy S. P. Slovar' russkogo yazyka. Instruksiya dlya redaktorov. Moskva, 1936.

Ozhegov 1952 — Ozhegov S. I. O trekh tipakh tolkovykh slovarey sovremennogo russkogo yazyka // Voprosy yazykoznanija. 1952. № 2. S. 85—103.

Материал поступил 16.12.2014

Received on 16.12.2014

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Хроника XIV Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»

9—13 сентября 2014 года в Тверском государственном университете (ТвГУ) прошла XIV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья», посвященная 110-летию со дня рождения крупнейшего российского ономатолога, основателя поволжских ономастических конференций В. А. Никонова. В конференции приняли участие более 50 исследователей из 18 городов России (Арзамас, Великий Новгород, Волгоград, Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Кострома, Махачкала, Москва, Тверь, Пенза, Пермь, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Самара, Смоленск, Якутск, Ярославль), а также из Витебска, Минска (Беларусь), Киева (Украина) и Хельсинки (Финляндия).

На торжественном открытии конференции с приветственным словом выступили проректор ТвГУ **Л. Н. Скаковский**, заведующий кафедрой истории и теории культуры Государственной академии славянской культуры (Тверь) **В. М. Воробьев**, главный библиотекарь отдела редких книг научной библиотеки ТвГУ **Г. С. Гадалова**, председатель постоянно действующего оргкомитета конференции «Ономастика Поволжья», профессор Волгоградского социально-педагогического университета **В. И. Супрун**, председатель Тверского оргкомитета, доцент ТвГУ **И. М. Ганжина**, а также зарубежные участники конференции.

Теоретико-методологические проблемы ономастики были затронуты в докладах представителей Волгоградской ономастической школы. **И. В. Крюкова**

(Волгоград) в докладе «Коннотоним и прецедентный оним: соотношение понятий» указала на то, что соответствующие термины зачастую неоправданно смешиваются, и провела разграничение между ними: прецедентность — частный случай коннотативности; прецедентными являются лишь те онимы, которые обладают четко выраженной семантикой и регулярно употребляются в переносном значении в качестве именного сказуемого. **В. И. Супрун** (Волгоград) в докладе «Лингвокультурологическая и лингвокраеведческая составляющие современного ойконимического словаря» обратился к проблемам взаимодействия различных топонимических систем (общерусской, региональной, этнической, субэтнической и административной) на материале готовящегося ойконимического словаря Волгоградской области.

В ряде докладов освещались различные аспекты лексикографической и прикладной работы с ономастическим материалом, представлялись исследовательские проекты. **М. В. Горбаневский** (Москва) в докладе «Ономастика — лингвокриминалистика — судебные экспертизы» рассказал о практике и принципах проведения Гильдией лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) судебных лингвистических экспертиз, связанных со спорными именами собственными (прежде всего с названиями различных организаций и товарными знаками). **И. М. Ганжина** (Тверь) представила проект научно-популярного ис-

торического словаря тверских фамилий, материалом для которого станут памятники деловой письменности XV—XVIII в.; в докладе были охарактеризованы основные принципы создания словаря (указание вариантов антропонимов, источников, этимологической информации и т. д.), приведены примеры словарных статей. Другой проект — электронный ономастический тезаурус «Библиотека лексикографа», работа над которым ведется в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН, представил **А. А. Бурыкин** (Санкт-Петербург); возможности поиска в тезаурусе были продемонстрированы на примере онимов *Волга-матушка* и *Амур-батюшка*. **Н. В. Бубнова** (Смоленск) выступила с докладом «О принципах создания ономастического пособия словарного типа на основе регионального материала», в котором рассказала о принципах подготовки соответствующего учебного пособия, основанного на смоленском ономастическом материале, а также о перспективах его использования в образовательном процессе. **Н. С. Ганцовская** и **Г. Д. Неганова** (Кострома) в докладе «Мифологические персонажи в пространстве культурного ландшафта Костромского Заволжья» поделились материалами «Словаря говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи», составленного Н. С. Ганцовской; речь шла о диалектных названиях мифологических персонажей — нечистой силы и людей, обладающих сверхъестественными способностями. **Н. А. Максимчук** (Смоленск) рассказала о проблемах отражения вариантных микропонимов, с которыми ей пришлось столкнуться при создании лингвокраеведческого словаря «Шумячское Порубежье в именах и названиях» (Смоленск, 2012). **И. Т. Шангараев** (Пенза) представил результаты количественного анализа цитирований работ по онома-

стике В. Д. Бондалетова. **П. А. Ватолина** (Пенза) рассказала об опыте использования энциклопедических словарей универсального типа для изучения антропонимии полиэтнических социумов.

Большой блок составили выступления, посвященные субстратной ономастике и ономастическому полю в условиях этноязыковых контактов. **И. И. Муллонен** (Петрозаводск) выступила с докладом «Об одной субстратной финно-угорской топооснове в Верхневолжье», в котором предложила реконструкцию древней финно-угорской гидронимической топоосновы со значением 'длинный' — **kuwa(kka)*; было высказано предположение, что в случае с некоторыми русскими гидронимами с топоосновой *долг-* (например озеро *Долгое*) имеет место перевод изначального финно-угорского названия. В докладе **Х. Л. Ханмагомедова** и **А. Н. Гебековой** (Махачкала) «Тюркская топонимия северо-западной части Северо-Восточного Кавказа Волго-Каспийского макрорегиона» были рассмотрены топонимы ногайского и кумыкского происхождения на территории современных Чечни и Ингушетии. **П. Я. Мульдьяров** (Москва) в докладе «Этнонимы в субстратной топонимии Чувашии» представил реконструкцию топонимов иранского (скифского) происхождения на территории Чувашии. **Д. В. Кузьмин** (Петрозаводск) в докладе «Карельско-русское контактирование в Тверской области в свете данных географической терминологии» выявил заимствования из русского языка в географической лексике субэтнической группы тверских карел. **Т. В. Горлова** (Кострома) выступила с докладом «К вопросу о субстратных топонимах с географическим детерминантом *-хта* (на примере гидронима Нерехта и названия лесного массива Келохта)», сделал вывод, что формант *-хта* характерен для топонимов с мерянской основой. **А. Л. Пустя-**

ков (Финляндия, Хельсинки) рассмотрел топонимы с компонентом *шУр* в Ветлужско-Вятском междуречье и географическую дистрибуцию вариантов данного компонента — *шар, шор, шур, шер*, характерных прежде всего для топонимов марийского и удмуртского происхождения. **Н. М. Иванов** (Якутск) в докладе «Из топонимии северо-запада Республики Саха: язык, культура» рассмотрел тунгусо-маньчжурские и самодийские топонимы Якутии, отражающие мифологические представления соответствующих народов. В совместном докладе **Х. Л. Ханмагомедова, С. Х. Гасановой** и **К. С. Джалилова** (Махачкала) был проанализирован состав фитонимикона Юго-Восточного Дагестана, в котором преобладают азербайджанские фитонимы, а значительно меньшую долю занимают фитонимы даргинские, лакские и лезгинские.

В ряде докладов рассматривалась общетопонимическая проблематика. Предметом внимания **В. Л. Васильева** (Великий Новгород), выступившего с докладом «Гидронимы, мотивированные названиями прибрежных селений», стали разные типы отойконимной мотивации названий водных объектов. **М. В. Боброва** (Пермь) в докладе «Лексика, реконструируемая на основе ойконимии: темпоральный аспект» продемонстрировала, как топонимические данные помогают восстановить единицы словарного состава русского языка, относящиеся к различным временным периодам. **А. А. Макарова** (Екатеринбург) в докладе «Терминология землевладения в топонимии Белозерья» выделила три группы названий, связанных с различными формами землевладения, на территории соответствующих районов Вологодской области: 1) названия, включающие обозначение типов поселений (*двор, городок, усадьба* и др.), 2) указывающие на коллективного землевладельца (*монастырь, казна, «мир»*),

и 3) указывающие на индивидуального землевладельца (*барин, боярин, князь*).

Значительный блок составили доклады, посвященные урбанонимике и микротопонимике (городской и сельской). **Т. П. Соколова** (Москва) в докладе «Проблема наименования новых городских объектов» рассмотрела топологическую систему так называемой Новой Москвы, нарушившую «географический» принцип именования московских улиц, принятый в 1960-е гг. В частности, в результате того что бывшие подмосковные населенные пункты, включенные в состав Москвы в 2012 г., имели собственную систему ориентации, в Новой Москве, располагающейся в юго-западной части столицы, появились «северные» микроурбанонимы. Отдельное внимание было уделено наименованию улиц в честь зарубежных политиков и деятелей искусства. **Р. В. Разумов** (Ярославль) в докладе «Типология систем урбанонимов русских провинциальных городов: малый город / большой город» сопоставил урбанонимические системы в городах Центрального федерального округа: согласно выводам исследователя, набор географических названий в малых городах ограничен терминами *улица, переулок, площадь*; для них мало свойственны номинации *бульвар, набережная, проспект, проезд*; составные названия улиц с нумеративным элементом или указанием на размер, а также совпадение урбанонимов (наподобие *Вокзальная (-ый) улица / переулок / площадь*) также более характерны для больших городов и городов-миллионников; отмечено различное соотношение названий-посвящений и эвсемантических урбанонимов. **Л. Ю. Кодынева** (Великий Новгород) рассмотрела названия улиц Великого Новгорода, мотивированные названиями церквей и монастырей. **Д. В. Петров** (Санкт-Петербург) в докладе «Советская практика отражения в топонимии Тверской об-

ласти имен политиков и революционных деятелей» затронул морально-политический аспект ономастики и призвал к переименованию улиц, названных в честь революционеров-террористов и государственных деятелей, санкционировавших репрессии.

Предметом внимания **Ю. В. Зверевой** (Пермь) стали диалектные микропонимы Чердынского района Пермского края, которые были проанализированы с точки зрения лексического состава: в сложные микропонимы зачастую включаются географические термины *болото, лог, лес, пожня, курья* диал. 'залив на месте старого русла реки', *яма* диал. 'глубокое место в реке' и др., а также антропонимы. **М. Л. Дорофенко** (Витебск, Беларусь) выступила с докладом «Пути репрезентации топонимического кода культуры в виконимии Беларуси», в котором рассмотрела соотношение компонентов «свой» и «чужой» в названиях сельских улиц: согласно выводам докладчицы, для сельских населенных пунктов Беларуси более характерно именование улиц по объектам «своего», чем «чужого» пространства. **Е. В. Цветкова** (Кострома) обратилась к полевым материалам, записанным в Костромской области; в ее докладе «Отражение параметра времени в костромской микропонимии» были представлены рассуждения жителей костромских сёл о «старых» и «новых» микропонимах, о одновременных реалиях, которые отражают эти микропонимы. **Ю. Ю. Гомырова** (Ярославль) в докладе «Женские имена в составе комонимов Ярославской области» выделила названия ярославских деревень, мотивированные 1) календарными женскими именами, 2) женскими прозвищами, образованными от мужских календарных имен, 3) женскими прозвищами, которые, в свою очередь, мотивированы мужскими некалендарными именами. **Л. А. Климова** (Арзамас) в

докладе «Нижегородская микропонимия в условиях двуязычия» обратилась к взаимовлиянию русской и мордовской топонимических систем в с. Акузово Сергачского района Нижегородской области. В выступлениях **В. А. Сёмушкиной** (Воронеж) и **Э. О. Пархоц** (Воронеж) рассматривалась микропонимия конкретных сёл Воронежской области — соответственно с. Кучугуры Нижнедевицкого района и с. Верхняя Плавица Верхнехавского района.

В следующем блоке рассматривались проблемы антропонимики. Предметом доклада **А. М. Григораш** (Киев, Украина) «Личностные перифразы в современной русскоязычной прессе Украины: глобальная политика и индивидуальная судьба» стало перифрастическое именование политиков в украинских СМИ при помощи обращения к коннотативным именам российских политиков (например, мэр Киева Александр Омельченко — *киевский Лужков*), а также к использованию описательных конструкций (например, Юлия Тимошенко — *оранжевая принцесса, женщина, которая с косой, заключенная номер один* и мн. др.), при этом в разные периоды для именованного одного политика использовался разный набор перифраз. **Ю. А. Гурская** (Минск, Беларусь) в докладе «Динамика аксиологической картины мира языковой личности через призму ключевых антропонимов культуры» представила результаты опроса минских студентов, которым было предложено назвать десять наиболее значимых деятелей российской и белорусской культур и назвать ценности, воплощенные этими именами. **В. О. Максимов** (Москва) в докладе «Особенности трансонимизации в русских оттопонимических фамилиях» проанализировал стратегии образования фамилий от топонимов в разные периоды истории России: по вотчинным владениям фео-

далов, по месту службы, по месту происхождения, по этнонимам, по абстрактным географическим названиям (искусственные семинарские фамилии) и т. д. **О. А. Образцова** (Кострома) рассмотрела использование личных имен поуниженских крестьян начала XX в. в рукописных книгах писателя и художника Е. В. Честнякова. **Т. А. Бойкова** (Волгоград) в докладе «Номинативные интенции родителей» обратилась к стратегиям имяназвания детей по материалам опроса, проведенного в Волгограде: респонденты в возрасте до 35 лет при выборе имени чаще руководствовались вкусовыми предпочтениями, в то время как респонденты в возрасте 35—50 лет чаще называли детей в честь старших родственников, людей, сыгравших значимую роль для семьи, либо известных личностей.

Несколько докладов были посвящены литературной ономастике. В открывшем конференцию докладе **Н. В. Васильевой** (Москва) «Персонаж-двойники в ономастическом зеркале» была предложена типология ономастических стратегий, используемых в русской и западноевропейской художественной литературе для конструирования образов двойников. **Г. Ф. Ковалёв** (Воронеж) в своем выступлении обратился к поэтике личного имени в творчестве А. С. Пушкина, особое внимание уделив критике псевдонаучных литературоведческих интерпретаций пушкинского ономастикона. **И. А. Королёва** (Смоленск) в докладе «Ономастический фон лирики А. Т. Твардовского» показала, как использование поэтом различных онимов — маркеров эпохи (например, названий орденов, печатных изданий, папирос и т. д.) передает лингвокультурологическую информацию о данной эпохе. **И. Н. Исакова** (Москва) выделила семантически значимые имена и фамилии в пьесе А. Н. Островского «На бойком месте». Предметом внима-

ния **К. Ю. Курс** (Смоленск) стало употребление топонимов и антропонимов в названиях поэтических произведений М. В. Исаковского. **Н. В. Волкова**

(Тверь) обратилась к лирике В. С. Высоцкого, рассмотрев употребление им топонима *Россия* в разных контекстах. **Н. В. Комлева** (Вологда) проанализировала топонимы в лирике Б. А. Ахмадулиной, **Ю. Л. Василевская** (Тверь) — семантику антропонимов в романе Л. М. Леонова «Вор».

На конференции также прозвучал ряд докладов, затрагивавших проблемы, связанные с ономастической периферией. **Т. П. Романова** (Самара) в докладе «Знаки адресата в прагматонимии рубежа XIX—XX вв.» проанализировала названия конфет и оформление конфетных фантиков с точки зрения того, на какого адресата рассчитана продукция — в зависимости от пола, возраста, социального положения. Отдельное внимание было уделено этикеткам, содержащим образовательную или развлекательную информацию. **О. В. Врублевская** (Волгоград) в докладе «Языковая мода в гемеронимии» рассмотрела названия газет и журналов Волгоградской области, издающихся с 1990-х гг., а также центральных изданий, распространяемых в области, отметив популярность гемеронимов с лексемой *правда*, возвращение дореволюционной модели с использованием компонентов *вестник*, *вести*, *ведомости*, модную тенденцию именования печатных изданий по модели названий сайтов и стремление издателей к оригинальности за счет использования демонстративных названий. **М. В. Ахметова** (Москва) в докладе «Названия детей по месту жительства в современном русском языке» рассмотрела катойконимы со значением ребенка (типа *мурманчата* < *мурманчане*) и сферы их употребления, в том числе в составе имен собственных — названий детских организаций, меро-

приятый, адресованных детям или понимающих их участие, и т. д. **А. И. Грищенко** (Москва) проанализировал употребление в уфимском регионе русского языка экспрессивного этнонима *алляры*, используемого для именования башкир — выходцев из сельской местности, и предложил несколько версий его происхождения (от личного имени *Алляр* или фамилии *Алляров*, от тюркского слова со значением ‘парень’, от тюркского почетного титула). **Е. Н. Варникова** (Вологда) представила типологию кличек легавых в Родословной книге охотничьих собак Московского общества охоты имени императора Александра II, изданной в 1862 г.

В рамках конференции состоялся круглый стол «Тверь и Тверская земля в культуре народов России». Перед началом конференции был издан сборник материалов, содержащий около 100 тезисов докладов [Ганжина, Супрун 2014].

Следующую конференцию «Ономастика Поволжья» было решено провести в 2016 году в Арзамасе.

Л и т е р а т у р а

Ганжина, Супрун 2014 — Ономастика Поволжья: Материалы XVI Междунар. науч. конф. (Тверь, 10—12 сентября 2014 г.) / Под ред. И. М. Ганжиной, В. И. Супруна. Тверь, 2014.

М. В. Ахметова

РЕЦЕНЗИИ

Первое издание Добрилова евангелия*

Добрилово евангелие 1164 г. (РГБ, Рум. 103; далее ДЕ) — вторая (из двух) точно датированных древнерусских рукописей XII в.¹ — стало известно ученым в 1822 г., когда кодекс был приобретен Н. П. Румянцевым². После ряда публикаций, благодаря которым в научный оборот были введены отрывки текста, описаны отдельные палеографические и языковые черты рукописи и высказано мнение о написании кодекса на юге Руси [Schachmatow 1883: 58, 76], развернутое исследование Евангелия было предпринято А. И. Соболевым, впервые описавшим на материале ДЕ явление «нового ъ» и причислившим памятник к источникам по истории открытого им «галицко-волынского наречия» [Соболевский 1884: 1—8, 89—93]; киевское происхождение рукописи доказывал И. В. Ягич [1889: 12—14]. В 1960-е гг. ДЕ привлекло внимание О. В. Малковой, посвятившей ему свою кандидатскую диссертацию (см. [Малкова 1967]) и цикл статей, в которых нашли отражение проведенное автором подробное палеографическое исследование источника и статистически выверенный анализ некоторых орфографических и фонетических явлений (см.

[Малкова 1963; 1966; 1968; 1981; 1982], а также [Малкова 1987а: 137—140; 1987б]). Образцовое каталожное описание рукописи, снабженное важными примечаниями, принадлежит Н. Б. Тихомирову [1965: 95—99, 117—126]. Спорадически обращались к источнику А. Е. Крымский, Б. М. Ляпунов, П. А. Бузук, Л. П. Жуковская, В. М. Живов и др. Однако издание ценного древнерусского памятника было осуществлено лишь недавно: в 2012 году Ю. В. Осинчук, под эгидой Института украинского языка и Института украиноведения им. И. Крипьякевича Национальной академии наук Украины и при поддержке Канадского института украинских исследований Альбертского университета, опубликовал во Львове, в сериях «История языка» и «Памятники украинского языка», подготовленный им «транслитерированный текст» (в действительности — разделенный на слова, так как транслитерация предполагает замену графической системы, а кириллица ДЕ в рассматриваемом издании не заменена ни латиницей, ни современным гражданским шрифтом) с указателем словоформ³.

Книга открывается четырехстраничной статьей ответственного редактора В. В. Нимчука «Походження Добрилового Евангелія», перепечатанной из ужгородского сборника «Слов'янська ономастика» 1998 г. К сожалению, перепечатке не предшествовало редактирование, ко-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-34-01009 «Древнерусские рукописи XII в.: исследование и подготовка к изданию»).

¹ Первая — Галицкое евангелие 1144 г., см. [СК: 94—95].

² Сведения об истории изучения рукописи почерпнуты из [Тихомиров 1965; СК: 97—98].

³ Добрилово Євангеліє 1164 року / Відп. ред. В. В. Німчук, упор. Ю. В. Осінчук. Львів, 2012. 804 с.

торое было проведено лишь *post factum*, и только из вклейки читатели узнают, что «Олександр Соболевський» и «Олександр Шахматов» на самом деле носили имя «Олексій», что П. А. Бузук именовался не «Павло», а «Петро» и что знаменитый библиист Г. А. Воскресенский был крещен Григорием, а не Георгием (отчества повсюду опущены). Опираясь на выходную запись, согласно которой «**нап(и)санъ бѣша книгы сиа**⁴... **дыакомъ стѣхъ ап(с)лѣ костантинномъ а мирьскѣ добрило · семеоноу (по)пови · стѣго иоана пр(д)тча**» [Соболевский 1884: 1]⁵, В. В. Нимчук — вслед за Н. Б. Тихомировым [1965: 125], хотя и без ссылки на него — обратил внимание на географическую близость двух церквей, упоминаемых в летописях, — Святых Апостолов в Берестовом близ Киева (см. [ЛЛ: 155—156]) и Иоанна Предтечи в Копыревом конце Киева (см. [ИЛ: 286]) — и пришел к выводам о том, что в 1164 г. священник Иоанновской церкви Симеон «попросив Добрила, дяка в Берестовому, переписати Євангеліє» (с. 9) и что, следова-

тельно, «Добрилове Євангеліє створене біля стольного Києва» (с. 10). Идя существенно дальше, автор апеллирует к надписям киевского Софийского собора, где фигурируют **сьмьюнъ, пѣпадиа сьмьюна и кѣснатинъ кѣснатинъ отрокъ** [Высоцкий 1966: 61, 97, 62], и задает риторический вопрос: «Чи це не Константин Добрило?» (с. 10). Абстрагируясь от гипотез, вызывающих в памяти термин *монопросопомания*, мы не можем не согласиться с тем, что летописные свидетельства не содержат сведений, противоречащих предложенной В. В. Нимчуком локализации, т. е. могут интерпретироваться как подтверждающие точку зрения И. В. Ягича. В то же время в построениях В. В. Нимчука не учитываются существенно более нюансированные наблюдения Н. Б. Тихомирова [1965: 125]: наш крупнейший палеограф, констатировав тот факт, что летописям «известны церкви св. Апостолов (созданные ранее 1164 г.) в сравнительной близости от церкви св. Иоанна... на юге Руси», и отметив соседство уже упомянутых церквей, а также церкви Св. Апостолов в Белгороде, в 25 верстах от Киева, подчеркнул: «Этим мы не хотим сказать, что Добрилово евангелие было создано непременно в Киеве или около него». В обоснование своего осторожного подхода Тихомиров указал на содержащиеся в летописях данные о церкви Св. Иоанна в Перемышле (украинская Густынская летопись XVII в., под 1125 г., см. [ГЛ: 77]) и об Иоанновском монастыре в Галиче [ИЛ: 665] и резюмировал: «Если учесть, что в летописях есть сведения далеко не о всех церквах, особенно деревянных... то не исключено, что в тех же городах или поблизости могли быть и церкви (или монастыри) св. Апостолов».

За статьей В. В. Нимчука следует обширный очерк Ю. В. Осинчука «Живомовни риси в Добриловому Євангелію 1164 року» (с. 11—34), посвященный

⁴ Или **си** [Тихомиров 1965: 96, 119].

⁵ По данным Н. Б. Тихомирова [1965: 118—119], оборот л. 270 с записью «был ранее приклеен к бумаге, что вредно сказалось на сохранности текста», и для его восстановления А. Х. Востоков в 1823 г. применил реактивы — в итоге пергамен, и без того затертый и покрытый трещинами, сильно потемнел. «Из-за этого прочесть запись невооруженным глазом сейчас очень трудно, а в некоторых местах почти (или совсем) невозможно». Текст, без уверенности читавшийся уже в XIX в., во всех описаниях и исследованиях воспроизводится с вариациями [Там же: 120], и даже републикация в «Своде записей» Л. В. Столяровой [2000: 89], осуществленная не по рукописи, а по наиболее надежному чтению Тихомирова [1965: 96], содержит ряд искажений по сравнению с «Каталогом» 1965 г.

чертам живой речи, представленным в памятнике (как заметил еще И. В. Ягич [1889: 12], ДЕ «очевидно не стеснялось делать большие уступки живому наречию»). Изложение в основном повторяет пункты, уже намеченные А. И. Соболевским, хотя и без конкретных ссылок на него (имеется лишь общее указание на то, что ученый «виокремив характерні мовні риси пам'ятки» — с. 12) и так же, как у Соболевского, без статистических данных: приводятся примеры на падение редуцированных (очень широко отраженное в ДЕ), вокализацию еров (также весьма частотную⁶), смешение **ъ** и **ь** (причем написания типа **възати** фигурируют при разборе сразу двух явлений — смешения редуцированных в результате их падения и вставки **ь** как показателя ассимилятивного смягчения губных), использование **ъ** и **ь** на месте **о** и **е**⁷, написание **ы**, **и** в позиции напряженного редуцированного перед местоимением **и** (**приведохы и**, **видахохыти и**), рефлексы второго полногласия (**волъсви**, **перъси**, **жерътвоу**), корень **скерв**-⁸, не-

этимологическое написание **ъ** и **ь** в конце строк, написание **ь** якобы «на місці и» в позиции напряженного редуцированного (**братъа**), «новый ять» (примеры многочисленны, хотя у Соболевского классификация несколько более подробна и наглядна), смешение **є** и **ѣ** (не в позиции перед слогом с утраченным редуцированным), **и** и **ѣ**, **и** и **ы**, написание **и** в исконной группе [кы], постановку **оу** вместо **в**, **у** на месте **ю**, **є** на месте **а**, мест. п. мн. ч. **домоухъ**, восточнославянские формы местоимений **товѣ**, **совѣ**, формы 3-го л. без **-тъ**⁹ и нек. др. Едва ли целесообразно, однако, вслед за Соболевским включать явные случаи графического предвосхищения в ряды примеров с **ѣ** на месте **и** (**назаранѣнѣ**, **прѣдѣтъ**) и «злиття звуків **ы** та **и**» (**вѣти** вм. **вѣти**, **погоувѣвѣи**, **просѣти стѣжю са**, **сѣвѣтнѣкъ сѣи**); ненадежен и контекст **азъ въ нихъ и ти во мнѣ** (л. 225г), где **ти** вм. **ты** (Ин 17. 23: **сѣ**) — скорее всего, результат переосмысления: мн. ч. указательного местоимения **ти** под влиянием предшествующего **въ нихъ**.

Дополнения к материалу, собранному Соболевским, нередко ошибочны либо неверно интерпретированы, особенно в сфере фонетики. Так, написание предлога **изъ** без редуцированного и орфограммы типа **ицрева**, **бесапогъ** никоим образом не связаны с падением глухих (и тем более «в південних говорах Київської Русі»), поскольку предло-

⁶ Ю. В. Осинчук ограничивает ее сильной позицией, игнорируя такие написания, как **съшедъи** (16а), **пришедъи** (40а, 236б), **тещю** (54г), **дощере** (102б), **оцета** (235г), и умалчивает об обобщении парадигмы в случаях, где ожидалась бы вокализация сильного [ь] либо, напротив, выпадение слабого: **оумершь** (117б), **горшь** (127г), **жъреческъ** (176а). (Здесь и далее ссылки на рукопись даются с указанием столбцов, не помеченных в издании; конец строки обозначается знаком |, граница столбцов — знаком ||.)

⁷ Интерпретация таких написаний как графического явления почему-то сопровождается ссылкой на мнение Л. П. Жуковской, хотя еще Соболевский [1884: 74] указал на то, что «эти **ъ** и **ь** — графические замены **о** и **е**».

⁸ Не отмечено, однако, аналогическое распространение этой огласовки на корень **скорп**-: **скерплю** (126г, Лк 11. 12: **скорпиов**).

⁹ Попутно заметим, что утверждения К. А. Максимовича [2004: 105], будто бы «древнекиевскому говору... опущение **-тъ** в 3 л. ед. ч. не известно» и «не знает его и галицко-волынский диалект», противоречат именно данным ДЕ, исследованным А. И. Соболевским, на которого автор необоснованно ссылается: в «Очерках» и «Лекциях» [Соболевский 1884: 7—8; 1907: 249] приведен целый ряд примеров 3-го л. без **-тъ** из южнорусских памятников.

ги и приставки на *-z* исконно были безъеровыми; написание *чы* и *и* в конце словоформы на месте редуцированных, приобретающих позиционную напряженность перед [j], ограничивалось положением перед энклитическим вин. п. местоимения *и* [jъ] и не распространялось на позиции со «сполучником *и* (графічно), або початковим *и* (графічно) наступного слова» (с. 15); написания *двѣрьми* и *голькомъ* не имеют отношения к сочетаниям редуцированных с плавными и второму полногласию, так как в первом случае *-ьми* — флексия **i*-склонения, а во втором представлена закономерная, по правилу Гавлика, вокализация еров в форме тв. п. существительного *гълькъ*¹⁰. Написание *ь* в позиции напряженного редуцированного (типа *ильи*) характерно — вопреки мнению И. В. Ягича [1884: 90] — не только для «південноруських пам'яток», но и для старославянских рукописей [Вайан 1952: 51—52], и для новгородских берестяных грамот [Зализняк 2004: 34], и, конечно, для севернорусских книжных памятников; то же относится к употреблению *ю* и *ѡ* после шипящих и *ц*. К случаям написания *к* на месте *є* напрасно причислено *въникгда*: **-j-* в этом наречии являлся местоименным корнем и в соединении с префиксальным **vyl-* закономерно изменялся в ⟨н'⟩, палатальность которого и передается посредством *к*; впрочем, автор отмечает, что в середине XII в. писцы уже не различали исконно мягкие и вторично смягченные согласные (как будто ранее они всегда последовательно различались на письме), и безосновательно приписывает это неразличение исключительно «писарям з півдня Русі». Ю. В. Осинчук напрасно считает формы типа *възидѣ* характерными для ста-

рославянских текстов, а форму *приидѣтъ* — собственно украинской: достаточно посмотреть статьи *прити* и *притти* гесп. в SJS и СДРЯ, чтобы убедиться в неправомерности столь узкой локализации форм, восстанавливающих морфемное членение. Не носит узкодиалектного характера и исчезновение начального [и] (не [jъ]) в заимствованных *гемонъ*, *езекию*, *скарюта*, а также развитие интервокального [j] в *нюдѣи*, *нюда* и т. п. Вряд ли имеют отношение к утрате конечного [j] < [jъ] именные (либо стяженные) прилагательные и причастия *кротъци*, *прокажени*, у которых в членных формах мн. ч. конечный *-и* — отнюдь не из *jъ*, а из дифтонга **oi* [Aitzetmüller 1991: 116]. Не являются «живомовными» чертами украинской речи представленные в древнейшей славянской письменности примеры с одним vs. двумя гласными в греческих собственных именах (*гаврилъ*, *даннломъ*, *аврамль*), и единственная во всей статье ссылка на Пражский словарь игнорирует зафиксированные в этом словаре под унифицированной леммой *гаврилъ* написания *гавьрилъ*, *гаврилъ*, *гаурилъ* [SJS, I: 387]. Последнее написание, зарегистрированное в Супрасльской рукописи, свидетельствует также об иллюзорности утверждения о том, что подобные орфограммы отражают «акустичну подібність» [у] и [в]: в действительности как ориентированные на греческий источник написания типа *леу҃гню*, *пау҃ла*, так и гиперкорректные *гау҃рилъ*, *рау҃ви* не имеют отношения к славянской фонетике. Реальным примером замены первоначального *въ* на *оу* является только повторенное в очерке вслед за Соболевским написание *дооу҃лькѣтъ* (25в–г). Никакого отношения к «живомовным» особенностям не имеют архаичные, восходящие к старославянским протографам написания, отражающие спряжение глагола *жати* по III классу (*жънютъ*). Едва ли свиде-

¹⁰ Это слово стоило бы специально отметить и как лексический восточнославянизм (см. [Молдован 2000: 92]).

тельствуют о «диспалатализации» написания с пропуском **ь** (**ДОВОЛНИ**, **ТМОЮ**) — их не следует отрывать от других проявлений падения еров. В еще меньшей степени о диспалатализации [p'], характерной для белорусского и северноукраинского ареала, говорят написания с ижицей, которые Соболевский обоснованно рассматривал как **ѣ** на месте **ю** (**ВАРѢ**, **ВРАТАРѢ**, **РАЗОРѢ** и т. п.): они лишь отражают грецизирующее использование ижицы как эквивалента буквы **ю**, и Ю. В. Осинчук напрасно отрывает этот материал от употребления **ѣ**, **ю** «відповідно до грецької ю» и не упоминает аналогичные написания в позиции после других согласных, например, **МЪНѢ** 263б (в издании не прочитано, см. ниже). К редчайшему примеру анлаутного **о-** vs. **к-**: **ОЗЕРОѢ** (43б, отмечено Соболевским) — не следовало подключать форму **ОВЪГЕНЬА**: при обращении к рукописи выяснилось, что на л. 250в фигурирует ошибочное написание **АВЪГЕНЬА**, явно спровоцированное предшествующим **АВЪКСЕНТИА**; напротив, здесь уместно было бы отметить написание **ОДВА** (136г), воспринятое издателем как ошибка.

Ряд важных явлений и написаний, представленных в ДЕ, в очерке Ю. В. Осинчука отражения не нашел. Так, справедливо отмечая, что в ДЕ на месте ***tj** пишется **щ** (а не **шт**), автор включает в эту группу образования, в которых никогда не было ***tj** (**ВЪЛАГАЛИЩА**, **ПЪЩИЩЕ**, **ТЛЪЩИЩЕ**), но упускает из виду редкие восточнославянизмы с **ч** — **ТРЕПЕЧЮЩИ** (96а), **ВЛЧНИ** (122б), **ГОРЛЧНИ** (142б). Не учтены и такие восточнославянизмы, как единственный во всем памятнике случай первого полногласия — **ПОЛОКАХОѢ** (109г) vs. ст.-слав. **ПЛАКААХЪ** [SJS, III: 46], рефлексация **ѣ** в анлауте: **КЪДАХОѢ** (13б), **ПОКЕСТЬ** (123а), упрощение группы ***dm**: **СЕМЬ ДЕСАТЬ** (246б), а также ассимиляция гласных в основе **ТЪБЛЕС-** (**ТЕЛЕСЕ** 4в, **ТЕ-**

ЛЕСА 235г). Не упомянуты в очерке и некоторые ареально ограниченные формы мягкого варианта склонения: им. мн. **ТЪСАЩЪ** (74б), вин. мн. **ВЪ МЪХЪ** **НОВЪЩЕ** (47г).

Маркированно восточнославянские формы имперфекта с аугментом также не привлекли внимания исследователя — он просто перечисляет некоторые примеры типа **ИМАХОУТИ** и в одном ряду с другими глагольными формами на **-ти**, типа **ИСПОВѢСТИ** и. Между тем это явление, описанное еще И. В. Ягичем [1884: 94–96], заслуживает более пристального рассмотрения. Как известно (или точнее, неизвестно, судя по отсутствию ссылок на Ягича в современных работах), великий славист, обратившись к Галицкому евангелию 1144 г. и другим южнорусским памятникам, заметил: «Важнее остановиться на приставке **-тъ** для 3-го лица имперфекта. Хотя я не считаю ее по происхождению народной чертой языка древнерусского — образцы окончаний **-шесть**, **-хоутъ** находились уже в памятниках южнославянских, — все-таки нельзя отрицать факта, что эти окончания в книжном языке древней России очень рано вошли в употребление как нечто такое, чем многие писцы по-видимому очень дорожили». Задолго до А. Тимберлейка [1997: 85], предположившего, что исходным пунктом и главным фактором употребления аугмента было наличие энклитики **и**, и В. М. Живова [2006: 203 и сл.], описавшего «необычное употребление имперфекта с аугментом» в Галицком евангелии, Ягич показал, что именно «в гал. евангелии, замечательно, приставка **-тъ** является исключительно только при 3-м лице мн. числа, в ед. числе нет ее. Да и в мн. числе она почти исключительно присоединяется к окончанию имперфекта **-хоу** в том случае, когда непосредственно за глаголом следует объект, в виде местоимения **и**». Приведа полный список форм на

-**ХОУТЬ**¹¹ и разобрав отклонения от указанной закономерности, ученый констатировал: «... при других условиях, т. е. когда за глаголом не следует непосредственно **и** или **к**, **кмоу**, **кго**, **ки**, **ьа**, в гал. евангелии еще постоянно пишется простое окончание **-хоу** без приставки **-ть**» — и заключил: «Если допустить, что формы на **ХОУТИ-и** составляют один из признаков южных или юго-западных памятников древнерусской письменности, то галицкое евангелие примыкает к ним своими формами на **ХОУТЬ и**, как первым шагом (<) сделанным по этому направлению, и я надеюсь, что можно будет доказать, что приставка **ть** в 3-м лице множ. и потом ед. числа имперфекта разрослась на почве русской, пересаженная сюда посредством церковных книг южнославянских, сначала главным образом по памятникам южнорусским, но вскоре была занесена и на север».

В ДЕ зафиксированы следующие формы имперфекта с наращением:

а) 3-е л. мн. ч. перед энклитическим вин. п. местоимения **и** — **молахоути и** (23г, 24а, 58г, 64а, 92г, 100а, 105в, 124б, 128г, 191в), **хотахоути и** **ати** (39г–40а), **имахоути и** (76б), **видахоути и** (87б), **гнетахоути и** (95г), **слышахоути и** (100а), **вазахѣти и** (128в), **оугнѣтахоути и** (132г), **въпрашахоути и** (154в–г, 158а, 165г–166а, 167г, 257г), **цѣловахоути и** (155а), **похоулахоути и** (161а), **виахоути и** (177б), **нарицахоути и** (265в);

б) 3-е л. ед. ч. перед энклитическим местоимением **и** — **давашети и** (83б), **молашети и** (93в), **любашети и** (195г), **напашети и** (239б);

¹¹ Отличия списка В. М. Живова, работавшего de visu, состоят в следующем: добавлены примеры **вазахоути и** (Лк 8. 29), **молахоути и** (Лк 8. 31), **глахоути и** (Мк 11. 5), **ненавидахоути и** (Лк 19. 14) и устранен пример **прихожахоути къ кмоу** (Лк 21. 38; в рукописи — **прихожахоу**).

в) перед другими формами местоимения **и** — **искахоути кго** **нюдѣи оубити** (18г), **искахоути кго** (19б);

г) прочие позиции — **хотахоути же и приати** (13б, Ин 6. 21: ἤθελον οὖν λαβεῖν αὐτόν), **держахоути сьа** (110г, вм. ***держахоути и**, ср. **държаахоу и** [МЕ: 111] = Лк 4. 42: κατεῖχον αὐτόν), **выахоути | по лицу** (184а, с пропуском **и**, ср. **виаахоути и по лицу** [МЕ: 168] ≈ Лк 22. 64, вар.: ἔστυλλον αὐτοῦ τὸ πρόσωπον [NA: 236]).

Как мы видим, полный материал по аугментным формам имперфекта не подтверждает сделанного на основе обследования «приблизительно трети текста» вывода В. М. Живова [2006: 213—214, 221], согласно которому в ДЕ приращение **-ть** «сочетается только с формами мн. числа», но может служить аргументом в пользу теории И. В. Ягича о первичности наращенной в позиции перед местоимением **и**. В сочетании с этой формой аугмент не появляется лишь в единичных случаях, причем только в ед. ч.: **молаше и** (14в), **прашаше и** (159в), **хоулаше и** (238в), тогда как с другими формами данного местоимения обычно используются образования без **-ть**: **нападахоу кьмь** (87б), **оучаше а** (88г), **прѣщахоу имь** (142г), **въпрашахоу кго** (157в, 192в), **хожахоу и слоужахоу кмоу** (179б), **выахоу кго** (230а, 232б, 232в), **хоулахоу кго** (233а, 233б), **не имахоу и мь вѣры** (242г–243а). Что же касается дополнительного эстетического критерия, выявленного В. М. Живовым [2006: 210—211] и состоявшего в том, что писцы снабжали флексию **-хоу** в позиции перед **и** приращением **-ть** в стремлении «избежать того обшечного звучания, которое возникает при присоединении энклитических местоимений к форме мн. числа имперфекта», то в ДЕ **-хоу** действительно никогда не сохраняется перед **и**, что явно свидетельствует о важности фактора слухового восприятия текста

при нерелевантности восприятия визуального (ср. **нмѡхѡу нона** 163в, 199а, **нскахѡу ѡти** 164б, **хѡжахѡу н слоужахѡу** 179б).

Особого анализа заслуживает, на наш взгляд, и отмеченное еще А. И. Соболевским [1884: 5] написание **ь** в окончании 2-го л. мн. ч. повел. накл.: к четырем примерам, указанным в «Очерках» (**въпроситъ, не пыцѣтъся, наоучитъся, не идѣтъ**), Ю. В. Осинчук добавил еще один — **идѣтъ** (249б). На общем фоне крайне редкого использования **ь** вместо **ѣ** в других позициях (в статье повторен пример Соболевского: **одевьѣ** 59в, но не упомянут другой его пример: **вѣ ксть** 250а) появление подобных форм императива, разительно напоминающих соврем. укр. *berity*, заставляет вернуться к выводу Соболевского [1884: 74]: «... окончание *ть* не тождественно с окончанием *те*» — и с осторожностью отнестись к более позднему скептическому высказыванию ученого: «Данные галицко-волынских памятников XII—XIII вв. ... не внушают доверия (в них встречается употребление *ь* в значении *о*, *ь* в значении *е*)» [Соболевский 1907: 96], некритически воспринятому Г. Шевелевым, который, процитировав два написания из ДЕ, свел это явление к «those texts which confuse *e* and *ь* in spelling in all positions» и заключил: «Most likely, the interplay *ь* ~ *e* is here merely graphic», подчеркнув, что «safer examples may be found only from the late 15th c(entury) on» [Shevelov 1979: 263]¹².

Говоря о явлениях, упущенных либо недостаточно подробно описанных в статье Ю. В. Осинчука, следовало бы отметить и то обстоятельство, что «но-

вый ять» в частице **не** наблюдается не только перед лексемами, в начальном слоге которых выпал редуцированный (в том числе перед анлаутным **и** = [jъ] и перед выпавшими неорганическими ерами: **нѣ имоу, лѣвьгитъ**), но и перед начальным **оу** (ср. [Соболевский 1884: 4; Малкова 1968: 134]): **нѣ оу бѣ къ нимъ пришеѣ** (13а), **нѣ оужаситъся** (14б), **нѣ оучься** (19в), **нѣ оумрѣтъ** (30г), **нѣ оубоитъся** (50б, 50в), **нѣ оумывають** (64а–б, 100б) и др.; этот факт, по-видимому, должен расцениваться как свидетельство совпадения в позиции перед согласным исконных анлаутных [въ] и [у], реализовавшихся в период развития «нового *ѣ*» в виде глайда, закрывавшего слог (ср. **нѣ** перед **въ**–: **нѣ въмѣщаються** 21г, **нѣ въходите** 49а). Заслуживает упоминания афереза гласных: **дѣщ-и-|родигадина** (63в), **и-силити** в.м. и **осилити** (89б), **гѣше-мъ** в.м. **имъ** (97а), **наковъ оанъ** (193в), **оученицѣ** в.м. **о оученицѣ** (227б), **ицѣлати** в.м. и **ицѣлати** (270б; ср. [Зализняк 2004: 71–73; Ладыженский 2011: 792–793]). Вероятная южнодревнерусская черта — замена [к] на [х] в анлауте (ср. [Ягич 1884: 97–98]) — представлена в контексте **стогахѡу ѣ | хѣа їсѣа** 263а (если только мы не имеем здесь дело с ошибочной заменой *креста* на *Христа*). Стоило бы оговорить широко известную по другим памятникам графическую особенность — мену **оу** и **ю** на месте ст.-слав. **ж** как рефлекс неразличения йотированного и нейотированного юса большого в глаголице (ср. [Гальченко 2001: 36]): **завлоудитъ** (41в) — **завлюжшаа — завлоужьшихъ** (41г). Важное явление — независимо от трактовки — демонстрирует контекст **ни въливають вина нова ветъхы мѣхы** (47г): это либо упрощение геминаты, возникшей после падения редуцированных (**въ ветъхы > в ветъхы > ветъхы**), либо спорадически встречающийся в древнеславянских памятниках

¹² Примечательно, что эта работа, основополагающая для истории украинского языка, не упомянута в рассматриваемой книге ни в оригинале, ни в украинском переводе [Шевельов 2002].

ках, даже на месте греческих предложных форм, целевой винительный (см. [Крысько 2006а: 59—60]).

Из морфологических особенностей памятника нелишним было бы отметить сложный случай междеклинационного взаимодействия в конструкции **въ мочьнахъ трехъ ситѣхъ** (60г; см. [Иорданиди, Крысько 2000: 239]), изменение парадигмы существительного **жидове** путем переразложения и отнесения флексии **-ов-** к основе (вин. п. **жидовы** 195г, дат. п. **жидовомъ** 219а), утрату категории рода во мн. ч. прилагательных, причастий и местоимения **иже**: (о мудрых и неразумных девах) **иже приимъше, приимъше** (207б), **глаголюще** (207в, 207г), **идущемъ** (207в); **въ... оправданныхъ гнахъ** (264б), а также унификацию основы в имперфекте глаголов IV класса путем устранения результатов йотовой палатализации (**вълазаше** 17б, **славашоу** 65б, 113в, **приходашу** 151в, **любашети** и 195г). Небезынтересны примеры обобщения суффикса **-ѣн-** в сравнительной степени: **легъчѣк** (97а), **легъчек** (267а; см. [Кузнецов и др. 2006: 287—288]), унификация в склонении числового существительного **десать**: вин. п. мн. ч. **четырѣ десате** (107в), **три десате** (215б, 231б, 237б) вм. **десати**, инновационный инфинитив **погрести** (141а, 141б), а также инновации в синтаксическом поведении числовых слов: **съ двѣма десатма тысящма** (138г, вместо исконного род. п. **тысящъ**). Весьма любопытно притяжательное прилагательное с двумя суффиксами — **исаковль** (166в, 203а), явно под влиянием соседнего **наковль**.

Редкие интерпретации языковых изменений, предлагаемые в статье, обычно малоубедительны, особенно в тех случаях, когда опираются на весьма слабый в научном отношении труд Г. П. Пивторака «Формування і діалектна диференція давньоруської мови»

(1988)¹³. Так, написание **є** на месте **ѣ** (**бесомъ, верова, делатели** и т. п.) объясняется «відзеркаленням відповідних (?) діалектних рис» — т. е., надо думать, совпадением ⟨e⟩ и ⟨ĕ⟩, которое никак не подтверждается последующей раздельной историей этих фонем в украинском языке. Трудно понять вывод об «этимологически оправданном» употреблении букв **ѣ** и **ѣ**, иллюстрируемый параллельными примерами типа **вифанью** и **вифанью**. Весьма оригинально объяснение флексии **-є** в формах дат. п. местоимения **азъ** — якобы по аналогии с формами дат.-мест. местоимений 2-го л. **тебе, себе**: автор, по-видимому, считает последние формы, столь же вторичные, как и **мъне**, исконными.

Встречаются в очерке Ю. В. Осинчука и такие не выдерживающие критики пассажи, как объявление **-єс-** в именах ***s-**основ «суффиксом», интерпретация классического приименного датива (**соль**) **земли** как инновационного генитива или трактовка вин. п. **андрѣю** (в ряду **и андрѣю · и филипа · и варфоломѣа** — Мк 3. 18) — от ***ā-**основного грецизма **андреа** — как дат. падежа. В целом описание морфологических особенностей ДЕ выполнено добротнo, хотя при рассмотрении «живомовных» особенностей вряд ли стоило упоминать банальные, еще праславянские инновации или даже исконные формы типа дат. п. мн. ч. на **-омъ**, тем более — флексию род. мн. ***i-**склонения **-ни**, характерную далеко не только для «південно-західного наріччя» и «деяких західнополіських говорів», а для всех славянских языков и диалектов уже с праславянского периода. Говоря о при-

¹³ Ныне, вполне в духе времени, акад. Пивторак уже отрицает существование древнерусского (общевосточнославянского) языка, см. его новейшую книгу «Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов» (http://aratta-ukraine.com/books_ua.php?book=5).

сущих восточнославянским диалектам формам род. п. ед. ч. местоимений, не следовало бы приводить в этом ряду общеславянские формы типа **всакого**, **кдиного**; что же касается действительно инновационной формы с местоименной флексией **честного**, то, как показала сверка издания с рукописью (см. ниже), ее призрачное существование обусловлено лишь неверным прочтением фотографии: в оригинале читается **честьнаго** (л. 247б). Ни о каком «разрушении» дв. числа не свидетельствует использование вин. п. **сапога** при **понести** vs. синтаксически вариантного род. п. **сапогоу** в Мстиславовом евангелии, обусловленного опосредованным воздействием отрицания **нѣсмь достоинъ**. Форма супина **облакць** является единственно возможной и никак не свидетельствует об утрате супина в живом языке. Обычны и исконны и формы им. п. ед. ч. причастий на **-а** и **-ан** от глаголов III и IV классов, типа **ища**, **слоужа**, **възлежан**, **просаи** (и тем более **лежаща**), которые Ю. В. Осинчук напрасно не отделяет от **чѣтан**, ссылаясь при этом на Б. А. Ларина и Б. А. Успенского, которые, конечно, вовсе не говорили о формах типа **възлежан**¹⁴. Симптоматично, что подлинные восточнославянские формы причастий от глаголов I класса на **-а** остались автором незамеченными, ср.: **зѡва** (За, в издании не прочитано),

¹⁴ Впрочем, ссылка на работу [Ларин 1975: 61] дана Ю. В. Осинчуком по Б. А. Успенскому [2002: 213] без обращения к первоисточнику: на самом деле о формах типа **могаи** Б. А. Ларин пишет на с. 131, а не 61. Трудно поверить и в то, что автор держал в руках работу Г. А. Хабургаева «Еще раз о хронологии падения редуцированных в древнерусском языке», — иначе она не выглядела бы в его библиографическом описании как монография, изданная в Ереване (см. корректное описание: [Живов 2006: 129—130]).

тришьда (184а), **тришда** (229а) — с окаменевшей формой причастия **шьда**, см. [Крысько 2007: 172]¹⁵. Цитируя, в отрыве от контекста, слова А. Вайана [1952: 280] о том, что перфект без связи в русском церковнославянском «употребляется как форма народного языка», Ю. В. Осинчук приводит следующие примеры: **и не познали мене филипе; кже оубо бѣ съвъкоупилъ**, — явно пребывая в неведении относительно того, что первый оборот (Ин 14. 9) фигурирует уже в Зографском евангелии [Зогр: 164].

В заключение автор указывает «поодинокі живомовні прислівники» (наречия): **так** (союз, вместо **такѡ**, однако перед точкой, что нередко встречается в сокращенных написаниях), **създадоу** (ср. [SJS, III: 263]) и — что особенно примечательно — субстантивированное прилагательное **коликоу** в известном контексте из притчи о блудном сыне (Лк 15. 17): **коликоу наимъникъ оца моего избывають са** (почему-то с опущением подлежащего **хлѣви**, ошибочно представленного в издании в виде вин. п. **хлѣвѣ**): этот очевидный — и исконный (ср. [Зогр: 115]) — дат. п. (букв. ‘скольким рабочим’) употреблен в ДЕ абсолютно корректно (напротив, в Мстиславовом евангелии форма написана: **колико** [МЕ: 158]). В то же время остался неотмеченным далеко не традиционный облик наречия **коуды** (113а; в [СДРЯ, IV: 326] примеры только с XIV в.).

В целом лингвистический очерк, предпосланный изданию ДЕ, вполне удовлетворителен в тех пунктах, где он следует изложению Соболевского, и глубоко непрофессионален во всех случаях, когда автор отклоняется от «путей

¹⁵ К списку примеров на **тришьда**, приведенных в [Крысько 2007: 149—150], теперь мы можем добавить также **тришда** [Изб XIII: 29r; ПатСк: 3261].

Соболевского»¹⁶, игнорируя при этом не только открытия классиков, но и достижения современной науки: библиографический аппарат очерка крайне небогат, и о скудости книжных ресурсов свидетельствует, например, тот факт, что из серии статей О. В. Малковой о Добринском евангелии упомянута лишь одна (1966 г.), а «Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.)», выходящий с 1988 г. по настоящее время, в библиографическом описании ограничен 1989—2002 гг.

Публикация текста ДЕ осуществлена в рассматриваемом издании с сохранением столбцов и с разделением на слова, но без введения переносов, без обычного для дипломатических изданий обозначения столбцов (а, б, в, г) и без нумерации строк. Номера глав евангелий приводятся на полях, а номера стихов внесены в сам текст. Текст воспроизводится по фотокопиям, которые, судя по многочисленным пропускам (на л. 3, 241, 246 об., 247, 262, 263, 269 об., 270) и неясностям (оговоренным как «пошкодження тексту на фотокопії» — с. 35), отличаются весьма низким качеством. Ввиду наличия этих лакун мы сочли необходимым сверить издание с рукописью¹⁷, доступ к которой непосредственно в хранилище Научно-исследовательского отдела рукописей РГБ мы получили благодаря любезному разрешению главного хранителя О. Л. Соломиной.

¹⁶ См. [Крысько 2006б: 14].

¹⁷ Ср. высказывание И. В. Ягича [1884: 75] о желательности аналогичной сверки издания Галицкого евангелия 1144 г. [Амфилохий 1882—1883] с рукописью: «Не могу(,) конечно(,) похвалиться, что я сверял издание с подлинником; если б я это сделал, то непременно напечатал бы результат проверки на пользу всех желающих изучать памятник по изданию о. Амфилохия».

De visu удалось прочитать¹⁸:

1) текст первого столбца на л. 3 — не
ото крѣви ни ѿ | похоти плотъскы | ни
ѿ похоти моу|жъскы · нѣ ѿ ба
ро|диса · и слово плоть | бѣ · и
въселиса въ | ны · и видѣхомъ |
славоу кго · славѣ | тако иночадаго |
ѿ оца · исполнь | блгодати и ис
ти|ны ноанъ съвѣ|дѣтельствоуеть |
о немь · зова и гла | <сѣ> бѣ кгоже
рѣхъ · | градъи по мнѣ | прѣдо
мноу бѣ | тако первѣи мене | бѣ · и ѿ
исполнѣ|ныа кго мѣ вси | приахомъ
· блго|дать въз благо|дать · тако
законѣ|мъ мостѣомъ да| |(нѣ);

2) приписку на правом поле л. 15: в
понѣ | за покон · | и въ чѣ;

3) последние строки столбца 16б —
соу · г · нѣ · кѣ ѿ ноа... | Рѣ · г · свонмъ
оучѣ;

4) продолжение дописанного текста,
пропущенного на л. 30а: (сврѣте и и рѣ
кмоу · т · вѣроукиши ли въ сѣна бѣи
ѿвѣща)¹⁹ | онѣ и рѣ кто ксть гѣ да
вѣроу нмоу въ нь · ;

5) на л. 30 об. внизу под текстом —
часть приписки: Рѣ гѣ · любамѣ дшо св ·
коньць | на годиоу сню · ;

6) на левом поле возле 19-й строки
л. 31 — помету: за, а внизу под тек
стом — приписку: Се еѣ на въздвѣи на
з[.]ни · Рѣ гѣ бѣ прослави имѣ твое · ;

7) на л. 35 об. под текстом — при
писку: за · андриану · ;

8) на л. 47 под текстом — восполне
ние пропуска в тексте (более темными
чернилами): придоутъ же днѣе егда |
ѿиметьса ѿ нихъ женихъ · ;

¹⁸ Реконструируемые чтения заключаются в угловые скобки, непрочитанные фрагменты текста обозначаются многоточием, отдельные нечитаемые буквы — точкой в квадратных скобках. Текст начала или конца фрагмента, прочитанный в издании, помещен в круглых скобках.

¹⁹ Чтение в ряде пунктов уточнено по сравнению с изданием.

Лист, стб., строка	Издание	Рукопись
2	кнѣа	кнѣа
2г4	имоуѣтъ	имоуѣтъ
3а1	ни	не
4а16	сѣтъазаѣта	сѣтъазаѣ(ѣ)та
4в6–7	анѣгла	анѣгла [так!]
5г1	въ	ѡ
7г8	ѡр[кы]	ѡркы
7г9	трѣм[и]	трѣмѣ
7г11	оуѡ[о]	оуѡо
7г12	т[ѣ]	тѣ
7г14	мерѣтъв[ы]	мерѣтъвы
7г17	вѣр[оу]	вѣрѡ
7г19	реч[ѣ]	рече
8а21	съ	с
8г5–6	затворена/мѣ	затворено/мѣ
9б3	и	И
116 (примеч.)	въ с[рѣ]	въ соуѣ
14в8–9	исѡѣлнѣтъ	и ѡѡѣлнѣтъ
15б1	поустыни	поустыниѣ
15г19	нѣсе	нѣсе [так!]
16а18–19	животнѣи	животнѣи
16г15	грѣ ^x	грѣ [так!]
17б14–15	дѣ/виженьа	дѣ/виженьа
19а17–18	всегѣ/да	всегѣ/да
23а13	пррокѣ	прркѣ
24а7–8	сѣ/па инѣ	сѣ/па-и-нѣ
28а16	прихода	прохода
29в21–22	оуѡчениѣ	оуѡчениѣ ^ш
34б2	воудѣ	воудѣ
35в23	азѣ	азѣ
36г15	гль	гль
42в4	и	И
44б21	ки	ки · ен ·
44в14	възѡти	възѡти ·
48б19–20	приготовѡи/ща	приготовѡи/ща
57б22	ѡсоуѣ	ѡсоуѣ [так!]
59б15	видащни	видаще не
59б20	прѡчьство	прѡчьство
61б5	и	а
61в14	кго	юго [так!]
62б15	рнзѣ	рнзѣ
62б16–17	сѣ/на	сѣ/на
63г14	възѡша	възѡша

Лист, стб., строка	Издание	Рукопись
66б10	и	а
66б15	оуѡа	оуѡа
66б19	вьсь	вьсь
67б16–17	пѡсѡра/дати	пѡсѡра/дати (не выносная буква, а лигатура тр)
67в11	тѣгда	тогда
67г2–3	во/сѡѣдоуѣтъ	по/сѡѣдоуѣтъ
71в13–14	и ше/дѣ	и ише/дѣ
75в18	и	– (отпечаток буквы г с обратной стороны листа)
77в12	нѣнѣмѣ	нѣнѣмѣ
83б9	стома	стома ²⁰
83б12–13	имѣ/же	имѣ/же
88а3	патѣ и	патѣ и ·
91г18–19	свои/мѣ	свои/мѣ
95б17	равѣ	рави
96в13	чьстѣнѣ	чьстѣнѣ (после с дыра в пергамене)
97в1–2	мнѣ/зи	мнѣ/зи · и
97в8	пѣщи	пѣши
98б4	онѣ	онѣ ^{полѣ} ·
99г16–17	с/мѣ	сѣ/мѣ
99г20	м[ар]	марѣ
99г21	ише/дѣш[оу]	ише/дѣшю
99г23	познаш[а]	познаша
100б12–13	прѣдани/к	прѣдани/к
104в3	възѣмѣ/те	възѣмѣ/те
106в15–16	крѣтиша/са	крѣтиша/са
106г17	наниѣ/овѣ	наниѣ/овѣ
111а7	онѣ	онѣ
111г1	мѣхѣ	мѣхѣ
113в11	днѣ	днѣ
119б17	апли	апли
121в5	възѣгласи	възѣгласи [так!]
121в16	онѣ	они

²⁰ Соответственно и правильная форма тв. п. (долженѣ кмоу) стома (срѣбрьникѣ) трактуется в индексе как дат. п. (с. 740).

Лист, стб., строка	Издание	Рукопись
125a17	адъ	адѣ
126a17	о	о
130v13–14	невѣ домни	невѣ доми · и
132a2	вьсь	вьсь
133621	оцю	оцю
135621	что же о себе	что же н о себе
136a23	*Текст по-шкоджено.	къда
142618–19	воуде тъ	воудѣ тъ
145v6–7	ѡ трѣ щакта	ѡ трѣ щакта
145v23	идоу щю	идоу щю
147a16–17	тре тни	тре ти
149r20–21	мертѣ вы хъ	мерѣ твы хъ
156v6–7	не створи	не твори
160r17–18	не правѣ денъ	не правѣ денъ
161a16–17	фарисѣи	фарисѣи и
161v1	снѣ	снѣ
164v11	а пан	а пан
165611–12	закъ хен	закъ хен
167a12	гѣще	гѣше
167622	молаше са	молашеса
170v13–14	снѣ	снѣ <н>ѣ
17164	дѣло добро	дѣло во добро
171619	гѣа · но	· гѣано
17267	хлѣ вы	хлѣ би
173v23	поу ти	поу пи [так!]
178v19	кѣда	кѣда ·
179615	соу	соу
186620	кѣда	Юѣда
187616–17	мѣтѣ ню	мѣтѣ ню
188r2–3	творити и	творити
189613	тако	тако и
189v21–22	мѣо сердовавъ	мѣо сердовавъ
190r14–15	грѣ шьникы	грѣ шьникы
192v14	въше дѣше	въше дѣшо
193619	о	и
194618	снѣ	снѣ
197v14	бѣгововнѣ ша	бѣговоннѣ ша
198r3	оу сомнитѣ са	оу сомнитѣса ·
199v3–4	при де	При де
201v2	хси	хси [так!]
203v5	хѣѣ	хѣѣ
205a12–13	мѣо сть	мѣо сть [так!]
20568	блюдо	блюдо

Лист, стб., строка	Издание	Рукопись
205v6–7	фарисѣи и	фарисѣи
207a22–23	съ лице мѣри	съ лице мѣры
208v3	вѣ да хъ	вѣ да хъ
211a12	се	съ
212v14	времена	времене ·
215v12	*Текст по-шкоджено.	къ оньсици
215(a)r15	примѣ	приемѣ
216v9	гѣа	и гѣа
219v5	понмоу	понмѣ
219r17–18	прѣ вѣ ваю	прѣ вѣ ваа
219r21	о	и
220a7	него	и его
220a9	сѣ твори	сѣ твори
220v19	ни	нѣ
221a15	твори	твори
221v12	о	о
222a10	поживѣ	пожихѣ
222a11	вън детѣ	вън детѣ
222a15	си	ѣи
224611	оца	оца
224v20	оче	оче
226612	вѣ да ше	вѣ да ше
227r4	оу зрѣ за оухо	оу зрѣ за оухо
228a3	ида ще	ида ше
231–232	оу снѣ кѣтъ	оу снѣ кѣтъ
232v9	иже	иже
233r19	дева тон	дева тен (?)
233r22	или · ма	или ма (!)
236v21–22	ар хирѣи	ар хирѣи
236r20	се	со
237a21	цр ви	цр кви
237a22–23	ар хирѣи	ар хирѣи
238r22	сѣ лѣ зоши	сѣ лѣ зеши
239a13–14	сава хѣ фанин	сава хѣ фанин
241610	*Текст по-шкоджено.	амин
241611–12	вѣ скрѣно заоу · в · ...	вѣ скрѣно · на заоу · в · ѡ марк ·
241619	помажоу тъ	помажу тъ
242a17	кѣ дѣ къ	кѣ дѣ къ
243a11	*Текст по-шкоджено.	вѣо ·

Лист, стб., строка	Издание	Рукопись
243в8	вѣдѣхѹ	вѣдѣхѹ
244в3	речр* Замість рече	рече ²¹
24568, 11, 13, 16, 19, 22, в1, 4	блѣни	Блѣни
245в7	блѣнї	Блѣнї
245в13	радоуѣте сѣ	Радоуѣтесѣ
245в23	настоуѣ	паствоуѣ
246в14–15	н меньмь	н менемь
246в15–16	н сѣдѣши	н сѣдѣши
246г1–2	оу во	рыци оу во
246г5–6	мълвиши	молвиши
246г9–10	ѡиметь сѣ	ѡимѣ тьсѣ
246г10	неѣ	неѣ
246г11–12	възѣд вигыши	възѣд вигыши
247а1	соуѣ	Соуѣ
247а3	не	Не
247а5	Рече	Ре
247а6	на несе	на неѡ
247б3	имѣ	имь
247б4–5	мѣца того въ де виженые че- стного	Мѣца · того · въ · де- възѣд виженые честнаго
247б6	зѣст	зѣоуѣ
247б7	їона	їона
247б8–9	литоу ргню	литоу ргни · кѹа ·
247б10	оно	оно ·
247б10	свѣтъ	свѣтъ
247б14	възѣпиша	възѣпиша
248в13	поста	пост ·
248в22	бѣ въ дни	Бѣ въ дни
248г8	стоѣше	Стоѣше
248–249	про...	прова · тарха · анъ (дронника)

²¹ На этом листе выцветший текст наведен более темными чернилами. Ошибочное написание принадлежит, по-видимому, тому, кто наводил текст. Начертание второй ρ отличается от обычного, под темной буквой ρ видна светлая ε писца.

Лист, стб., строка	Издание	Рукопись
249в5	стхъ	стхъ
249в16 (поле)	федороу	федору
249г21	Стѣпа	Стѣпа
250б13	разоритъ	разоритъ
250в10 (поле)	лоу	лу
250в11	овьгеньѣ	авьгеньѣ
250г10–11	блѣнзволн	блѣнзволн
251б12	носафата	ноасафата
251б13	носафатъ	ноасафатъ
252в7–8	оче ствѣѣ	оче ствѣѣ
252в21–22	то к	то н
253б16	їсоу	їсоу
253б23	въстока	въстокъ
254в15–16	прр комь	прроркомь
255а19	оврѣзанье	Оврѣзанье
256а7	крѣтъ	крѣтъ
256а12	несноѣ	неснок
256а15	гѣ	гѣ
256г3	въньюща го	въпьюща го
257в11	гѣше	гѣ же
257в14	ищадыѣ	ищадыѣ
258а8	никто же	никогоже
258в9–10	трѣ вѣю	трѣ воуѣю
259а5	вѣдѣхѹ	вѣдѣхѹ
259а18	мѣт ·	мѣт ·
259б22–23	тѣ да	тѣ · ѣда
259г1	бѣговѣленн	бѣговѣленн
259г10	въ поморык	в[.]о поморык (между в и о полустертая буква, похожая на о или с)
260а18	н	нн
260б2 (поле)	дрѹгоѣ	дрѹгоѣ
260б5	зенофонта	зенофонта
260б13 (поле)	·м· не ·	·г· не ·
260б16	ФѢВРАР ·	ФѢВРАР ·
261а2	оцѣ	оцѣ
261в20	еуѣ	кѹа
262в21	съ нде	се · ндеже

Лист, стб., строка	Издание	Рукопись
262в22	знаю: *Текст пошкождено. ен	знаю · и ѡвѣща ен
262г6–7	вѣин и се	вѣин и · и се
262г8–9	за ча	за ча
262г19	отъ	ѡ
263а9	не · а̇	не · а̇
263в1	в	ѡ
263в1	кѹа̇	еѹа̇
263в9–10	въ ходан	а въ ходан
264а1	Ѣтто	Ѣтою
264а12–13	зача тъ	· Зача тъ
264в5	слоу чи са	лоу чиса
265а10	молчан	молча · и
265б1	помаваю	помавага
265б7	зача тъ	Зача тъ
265в14	нареци и ·	нареци · и
265в23–24	всѣ и и	всѣ и
266бб–7	тъ к си	тъ е си
266б19	а̇	л̇
266в17–18	па ко ва	па кова
266г19–20	ѡра сѣ те	ѡтра сѣ те
267а17–18	прѣ сѣ ща	прѣ сѣ ща
267б11 (поле)	лн тоу р̇	лн тѹ р̇
267б11 (поле)	лѣк	лоу
268в13–14	матъ·ѡ·е та	матъ·ѡ·е та
268в15	призва	Призва
268в18–19	пристоу пиша	Пристоу пиша
268в19	къ	· ко̇
268в22	оуспѣ нье	ѣ̇ оуспѣ нье
268г7	Ѣхъ	Ѣхъ [так!]
268г9	азъ	Азъ
268г17	слышавъ	Слышавъ
268г24	глаше	Глаше
269а1–2	въ ставъ	въ ста
269а12	съва за в па темници	съва за въ темници
269а23	ненавѣ дын	нона вѣ дын
269б15	съ	с
269б20	поло	полѣ
269в12–13	главоу	гла воу
269в16–17	отроко вици	отро к вици

Лист, стб., строка	Издание	Рукопись
269в23	а пи	а пи
269г3	Положеньк	Положенье
269г11–12	дви гни са	дви гни са
269г19–20	вса ко лико	· вса ко лико ·
269г22	приме	примете
270а2–3	ко го	к̇ го
270а3–4	на не веси	н̄веси н̄и
270а13	тъ лицѣ те	толицѣ те
270а18	отъ верзоу тъ са	ѡверзоу тъ са
270а–б	нюдѣ а	нюдѣ а
270б4–5	исѣ лн тъ са	исѣ лн тъ са
270б13–14	ованадеса те	оба на деса те
270б14–15	и мъ	имъ

Как мы видим, отклонения при передаче текста варьируют в диапазоне между безобидным пропуском точек и титл, необозначением выносных или инициалов, неверным маркированием строкоделения, с одной стороны, и лингвистически значимыми искажениями — с другой. Так, затемняют языковую картину памятника замены окончаний и суффиксов (2г, 8г, 16а, 34б, 36г, 48б, 62б, 83б, 95б, 111г, 121в, 125а, 142б, 167а, 167б, 172б, 192в, 205б, 207а, 208в, 211а, 212в, 219г, 222а, 226б, 238г, 247а, 247б, 250б, 252в, 253б, 256а, 261а, 264а, 265б, 266б), смещение либо пропуск приставок: *прихода* вм. *про-* (28а), *вослѣдоу|къ* вм. *по-* (67г), *шедъ* вм. *ишедъ* (71в), *оусомните са* вм. *оусоу-* (198г), искажения в корнях: *нани|бовъ* вм. *нани-* (10бг), *вида|хъ*, *вида|хъ* вм. *вѣд-* (243в, 259а), *наствоу*²² вм. *паствоу* (245в), *носафата*, *носафатъ* вм. *ноасафата*, *ноасафатъ* (251б). Особенно огорчительны пропуски слов, пусть даже служебных: *ен* (44б), *полъ* (98б), *и* (135б, 161а, 189б, 216в), *къда* (136а), *стѹпати* (144в), *во* (171б), *рыци* (246г), *а* (263в), замена слов: *и* вм. *а*

²² Любопытно, что это бессмысленное написание помещено в формууказателе на Н.

(61б, 66б), о в. и (193б, 219г), встав- ки — союза и (75в, 205в, 265в), префик- са (створи в. твори 156в, слоучи с в. лоучиса 264в) — и ошибки более сложного характера: **видащии видатъ** в. **видаще не видатъ** (59б), и **шедъ** в. и **ншедъ** (71в), **днь** в. **днь** (113в), **него же** в. и **егоже** (220а), **да вънидете** в. **да въидете** (222а), **оузрѣ за оухо** в. **оурѣ за оухо** (227г), **гла** в. **гла** (256а), **глаше** в. **гла же** (257в), **никто же** в. **никогоже** (258а), **да** в. **еда** (259б), **иродъ во боаше с в. ненавѣдъши моужа праведна** (269а) в. ... **боашес в. наона**²³ **вѣдъи**... (Мк 6. 20: ἐφοβέτο τὸν Ἰωάννην, εἰδὼς αὐτὸν ἀνδρα δίκαιον) и др.

Вряд ли заслуживают одобрения не- которые издательские принципы (в том числе имеющие глубоко укорененную традицию), в частности: а) разбиение единых лексем путем раздельного на- писания морфем — приставок в наре- чиях (**ѡнынѣ, донынѣ, ѡтоуду, ѡнклѣ же, ѡкоуду**), постфиксов **-с в** и **-с и** у возвратных глаголов, суффикса **-же** у относительных местоимений и наречий, образованных от местоимен- ной основы **-ж** (**иго же** в. **игоже**, анало- гично — **идеже, ѡтнклѣже**), у отрица- тельных местоимений и наречий, обра- зованных от местоименной основы **-к** (**никътоже, николиже**, ср.: **въ никъ же никто же николи же не бе положенъ** 236в), и в союзе **неже** ‘чем, нежели’ (раздельно печатается также **не жели**); б) слитное написание предлогов и имен с эффектом сандхи (**нищрева, вesaпогъ**); в) слитное написание словосочетаний с числовыми словами, сохраняющими самостоятельное склонение (**шестиде- сатъ, кдинъгонадесатѣ, дъвѣмастома, тремъдесатемъ**). Последний принцип автоматически перенесен даже на кон- струкцию, в которой числовые слова относятся к разным синтагмам: **а кгда**

седьмьчетыремъ тысащамъ (153г) в. **седьмь четыремъ** (Мк 8. 20: А ко- гда семь [хлебов я преломил] для четы- рех тысяч).

Далеко не все описки, случаи порчи текста или просто необычные написа- ния оговорены в примечаниях, напри- мер: **къс** (16а) в. **кътъ, ѡ || ѡ** (32г– 33а), **бав в** (33б) в. **-ваци** (Лк 24. 53: εὐλογοῦντες), **пласастѣ** (53б), **авра- мамъ** (55в), **спсе** (62б) в. **спсес в, оста- ви в** (85а) в. **ю** (тещу Петра — Мк 1. 31; в индексе, с. 643, — вин. п. мн. ч. муж. рода!), **женьхъ** (85в) в. **женнхъ, ѡща** (88в) в. **ѡвѣща, вавловн** (98а), **притекоша** (100а) в. **прѣтекоша** (Мк 6. 55: περιέδροσαν), **итрѣ в** (101г) в. **истрѣ в** (ср. [ME: 105]), **възъдрѣша** (104г) в. **възъдрѣшавша, прилижѣ** (106в) в. **приложѣ** (Лк 3. 20: προ- σέθηκεν), **начина в съ сы и тако мни вѣ** (106г) в. **начина в сын тако мнѣ вѣ снѣ** [ME: 108] (ср. Лк 3. 23, вар.: ἀρχόμενος ὡς ἐνομιζέτο εἶναι υἱός [NA: 162]), **прндъ|шимъ** (114а, 130г) в. **прншьдъшимъ, въ храми|не живаше** (128б–в) в. **въ храмннѣ не живаше, възложенъ** (140г) в. **възложенъ, не | ба** (141а–б) в. **не въ ба** [ME: 135] (ср. [SJS: s. v. богатѣти]), **досадатъ** (143б) в. **досадатъ, блговѣстоую** (146в) в. **блговѣстоую, сътворити** (155в) в. **сътворитъ, възносетъ с в** (156б) в. **възнесетъ с в, оужахоу с в** (160г) в. **оужасахоу с в, невѣрни** (161а) в. **не- вѣрни, тно|мевъ** (161г) в. **тимоевъ, тако в и** (164г) в. **такое и в, въ съжьженьи** (167а) в. **въсесъжьженьи, въздратовашес в** (173б) в. **въздрадо- ватис в, рыцѣ** (174б) в. **рыцѣте, во свори** (187б) в. **во сворннхъ, пѣща** (192б) в. **пѣны тѣща** (ср. [ME: 175])²⁴, **не вѣдъи же глше** (267г) в. **еже** (Лк 9. 33: μὴ εἰδὼς ὃ λέγει), **начаш в** (268а) в. **мълаш в** (Лк 9. 36: ἐσί- γησαν), **положа** (269в) в. **положиша**

²³ Обычная форма имени *Иоанн* в анали- зируемом памятнике.

²⁴ В индексе **пѣща** — особое причастие.

(Мк 6. 29: ἔθηκαν), пропуск слова в Лк 23. 48 (235б: **на позоръ все бѣвающе**, ср. [Зогр: 133; МЕ: 170]: **видаште, видаще**) и т. д. Остались непрокомментированными загадочные (и уникальные, ср. [Матф.: 124]) формы **оуродивѣи слѣпници** (78в, 78г), **боуцацѣ и слѣпници** (204г, bis) vs. **оуродиви-и слѣпни** гесп. **боуници и слѣпни** в Мстиславовом евангелии [МЕ: 88, 184] (Мф 23. 17, 19: $\mu\omega\rho\acute{o}\iota$ καὶ τυφλοῖ). В формоуказателе **оуродивѣи** и **боуцацѣ** просто охарактеризованы как им. мн., а все четыре **слѣпници** подверстаны к статье **слѣпъи**. Учитывая, однако, что во всех этих контекстах странные вокативы выступают — без интерпункции между стихами²⁵! — после предикативов **долженъ ксть** (78в, 78г), **повиненъ ксть**, **виноватъ ксть** (204г), которые соответствуют греческому абсолютно употребленному глаголу ὀφείλει, однако в славянском, как правило, требуют синтаксического расширения в дат. п.²⁶ либо в инфинитиве, позвольтельно, думается, предположить систематическое переосмысление текста переписчиком, не затруднившимся восполнить недостающую, по его мнению, валентность путем реинтерпретации зв.-имен. муж. рода мн. ч. как паронимичных форм дательных жен. рода **оуродивѣи слѣпници**, **боуцацѣи слѣпници** со своеобразным значением '(тот, кто клянется,)' — должник перед неразумной слепой²⁷ (?).

Некоторые примечания, напротив, избыточны, а порой и ошибочны, вроде «исправлений» таких правильных напи-

²⁵ Точки на л. 78в и 79г, проставленные в издании, в рукописи отсутствуют.

²⁶ Ср.: а будѣте *винъвати немщцо* роусинь; аже будѣть *смолнаниноу* немъчичь *дълъжьнь*; *повиненъ* ксть... *г(с)ноу* [СДРЯ, I: 431; III: 124; VI: 577].

²⁷ При том что ***слѣпница** — потенциальный femininum к **слѣпъць** — в словарях не зарегистрирована.

саний, как **и цр̑кве** — якобы «замість ис» (с. 84), или **аще же сѣно днь соущє** (Мф 6. 30: σήμερον ὄντα) — «замість соущє» (с. 137; в указателе форм истолковано как им. п. мн. ч.!), или **мимоидъи** (Мф 9. 9: παράγων) — «замість мимоидъи» (с. 149), или **соу** — «замість соутъ» (с. 226), или **одва** — «замість едва» (с. 306); недописанное **те** — не «замість теѣѣ» (с. 178; дат. п.), а вместо **теѣе** (род. п.), недописанное **ицѣ** — вместо **ицѣлѣѣ**, а не **исцѣлѣѣ** (с. 188).

Казалось бы, словоделение евангельского текста не должно представлять никаких проблем для современных издателей — в случае сомнений достаточно обратиться либо к греческому, либо к авторитетным изданиям древнеславянских списков, либо просто к переводам на живые языки. Однако Ю. В. Осинчуку удалось во многих случаях исказить даже очевидное членение на слова: **кто ксть гл̑а и теѣе** (22в) вм. **гл̑ан** (Ин 4. 10: ὁ λέγων); **чл̑во оубница** (24в) вм. **чл̑вооубница** (Ин 8. 44: ἀνθρωποκτόνος); **славл имл** (25а) вм. **славли мл** (Ин 8. 54: ὁ δοξάζων με); **сѣ нкмь** (30а, согласно указателю форм, с. 642, — местоимение) вм. **сѣнкмь** (Ин 11. 47: συνέδριον); **ктери же ѿ нихъ хотахотти и гати** (39г) вм. **хотахотти и гати** (аугмент имперфекта; Ин 7. 44: τινὲς δὲ ἤθελον ἐξ αὐτῶν λιάσαι αὐτόν); **и мене могго дѣла** (45в) вм. **имене** (Мф 19. 29: ἔνεκεν τοῦ ὀνόματός μου); **такодѣтъ** (52б, 134б) вм. **так-о-дѣтъ**, т. е. **так о-дѣтъ** (Мф 6. 30: οὕτως ἀμφιέννυσιν; Лк 12. 28: οὕτως ἀμφιάζει), **на члтъ** вм. **начлтъ** (53в; опечатка?); **до темнаго низъ сънидеши** (53г) вм. **низъсънидеши** (Мф 11. 23: ἕως ἄρου καταβήσῃ); **не винни соутъ** (54в) вм. **невинни** (Мф 12. 5: ἀναίτιοί εἰσιν); **не бѣсте николи же осоужали не винныхъ** (54г) вм. **николиже... невинныхъ** (Мф 12. 7: τοὺς ἀναίτιους); **не приаънь** (59г) вм. **неприаънь** (впрочем,

в индексе правильно); **НЕДОВРОК** ли **сѣмѣ сѣвалъ кси** (60б) вм. **не доврок** (Мф 13. 27: οὐχὶ καλὸν σπέρμα); **пришедъше иже** (72а) вм. **пришедъшен же** (Мф 20. 9: καὶ ἐλθόντες οἱ...); **падъти** и (76б) вм. **падъти** (в индексе правильно); **Ѡ | роди**²⁸ **кхидьсци** и (79г) вм. **Ѡ|роди кхидьсци** (Мф 23. 33: γεννήματα ἐχιδῶν); **сѣкроушивъти дхъ** (84г) вм. **сѣкроушивъти и** (Мк 1. 26: σπαράξαν αὐτόν), **иже зѣлѣ словитъ** (101а) вм. **зѣлѣсловитъ** (Мк 7. 10: Ὁ κηκολογῶν), **не оманъ** (109б) вм. **неоманъ** (Лк 4. 27), **блго творащимъ** (113в–г) вм. **блготворащимъ** (Лк 6. 33: τοὺς ἀγαθολοιοῦντας), **косноувъ одръ** (117б) вм. **косноу въ одръ** (Лк 7. 14: ἦψατο), **оставивъ илѣ жива соуща** (137в) вм. **оставивъ и лѣ жива соуща** (ср.: оставыше ι εлѣ живъ сжштъ [Зогр: 104], см. также [СДРЯ: s. v. ле]), **вѣ|сѣ лоука**²⁹ (144г) вм. **вѣ | сѣлоука** (Лк 13. 11: ἦν συζυγῆσθαι), **не годѣя** (145а) вм. **негодѣя, ги кго** (145в) вм. **ги-к-го**, с правильной формой им. п. мн. ч. **господик, три полъ споудѣя** (152б)³⁰ вм. **полъспоудѣя, плюноувъ очи** (154а) вм. **плюноу въ очи, кже и мѣ**³¹ (171б) вм. **кже имѣ** (Мк 14. 8: ὁ ἔσχεν), **гѣа · но воудеть** (171б) вм. **гѣано** (Мк 14. 9: λαληθήσεται), **оудо си** (175в) вм. **оудоси, оудо син** (195а) вм. **оудоси и, оубо и** (175в) вм. **оубои** (Мк 15. 7: φόνον), **не строкня** (179в) вм. **нестрокня, косноувъ оухо** (183б) вм. **косноу въ оухо, дѣтъ к** (193г) вм. **дѣтък** (Мк 10. 40: δοῦναι), **въсею**³² **овою**

²⁸ В тексте словораздел неясен, так как в издании не применяется знак переноса, однако в индексе фигурирует форма **роди** (с. 729).

²⁹ Якобы «замість лоукавъ».

³⁰ Причем **полъ** (после **три!**) в индексе трактуется как вин. п. ед. ч., а **споудѣя** — как вин. ед. муж. рода.

³¹ В индексе определено как дат. п. от **азъ**.

³² В указателе форм истолковано как род. п. дв. ч. от **вьсь**.

заповѣдью (203а) вм. **въ сею, прѣже възлежаныа** (204а) вм. **прѣжевъзлежаныа** (но на л. 94в — правильно), **повине нъ** (218б) вм. **повиненъ** (в индексе правильно), **не оубо** (244а) вм. **не оу бо, аще не въгги дано** (247в) вм. **аще не въти дано, не сын** вм. **несын** (247г; в индексе правильно), **прѣжеда**³³ **же** (255б) вм. **прѣже даже, искоушана и** (259б) вм. **искоушанаи** (Мф 4. 3: ὁ πειράζων), **Оу срѣтѣнык** (260б) вм. **Оусрѣтѣнык, таже вѣроуа тъ** (262а) вм. **вѣроу патъ** (Лк 1. 45: ἡ πιστεύσασα); **соутъ же ина многага же сътвори исъ** (263б) вм. **многа таже сътвори** (Ин 21. 25: πολλὰ ἃ ἐποίησεν), **Клисавеф иже** вм. **Клисавефи же** (265б), **прѣдо идиши** (265г) вм. **прѣдондеши** (где -до- = -дъ-).

Завершается том указателем словоформ, ориентированным в своих принципах на аналогичные индексы в некоторых московских изданиях второй половины прошлого века (которые, в свою очередь, возобновили несколько архаичную традицию первого в истории формоуказателя к славянскому памятнику — индекса А. Х. Востокова [ОЕ]). Лемматизация в указателе не проведена — хотя в настоящее время, благодаря «Словарию старославянского языка» и «Старославянскому словарю», где абсолютное большинство лемм выделено верно (см. [Крысько 1996]), и опубликованным в последние 10 лет лингвистическим изданиям памятников с лемматизированными указателями, установление начальных форм, тем более для евангельского текста, не должно было бы вызывать затруднений. В индексе отражен весь текст евангелий и календарных записей, а также (без ка-

³³ В примечании эмендировано как **прѣда же** со ссылкой на соответствующее ошибочное чтение Мстиславова евангелия (**преда же** [ME: 245]), которое, однако, post factum было корректно интерпретировано в индексе к изданию в статье **прѣже** (**пре даже!** [ME: 422]).

кого-либо маркирования, как часть основного текста) дарственная запись 1573 г., но парадоксальным образом не учитывается (и, кстати, не публикуется отдельно) выходная запись дьяка Добрилы.

Отказавшись от выведения начальных форм, издатель очень усложнил поиск для читателей ДЕ: например, местоимение **всь** находится на своем алфавитном месте согласно древнерусской орфографии до падения редуцированных, однако наречие **всегда** надо искать уже на **вс-**, а **всьде** — на **вс-**. Даже формы одного и того же слова нередко даются в разных статьях (например, **вѣюшь**³⁴ и **вѣа**), которые могут быть разделены несколькими абзацами (так, между **блажнахоу сѧ** и **блазните сѧ** находится статья **блажатъ**), а порой и страницами (**внѧхоу сѧ** — на с. 586, **вѣа сѧ** — на с. 595, **власлови** — с. 586, **в(с)вигте** — 587, после **влицѧющи**; форма **воудощаго** предшествует статье **вѣгги**); предлог **въз** помещен, вопреки алфавиту, между словами **возъ** и **вои**, из двух форм **въскисе** одна размещена перед **въсклонити сѧ** (с. 610), другая — после **въсьа** (с. 611); интересные формы **кѣмѣтъ**, **кѣмоутъ**, **кѣмѣте**, демонстрирующие развитие [јѣм] > [јем], даны каждая по отдельности и, естественно, не под леммой **ѣти**. Именные и местоименные формы прилагательных, вопреки принципу, декларированному во вступлении к указателю («Короткі й повні форми прикметників наведено в одній статті»), часто приводятся раздельно (например, **бѣатъ** и **бѣатъи**, **вѣсенъ** и **вѣсномоу**, **вѣренъ** и **вѣрънъи**). В то же время обычной практикой является объединение в одной статье форм разных склонений и спряжений (например, им. п. **аньдрѣи** и **аньдрѣа**, **вѣдати** и **вѣдѣти**).

³⁴ В контексте **кѣда оузрите... оутъ вѣюшь** (135б) определено как им. п.!

Просмотр статей на буквы А—В выявил целый ряд грубейших ошибок: так, форма вин. п. **вечеру** (= **вечерю**) интерпретирована как дат. п. от **вечерьъ**, форма **волиши** (от глагола **волити**) приписана к **велоу** (при наличии статьи **волитѣ!**), инфинитив **власти** трактуется как им. п. мн. ч. от **власть**, аорист **възлеже** отнесен к статье **възлежить**, причастие итератива **въмѣтающа** — к **въмещють** (а **въметахоу** при этом дано отдельно), **вси** в контексте **и обьхожаше вси** (Мк 6. 6) — т. е. форма вин. п. мн. ч. существительного **всь** ‘деревня’ (τὰς κόμας) — определено как местоимение в им. п., к статье **вѣи** почему-то подверстана форма **шни**. Дальнейшим чтением указателя мы решили пренебречь, однако спорадические обращения к нему подтверждают впечатление от первых страниц: так, форма **газофюлакии** при предлоге **прамо** (167в) — не мест. п., а дательный, как явствует даже из употребления в соседнем столбце (167г) — **прамо храмоу**; **горе** (**да не гора ти что воудѣтъ** 18а) — не существительное, а сравнительная степень прилагательного; **господик** — не отдельное существительное, а мн. ч. от **господь**; **дъшеть** и **дъшюцю** не должны разноситься по разным статьям — это формы глагола **дъхати**, тогда как **жерновъ** и **жернѣвахъ**, включенные в одну статью, — формы существительных разных родов (**жерновъ** — муж., **жернѣве** — plurale tantum жен. рода); **нюдѣи** — род. п. мн. ч. от **нюдѣи**, а не им. п. от **нюдѣа**; **мѣра** — форма притяжательного прилагательного **матѣрь**, а не существительного **мати**; **овлещь** и **овлази** — формы одного глагола **овлещи**; **придѣша** — аорист от глагола **придѣти**, а не от **прити**; форма **ѣтъ** (**ѣтъи** и 74г) — не супин, а аорист с аугментом (Мф 14. 31: ἐτελεύηετο αὐτοῦ); **оходитъ** и **ѡхода** — глаголы с разными приставками; **кѣдахоу** — имперфект от **ѣздити**, а не от **ѣхати**; **кѣмети** — не

инфинитив, а 3-е л. ед. ч. наст. вр. от **имати** (перед местоимением **и**); **Ѡверзоу** и **Ѡверзоутъ сѧ, сто и стомъ** не следовало бы разделять несколькими статьями, а **Ѡсоудоу** и **отъсоудоу** помещать на разных страницах (при этом **сѣдоу** в контексте **прѣиде... Ѡ сѣдоу** 19а — не дат. п. от **соудъ**, невозможный при предлоге **отъ**, а часть наречия), etc., etc., etc. В целом указатель, как и «транслитерированный» текст, может только дезинформировать неподготовленного пользователя.

Л и т е р а т у р а

- Амфилохий 1882—1883 — А м ф и л о х и й. Четвероевангелие Галичское 1144 года, сличенное с древлеславянскими рукописными Евангелиями XI—XVII в. и печатными: Острожским 1571 и Киевским 1788 г. ... Т. 1—3. М., 1882—1883.
- Вайан 1952 — А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Высоцкий 1966 — С. А. В ы с о ц к и й. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966.
- Гальченко 2001 — М. Г. Г а л ь ч е н к о. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М., 2001.
- ГЛ — Густынская летопись. СПб., 2003. (Полн. собр. рус. летописей. Т. 40.)
- Живов 2006 — В. М. Ж и в о в. Восточнославянское правописание XI—XIII века. М., 2006.
- Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Зогр — Quattuor Evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitani / Ed. V. Jagić. Graz, 1954.
- Изб XIII — Н. W a t r ó b s k a. The Izbornik of the XIIIth century (Cod. Leningrad, GPB, Q. п. I. 18): Text in transcription // Полата књигописна. 1987. № 19—20.
- ИЛ — Ипатьевская летопись. М., 1962. (Полн. собр. рус. летописей. Т. 2.)
- Иорданиди, Крысько 2000 — С. И. И о р д а н и д и, В. Б. К р ы с ь к о. Множественное число именного склонения. М., 2000. (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I.)
- Крысько 1996 — В. Б. К р ы с ь к о. Маргиналии к «Старославянскому словарю» // ВЯ. 1996. № 5. С. 20—38.
- Крысько 2006а — В. Б. К р ы с ь к о. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.
- Крысько 2006б — В. Б. К р ы с ь к о. Предисловие // С о б о л е в с к и й А. И. Труды по истории русского языка. Т. 2. М., 2006. С. 9—14.
- Крысько 2007 — В. Б. К р ы с ь к о. Очерки по истории русского языка. М., 2007.
- Кузнецов и др. 2006 — А. М. К у з н е ц о в, С. И. И о р д а н и д и, В. Б. К р ы с ь к о. Прилагательные. М., 2006. (Историческая грамматика древнерусского языка; Т. III.)
- Ладыженский 2011 — И. М. Л а д ы ж е н с к и й. Графико-орфографические особенности древнейшего списка Синаксаря // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Указатели. Исследования. М., 2011. С. 760—797.
- Ларин 1975 — Б. А. Л а р и н. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVII в.). М., 1975.
- ЛЛ — Лаврентьевская летопись. 2-е изд. М., 2001. (Полн. собр. рус. летописей. Т. I.)
- Максимович 2004 — К. А. М а к с и м о в и ч. **Законъ соудьнъи людьмъ**: Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.
- Малкова 1963 — О. В. М а л к о в а. Палеографическое описание галицко-волинской рукописи XII века // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 65—78.
- Малкова 1966 — О. В. М а л к о в а. К истории редуцированных гласных ъ и ь в южных говорах древнерусского языка (по материалам рукописи 1164 г.) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1966. № 3. С. 240—246.

- Малкова 1967 — О. В. Малкова. Редуцированные гласные в Добриловом евангелии 1164 года: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
- Малкова 1968 — О. В. Малкова. К вопросу о влиянии «нейотированных гласных» на предшествующий *ъ* в предложениях и *е* в отрицании в древнерусском языке // Русская историческая лексикология. М., 1968. С. 128—139.
- Малкова 1981 — О. В. Малкова. О принципе деления редуцированных гласных на сильные и слабые в позднем праславянском и в древних славянских языках // ВЯ. 1981. № 1. С. 98—111.
- Малкова 1982 — О. В. Малкова. К проблеме падения редуцированных гласных в славянских языках и развития украинского икавизма // ВЯ. 1982. № 5. С. 35—102.
- Малкова 1987а — О. В. Малкова. Древнерусское литургическое произношение в Южной Руси в XII—XIII вв. // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 129—143.
- Малкова 1987б — О. В. Малкова. Проблемы фонетического развития диалектов южной зоны древнерусского языка (на материале рукописей XII—XIII вв.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1987.
- Матф. — Евангелие от Матфея в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев и др. СПб., 2005.
- МЕ — Апракос Мстислава Великого / Изд. подгот. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. М., 1983.
- Молдован 2000 — А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- ОЕ — Остромирово евангелие 1056—1057 г.: С приложением греческого текста Евангелий и с грамматическими объяснениями / Изд. А. Х. Востоков. СПб., 1843.
- ПатСк — W. R. V e d e r. The collation of the witnesses to the Scete Patericon // Полата књигописна. 2006. № 36 (<https://kb.osu.edu/dspace/handle/1811/24008>).
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. I—X—. М., 1988—2013—.
- СК — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI—XIII вв. М., 1984.
- Соболевский 1884 — А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка. Ч. 1. Киев, 1884. (Переизд.: Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 1. М., 2004.)
- Соболевский 1907 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907. (Переизд.: Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 1. М., 2004.)
- Столярова 2000 — Л. В. Столярова. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков. М., 2000.
- Тимберлейк 1997 — А. Тимберлейк. Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи // ВЯ. 1997. № 5. С. 66—86.
- Тихомиров 1965 — Н. Б. Тихомиров. Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII веков, хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ч. II (XII век) // Зап. Отдела рукописей. 1965. Т. 27. С. 93—148.
- Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2002.
- Шевельов 2002 — Ю. Шевельов. Исторична фонологія української мови. Харків, 2002.
- Ягич 1884 — И. В. Ягич. Четыре критико-палеографические статьи: Приложение к отчету о присуждении Ломоносовской премии за 1883 год. СПб., 1884.
- Ягич 1889 — И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.
- Aitzetmüller 1991 — R. Aitzetmüller. Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. 2., verb. u. erw. Aufl. Freiburg i. Br., 1991. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; T. XXX.)
- NA — N e s t l e - A l a n d. Novum Testamentum graece. 27. Aufl. Stuttgart, 2001.
- Schachmatow 1883 — A. S ch a c h m a t o w. Beiträge zur russischen Grammatik // Archiv

für Slavische Philologie. 1883. Bd. VII. H. 1. S. 57—77.

Shevelov 1979 — G. Y. S h e v e l o v. A historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg, 1979.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. I—IV. Praha, 1958—1997.

References

Aitzetmüller 1991 — R. Aitzetmüller. Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. 2., verb. u. erw. Aufl. Freiburg i. Br., 1991. (Monumenta linguarum slavicae dialecti veteris; T. XXX.)

Amfilokhiy 1882—1883 — Amfilokhiy. Chetveroevangelie Galichskoe 1144 goda, slichennoe s drevleslavjanskimi rukopisnymi Evangelijami XI—XVII v. i pechatnymi: Ostrozhskim 1571 i Kievskim 1788 g. ... T. 1—3. Moskva, 1882—1883.

Gal'chenko 2001 — M. G. Gal'chenko. Knizhnaya kul' tura. Knigopisanie. Nadpisi na ikonakh Drevney Rusi. Izbrannye raboty. Moskva, 2001.

GL — Gustynskaya letopis'. St.-Peterburg, 2003. (Poln. sobr. rus. letopisey. T. 40.)

IL — Ipat'yevskaya letopis'. Moskva, 1962. (Poln. sobr. rus. letopisey. T. 2.)

Iordanidi, Krys'ko 2000 — S. I. Iordanidi, V. B. Krys'ko. Mnozhestvennoe chislo imenno-go skloneniya. Moskva, 2000. (Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka. T. I.)

Izb XIII — H. Wątróbska. The Izbornik of the XIIIth century (Cod. Leningrad, GPB, Q. p. I. 18): Text in transcription // Polata knigopis'naya. 1987. № 19—20.

Jagič 1884 — I. V. Jagič. Chetyre kritiko-paleograficheskie stat'i: Prilozhenie k otchetu o prisuzhdenii Lomonosovskoy premii za 1883 god. St.-Peterburg, 1884.

Jagič 1889 — I. V. Jagič. Kriticheskie zametki po istorii russkogo yazyka. St.-Peterburg, 1889.

Krys'ko 1996 — V. B. Krys'ko. Marginalii k «Staroslavjanskomu slovarju» // Voprosy yazykoznanija. 1996. № 5.

Krys'ko 2006a — V. B. Krys'ko. Istoricheskiy sintaksis russkogo yazyka: Ob'ekt i perekhodnost'. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva, 2006.

Krys'ko 2006b — V. B. Krys'ko. Predislovie // Sobolevskiy A. I. Trudy po istorii russkogo yazyka. T. 2. Moskva, 2006.

Krys'ko 2007 — V. B. Krys'ko. Ocherki po istorii russkogo yazyka. Moskva, 2007.

Kuznetsov i dr. 2006 — A. M. Kuznetsov, S. I. Iordanidi, V. B. Krys'ko. Prilagatel'nye. Moskva, 2006. (Istoricheskaya grammatika drevnerusskogo yazyka; T. III.)

Ladyzhenskiy 2011 — I. M. Ladyzhenskiy. Grafiko-orfograficheskie osobennosti drevneyshego spiska Sinaksarya // Slavyano-russkiy Prolog po drevneyshim spiskam. Sinaksar' (zhitiynaya chast' Prologa kratkoy redakcii) za sentyabr'-fevral' / Pod red. V. B. Krys'ko. T. II: Ukazateli. Issledovaniya. Moskva, 2011. S. 76—797.

Larin 1975 — B. A. Larin. Lektsii po istorii russkogo literaturnogo yazyka (X — seredina XVII v.). Moskva, 1975.

LL — Lavrent'yevskaya letopis'. 2-e izd. Moskva, 2001. (Poln. sobr. rus. letopisey. T. 1.)

Maksimovich 2004 — K. A. Maksimovich. ZAKON SOUDNYI LYUDEM: Istochniko-vedcheskie i lingvisticheskie aspekty issledovaniya slavyanskogo yuridicheskogo pamyatnika. Moskva, 2004.

Malkova 1963 — O. V. Malkova. Paleograficheskoe opisanie galitsko-volynskoy rukopisi XII veka // Issledovaniya po lingvisticheskomu istochnikovedeniyu. Moskva, 1963. S. 65—78.

Malkova 1966 — O. V. Malkova. K istorii reducirovannykh glasnykh ъ i ѣ v yuzhnykh govorakh drevnerusskogo yazyka (po materialam rukopisi 1164 g.) // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz. 1966. № 3. S. 240—246.

Malkova 1967 — O. V. Malkova. Reducirovannye glasnnye v Dobrilovom evangelii 1164 goda: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1967.

Malkova 1968 — O. V. Malkova. K voprosu o vliyaniy «neyotirovannykh glasnykh» na predshestvuyushchiy ѣ v predlogakh i e v otricanii v drevnerusskom yazyke // Russkaya istoricheskaya leksikologiya. Moskva, 1968. S. 128—139.

- Malkova 1981 — O. V. Malkova. O principe deleniya reducirovannykh glasnykh na sil'nye i slabye v pozdnem praslavyanskom i v drevnikh slavyanskikh yazykakh // *Voprosy yazykoznanija*. 1981. № 1. S. 98—111.
- Malkova 1982 — O. V. Malkova. K probleme padeniya reducirovannykh glasnykh v slavyanskikh yazykakh i razvitiya ukrainskogo ikavizma // *Voprosy yazykoznanija*. 1982. № 5. S. 35—102.
- Malkova 1987a — O. V. Malkova. Drevnerusskoe liturgicheskoe proiznoshenie v Yuzhnoy Rusi v XII—XIII vv.) // *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk v ego otnoshenii k staroslavvyanskomu* / Otv. red. L. P. Zhukovskaya. Moskva, 1987. S. 129—143.
- Malkova 1987b — O. V. Malkova. Problemy foneticheskogo razvitiya dialektov yuzhnoy zony drevnerusskogo yazyka (na materiale rukopisey XII—XIII vv.): Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moskva, 1987.
- Matf. — *Evangelie ot Matfeya v slavyanskoy tradicii* / Izd. podgot. A. A. Alekseev i dr. St.-Peterburg, 2005.
- ME — *Aprakos Mstislava Velikogo* / Izd. podgot. L. P. Zhukovskaya, L. A. Vladimirova, N. P. Pankratova. Moskva, 1983.
- Moldovan 2000 — A. M. Moldovan. *Zhitie Andreya Yurodivogo v slavyanskoy pis'mennosti*. Moskva, 2000.
- NA — *Nestle-Aland. Novum Testamentum graece*. 27. Aufl. Stuttgart, 2001.
- OE — *Ostromirovo evangelie 1056—1057 g.: S prilozheniem grecheskogo teksta Evangeliy i s grammaticheskimi ob'yasneniyami* / Izd. A. Kh. Vostokov. St.-Peterburg, 1843.
- PatSk — W. R. Veder. *The collation of the witnesses to the Scete Patericon* // *Polata knigopis'naya*. 2006. № 36 (<https://kb.osu.edu/dspace/handle/1811/24008>).
- Schachmatow 1883 — A. Schachmatow. *Beiträge zur russischen Grammatik* // *Archiv für Slavische Philologie*. 1883. Bd. VII. H. 1. S. 57—77.
- SDRYa — *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI—XIV vv.)*. T. I—X—. Moskva, 1988—2013—.
- Shevelov 1979 — G. Y. Shevelov. *A historical phonology of the Ukrainian language*. Heidelberg, 1979.
- Shevelov 2002 — Yu. Shevelov. *Istorična fonologiya ukrains'koi movi*. Kharkiv, 2002.
- SJS — *Slovník jazyka staroslověnského*. I—IV. Praha, 1958—1997.
- SK — *Svodnyy katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhysya v SSSR: XI—XIII vv.* Moskva, 1984.
- Sobolevskiy 1884 — A. I. Sobolevskiy. *Ocherki iz istorii russkogo yazyka*. Ch. 1. Kiev, 1884. (Pereizd.: Sobolevskiy A. I. *Trudy po istorii russkogo yazyka*. T. 1. Moskva, 2004.)
- Sobolevskiy 1907 — A. I. Sobolevskiy. *Lekcii po istorii russkogo yazyka*. 4-e izd. Moskva, 1907. (Pereizd.: Sobolevskiy A. I. *Trudy po istorii russkogo yazyka*. T. 1. Moskva, 2004.)
- Stolyarova 2000 — L. V. Stolyarova. *Svod zapisey piscov, khudozhnikov i perepletchikov drevnerusskikh pergamenykh kodeksov XI—XIV vekov*. Moskva, 2000.
- Timberlake 1997 — A. Timberlake. *Augment imperfekta v Lavrent'yevskoy letopisi* // *Voprosy yazykoznanija*. 1997. № 5. S. 66—86.
- Tikhomirov 1965 — N. B. Tikhomirov. *Katalog russkikh i slavyanskikh pergamenykh rukopisey XI—XII vekov, khranyashchikhysya v Otdela rukopisey Gosudarstvennoy biblioteki SSSR im. V. I. Lenina*. Ch. II (XII vek) // *Zap. Otdela rukopisey*. 1965. T. 27. S. 93—148.
- Uspenskiy 2002 — B. A. Uspenskiy. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI—XVII vv.)*. Izd. 3-e, ispr. i dop. Moskva, 2002.
- Vaillant 1952 — A. Vaillant. *Rukovodstvo po staroslavvyanskomu yazyku*. Moskva, 1952.
- Vysotskiy 1966 — S. A. Vysotskiy. *Drevnerusskie nadvpisi Sofii Kievskoy XI—XIV vv.* Kiev, 1966.
- Zaliznyak 2004 — A. A. Zaliznyak. *Drevnenovgorodskiy dialekt*. Moskva, 2004.
- Zhivov 2006 — V. M. Zhivov. *Vostochno-slavyanskoe pravopisanie XI—XIII veka*. Moskva, 2006.
- Zogr — *Quattuor Evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus* / Ed. V. Jagić. Graz, 1954.

В. Б. Крысько, М. А. Федорова

**Maria Lazar. Von Geld und guten Worten:
Entwicklung des russischen Geschäftsbriefes als Textsorte.**
(Slavolinguistica 19.) Verlag Otto Sagner:
München — Berlin — Washington, D.C. 2014. — 314 S.

Название книги немецкой исследовательницы Марии Лазар не поддается дословному переводу и требует комментария. Первая его часть отсылает к немецкой поговорке «nicht für Geld und gute Worte», дословно означающей «ни за деньги, ни за добрые слова» и примерно соответствующей русскому «ни за какие коврижки»; в текстах, которым посвящена книга, напротив, речь идет именно о «коврижках». Комментария требует и термин «Textsorte». В принятой автором книги терминологии «Textsorte» (досл. «сорт текста») — единица низшего порядка по сравнению с «Texttur» (досл. «тип текста»); например, если письма вообще — «Texttur», то их разновидность — деловые письма — «Textsorte». Следовательно, заглавие книги можно перевести: «Про деньги и добрые слова: развитие русского делового письма как подтипа текстов».

Как отмечает М. Лазар, сфера применения литературного русского языка распространилась на деловую переписку лишь в начале XIX в. (с. 8)¹; ранее деловая корреспонденция составляла самостоятельную письменную традицию. Именно эта традиция и является предметом исследования: отдельные главы книги посвящены берестяным грамотам (к числу которых принадлежат наиболее ранние образцы текстов), корреспонденции с Ганзой (XIII—XV вв.), монастырской переписке (XV в.), письмам XVI и XVII вв. (две отдельных главы) и, наконец, переписке русских промышленников XVIII в. Демидовых. В при-

ложении представлен ряд ранее не опубликованных документов из архивов Риги, Любека и Москвы; также к книге прилагается компакт-диск с перечнем упомянутых в монографии текстов и статистическими данными.

Цель книги — описать деловые письма как особую традицию в составе восточнославянской письменности. Такую постановку вопроса можно назвать новаторской для истории русского языка. Действительно, как пишет М. Лазар, «в русской научной традиции (под)типы текстов определяются через их принадлежность к тем или иным идиомам» («man definiert ja Textsorten in russischer Tradition durch ihre Zugehörigkeit zu einzelnen Idiomen», с. 99). В частности, деловые письма, как и деловые тексты вообще, традиционно рассматривались в свете оппозиции книжного (церковнославянского) и не книжного языков (с. 11). При этом отмечалось, что деловые тексты в целом близки к разговорному языку, хотя и допускают отдельные заимствования из книжного регистра (в основном в стандартных элементах формуляра). Далее, как правило, внимание концентрировалось на той информации о «живом» языке, которую можно извлечь из деловых текстов, а не на них самих как памятниках, обладающих собственной языковой спецификой. Такая перспектива нивелирует различия между типами (подтипами) текстов (например, между частными и деловыми письмами), объединяя их по признакам, безразличным к их содержанию и функциям. Между тем эти различия представляют большой интерес, поскольку именно совокупности текстов, характеризующиеся общи-

¹ Здесь и далее в скобках, если не оговорено иное, даются ссылки на рецензируемую книгу.

ми содержательными и функциональными параметрами, и образуют те письменные традиции, из которых складывается сложная картина истории древнерусского языка и культуры (ср. концепцию В. М. Живова, описывающую древнерусскую письменность как систему «регистров»).

В связи с этим встает вопрос, каким образом из множества текстов выделить те, которые относятся к интересующему нас типу. М. Лазар находит решение проблемы в опоре на разрабатываемую в последнее время немецкими учеными «теорию прототипов» («Prototypentheorie»). Согласно этой теории, тексты одного типа (подтипа), несмотря на различия в деталях, имеют общую базовую структуру, устойчивость которой обеспечивается ориентацией пишущих на образцы. Изучение подобных «прототипических» структур позволяет выделить типы текстов как таковые и проследить их историю (во многом сводящуюся именно к постепенным структурным изменениям). Впрочем, по утверждению М. Лазар, деловые письма как подтип текстов невозможно идентифицировать лишь на основании структурных особенностей; не менее важную роль играют социо-прагматические факторы, такие как функция текста и состав участников переписки (с. 47).

Следующий вопрос состоит в том, каким образом анализировать структуру русских деловых писем. М. Лазар предлагает сопоставить ее с западноевропейским средневековым формуляром деловых писем (основа которого была заложена еще в античности), подчеркивая при этом, что не стремится уподобить древнерусские тексты средневековым латинским или, допустим, немецким: сравнение необходимо постольку, поскольку оно обеспечивает исследователя инструментами и терминологией для анализа (с. 53).

Стандартный европейский формуляр делового письма содержит три основные части — протокол (вводная часть), *substantia* (основная часть) и эсхатокол (заключительная часть), каждая из которых, в свою очередь, включает несколько пунктов (с. 54—55). Анализ структуры русских деловых писем «на фоне» этого формуляра обнаруживает значительное сходство между русскими и западноевропейскими текстами. В каких-то случаях это сходство может объясняться западным влиянием, но в основном, по-видимому, оно имеет типологический характер и обусловлено действием похожих социо-прагматических факторов.

Одним из существенных результатов применения данного подхода является определение обязательных и факультативных элементов в структуре русского делового письма (с. 55). По сравнению с западноевропейскими образцами в русских текстах бросается в глаза бедность «этикетных» элементов формуляра. Все они факультативны. Как полагает М. Лазар (с. 57), это обусловлено особой ролью в древнерусской переписке «гонца» (ср. [Гиппиус 2004]), выполнявшего ряд сопровождавших деловую (и не только) корреспонденцию этикетных процедур. С течением времени использование этикетных оборотов возрастает, что, по-видимому, свидетельствует о постепенном переносе этикетных функций с ритуальных действий, выполнявшихся гонцом, на устойчивые письменные формулы.

Базовая структура делового письма похожа на таблицу, каждая из клеток которой может быть заполнена или пуста, но сама таблица остается неизменной. Если какая-то «клетка» (в особенности относящаяся к этикетным элементам) пуста, это может означать, что соответствующую функцию выполнял гонец. В этом смысле показателем анализ начальной формулы берестяных

грамот (*поклонъ/покланание*) отъ X-а къ Y-у. Здесь употребление слов *поклонъ, покланание* факультативно. Согласно А. А. Зализняку [1987: 150—151], речь идет об «изъявлении почтения к адресату», каковое может иметь или не иметь место. Между тем, со структурной точки зрения функция этого элемента видится несколько иначе, а именно, перед нами типичная «формула приветствия» (*salutatio*). Все деловые письма делятся на содержащие данную формулу и не содержащие таковой. М. Лазар пишет: «Приветственная формула — факультативный элемент базовой структуры берестяной грамоты. В обоих случаях, однако [т. е. независимо от того, есть приветствие или нет — П. П.], адресная формула остается неизменной и тем самым относится к обязательным элементам базовой структуры берестяных грамот. Речь здесь идет не о большем или меньшем уважении к адресату, но о представлении определенной модели текста и о степени отражения в нем ритуала [т. е. предписанных этикетом действий гонца — П. П.]» («Die Grußformel ist also (...) ein fakultatives Basisstrukturelement des Briefes auf Birkenrinde. In beiden Fällen bleibt allerdings die Absender-Empfängerformel konstant und zählt somit zu den obligatorischen Basisstrukturelementen der Birkenurkunde. Dabei geht es nicht um eine höhere oder mindere Ehrung des Adressaten, sondern um die Gestaltung des Textmusters und den Grad der schriftlichen Darstellung von Ritualität» (с. 51)). На мой взгляд, между утверждениями А. А. Зализняка и М. Лазар нет противоречия, однако развиваемая немецкой исследовательницей концепция способствует более четкому уяснению места и роли данного элемента в структуре деловых писем.

То же относится и к определению функций некоторых типичных для деловых писем языковых единиц. Так, в

книге показано (с. 164), что частотный оборот *и нынѣ* (ср. *И нынѣ учините правду, выдайте Нездильца поручнику* нач. XIV в., № 332 [ГВНП: 318]) маркирует в письме начало *dispositio*, тем самым проводя границу между *narratio* (т. е. рассказом об актуальном положении дел) и *dispositio* (волеизъявлением пишущего).

Значительное место в исследовании уделено сравнению региональных традиций делового письма. В частности, сильные расхождения обнаруживаются между канцелярскими традициями Новгорода и Полоцка. Эти расхождения во многом объясняются историческими обстоятельствами: в текстах Полоцка, входившего в состав Великого княжества Литовского, обнаруживается своеобразный симбиоз восточнославянских и западноевропейских элементов (с. 61), в то время как новгородские документы подверглись западному влиянию в гораздо меньшей степени. Так, в полоцких текстах предсказуемым образом больше этикетных формул; в *dispositio* новгородских писем обычен императив, а в полоцких текстах, как правило, используется более «вежливая» форма «оптатива» (ср. конструкции типа *Ино просим вас, што бы есте ему тое заплатили* 1140 г., № 57 [ПГ, т. 1: 143]) и т. д., см. список различий между двумя традициями на с. 145—147.

Разумеется, я привел лишь отдельные примеры из многочисленных наблюдений М. Лазар, касающихся развития делового письма в русском языке XI—XVII вв.

Переходя к замечаниям, приходится отметить один досадный недостаток книги, а именно, неверные переводы древнерусских примеров на немецкий язык. Насколько можно судить, эти ошибки не отразились на результатах исследования, однако без них работа смотрелась бы лучше, тем более, что большинство неверных переводов от-

носится к специфической лексике и фразеологии делового языка. Ниже приведены отмеченные мной ошибки; примеры рассматриваются в порядке их следования в тексте книги.

Правду держите, братеи нашей товарь дайте и розбоиники, а ть не будеть промежи насъ рѣци. (Грамота Новгорода Риге с требованием возврата награбленного товара и выдачи разбойников, 1299—1300 гг.², ГВНП, № 36, с. 65).

Фраза *а ть не будеть промежи насъ рѣци* переведена как «sonst werden wir den Handelsweg über den Fluss einstellen» ('иначе мы заблокируем торговый путь через реку', с. 30). В сноске уточняется, что буквально сказано «между нами не будет реки» («es wird kein Fluss zwischen uns sein») и что имеется в виду блокада пути через Волхов. К неверному переводу привели две ошибки. Во-первых, М. Лазар вслед за издателями грамоты пишет *а ть* раздельно и, очевидно, видит в этом сочетании свойственный современному разговорному языку союз *а то* 'иначе, в противном случае'. В действительности это древнерусский союз *атъ* (вар. *ать*) 'пусть' (ср. [СДРЯ, т. 1, с. 99]), имеющий здесь целевое значение 'чтобы'. Во-вторых, форма *рѣци* — не род. п. от *рѣка* (тогда было бы *рѣкы*), а род. п. (с эффектом цоканья) от слова *рѣчь* в значении 'спор, конфликт' (ср. [СДРЯ, т. 10, с. 532]). Правильный перевод: «чтобы между нами не возникло ссоры».

Что взялъ у насъ товарь передь Невою розбоиники, тои товарь творилъ есмь въ ихъ городѣхъ. Тако и тыи товарь, что у Стеколмъ взялъ, такоже есмь творилъ во ихъ городѣхъ, в Любкѣ да у Гочкого берега. (Договорная грамота Новгорода с Любеком и Готским

берегом о пограбленном разбойниками товаре, 1373 г., ГВНП, № 45, с. 80).

«Was die Güter betrifft, die bei uns vor Neva von Räubern geplündert wurden, haben wir diese uns in ihren Städten angeschafft. Auch die Güter, die in Stockholm geplündert wurden, haben wir uns ebenso in ihren Städten, in Lübeck und auf Gotland, angeschafft» (с. 30). — 'Что касается товаров, которые отняли у нас перед Невой разбойники, мы изготовили их в их городах. Также и те товары, которые были отняты у нас в Стокгольме, мы тоже изготовили в их городах — в Любеке и на Готланде'.

При таком переводе грамота лишена смысла. В действительности глагол *творити* имеет здесь значение 'думать, полагать' (ср. [СлРЯ, т. 29, с. 256–257]). Отсюда перевод: 'Что касается товаров, отнятых у нас перед Невой разбойниками, мы думали, что эти товары находятся в их городах [т. е. в городах Ганзы, с которой заключается данный договор, — Любеке и Висбю («на Готском берегу»)]. О тех товарах, которые были отняты у нас в Стокгольме, мы тоже думали, что они в их городах — в Любеке и в Висбю.' Очевидно, договорная грамота должна была устранить недоразумение, возникшее между Новгородом и Ганзой вследствие того, что новгородцы полагали, будто их товары задержаны в ганзейских городах, тогда как на самом деле они были похищены разбойниками.

а отъ Маринского волостеля и отъ его пошлинниковъ ихъ крестьяномъ продажи великіе, съ торговыми людьми ихъ продають (Грамота великого князя Иоанна Васильевича в страны и волости Переславского уезда, о запрещении быть торгам при Киржацком монастыре, 1537 г., АИ, № 138, с. 200).

«Beim Landesverwalter und bei seinen Abgabenzählern haben die Bauer einen großen Absatz, ihre Güter werden von den Kaufleuten verkauft» (с. 90). — 'Управ-

² Дата по [Янин 1991: 84—85]. В книге М. Лазар приводятся устаревшие датировки по [ГВНП].

ляющий (Мариинского монастыря) и его сборщики пошлин устраивают крестьянам большие продажи (товаров), их товары продаются торговыми людьми’.

В действительности слово *продажа* выступает здесь в значении ‘штраф, побор, незаконный налог’ [СлРЯ, вып. 20, с. 116–117], соответствующую семантику имеет и глагол *продавати* [СлРЯ, вып. 20, с. 115]. Отсюда перевод: ‘Управляющий и подчиняющиеся ему сборщики пошлин облагают крестьян огромными поборами, вместе с крестьянами обирают и торговых людей’.

(И нашъ брать Кузма Ларивоновичъ к Ивану къ Амьбуру слаль своего человекъ на Колывань, слаль и лодьи, понаимов[авь],) по записной грамотѣ, что было Ивану Амьбуру дать товаръ в первыи лодьи Кузмину человеку по своей грамоти. (Грамота Великого Новгорода Колывани с требованием суда над Иваном Амбуром по жалобе на него новгородца Кузьмы Ларионовича, 1436—1438 гг.³, ГВНП, № 69, с. 114.)

В скобки заключен текст, опущенный в примере М. Лазар. Словосочетание *в первыи лодьи* исследовательница переводит (с. 178) как «aufs erste Schiff (laden)» (‘погрузить в первую ладью’). Это грамматически невозможно: очевидно, что в оригинале словосочетание имеет форму Вин. мн. Вероятно (хотя данное значение у слова *первый* словарями не зафиксировано), имеются в виду «вышеупомянутые лодьи», то есть те, о которых выше сказано *слаль и лодьи*.

и ты б толмача нѣго истому ѿпустиль не мотчал (Грамота Василия III в Ригу, 1529 г.)⁴

³ См. [Янин 1991: 112].

⁴ Грамота, хранящаяся в Латвийском государственном историческом архиве, опубликована в приложении к рецензируемой книге (с. 277).

«mögest du unseren Dolmetscher Istoma zurückfahren lassen, ohne ihn zu quälen» (с. 202) — ‘будь любезен отпустить нашего переводчика Истома, не мучая’.

В действительности глагол *мотчати* означает ‘медлить, мешкать’ [СлРЯ, вып. 9, с. 278], т. е. великий князь требует отпустить переводчика немедленно.

і не ѿпустите тимохи в любок и яз о том бѹду писал до гѣра своего до великого гѣра цѣа і великого кнѣза і в то тимохино мѣсто рижан і всѣх немецких городов лѹтчих торговых нѣнѣмьщ (sic!) изо пскова не ѿпущу (Грамота царского наместника во Пскове князя Никиты Романовича Трубецкого в Ригу, 1588 г.)⁵.

Слова *в то тимохино мѣсто* М. Лазар переводит (с. 202) как «in diese Stadt Timochas» (‘в этот город Тимохи’). В сноске поясняется, что имеется в виду Любек («Gemeint ist Lübeck»). В действительности *в такого-то место* — типичная древне- и старорусская конструкция, эквивалентная современному сочетанию *вместо* + Род. падеж. Из грамоты ясно, что псковский купец Тимоха был послан в Любек для взыскания долга с тамошних мастеров (получивших заказ от Бориса Годунова), однако по дороге Тимоха был задержан рижскими властями и посажен в тюрьму. Никита Романович угрожает, что если Тимохе не позволят продолжить путь в Любек, то «вместо» него будут брошены в тюрьму рижане и немецкие купцы, находящиеся в данный момент во Пскове.

Конструкция, представленная в следующих двух примерах, составляет характернейшую особенность делового языка. Оба примера (с. 228) взяты из «грамотки» 1700 г. [Котков 1969, № 401, с. 238]:

⁵ Грамота опубликована в приложении к книге (с. 280), хранится в Латвийском государственном историческом архиве.

да извол гсдрь писат в Нижнеи буде млсти твоеи да надобны струги к весне і с нынешних гсдрь чисел хорошо и отдават

«Und mögest du, [mein] Herr, nach Nižnij [Novgorod] schreiben, falls deine Gnade Schiffe im Frühling benötigen wird, und von jetzt an ist es wünschenswert, Anordnungen dazu zu machen» — ‘Да изволь, государь, писать в Нижний [Новгород], если твоей милости к весне нужны будут корабли, и с этого дня желательно и распоряжения отдавать’.

да прикажи гсдрь о всякои вѣдомости писат буде гсдрь без чево быт невозможно саран гсдрь и припасти надобно чтоб времени не изпустит

«Und mögest du, [mein] Herr, über jede Nachricht frühzeitig schreiben, falls, [mein] Herr, ohne irgendwas nicht möglich ist zu leben und was im Vorrat notwendig ist, damit keine Zeit verloren geht.» — ‘Да изволь, государь, о всякой вести писать заранее, если, государь, без чего-то невозможно жить, и что из запасов необходимо, чтобы не терять времени’.

Судя по переводам, М. Лазар полагает, что обоих случаях условное придаточное, начинающееся с *буде* ‘если’, зависит от предшествующего (главного) предложения: «напиши, если тебе нужно то-то». Однако придаточные этого типа (очень характерные для делового языка XVII—XVIII в.), как и генетически предшествующие им конструкции типа *будеть пришесть* и *будеть придесть*, как правило, стоят слева от главного предложения. Так устроены и рассматриваемые примеры, имеющие следующую синтаксическую структуру:

да извол, гсдрь, писат в Нижнеи: буде млсти твоеи да надобны струги к весне, і с нынешних, гсдрь, чисел хорошо и отдават;

да прикажи, гсдрь, о всякои вѣдомости писат: буде, гсдрь, без чево

быт невозможно, саран, гсдрь, и припасти надобно, чтоб времени не изпустит.

Лишь в этом случае текст оказывается связным. Неслучайно при переводе второго примера М. Лазар пришлось в двух местах «исправить» оригинал: наречие *заран(ь/е)*, в оригинале несомненно относящееся к *припасти*, отнесено к *писат(ь)* («frühzeitig schreiben»), а главное предложение «саран, гсдрь, и припасти надобно» превращено в придаточное (с вставкой отсутствующего в оригинале относительного слова «что» (was)) и отнесено к начальной фразе «да прикажи, гсдрь, о всякои вѣдомости писат». В результате структура и смысл фразы значительно изменены.

Несмотря на указанные ошибки, в целом работа М. Лазар представляется интересной и полезной — как с методологической точки зрения, поскольку исследование демонстрирует возможность и целесообразность сравнительно-типологического подхода к рассматриваемому материалу, так и с учетом сделанных автором многочисленных выводов и наблюдений из области истории русской традиции деловых писем.

Л и т е р а т у р а

АИ — Акты историческіе, собранные и изданные археографическою комиссією. Т. 1, 1334—1598. Санкт-Петербургъ, 1841 г.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Гиппиус 2004 — А. А. Г и п п и у с. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Том XI. М., 2004. С. 183—232.

Зализняк 1987 — А. А. З а л и з н я к. Текстовая структура древнерусских писем на бересте // Т. В. Цивьян (ред.). Исследования по структуре текста. М., 1987.

Котков 1969 — Грамотки XVII — начала XVIII в. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

ПГ — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. / Сост. А. Л. Хорошкевич. Т. I—III. М., 1977—1980.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—10. М., 1988—2013.

СлРЯ — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—29. М., 1975—2011.

Янин 1991 — В. Л. Янин. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

References

AI — Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arkheograficheskoyu kommissieyu. T. 1, 1334—1598. St.-Peterburg, 1841 g.

Gippius 2004 — A. A. Gippius. K pragmatike i kommunikativnoy organizatsii berestyanykh gramot // V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak, A. A. Gippius. Novgorodskie gramoty na

bereste (iz raskopok 1997—2000 gg.). Tom XI. Moskva, 2004. S. 183—232.

GVNP — Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova / Pod red. S. N. Valka. Moskva; Leningrad, 1949.

Kotkov 1969 — Gramotki XVII—nachala XVIII v. / Izd. podg. N. I. Tarabasova, N. P. Pankratova. Pod red. S. I. Kotkova. Moskva, 1969.

PG — Polotskie gramoty XIII — nachala XVI vv. / Sost. A. L. Khoroshkevich. T. I—III. Moskva, 1977—1980.

SDRYa — Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI—XIV vv.). T. 1—10. Moskva, 1988—2013.

SIRYa — Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv. Vyp. 1—29. Moskva, 1975—2011.

Yanin 1991 — Yanin V. L. Novgorodskie akty XII—XV vv. Khronologicheskii kommentariy. Moskva, 1991.

Zaliznyak 1987 — A. A. Zaliznyak. Tekstovaya struktura drevnerusskikh pisem na bereste // T. V. Tsiv'yan (red.). Issledovaniya po strukture teksta. Moskva, 1987.

П. В. Петрухин

А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. 2013. Основы фразеологии (краткий курс). Учебное пособие. М: Флинта; Наука. 2013.— 312 с.

В рецензируемой книге рассматриваются основные проблемы фразеологии, такие как категория идиоматичности и идиомы, специфика фразеологии как особой части лексикона, классификация фразеологизмов, особенности их семантики, стилистики и синтаксического поведения, культурная специфика фразеологии разных языков, особенности перевода и др. Хотя книга ориентирована на студентов и аспирантов, очевидно, что она одновременно является и научной монографией, адресованной лингвистам — специалистам по фразеологии, лексической семантике и лексикографии. Она состоит из Введения и десяти глав, в которых на примерах, в живой, доступной форме излагаются основные теоретические проблемы фразеологии и

описываются особенности целых классов фразеологических единиц. В качестве иллюстраций используется не только русский, но и немецкий и английский языки. Привлекается также французский, испанский и китайский материал. В конце каждого раздела даны задания, цель которых — научить читателя самостоятельно анализировать фразеологизмы, применяя теоретические понятия, изложенные в тексте. Для дополнительной ориентации читателя в конце каждой главы предлагается краткий список книг и статей с указанием вопросов, обсуждаемых в данной главе. В основе рецензируемой книги лежит концепция фразеологии, разрабатываемая авторами уже на протяжении многих лет и отраженная в целом ряде их научных трудов.

Несмотря на то, что изложение материала следует определенной внутренней логике, каждая глава в большей или меньшей степени автономна. Это означает, что последовательность рассмотрения материала может быть различной, в зависимости от целей конкретного курса и интереса исследователя. Так, например, глава 1 «История фразеологии» помещена в начале учебника, что предполагает знакомство читателя с основными проблемами фразеологии. Такая композиция ориентирована скорее на специалиста, в учебных целях данный раздел может обсуждаться и в конце курса.

В главе 1 «История фразеологии: направления исследований» кратко очерчены существующие подходы к описанию фразеологизмов, их достоинства и недостатки. Основы дисциплины заложены в русской филологической традиции. Вплоть до 80-х гг. XX в. центр фразеологических исследований находился в СССР, а затем стал постепенно перемещаться в Западную Европу. Подчеркивается, что американская лингвистика традиционно не уделяла и не уделяет должного внимания фразеологии, что, возможно, объясняется сильным влиянием бихевиоризма и генеративизма. В рамках порождающей грамматики основное внимание уделялось специфическому поведению различных идиом по отношению к различным трансформациям. В европейской традиции синтаксис идиом связывался, прежде всего, с теорией валентности. В главе кратко описаны все основные направления исследований во фразеологии, как европейских, так и американских, показаны их принципиальные различия и точки пересечения. К ним относятся классификация фразеологизмов, их варьирование, описание их семантики, структурно-синтаксических особенностей, происхождения, психолингвистические аспекты, словарное описание фразеологии, сопоставитель-

ная фразеология и фразеология как феномен культуры. Все эти направления тесно взаимосвязаны, поскольку описывают один и тот же объект.

В главе 2 «Основные понятия теоретической фразеологии» ставятся один из центральных вопросов — о необходимости выделения фразеологизмов в лексической системе языка. Такая необходимость объясняется тем, что функционирование языка обеспечивается взаимодействием между грамматикой и словарем по принципу экономии, причем для большинства феноменов языка можно четко определить, к какой области они относятся. Это, однако, не распространяется на так называемую промежуточную зону — неоднословные выражения, порождающиеся по уникальным правилам и попадающие вследствие этого в словарь, а не в грамматику. При этом они сохраняют и внутреннюю синтаксическую структуру. В главе подробно рассматриваются базовые категории, обеспечивающие уникальность правил, — идиоматичность и устойчивость фразеологизмов. Авторы вводят новые понятия для описания явления идиоматичности: переинтерпретация, непрозрачность и усложнение способа указания на денотат. Это три типа идиоматичности. Они независимы друг от друга, но могут реализовываться одновременно, то есть один и тот же фразеологизм может относиться сразу к двум или трем категориям. В каждой категории рассматривается несколько типов. Сущность переинтерпретации заключается в том, что на основе одного значения языковой формы создается по определенному принципу (чаще всего в результате метафорического переосмысления или метонимического сдвига) другое значение, ср. *нос* как часть лица и *нос* как часть корабля. К категории ПЕРЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ авторы относят переинтерпретацию в точном смысле (*железный занавес* — ‘противопожарное

устройство' в театре и новое значение 'политическая изоляция'); интенциональную переинтерпретацию (отсутствие исходного значения денотата — *буря в стакане воды, to send somebody away with a flea in his/her ear* в значении 'дать резкий отпор кому-л.');

референциональную переинтерпретацию (*гений всех времен и народов* — 'Сталин'); идиоматичность цитации, возникающую на базе «крылатых слов» и отсылающую к соответствующему тексту (*ключ от квартиры, где деньги лежат* — из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»), и псевдоисчерпание (*ни кола ни двора*, то есть идиома не исчерпывает потенциальных объектов владения).

НЕПРОЗРАЧНОСТЬ, во многих случаях не исключаящая идиоматичность, связана с отсутствием стандартных правил вывода — например, *брать быка за рога* — или с отсутствием в словаре одного или нескольких компонентов идиомы, ср.: *dribs and drabs*.

УСЛОЖНЕНИЕ СПОСОБА УКАЗАНИЯ НА ДЕНОТАТ проявляется в расширении формы или в ее редукции. В этом разделе приводится много примеров расширения формы, например, идиомы со значением 'умереть' — *протянуть ноги, отбросить коньки, дать дуба, сыграть в ящик*, однако, к сожалению, не рассматриваются примеры редукции формы. В лингвистической категории УСТОЙЧИВОСТЬ выделяются два аспекта — структурный, характеризующий фразеологизм с точки зрения внутреннего устройства, и узуальный, относящийся к восприятию и воспроизводству словосочетания носителями языка. Такое описание фразеологизмов позволяет выделить четкую систему критериев, по которым можно отнести то или иное словосочетание к идиоматическим выражениям, то есть дает инструментарий, позволяющий описать существующие в языке различные способы создания фразеологизмов. Это является

бесспорным шагом вперед по сравнению с использованием традиционного критерия отсутствия мотивированности для определения идиоматичности. Отсутствие мотивированности, то есть неспособность носителя языка восстановить семантические отношения между исходными и результирующим значениями фразеологизма, можно соотнести с непрозрачностью, точнее — с одним из ее типов. Однако этот традиционный критерий не учитывает ни прочие виды непрозрачности, ни переинтерпретацию, ни усложнение способа указания на денотат. Следует также подчеркнуть, что предложенная в главе 2 четкая система описания фразеологизмов представляет особую ценность для лингвистов и студентов, не являющихся носителями языка.

Представленная в главе 3 классификация фразеологизмов опирается на две базовых категории фразеологии — идиоматичность и устойчивость. В главе выделяются и подробно рассматриваются шесть типов фразеологизмов: 1) идиомы (*шишка на ровном месте, работать спустя рукава*); 2) коллокации (*зло берет, встретит отпор*); 3) пословицы (*цыплят по осени считают*); 4) грамматические фразеологизмы (*во что бы то ни стало, по крайней мере*); 5) фразеологизмы-конструкции (*X он и в Африке X*); 6) ситуативные клише (*спокойной ночи, best before*). Понятно, что далеко не всегда можно провести четкие границы между фразеологизмами различных типов. Одно и то же выражение может быть по различным критериям одновременно отнесено и к идиомам, и к коллокациям, ср. *отдать должное кому-л. / чему-л.*

Для каждого типа фразеологизмов дается определение, а также указываются параметры, позволяющие отнести тот или иной фразеологизм к данному классу. Представленная классификация учитывает устоявшуюся традицию, но в

то же время расширена и дополнена новыми разрядами фразеологизмов, хорошо согласующимися с интуицией. Так, в класс ИДИОМЫ вводится новый подкласс — РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ¹. Это особая группа идиом со структурой предложения, в семантике которых имеется непосредственная отсылка к ситуации общения. В качестве примера можно привести выражение *не было печали, черти накачали*, употребляемая как речевой комментарий к действию говорящего или собеседника или положению, в которое они попали. В зависимости от семантики и функционирования в структуре дискурса речевые формулы подразделяются в свою очередь на идиомы-комментарии, идиомы-перформативы, формулы ответа и вопроса и пр. Новым является включение грамматических фразеологизмов и фразеологизмов-конструкций в область фразеологии.

В главе 4 «Семантические отношения во фразеологии» последовательно рассматриваются отношения синонимии, антонимии, полисемии, включения (гиперо-гипонимии), конверсии и каузативности. Показано, что эти отношения объединяются идеей семантического поля. Это относится в равной степени как к лексике, так и к фразеологии. Идея распределения фразеологии по семантическим полям разрабатывалась авторами на протяжении многих лет в ряде теоретических работ и легла в основу «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики» (М., 2007).² Отмечается, что для отношений синонимии во фразеологии характерно наличие в плане содержания фразеологизмов не только актуального значения, но

и внутренней формы, которая в обычных словах, как правило, стерта, а во фразеологизмах жива и реально ощущается носителями. Например, в идиомах с семантикой смерти, таких, как *испустить дух* и *выставить кеды* совпадают актуальные значения 'умереть', однако внутренние формы различные, вследствие чего их взаимозамена во многих контекстах невозможна. В описании отношений антонимии выделяется антонимия идиом (*полная чаша* vs. *ни кола ни двора*) и антонимия внутри семантических полей (БЕДНОСТЬ — БОГАТСТВО, НОВОЕ — СТАРОЕ). Фразеологизмы обнаруживают те же типы многозначности (радиальная, цепочечная), что и обычная лексика. Наиболее частотной является радиальная полисемия, ср. идиому *в унисон*, имеющую семь значений.

В этой главе рассматриваются также отношения конверсии и каузативности. Традиционно, особенно в западной лингвистике, эти отношения отнесены к области грамматики. Однако во многих случаях конверсивы, такие как *дать в лоб* — *получить в лоб*, образуются не по регулярным грамматическим правилам, а с помощью лексических средств, по определенным непродуктивным принципам и должны рассматриваться в области фразеологии. Каузативные преобразования, как правило, связанные с введением в структуру семантической валентности Агенса (*пошла по рукам* — *пустил ее по рукам*) и изменением диатезы, во фразеологии могут приводить к изменению набора лексических значений (*прийти к общему знаменателю* — *привести к общему знаменателю*). Наиболее значимым представляется описание различий между семантическими отношениями в сфере лексики, то есть «обычных слов», и фразеологизмами.

В главе 5 «Внутренняя форма фразеологизмов» рассматривается основная отличительная особенность фразеоло-

¹ Этот подкласс выделен и подробно описан авторами в монографии «Аспекты теории фразеологии» (М., 2008).

² В настоящее время составляется новая версия Словаря-тезауруса.

гии по сравнению с обычной лексикой. Представление о внутренней форме восходит к идеям В. фон Гумбольдта, а в России связано прежде всего с работами А. А. Потебни. Авторы рассматривают две стороны внутренней формы – образную часть, обычно присутствующую в идиомах в виде метафоры или других тропов, и способ указания на актуальное значение фразеологизма, то есть образную мотивацию значения фразеологизма его составляющими. Все эти аспекты были ранее тщательно исследованы авторами применительно к фразеологии. Понятно, что, будучи частью плана содержания фразеологизма, внутренняя форма может проявляться в узусе в языковой игре, иронии, народной этимологии, эвфемизации и др. Существенным является вывод о необходимости включения внутренней формы в толкование фразеологизмов, в противном случае описание их семантики будет неполным.

Глава 6 посвящена вопросам фразеологии — словарному описанию фразеологизмов. В ней не только рассматриваются различные типы фразеологических словарей с приведением конкретных примеров, но и обсуждаются главные проблемы, типичные для фразеологии: составление словаря, сбор корпусов примеров и пр.

В главе 7 рассматривается стилистическое своеобразие фразеологии. Авторы считают, что главной задачей в этой области является описание и классификация стилистических характеристик фразеологизмов и описание правил, по которым стилистические пометы должны приписываться фразеологизмам в словарях. В отличие от обычной лексики, фразеологизмам свойственна повышенная образность, динамичность состава и широкое использование в быденной коммуникации. Это, в свою очередь, означает, что немаркированным употреблением идиом следует счи-

тать разговорную речь, а не нейтральный стиль. Такой подход реализован авторами в «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» (М., 2007) и во «Фразеологическом объяснительном словаре русского языка» (М., 2009). В системе стилистических помет фразеологизмов предлагается четыре шкалы: стилевой регистр («высокое», «нейтральное», «грубое», «значимое отсутствие пометы, то есть «разговорное» и др.); дискурсивные пометы («книжное», «журнализм», «народное»); временные пометы («устаревшее», «советское») и регистровые операторы («эвфемизм», «дисфемизм»). Подробно рассматриваются факторы, влияющие на регистровые свойства фразеологизмов: значение, внутренняя форма, временные характеристики и стиль. Можно, конечно, оспаривать отдельные моменты предлагаемой системы, поскольку она не совпадает с системами помет других фразеологических и толковых словарей. Бесспорен, однако, тот факт, что она является не просто теоретическим изысканием авторов, а создана на основе их огромного практического опыта по составлению фразеологических словарей.

В главе 8 обсуждаются различные типы авторского употребления идиом, такие как авторские лексические модификации, авторские грамматические трансформации, авторские семантические модификации и др. Каждый тип авторского употребления идиом рассматривается на примере литературных произведений авторов XIX в. и современных авторов. Ср., например, идиому *нету худа без нехуда*, встречающуюся у Саши Соколова. Это авторская лексическая модификация идиомы *нет худа без добра*.

Глава 9 «Сопоставительная фразеология и проблемы перевода» представляет особое направление исследований во фразеологии — сопоставительный анализ отдельных фразеологизмов и их групп, объединенных по тому или ино-

му признаку. В начале главы приводятся и иллюстрируются обычно выделяемые типы межъязыковой эквивалентности – полная эквивалентность (*играть с огнем* и *play with fire*); частичная эквивалентность (*встать не с той ноги* и *to get out of bed on the wrong side*); фразеологические аналоги (*подложить свинью кому-л.* и *to play a dirty trick on sb.*) и безэквивалентные фразеологизмы (*объяснить на пальцах*). Особо значимым представляется следующий за этим раздел об эквивалентности в системе языка и в переводе. Это два различных аспекта эквивалентности (переводчик ориентируется не на семантическое сходство отдельных лексических единиц, а на содержание текста в целом), которые часто в процессе обучения игнорируются, особенно при изучении иностранных языков.

В главе 10 «Национально-культурная специфика фразеологии» представлены основные особенности этого направления исследования и описываются два основных подхода — сопоставительный и интроспективный.

Особо следует остановиться на том аспекте монографии, который можно назвать дидактическим. Помимо четкой структуры и последовательности изложения, отмеченных выше, рецензируемая книга характеризуется наглядностью подачи материала. Практически каждая проблема, рассматриваемая авторами, иллюстрируется релевантными примерами и их последующим разбором, что, несомненно, представляет ценность при использовании данного издания в целях обучения. Следует также отметить многочисленные примеры из других языков, особенно английского и немецкого, что особенно важно для иностранных студентов, занимающихся славистикой. Оживляют изложение задания, в которых зачастую вводится новая информация. Аннотированный список литературы в конце

каждой главы дает возможность работать с источниками целенаправленно, а не случайно.

Вместе с тем хотелось бы, чтобы некоторые моменты были дополнены и расширены. Прежде всего, это касается упражнений. Задания охватывают не все вопросы, затрагиваемые в соответствующих главах. Было бы желательно увеличить их количество, а также представить их в последовательности «от простого к сложному». Немаловажным было бы включение «элементарных» упражнений, что значительно расширило бы круг читателей. Это облегчило бы усвоение материала студентам, начинающим заниматься лингвистикой, и особенно иностранным студентам, у которых, как правило, значительно ниже уровень подготовки. В связи с этим хотелось бы отметить еще один момент. Круг читателей был бы значительно шире, если бы учебник был написан на английском языке. Как правило, студентам-филологам, изучающим русский язык, трудно справиться с пониманием научных текстов такого высокого уровня сложности на русском языке.

Известный шведский лингвист Эстен Даль (Östen Dahl), говоря однажды о своей очередной публикации, признался, что у него было слишком мало времени, чтобы написать короткую статью. Изложение фундаментальных проблем фразеологии в строго логической последовательности, в форме, доступной студентам и в то же время на самом высоком научном уровне, является труднейшей, почти что непосильной задачей. Тем не менее авторам удалось невозможное. Рецензируемая книга является в своем роде уникальной и представляет бесспорную ценность как для теоретической лингвистики, так и для ее практических приложений – в том числе для преподавания фразеологии в университетских курсах.

Людмила Пётель

**Л. П. Михайлова. Словарь экстенциальных
лексических единиц в русских говорах.**
Петрозаводск — М.: Издательство КГПУ, 2013. — 349 с.

Рецензируемое издание представляет несомненный научный интерес как новый тип диалектного словаря в отечественной лексикографии, созданный известным и авторитетным русистом-диалектологом. Опираясь на различные интенции и экстенции, предложенное Г. П. Мельниковым для характеристики процессов становления и развития в языке, «автор использует термин экстенциальный диалектизм, под которым понимается особая диалектная лексема или вариант широко употребительного в говорах слова, появившиеся в результате воздействия соседней иноструктурной фонологической системы» (с. 4). Соответственно этому замыслу, в центре внимания автора находятся те структурные отклонения = преобразования, которые объясняются длительным контактом русских говоров с прибалтийско-финскими и некоторыми тюркскими языками. Автор, однако, допускает, что «некоторые из обозначенных процессов могут интерпретироваться и как исконные нерегулярные явления» (с. 9), и включение в состав словника именно подобных слов сообщает изданию очень существенную научную ценность. Представляется, однако, что в интересах потенциальных пользователей «Словаря» было бы более рациональным и достаточно информативным использование термина «нерегулярные преобразования».

Основу словника составляет лексика говоров севера и северо-запада Европейской территории России, но привлечены также материалы из словарей говоров других областей, см. «Список источников и условных сокращений» (с. 304—309), в который входят, например, «Словарь говоров Подмосковья», «Словарь донских говоров», «Словарь

русских говоров Сибири» (всего 134 источника, включая, помимо диалектных словарей, также различные исследования по диалектной лексикологии, по этимологии и этимологические словари).

«Введение» (с. 7—9) посвящено целевой направленности Словаря и классификации обнаруженных автором типов структурных изменений — «Основные процессы, отраженные в экстенциальной лексике и их условные обозначения». Типы изменений формализованы. Например: «Упрощение и протеза. Упрощение $tt > t$ с последующим развитием протезы $> at$: *изойти < взойти*». Различаются следующие процессы и их комбинации в одном слове: в анлауте — упрощение, протеза, упрощение и протеза, эпентеза, метатеза, утрата t -анлаута (консонантного. — Ж. В.), утрата a -анлаута (вокалического. — Ж. В.); переходы $ó > á$, $á > ó$, $e > 'á$, $ó > y$; перенос ударения; мена звонких и глухих согласных; мена твердых и мягких согласных; мена плавных; мена свистящих и шипящих и некоторое другое. Основное содержание составляют отделы «Словарь» экстенциальных диалектных лексем, включающий в свой состав около 5000 слов (с. 13—303), и «Исходная лексика, подвергшаяся внешнему воздействию» — словарь, в котором при каждой исходной лексеме приводятся рассмотренные в «Словаре» преобразованные лексем (с. 310—349).

В каждой статье «Словаря» сообщаются географические данные о слове, источники данных, исходная форма слова и тип / типы изменений в формализованном виде. Причины изменений не анализируются. Не всегда преобразование прослеживается до исторически первичной формы слова: например, для

ламéдни ‘недавно’ указаны только *оломéдни* и *оломéни*, источники которых нигде не рассматриваются. При указании исходных форм слов автор опирается на этимологические словари и исследования, но не избегает и слов «с неясной этимологией, в которых с учетом процессов воздействия иноязычной системы обнаруживаются русские корни. Не предусматривается решение этимологии относительно каждого слова, особенно в тех случаях, когда произошли значительные преобразования в фонемном составе слова» (с. 5).

Анализ преобразований, предложенный автором, действительно обнаруживает значительную роль влияния иноязычного окружения, что особенно очевидно в изменениях подударного вокализма *ó > á* (см. *váрот*, *тáрнуть*), *á > ó* (*ботенька*, *бронкий*), *ó > ú* (*бубёр*), в мене звонких и глухих согласных (*етовá*, *усáтъна*, *тóждик*) и др. Примечательно включение в «Словарь» иноязычных заимствований, преобразованных на русской почве. Хотя, строго говоря, их преобразования не соответствуют цели издания, они могут методом отражения подтвердить или поставить под вопрос авторские толкования некоторых преобразований как следствия иноязычного воздействия. Например, *óйра* ‘танец’ < *бóйра* ‘коллективный танец-хоровод’ (Башкирия) свидетельствует об исконной природе утраты *б* в анлауте, вопреки авторской трактовке этого явления как связанного преимущественно с иноязычным влиянием (впрочем, автор не анализирует происхождение каждого преобразования в каждом слове).

Ориентация автора на преобразования, обусловленные иноязычным влиянием, обусловила определенную недооценку исконных интенций (по терминологии автора) русских говоров, а стремление к формализации преобразований иногда затушевывает сущность исконных процессов в истории русских говоров. Так, например, автор избегает

упоминаний о морфологическом пере-разложении как причине многих изменений в анлауте, которые толкуются в лучшем случае как «упрощение приставок *об > б*, *от > т*» (*бéдать*, *бечáйка*, *бáривать*, *твéдать*) и соответственно иногда получают даже антиисторическую формулировку, как, например. «мена *б ~ в*» в *бъчко* ‘веко’ (исторически **обвъ́чько*). Формы *беревно́*, *берéдитъ* ‘бредить’ — явления вторичного полногласия — при формулировке «эпентеза *tt > tat*» нивелируются на фоне случаев типа *пасало́мицик*. Исконным процессом аналогического преобразования — выравниванием производного слова по производящему — объясняется *обото́вое* (колесо), от [*обот*] ‘обод’, что обозначено, однако, как «мена *d ~ t*».

Стремление к возможно более четкому формальному представлению преобразований лексем обусловило преимущественно парное их сопоставление с концентрацией на одной формуле преобразований, что затрудняет анализ многочисленных групп слов-преобразований одного и того же слова, так что в результате теряется представление о генетически исходном слове: например, слова группы *бозáболь*, *вzáволь*, *возáбуль*, *возáболь*, *возáбыль*, *овzáбыль*, *абzáбыль*, *обzáболь* с общим значением ‘всерьез, действительно, на самом деле’ рассматриваются каждое в отдельной статье, что совершенно затушевывает их конечное происхождение из *вzáбыль* [Варбот 2003: 53, там же приведено еще одно, дальнейшее преобразование — *вzáболь-иный*]. Кстати, эта группа иллюстрирует игнорирование преобразований вокализма в безударных слогах, так что исходное *вzáбыль* упомянуто только в статье *возáболь*, причем *возáбыль* (явно более близкое к источнику) представлено как преобразование формы *возáболь*.

Сугубо структурное описание явно обедняет представление о случаях народноэтимологических преобразований (это явление, разумеется, не упоминает-

ся): см. *ба́нна* ‘ванна’, *голя́нка* ‘брюква’ (дано сопоставление с *голя́нка*, но первично явно *голлáндка*), *белезнá* < *близна́*, *боя́рки* ‘валенки из поярки – шерсти первой стрижки ягнят’, *волчо́к* ‘маленькое облако’ < *бо́локо*, *ракови́тый* ‘широколиственный, разлапистый’ < *кракови́тый*, *огло́вли* < *огло́бли*, *за́корм* < *за́кром*, *луковóе* окно < *волоковóе*.

В некоторых статьях ошибочно определено направление преобразования, что объясняется неверными словообразовательными и этимологическими толкованиями. *Пёрстень* ‘кольцо, надеваемое на веретено и служащее для утяжеления его’ сочтено преобразованием слова *пря́стень*, тогда как последнее — результат народно-этимологического изменения *пёрстень*. *Лыня́ть* ‘уклоняться от работы, отлынивать’, вопреки толкованию автора, первично по отношению к *блы́нить*, как *о́зда* ‘балка в речном судне’ — по отношению к *во́зда* (это праслав. **obzъda*, от **zъdati* [StčSl 14: 1062]), *рути́ти* ‘ронять’ — по отношению к *крути́ть* (праслав. **rutiti* [Miklosich 1886: 279, rjutiti]). См. также выше о преобразовании исходного *вза́быль*. Происхождение *нагимáть* ‘набирать в каком-либо количестве’ может быть объяснено не только из *наимáть*: см. праслав. **gumatī* ‘жать, давать’ [Варбот 1999: 615].

Как почти каждая работа, использующая материалы уже существующих публикаций, и данное издание не избежало включения в число преобразованных лексем ошибочных фиксаций из словарей-источников: *ворожи́ть* ‘сушить сено, переворачивая его’ вместо *вороши́ть*, *ове́ржье* ‘некачественно подгнившее сено в верхней части стога’ вм. *ове́ршье*, *наушин* вм. *наужин* — это типичные ошибки прочтения записей с буквами *ж / ш*.

Очевидно, что осуществленное в «Словаре» формализованное представление нерегулярных структурных изменений в лексике русских диалектов яв-

ляется лишь опытом описания этих изменений (причем далеко не всегда «экстенциальных», то есть обусловленных воздействием иноструктурных языков), описанием несомненно полезным, но иногда не соответствующим реальной истории лексем. Использование этого описания как основы для дальнейшего исследования нерегулярных изменений требует критического подхода. Большую научную ценность «Словарь» представляет как огромное собрание лексических диалектных материалов из многих русских диалектов, в которых отражаются различные типы нерегулярных структурных (фонетических и морфологических) преобразований. Изучение нерегулярных изменений является одной из насущных задач современной диахронической лингвистики, поэтому «Словарь» несомненно будет востребован и исследователями истории языка, и диалектологами, и этимологами, и в практике преподавания соответствующих дисциплин (для преподавания особенно существен указатель «Исходная лексика, подвергшаяся внешнему воздействию», облегчающий проследивание процессов преобразования, хотя и существенно обедняющий самим названием природу преобразований).

Л и т е р а т у р а

Варбот 1999 — Ж. Ж. В а р б о т. Вокруг славянского гумна // Поэтика. История. Литература. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 1999. С. 614—618.

Варбот 2003 — Ж. Ж. В а р б о т. Народная этимология в истории языка и в научной этимологии // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 49—62.

StčSl 14 — Staročeský slovník. Seš. 14 / Hl. red. Jan Petr. Praha, Nakladatelství Československé akademie věd. 1984. S. 1062.

Miklosich 1886 — Fr. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

References

Miklosich 1886 — Miklosich Fr. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

StěSl 14 — Staročeský slovník. Seš. 14 / Hl. red. Jan Petr. Praha, Nakladatelství Československé akademie věd. 1984. S. 753—1084.

Varbot 1999 — Varbot Zh. Zh. Vokrug slavyanskogo gumna // Poetika. Istoriya. Literatura. Lingvistika. Sbornik k 70-letiyu Vyacheslava Vsevolodovicha Ivanova. Moskva, 1999. S. 614—618.

Varbot 2003 — Varbot Zh. Zh. Narodnaya etimologiya v istorii yazyka i v nauchnoy etimologii // Slavyanskoe yazykoznanie XIII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Lyublyana, 2003 g. Doklady rossiyskoy delegatsii. Moskva, 2003. S. 49—62.

Ж. Ж. Варбот

Полный словарь диалектной языковой личности /

Под ред. Е. В. Иванцовой. Томск: Изд-во Томского ун-та.

Т. 1. А–З. 2006. — 358 с. Т. 2. И–О. 2007. — 338 с.;

Т. 3. П–Р. 2009. — 324 с.; Т. 4. С–Я. 2012. — 366 с.

«Полный словарь диалектной языковой личности», вышедший в издательстве Томского государственного университета, вписывается в лексикографическую традицию отечественной и мировой лексикографии и вместе с тем представляет собой уникальный лексикографический продукт.

Новый словарь пополнил большой и активно развивающийся класс идиолектных словарей. Лексикографов разных стран привлекают прежде всего представители элитарной речевой культуры, известные писатели и поэты — У. Шекспир, И. В. Гёте, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский, М. И. Цветаева, К. Г. Паустовский... Однако формируется и другая ветвь идиолектной лексикографии, отражающая речевую практику носителей традиционной народной культуры. В этом плане изданный труд томичей стоит в ряду словарей диалектных языковых личностей, созданных В. П. Тимофеевым [Тимофеев 1971], В. Д. Лютиковой [Лютикова 2000], Е. А. Нефедовой [Нефедова 2001], Г. А. Толстовой [Толстова 2004].

В то же время «Полный словарь...» — особое явление в лексикографии. Фундаментом словаря стала обширная текстовая база — магнитофонные записи непринужденной речи сибирской крестьянки Веры Прокофьевны Вершининой, 1909 г. рождения, собранные диалектологами Томского государственного университета методом включения в языковое существование говорящего в течение четверти века (1981—2004 гг.). Это богатый и разнообразный материал, отражающий монологическую и диалогическую речь информанта, его спонтанную речевую деятельность и метатекстовые высказывания.

Вкладом в развитие теории лексикографии является общая концепция словаря рядового говорящего, детальное описание его принципов и последовательное воплощение их в словарной практике.

В отличие от названных выше словарей, целью составителей было максимально полное отражение идиолекта представителя традиционной народно-речевой культуры. В словарь недиффе-

рещионального типа на равных правах вошла территориально ограниченная и общерусская, высоко- и низкочастотная, нейтральная и экспрессивно-эмоциональная, новая и устаревающая лексика и фразеология, узуальные и окказиональные лексемы.

Разработанная структура многопараметровой словарной статьи дает максимально полное представление о грамматических, производительных, семантических, сочетаемостных, функциональных особенностях лексикографируемых единиц, их системных связях (синонимических, антонимических, вариантных), случаях образного употребления в составе сравнений и метафор, пословиц и поговорок.

В представлении материала «Полный словарь...» опирается на принципы предшествующих словарных трудов, творчески развивая их. В связи с этим хотелось бы остановиться на характере помет, отражающих особенности семантической структуры слова и его употребления в речи языковой личности. В числе помет, устанавливающих экспрессивные характеристики слова, особо выделяются две: «снижательное» и «смягченное». Первая из них введена томскими лексикографами еще в 70-е гг. по инициативе О. И. Блиновой; вторая впервые предложена Е. В. Ивановой в данном словаре. Авторы словаря подробно объясняют необходимость введения этих помет для адекватного описания лексической семантики в идиолекте В. П. Вершининой [Иванцова 2006а: 29]. Задаче максимальной детализации лексикографического описания отвечает использование и таких помет, как «позитивная эстетическая оценка» и «негативная эстетическая оценка»; помет, характеризующих ограниченную сферу употребления лексемы («в чужой речи», «детское», «официальное»); а также помет о стилиевой отнесенности так называемых высоких слов. Пометы о

новизне и устарелости слова демонстрируют, что язык диалектной личности не является статичной субстанцией, а представляет собой живую материю, вбирающую из других языковых вариантов и адаптирующую к своей системе новые лексические единицы, а также избавляющуюся постепенно (через ступень осознания устарелости слова) от неработающих или пассивно работающих элементов словарного состава говора. Наконец, особого внимания достойна помета «окказиональное», указывающая на творческий потенциал диалектной языковой личности как ее неотъемлемое качество. Безусловно, в ряде случаев эта помета «защищает» составителей от неверной интерпретации языкового факта при интуитивно ощущаемой, но неподтвержденной узуальности лексической или фразеологической единицы. В любом случае, это вариант решения проблемы с определением статуса лексической единицы.

Приведем несколько примеров словарных статей словаря:

БОГАТЫЙ, прил. (произносит [γ]), кр. богáт, сравн. побогáче. 1. Обладающий большим имуществом, большими материальными ценностями. — Много денег было, богатый был; Золото у ей было, она богата была, привораживала; Мы не бедны были... не скажешь, что богаты; Мама, они побогаче были [чем семья отца]. О 3/10. # БОГАТЫЙ НЕ БУДЕШЬ, А ГОРБАТЫЙ БУДЕШЬ. МУЖ СЕСТРУ ЗДОРÓВУ ЛЮБИТ, БРАТ СЕСТРУ БОГАТУ. НЕ ОТДАШЬ ДУШУ В АД, НЕ БУДЕШЬ БОГАТ / богатый, в зн. сущ. Богатый человек. — У нас богатый вот женился, наша ровня, дак женился богатый, все кони были вороные; Шаровары были — плюшевы штаны, по праздникам, это у богатых. О 2/11. *Антт.* бедный. # (ГОСТЕЙ ПРОВОЖАЮТ ТАК:) БОГАТОГО ПРОВОЖАЮТ, ЧТОБЫ НЕ УПАЛ, А БЕДНОГО, ЧТОБЫ НЕ УКРАЛ. ХВА-

СТЛИВЫЙ С БОГАТЫМ В РЯД. // чем и без доп. Обладающий чем-л. в большом количестве. — Идёт, и: «Тётя Вера, богата деньгами?» Я говорю: «Ну не богата, да... чё?» — «Дай мне пятнадцать тысяч!»; Пять детей у ей, богата. О —/3.

2. Роскошный. — А Рая мне подарила, я те покажу чё... Одеяду. Богаты подарки!; Всё равно, там свадьба будет богата. О —/2.

3. Очень хороший, выше средней нормы. ∧ богатая память. — Я прям забувать стала. У меня память богата была, хороша; Она как по воде бредёт, у ей память богата. ДО —/7.

4. Большой по размерам. — А там же огород богатый, большущий. ДО —/1.

ИГРАТЬ, несов. 1. Забавляться, развлекаться. — Теперь чего играть-то, куклу купишь, да и всё; Девочка играла да куклу положила резинову туды, большу; [С: Лиза, ну вот как тебе не стыдно!] Ну и чё, пускай она играт; Игряют дети, дак все чтобы приходили, вместе поели. ● *Как играт*. Одобр. О человеке, легко выполняющем тяжёлую работу. — И так колотнёт, и так перевернёт, и так... Не поверишь, прям как всё равно, как играт! И всё исколол... [дрова]. О —/6.

2. Проводить время в каком-л. занятии, служащем для развлечения. — Работали там [на «посидёнках»], пряли, вязали, кто чё. А на вечерках — там гуляют, играют. А раньше вот тут на берегу играли и в огоньки, и в разлукку — всяко. А теперь и не играют пошто-то; В клётки-то некода было играть. О —/12. // Участвовать в азартной карточной игре. — Проигрывал всё, играл шибко в карты; Пьяницы тут были, да в карты играли всё в ётим дому. О —/8.

3. Исполнять на музыкальном инструменте. — «А я пошла, гыт, охота сплясать, так шибко уж хорошо играли там». Кто же играл? Василий Яковлев

играл... Василий шибко играл, потом устал, Митя его сменил, пошёл, гыт, по гармонь; Ну концерт показывали. Заволокины-то играют; А курлёковска Галя взяла, гыт, балалайку да давай играть. О —/9. // Исполнять какое-л. музыкальное произведение. — Хорошо хоронили. Прямо, гыт... духовой оркестр играл. О 1/—.

4. с кем. Устаревш. Дружить, симпатизировать друг другу. — [Теперь говорят: «парень с девушкой дружат», а раньше?] «Играли». А то скажут «дрáзняют». «Её кем дрáзняют?» А счас-то: «Дрúжут ли нет?» «А с кем она играт?» ~ Играли да... То и другó говорили. Угу, угу. Или «дрáзняют», или: «А с кем она играт-то?» ДО —/4.

5. перех. Справлять, организовывать, устраивать. — [Гости] приедут с гостинцами тамо-ка, привезут, гулять тамо-ка, играют вечер. ПО —/1.

6. перен. Пениться. — Ну и доехал до Усть-Сосновки — ну речка, гыт, шумит играт, кипит прям всё — ну она же быстра там! О —/1.

ЛЕНЕВАТЫЙ, прил. Смягч. к *ленивый*. — Хоро-оший мужичбнчка! А она-то... не очень: леневата, говорят, грязновата и...; Он леневатый, он и раньше-то ленивый был. Д —/2.

[МОЖНО] ♦ ИЗ-ЗА РЕКИ МОЖНО ПРОДАТЬ. Позит. ЭО (позитивная эстетическая оценка — *Е. О.*). Об очень красивом человеке. — Он красивый, из-за реки можно продать — вон какой красивый! Д —/1.

ОТЁЦ, м. Мужчина по отношению к своим детям. — Ну Коля на мать и на отца ходит, но больше на мать; Катерина Васильевна была хороша, а мне кажется, ешо в отца. Отец был славный у них, хороший; Большой [сын]. Ну больше отца-то он, однако; А у тяти мать — он шести лет остался от матери, и отец тут же тоже не знаю чем [умер]; А мы «тятёй» звали раньше, отцов-то, «мама да тятя»; Ольга мне говорила:

«Отец мне говорит — она «отец» да «мать» зовёт — отец мне говорит: «Кода́ я в первый раз лежал в больнице, я ешо тода́ с ей познакомился». О 64/111. **Син.** тятя. # СОН ДОРОЖЕ ОТЦА-МАТЕРИ. / В ЧР (чужая речь — *Е.О.*). Употр. при назывании свёкра (чаще в обращении). — Потом это, лёг да давай кровь бежать. Ага. А Таня-то говорит: «Отец, ты чё? — они же не зовут... папкой бы назвала да и всё, — отец, ты чё это?»; «Надо ехать домой, всё, отец там, отец голодный...» — Валя-то говорит. ДО 1/5. / По отношению к мужу (чаще в обращении). — «Отец, по калину съезди, — мама-то скажет. — Надо, отец, по калину съездить». ДО —/4.

Прокомментируем некоторые условные обозначения, принятые в словаре. Через обозначения **О, П, Д** даны сведения о принадлежности слов к общерусской, диалектно-просторечной или собственно диалектной лексике; незначительные отличия от исходных литературных или просторечных единиц в форме или семантике, не нарушающие границ тождества слова, маркируются комбинациями помет **ДО** (диалектный вариант общерусского слова), **ПО** (диалектно-просторечный вариант общерусского слова) и **ДП** (диалектный вариант диалектно-просторечного слова); цифровые обозначения дают информацию о количестве словоупотреблений в картотеке и показывают частотность данной единицы в речи диалектоносителя, при этом через косую черту приводится статистика по двум частям картотеки: отражающей сплошное расписывание материала из связанных текстов и выборку низкочастотных слов, например, 3/10 (3 и 10 словоупотреблений), при отсутствии же примеров в одной из частей картотеки ставится прочерк; через знак # поданы сведения об употреблении в составе послышцы или поговорки; знак / указывает на отмеченные в текстах информанта устойчивые словосочетания,

демонстрирующие ограничения в валентности данного слова; далее знаком ♦ отмечены фразеологизмы, ● — нефразеологические сравнения.

«Полный словарь диалектной языковой личности» является частью масштабного проекта по изучению феномена языковой личности носителя народно-речевой культуры, осуществляемого под руководством Е. В. Иванцовой [Иванцова 2006б], и в то же время составляет одно из звеньев системы словарей Томской диалектологической школы. Речь В. П. Вершининой служит предметом комплексного описания: изучаются состав лексикона, особенности спонтанных текстов и проявлений метаязыкового сознания, система речевых жанров, специфика ключевых концептов, образного миромоделирования, уровня речевой культуры и т. д. На сегодняшний день по данной проблематике опубликовано более 150 работ двадцати авторов (в том числе монографий), защищено несколько кандидатских и докторская диссертация (полный перечень публикаций представлен в 1-м и 4-м томах Словаря). «Полный словарь...» вырос из этих исследований и вместе с тем служит источником новых изысканий, посвященных лингвоперсоналогическому анализу диалектной речи. Словарь неразрывно связан и с другими словарными проектами томских диалектологов: начав с издания словарей группы говоров ([СРСГ] и дополнений к нему, составивших в общей сложности семитомник) еще в 60—70-е гг., в 1990—2000-е гг. они обратились к составлению комплекса словарей одного говора села Вершинино Томской обл. ([ВС] с дополняющими его словарями антонимов, мотивированных и образных единиц этого говора), и, наконец, последним звеном в лексикографической параметризации среднеобского региона в начале XXI в. стал идиолектный словарь типичного представителя вер-

шининского говора [Блинова, Демешкина 2012].

Разумеется, как и всякий словарь, рецензируемый труд не свободен от недостатков. Это осознают и сами его создатели. В «Послесловии», завершающем 4-ый том, главный редактор издания пишет: «Фундаментальная задача создания полного идиолектного словаря ставит перед лексикографами множество проблем. Не все их удастся решить в равной мере удовлетворительно, и в завершённом на сегодняшний день труде составителям хорошо видны допущенные ошибки, неточности, противоречия. Их причины кроются в разнообразии огромного материала и в то же время в его речевой неполноте, единичности многих употреблений, субъективности интерпретации языковых явлений в большом авторском коллективе» [Иванцова 2012]. И всё же думается, что не эти погрешности должны определять оценку новаторского лексикографического проекта.

«Полный словарь...» впечатляет масштабностью как замысла, так и его воплощения. Его создание — итог многолетней работы большого коллектива. Основной объём работ выполнен преподавателями, аспирантами и студентами кафедры русского языка Томского государственного университета, однако в составление словаря внесли свою лепту и диалектологи из других высших учебных заведений Сибири и Казахстана: Кемеровского, Кокшетауского, Амурского государственных университетов, Томского и Новосибирского педагогических университетов. Авторами словарных статей являются 40 человек; около двухсот человек принимали участие в формировании картотеки. Общий объём изданных четырех томов — 146 авторских листов (1386 страниц большого формата) — сопоставим с объёмом известного словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. По подсчётам,

в «Полный словарь...» вошло 17603 лексико-фразеологические единицы (включая варианты), или 25636 слов в отдельно взятых значениях.

Вся включенная в «Полный словарь диалектной языковой личности» систематизированная и получившая лингвистическую интерпретации информация свидетельствует о том, что цель авторского коллектива, который ориентировался на «максимально полное, разноаспектное описание языка одного человека» [Иванцова 2006: 20], достигнута.

Л и т е р а т у р а

Блинова, Демешкина 2012 — О. И. Блинова, Т. А. Демешкина. Томская лексикографическая школа начала XXI в. (2002—2012 гг.) // *Вопр. лексикографии*. 2012. № 1. С. 104—109.

ВС — Вершининский словарь / Глав. ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998—2002. Т. 1—7.

Иванцова 2006а — Е. В. Иванцова. Введение // *Полный словарь диалектной языковой личности* / Под ред. Е. В. Иванцовой. Т. 1. А—З. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 9—20.

Иванцова 2006б — Е. В. Иванцова. Изучение языковой личности в Томской лингвистической школе // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2006. № 291. С. 5—11.

Иванцова 2012 — Е. В. Иванцова. Послесловие // *Полный словарь диалектной языковой личности* / Под ред. Е. В. Иванцовой. Т. 4. С—Я. Томск, 2012. С. 356—357.

Лютикова 2000 — В. Д. Лютикова. *Словарь диалектной личности*. Тюмень, 2000.

Нефедова 2001 — Е. А. Нефедова. *Экспрессивный словарь диалектной личности*. М., 2001.

СРСГ — *Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби* / Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1964—1967. Т. 1—3.

Тимофеев 1971 — В. П. Тимофеев. Дialektnый словарь личности. Шадринск, 1971.

Толстова 2004 — Г. А. Толстова. Словарь языка Агафьи Лыковой. Красноярск, 2004.

References

Blinova, Demeshkina 2012 — O. I. Blinova, T. A. Demeshkina. Tomskaya leksikograficheskaya shkola nachala XXI v. (2002—2012 gg.) // Vopr. leksikografii. 2012. № 1. S. 104—109.

Ivancova 2006a — E. V. Ivancova. Vvedenie // Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti / Pod red. E. V. Ivancovoy. T. 1. A—Z. Tomsk, 2006. S. 9—20.

Ivancova 2006b — E. V. Ivancova. Izuchenie yazykovoy lichnosti v Tomskoy lingvisticheskoy shkole // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2006. № 291. S. 5—11

Ivancova 2012 — E. V. Ivancova. Posleslovie // Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti / Pod red. E. V. Ivancovoy. T. 4. S—Ya. Tomsk, 2012. S. 356—357.

Lyutikova 2000 — V. D. Lyutikova. Slovar' dialektnoy lichnosti. Tyumen', 2000.

Nefedova 2001 — E. A. Nefedova. Ekspressivnyy slovar' dialektnoy lichnosti. Moskva, 2001.

SRSR — Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi / Pod red. V. V. Palagino. Tomsk, 1964—1967. T. 1—3.

Timofeev 1971 — V. P. Timofeev. Dialektnyy slovar' lichnosti. Shadrinsk, 1971.

Tolstova 2004 — G. A. Tolstova. Slovar' yazyka Agaf'i Lykovoy. Krasnoyarsk, 2004.

VS — Verшининский slovar' / Glav. red. O. I. Blinova. Tomsk, 1998—2002. T. 1—7.

E. A. Ogлезнева

Е. В. Гаева. Гости из прошлого: Словарь редких слов.

В 3 т. — Т. 1: А—Й. — 631 с.; Т. 2: К—Посутяжничать. — 653 с.; Т. 3: Посхимиться—Я. — 622 с. — М.: ИНФРА-М, 2014.

Словарь Е. В. Гаевой «Гости из прошлого» (далее [Гаева]) содержит 17 000 редких слов [Гаева-1: 2], извлеченных из произведений Н. С. Лескова (1831—1895), П. Д. Боборыкина (1836—1921) и Б. М. Маркевича (1822—1884).

По нашим оценкам, наиболее значителен вклад Лескова — около двух третей словника; лексических раритетов Боборыкина примерно в три раза меньше, а скромный остаток из Маркевича составил около 2000 слов. Словари редких слов вслед за Р. П. Рогожниковой и др. стали популярным жанром в современной лексикографии. Рецензируемый словарь стремится к точному цитированию с постраничными ссылками в основном на прижизненные издания.

В общем можно сказать, что словарь Е. В. Гаевой является авторской реали-

зацией и развитием идеи И. Г. Добродомова о необходимости систематического описания «несобранных слов русского языка» [Добродомов 1988]. Этот подход был реализован в объеме около 154 п. л., то есть в масштабе даже технически невозможном для автора-одиночки какие-то два-три десятилетия назад. И это создало специфическое пространство лексикографического дискурса. Широкий набор цитат дает читателю возможность проверять лексикографа. Представленные данные словарей XIX — начала XX в. надстраивают над диалогом читателя с писателем еще один уровень коммуникации.

Однако это не реконструкции усредненного лексикона прошлого. Хотя выбор именно этих «писателей исключительно субъективен», однако была

«принята во внимание неординарная лексика», характерная именно для этих, но далеко не для всех авторов «второго ряда» [Гаева-I: 3]. Соседство трех своеобразных языктворцев XIX века, лексических совпадений между которыми не так много, создает еще один уровень диалога и взаимодействия.

На таком феноменальном объеме особенно видна принципиальная неполнота сведений о лексических раритетах. Почти всегда остается возможность для близкой, но альтернативной трактовки. В этой ситуации точная фиксация границ нашего незнания оказывается иерархически более важной задачей, нежели достижение полноты описания.

При сплошном чтении произведения, даже если вникать в него предвзято лексикографически, во-первых, невозможно держать в памяти все контексты из других произведений, а во-вторых, трудно не увлечься самим повествованием и из словарника не превратиться в читателя. Предлагаемая словарем расстановка материала оптимальна именно для восприятия редкой лексики. Перед читателем раскладывается полный пасьянс контекстов, иллюстрирующих весь спектр употреблений конкретных лексем. Подобная практика применялась прежде только в словарях поэтического языка (например, Пушкина или Есенина), но не в словарях авторов-прозаиков (ср., например, [Островский]). Такая открытость для читателя означает и большую открытость для критики. Одновременно это означает и незавершенность словарного диалога, в котором все может стать отправной точкой для дальнейшего исследования.

Именно в таком ключе следует воспринимать представленные далее частные уточнения. Некоторые из них касаются опечаток в изданиях, использованных при составлении словаря. Опечатки у таких авторов, как Лесков или Маркевич, произведения которых

насыщены разного рода регионализмами, окказионализмами, макаронизмами и пр., представляют отдельную сложную проблему, в которой Е. В. Гаева прекрасно ориентируется: она специально писала об истории опечаток [Гаева 2010], они освещены и в словаре, например, *нюхать*, напечатанное как *жохоть* в рецепте, приводимом у Лескова [Гаева-I: 518].

«**АРТЮР**, -а, м. *Сутенёр*. “Бежать, бежать отсюда... вырваться из добровольного рабства, где я не пользуюсь даже тем, что дарят каждому Артуру, каждому та...”» [Гаева-I: 80]. В приведенном контексте из рассказа Боборыкина «Солидные добродетели» (цитируется второе издание: [Боборыкин 1885: 258]; то же и в первом: [Боборыкин 1871: 246]) «та» — результат неправильной (через курсив кириллицы) интерпретации написанного латиницей слога «та» — сокращения франц. *taqueureau*. Ср. в этом же рассказе: «Прежде это называлось Arthur... а теперь этаких приятелей зовут просто: *taqueureau*¹!» [Гаева, там же].

«**БАРСУК**, -а, м. Длинный, несуразный, из *барсуков*, похожий на Дон-Базилио, уездный врач [...]» [Гаева-I: 106]. Отсутствие толкования, видимо, значит, что *барсук* — это ‘барсук’. Б. М. Маркевич («Четверть века назад: Правдивая история») цитируется точно. Но и во втором, *пересмотренном* и значительно дополненном, издании напечатано *изъ барсуковъ* [Маркевич 1879: 290], хотя в экземпляре РГБ карандашом поправлено на «бурсаков», как и печатается ныне. Не отражает ли настойчивость «опечатки» ходовой для того времени каламбур: *барсук* — ‘бурсак’? Тогда автор словаря ближе к истине, чем современные издатели. Этот пример лишний раз демонстрирует, что в художественном тексте выявление опе-

¹ В издании ошибочно *taquereau*.

чаток осложнено необходимостью отличать ошибку от авторского приема.

«**БИТЕМУТЬ**, -у, -ешь; несов. *Бить*. [...] меня тогда все равно люди битемут \\ — Ага! Ты боишься, что тебя мужики побьют [...] (*Лесков*)...» [Гаева-І: 142], «**БИТИМУТЬ**, -у, -ешь; несов. *Бить*. [...] нас же и битимуть? (*Лесков*)...» [Гаева-І: 142]. Это украинская форма будущего времени *бити+(и)муть* ‘бить имею, будет бить’, восстанавливать инфинитив и полную парадигму не следует.

«**БРАМРОТ**, -а, м. *Вид краски*. [...] (*Лесков*)...» [Гаева-І: 180]. Точнее — нем. *brandrot* ‘огненно-красный; яркий’.

«**БРОДЯГЕС**, -а, м. *То же, что «бродяга»*. — Я бродягес. — проговорил мальчик... (*Лесков*)...» [Гаева-І: 185]. Это мн. ч. славянского слова в идиш זבֿרֿגֿעֿר [бродягэ] [РЕС 1989: 52]. Вряд ли нужна грамматическая характеристика (РП ед. ч.) единичной формы, видимо, взятой Лесковым из другого контекста (‘мы бродяги?’).

«**БРЁХ**» и «**БРОХ**» даны у Лескова в составе выражения *брецет брох о четьрех ног* [Гаева-І: 183, 186]. Видимо, надо добавить разгадку — «собака».

«**ВЁДЕНЕЦ**, нца, м. [*Вѣденецъ*]. *Знаток*. [...] (*Боборыкин*)» [Гаева-І: 217]. Правильно: ‘житель Вены’, от словацк. *Viedeň*, пол. *Wiedeń* и проч. В «Докторе Цыбульке» Боборыкин, с сарказмом воспроизводя макаронический «между-славянской», или «обще-славянской языкъ» [Боборыкин 1875: 138], щедро использует чешский и словацкий, но часто склоняется, как кажется, к более знакомому польскому языку.

«**ВЕСЕЛОГРА**, ж. *Вероятно, маленькая пьеса, основанная на поговорке*» [Гаева-І: 228]. Осторожное толкование автора словаря основано на конкретном контексте, однако вышеупомянутый доктор Цыбулька использует обычное

чешское слово для комедии: *veselohra*, т. е. ‘веселая игра’.

«**ВЗЪАХАТЬСЯ**» [Гаева-І: 237]. Старое написание у Лескова вынесено в позицию заглавного слова, судя по другим примерам, ожидается *взахаться*.

«**ВПОЛЁТЫ**, -т, мн. *То же, что “эполеты”*» [Гаева-І: 284-285]. Опять Б. М. Маркевич («На повороте: Два романа») цитируется точно. В другом издании так же: «окромѣ тѣхъ *вполетъ*» [Маркевич 1874: 271], но в насыщенной диалектизмами речи героини скорее ожидается чтение *эполет*.

«**ВРЕДА**, -ы, ж. *Вред* (*Даль*)». ... шли вреда за вредами... (*Лесков*)...» [Гаева-І: 287]. Неверно определена морфологическая модель слова: в приведенном примере *вреда* — это южнорусское мн. число типа *домá* (при ж. р. была бы форма ИП мн. числа *вреды*). Действие «Запечатленного ангела» Лескова происходит в Киеве, а *вредá, вереда* (ж.) дано у цитируемого Даля как *владимирское* [Даль-І: 636].

У Лескова в сказке «Час воли Божией»: «**ГЛУБОНЬКА**, -и, ж. <без толкования> [...] нахватил себе на плечи королевскую *глубоньку* [...]» [Гаева-І: 351], правильно: *шубоньку* ‘шубку’. Ср.: «А нахватил он ведь кунью шубочку, собольюю» [Былины-IV: 417]; «А нахватил он веть кунью шубочку собольюю» [Архангельские-III (4): 82]. Так и до сей поры воспроизводится в изданиях: *глубоньку*. Должен ли в этом случае словарь исправлять, и что — ошибку автора или черту письма простодушного повествователя? Вернее оставить как есть.

«**ГОСПОДЕВ**, -а, -о. *Господу свойственный* [...] работая господеву [...]» [Гаева-І: 369]. Это не прилагательное. В иллюстративном контексте *Господеву* — ДП ед. ч. от *Господь*.

«**ГУДЬБА**, -ы, ж. *Музыка*» [Гаева-І: 393]. Из чешск. *hudba* ‘музыка’.

«**ЗАКАРОГОЛЫТЬ**, -у, -ышь; сов. *Захороводить, закружить, запутать*. [...]» [Гаева-I: 537]. У Лескова в повести «Некрещеный поп» только один раз представлена форма *закароголыв*, на фоне других украинизмов рассказчика понимаемая как форма прошедшего времени. В 1-м журнальном издании иначе: «так ловко все *закрутиль*, що и архіерею не разкрутить» [Лесков 1877-27-30: 639]. Реконструкция 1 л. ед. ч. **закароголу* неудачна, ожидается -лю. Вероятно, опечатка: **закарогодыв*. Параллельные образования от *хоровод* (в толковании), *карогод, коровод*, ср.: «**ЗАКОРОВОДИТЬ**, -жу, -дишь; сов. *Увlech, свести с ума, вскружить кому-нибудь голову*» [Гаева-I: 540], последнее также из Лескова. Вероятно, в издании Лескова опечатка: вместо *закароголыв* должно быть **закарогодыв* (соответственно, словарная форма — **ЗАКАРОГОДЫТЬ**) — образование от сущ. **карогод*, варианта *хоровод, коровод*, ср. *захороводить, закороводить*. Последнее также встречается у Лескова: «**ЗАКОРОВОДИТЬ**, -жу, -дишь; сов. *Увlech, свести с ума, вскружить кому-нибудь голову*» [Гаева-I: 540].

«**ЗАШАРАВАРИТЬ** [...] *Придать чему-нибудь форму шаровар, брюк; зачелебарить (Д(аль))*» [Гаева-I: 566]. В толковании, заимствованном из [Даль₃-I: 1659], использован фантомный глагол *зачелебарить*; у Даля имеется и отдельная статья: «**ЗАЧЕЛЕБАРИТЬ** (*зашароварить?*)» [Даль₃-I: 1652]. Словообразовательный параллелизм и синонимия глаголов, производных от сущ. *шаровары* и *чембары*, позволяет настаивать на написании *зачембарить*.

«**ИНЬОБИЛЬНЫЙ**, -ая, -ое. [Франц. *inhabile*]. *Вероятно, неловкий, неумелый*... У Троекурова подымалась желчь от тягучих звуков этого голоса, от вида этой “иньобильной” наружности (*М(аркевич)*...)» [Гаева-I: 618]. Ско-

рее итальянское *ignobile* ‘незнатный, низкий, подлый, презренный’.

«**САЛЬМИ** [...] что он поет? \ Он отвечал \ — Сальми (*Л(есков)*...)» [Гаева-III: 185], то есть *псалмы*. У баптистов встречается также форма *псальни* ‘духовные песни недавнего сочинения’. Ср. «**Сальма**, ж. Псалом. Дон(ское), 1929» [СРНГ-36: 68]; толкование в первоисточнике иное: «**Сальма** (из “псалма”) — духовная песня. Поют постом» [Миртов 1929: 282]. С мягким [л'] и утратой начального согласного и колымское: «**шальма** “псалом”» [Фасмер-IV: 401]. У этого героя Лескова (финна) и в других словах теряется начальный согласный (например, [*с*]лушаю).

«**СОБАЧЕЯ**, -и, ж. *Собака*. Вижу в Петербурге на Невском собачья... и говорю: “Достань, говорю, мне... хорошую собачку” (*Л(есков)*...)» [Гаева-III: 267]. В примере из Лескова *собачья* — не ИП, а ВП ед. ч. существительного м. р. *собачей*, -я ‘собачник, торговец собаками’. Модель та же, что в *казначей, домрачей, книгочей*.

«**СТАЛЬИЙ**, -ая, -ое. *Могущий быть, статья, случиться (Д(аль))*. Александр Афанасьевич исправлял должность городничего. Что он делал отменного от прежних “сталых” порядков, — этого я не знаю, но, разумеется, он не брал взятки... (*Л(есков)*...)» [Гаева-III: 304]. Судя по контексту, вполне подходит укр. *сталий*, польск. *stały* ‘постоянный, устоявшийся’.

«**СТРЕЛИТЬСЯ**, -юсь, ишься и **СТРЕЛИТЬСЯ**, -юсь, ишься, сов. [Стрѣлиться]. *Выйти на поединок, стреляя друг в друга (Д(аль))*. Господа офицеры флотские *стрелись* с нами (*Б(оборыкин)*...)» [Гаева-III: 318]. При таком инфинитиве ожидалась бы форма *стрелидись*, так что это другой глагол — *стрѣнуться*, то есть ‘встретиться’ [СРНГ-41: 328], в форме прошедшего времени чаще с выпадающим -ну-, ср. *завязнуть* — *завязли, гаснуть* —

газли. У Боборыкина русский мошенник в Парижской забегаловке говорит с массой диалектных черт («съ желѣзной дороги аршавской», *рай* ‘разве’ и др.) и рассказывает о встрече и гульбе с матросами на чужбине: «Господа офицеры флотскіе стрѣлись съ нами» [Боборыкин 1885: 356]; то же в 1-м издании [Боборыкин 1871: 341]. Трудный глагол, инфинитив *перевстренуть* ‘встретить, перехватить’ на основе форм настоящего времени *перевстренет*, *перевстренут* и реальный инфинитив из произведений Шолохова *перевстреть* представлены в словаре [СЯМШ 2005: 655].

«СТРЖЕЛЯЙОНЬ. [Стржѣляойнь; польск. *strzelają* от *strzelać*]. *Стреляют*» [Гаева-III: 318], в публикациях текста Лескова переставлены буквы, правильно было бы *стржеляйонь. В первом издании повести «Смех и горе» (с другой разбивкой по главам; цитируемый контекст здесь находится в главе ХLI, в позднейших изданиях — гл. LXXVIII) уже читаем: «Говоръ пошелъ: “стржѣляойнь нась, пане, москали!”» [Лесков 1871-15: 7].

«ЭКСПРОМЦТА, -ы, ж. *То же, что “экспромт”*. Проповеди о посте или о молитве говорить они уже не могут, а всё выйдут к аналою, да экспромту о лягушке [...] отцу Ивану экспромту теперь говорить запрещено [...] (*Лесков*)...» [Гаева-III: 595]. Уже в 1-м изд. повести «Смех и горе» дважды *экспромту* (без *-н-*) [Лесков 1871-10: 6]. Контекст позволяет понять форму не как уникальный ВП ед. ч. ж. р., но как латинское наречие *expromptu* и *exprompto* ‘без подготовки’ [Бабкин, Шендецов 1994-II: 497] (предлог *ex* + отложительный пад. ед. ч. от *promptus* ‘находящийся в готовности’) [ЛРС 1976: 821].

«ЭЛЕЦ, эльца. *Уменьш. к “эль”* [...]» [Гаева-III: 597]. В примере слово пред-

ставлено в форме родительного части — *эльцу*.

«ЭТІЛЬ ПЕРМІЙ [...] *Он разрешил* [...]» [Гаева-III: 605]. Правильный перевод этого французского выражения (*est-il permis?*): «Разрешено ли это?». Это безличная пассивная конструкция (активная личная, соответствующая толкованию словаря ‘он разрешил’, была бы: *a-t-il permis?* — что в кириллической транскрипции дало бы «атиль перми?»).

Такого рода дополнения можно продолжать, поскольку сама их возможность в заметной мере поддерживается словарем, организующим и аккумулирующим сложный и труднодоступный материал, — однако это никоим образом не снижает высокой оценки замысла и реализации словаря.

Обратимся к особенностям структуры словника. В нем выстроены по алфавиту слова, использующие различные способы записи. Во-первых, это современная русская запись, получаемая из старой позапрошлого века. При ее трансформации в новую орфографию возникает проблема передачи *i*: например, в *sie*, *ierarxъ* это гласный — то есть новое *sie* содержит слог на месте *i*, но иногда *i* обозначает [й]: у Даля *iодъ*, *iокнуть*, *iота*, а у нас *йод*, *ёкнуть*, *йота*. Но при передаче *i* в большинстве случаев замещается буквой *и*. Эта издательская практика разделяется и автором словаря: «ИЙХАТЬ, -ду, -ешь, несов. [Укр. *їхати*]. *Ехать*.» [Гаева-I: 603], «ПРИЙХАТЬ... *Приехать*... *Приихать*...» [Гаева-III: 42]. Однако следует учесть, что в современных изданиях Лескова подобные записи с *ии* передают один слог (украинское [йи]), хотя таких случаев и немного. Вообще в словаре отражены украинские слова в нескольких вариантах написания, использованных Лесковым и порой далеких от современной орфографии. Наконец, орфографический разноречивостью еще более усиливается из-за иноязычных вкраплений

в разнообразных вариантах кириллической транслитерации, представленных у каждого из трех авторов. В данной ситуации было верным решение фиксировать все варианты оформления слова, все формы иноязычных вкраплений. Заглавное слово, представленное в новой орфографии, при необходимости дублируется в старой орфографии: «**ЯРЬ-МЕДЯНКА...** [Ярь-мѣдянка]. *Зеленая краска...*» [Гаева-III: 617]. Это разумно, поскольку отличия иногда значительны: «**СЮЮТИТЬ** [сьюютить]» [Гаева-III: 333]. Но иногда колеблется порядок следования дефисных и слитных написаний, ср: «**ЭС-БУКЕТ... ЭСБУКЕТ...**» [Гаева-III: 603, 604], но («**ЯКЙСЬ**, мест. ... **Яки-сь...**» [Гаева-III: 614]). При расстановке и-восьмеричное и i-десятеричное воспринимаются как варианты одной графемы: «**БИДА... БИДАК... БИДНОСТЬ... БИДНЫЙ...**» [Гаева-I: 138—139]. Было бы лучше установить и их иерархию в алфавитном порядке.

В заключение еще раз обратимся к выявленным ошибкам в уникальных словах. Как неоднократно было доказано, почти всегда они восходят к первой публикации и в дальнейшем сохраняются автором. Принцип пунктуального следования оригиналу, реализованный в словаре, окупается при любом развитии событий. Оценка уникальной записи может меняться, но точное воспроизведение источника сохраняет ценность при любых позднейших интерпретациях. Думается, рецензируемый словарь стал еще одним значительным шагом на пути фиксации редкой лексики и на пути совершенствования принципов работы с лингвистическими источниками недавнего прошлого.

Л и т е р а т у р а

Архангельские-III (4) — Архангельские былины и исторические песни, собранные

А. Д. Григорьевым: В 3 т. Т. III. Ч. 4. СПб., 2003.

Бабкин, Шендецов 1994 — А. М. Б а б к и н, В. В. Ш е н д е ц о в. Словарь иноязычных выражений и слов. В 3 т. М., 1994.

Боборыкин 1871 — П. Д. Б о б о р ы к и н. Солидные добродетели. СПб., 1871.

Боборыкин 1875 — П. Д. Б о б о р ы к и н. Доктор Цыбулька. М., 1875.

Боборыкин 1885 — П. Д. Б о б о р ы к и н. Солидные добродетели: СПб., 1885.

Былины-IV — Былины: В 25 т. Т. 4. СПб.; М., 2001.

Гаева 2010 — Е. В. Г а е в а (Ковалёва). Недоблуды и переблуды // Лесковиана. — Т. 3. М.; Орёл, 2010. — С. 67-85.

Дальз- — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1904—1907.

Добродомов 1988 — И. Г. Д о б р о д о м о в. Несобранные слова русского языка // История слова в текстах и словарях. М.; Ставрополь, 1988. — С. 21—36.

Лесков 1871 — Н. С. Л е с к о в. Смех и горе // Современная летопись. 1871. № 1—3, 8—16.

Лесков 1877 — Н. С. Л е с к о в. Некрещенный поп // Гражданин. 1877. № 23—24, 25—26, 27—30.

ЛРС 1976 — И. Х. Д в о р е ц к и й. Латинско-русский словарь / 2-е изд. М., 1976.

Маркевич 1874 — Б. М. М а р к е в и ч. На повороте. Т. 2. Ч. 1. СПб.; М., 1874.

Маркевич 1878 — Б. М. М а р к е в и ч. Четверть века назад. Ч. 2. М., 1878.

Миртов 1929 — А. В. М и р т о в. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929.

Островский — Н. С. А ш у к и н, С. И. О ж е г о в, В. Л. Ф и л и п п о в. Словарь к пьесам А. Н. Островского. М., 1993.

РЕС 1989 — Русско-еврейский (идиш) словарь. М., 1989.

СРНГ-36 — Словарь русских народных говоров. Вып. 36. СПб., 2002.

СЯМШ 2005 — Словарь языка Михаила Шолохова. М., 2005.

Фасмер — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. М., 1986—1987.

References

Arkhangel'skie-III (4) — Arkhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A. D. Grigor'yevym: V 3 t. T. III. Ch. 4. St.-Peterburg, 2003.

Babkin, Shendecov 1994 — A. M. Babkin, V. V. Shendecov. Slovar' inoyazychnykh vyrazheniy i slov. V 3 t. Moskva, 1994.

Boborykin 1871 — P. D. Boborykin. Solidnye dobrodeteli. St.-Peterburg, 1871.

Boborykin 1875 — P. D. Boborykin. Doktor Cybul'ka. Moskva, 1875.

Boborykin 1885 — P. D. Boborykin. Solidnye dobrodeteli: St.-Peterburg, 1885.

Byliny-IV — Byliny: V 25 t. T. 4. St.-Peterburg; Moskva, 2001.

Dal' — V. I. Dal'. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. St.-Peterburg, 1904—1907.

Dobrodomov 1988 — I. G. Dobrodomov. Nesobrannye slova russkogo yazyka // Istoriya slova v tekstakh i slovaryakh. Moskva; Stavropol', 1988. — S. 21—36.

Gaeva 2010 — E. V. Gaeva (Kovaleva). Nedobludy i perebludy // Leskoviana. — T. 3. Moskva; Orel, 2010. — S. 67—85.

Leskov 1871 — N. S. Leskov. Smekh i gore // Sovremennaya letopis'. 1871. № 1—3, 8—16.

Leskov 1877 — N. S. Leskov. Nekreshchenyy pop // Grazhdanin. 1877. № 23—24, 25—26, 27—30.

LRS 1976 — I. Kh. Dvoreckiy. Latinsko-russkiy slovar' / 2-e izd. Moskva, 1976.

Markevich 1874 — B. M. Markevich. Na povorote. T. 2. Ch. 1. St.-Peterburg; Moskva, 1874.

Markevich 1878 — B. M. Markevich. Chetvert' veka nazad. Ch. 2. Moskva, 1878.

Mirtov 1929 — A. V. Mirtov. Donskoy slovar'. Rostov-na-Donu, 1929.

Ostrovskiy — N. S. Ashukin, S. I. Ozhegov, V. L. Filippov. Slovar' k p'esam A. N. Ostrovskogo. Moskva, 1993.

RES 1989 — Russko-evreyskiy (idish) slovar'. Moskva, 1989.

SRNG-36 — Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 36. St.-Peterburg, 2002.

SYaMSh 2005 — Slovar' yazyka Mikhaila Sholokhova. Moskva, 2005.

Vasmer — M. Vasmer. Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka. V 4-kh t. Moskva, 1986—1987.

B. B. Шаповал

Г. И. Ш и п у л и н а. Частотно-семантический конкорданс служебных слов в поэзии Сергея Есенина.

Выпуск 1. Предлоги; Выпуск 2. Союзы. Частицы. —

Баку: Мутарджим, 2012. — 184 с.; 288 с.

Галина Ш и п у л и н а. Словарь языка Есенина.

Имя существительное. Баку: Мутарджим, 2013. — 588 с.;

Глагол. Баку: Мутарджим, 2013. — 462 с.;

Прилагательное. Числительное. Местоимение. Наречие.

Баку: Мутарджим, 2013. — 553 с.

Рецензируемые издания представляют собой серию словарей языка Сергея Есенина, предназначенных для лексикографов разных профилей, специалистов по языку и творчеству Есенина. Надо сказать, что ранее уже предпринимались попытки создания подобных справочников (см., например, [Тимофе-

ев 1967]). Результативность их оказалась, однако, небольшой — долгое время в распоряжении исследователей истории русского поэтического языка был, по сути, один завершенный словарь Есенина, причем учебной направленности [Осипов 1973]. В последние десятилетия появилось несколько опы-

тов словарной интерпретации наследия поэта. Описаны в них рифмы Есенина [Захаров, Зименков 1997] и его образные средства [Туралина 1998]. Есенин входит в число 10 авторов, представленных в многотомном сводном «Словаре языка русской поэзии XX века» [СЯРП] и в создаваемых на его основе малых словарях. Ведутся концептуальные разработки монографического есенинского словаря, см. об этом [Кононенко, Шадрин 2005]. Однако практической реализацией актуальной, в разных отношениях, идеи полного семантически ориентированного словаря поэта стал проект, осуществленный в Бакинском славянском университете.

Словарная серия Г. Н. Шипулиной опирается на 1—4 тома (включающие стихотворения и поэмы) академического Полного собрания сочинений С. Есенина в семи томах [Есенин 1995—1998]. И это удачный выбор, так как названное издание включает в себя текстологически выверенный корпус всех произведений поэта, снабженный содержательным филологическим комментарием.

Характер источника согласуется с установкой на подготовку полного словаря Есенина как оригинального поэта и уникальной языковой личности. При том, что даже в компьютерную эпоху большинство создаваемых авторских словарей носит дифференциальный характер, нельзя не отметить в очередной раз важности создания полных по материалу писательских справочников. Позиция составителя многотомного словаря в этом отношении вполне определена, продолжает традицию, идущую от Л. В. Щербы, развитую Б. А. Лариным и поддерживаемую многими современными лексикографами. «Только полный авторский словарь (всего языка писателя, отдельного произведения или одной части речи), лишенный субъективизма и предвзятости, — пишет Г. И. Шипулина в томе, посвященном именам существи-

тельным, — может представлять научную ценность и использоваться в качестве информативного, познавательного, комментирующего источника» (с. 7).

Известно, что даже при заявке на полноту некоторые словари оказываются на выходе относительно полными, так как отдельные пласты единиц, употребленных автором, остаются за пределами словаря его языка (вспомним «Словарь языка Пушкина», имеющий ряд подобных лакун). Рецензируемый словарь, в совокупности всех своих томов, — действительно полный, решенный в варианте распределения лексикона по частям речи и, что важно, не дискриминирующий единицы таких классов, как собственные имена и служебные слова.

Из возможных вариантов подачи ономастических единиц — включения их в один словник с апеллятивами, оформления в виде приложения к корпусу статей или отдельного выпуска — составитель выбирает первый. Такой подход оправдывает себя: он дает представление о том, какое место занимают в лексиконе поэта собственные имена, каков их состав, как они взаимодействуют с именами нарицательными и т. д. Например, на с. 157 словаря имен существительных из 12 полных словарных статей 8 описывают собственные имена. Это антропонимы: *Иоанн* (Креститель), *Иосиф*, *Ирод*, *Исайя*, топонимы: *Инония*, *Ипатьев*, гидронимы: *Иордань*, *Иргис*. Примечательно, что к топонимам относится и окказионализм Есенина *Инония* ('иная страна'), смысл которого заостряется на фоне следующих за ним апеллятивов *иностранец* и *иностранка*. Словарь демонстрирует и своего рода омонимию собственных и нарицательных существительных. Ср. статьи *Покров-1* ('прикрытие, то, что скрывает что-либо') и *Покров-2* ('название одного из церковных праздников'). Помощь в исследовании ономастической лексики в языке Есенина

окажет словник собственных имен, входящий в приложения к названному тому (о приложениях см. также далее).

Выбор для лексикографического описания служебных слов, выделяемых в идиолекте Есенина, отражает современное понимание таких единиц как, с одной стороны, обозначающих самые общие отношения вещей и понятий, с другой — выступающих своего рода ключом к миру художника слова. Понятна сложность представления служебных слов в писательском справочнике, предусматривающем выявление и интерпретацию смыслов, характерных именно для данного автора. В описании служебных лексем Г. И. Шипулина использует многообразные приемы — например, введение в словарные статьи данных об индексах частотности служебного слова в общезыковом Частотном словаре, в словаре языка Пушкина, частотном словаре языка Тютчева. Те или иные особенности в функционировании служебных единиц в текстах Есенина составитель акцентирует, применяя разного рода комментарии. Они присутствуют в большинстве словарных статей — например, к предлогу *в*: «13. Употребляется для обозначения времени (116). Эта группа примеров интересна тем, что большинство существительных прямо не связано со временем, но в контексте приобретает временное значение» (вып. 1, с. 41), «21. Вариантные формы предложного падежа с предлогом *в* и флексией *-у* представлены в поэзии С. Есенина незначительно» (с. 68—69), «В отдельных случаях, при совпадении грамматической формы двух падежей существительных *сердце* и *поле*, предлог *в* может относиться одновременно к винительному и предложному падежам» (с. 70). Ср. комментирующие фрагменты в статьях, посвященных частице *вон* (вып. 2, с. 28), союзу и частице *то* (с. 217), др. словам. За каждой такой статьей стоят наблю-

дения, сделанные в процессе кропотливой работы с авторским незнаменательным словом. В целом же словарь служебных слов Есенина демонстрирует, как использовал поэт то или иное слово данного типа — с какой частотой, в каких значениях и контекстах, в произведениях каких жанров.

Особое внимание в словарях серии уделено словам, не входящим в общелитературное употребление, в первую очередь устаревшим и областным. Эта лексика, которая может вызывать трудности у современного читателя, поэтому особенно ценно включение ее в словари, объяснение и иллюстрирование. См., например, в словаре существительных статьи к областным лексемам: *ковыльница* ('степь, покрытая ковылем'), *леха* ('полоса пашни, борозда'), *пожня* ('поле, на котором сжат хлеб; сенокос, луг'), в словарях глаголов и прилагательных — к устаревшим: *долить* ('одолевать'), *зыбить* ('колебать, колыхать что-либо'), *поблажать* ('делать поблажку, потворствовать кому-либо'); *кроволитный* ('кровопролитный'), *разгульный* ('жизнелюбивый, легко и свободно предающийся радостям, веселью'), *сыченый* ('подслащенный медом или настоянный на меду') и т. п.

Составитель словаря хорошо представляет себе трудности, связанные с объяснением слов некоторых групп, и не стремится быть категоричным в своих определениях. Известно, например, что есенинские окказионализмы часто напоминают областные слова и отличить первые от вторых бывает непросто. Г. И. Шипулина в подобных случаях строит статью так, чтобы читатель ознакомился с разными вариантами объяснения слова (варианты сопровождаются ссылками на источники). См., к примеру, такую статью:

Загузынить (1) — разное объяснение:

- а) обл.: зануть, заплакать, захныкать [15]; б) окказионализм: занудить, заты-

нуть [10]: *Загузынил дьячишко ляда- щий: / «Спаси, Господи, люди твоя»* (1; 1914, 62).

Большинство разобранных выше слов носит у Есенина единичный характер. И, по данным словарей, массив таких — редких — лексических единиц у него чрезвычайно велик. Как указывает составитель, по одному разу использованы поэтом 2129 существительных из 4236, 795 прилагательных из 1460, 1343 глагола из 2902, и подобная картина характерна для всех знаменательных частей речи, кроме числительных. При единичности каждого из таких слов в совокупности они заметно расширяют тематическое и семантическое пространство поэзии Есенина. Обратим внимание и на то, что к словам этого типа принадлежат иноязычные вкрапления. У Есенина таких единиц, очевидно, мало (например, *blef, miss*), но и они описываются Г. И. Шипулиной (включаются в общий кириллический алфавит, хотя в этом случае их лучше было бы дать отдельным списком).

Структурирование лексикона Есенина по частям речи и отражение этого в выпусках словаря полезно, в том числе, для изучения значимости разных фрагментов в картине мира поэта. Материалы, заключенные в словарях знаменательных слов, конкретизируют поэтический мир Есенина, высвечивают значимость отдельных его фрагментов. Так, по словарю существительных хорошо видно, что этот мир активно и разнообразно предметен (в широком понимании предметности). Причем многие обозначения, формирующие его, подвергаются образному переосмыслению. Это демонстрируют те (особенно важные в словаре поэтического языка) части словарных статей, которые выделяют переносное употребление существительных, их метафоризацию, включение в состав сравне-

ний; см. статьи к таким разным словам, как *вентерь, всадник, день, дыня, кость, медь, нефть, пашня, тело* и др. Например:

Дыня (2) — растение из семейства тыквенных и его сладкий плод:

в сравнении: *Ночь, как дыню, Катит луну* (2; 1924, 115); а также: **2** — 119.

Медь (13) — ... металл красноватого цвета, вязкий и ковкий:

метафора: ... Знать, только ивовая *медь* / Нам в сентябре с тобой осталась (1; 1923, 195); Что яблоне тоже больно / Терять своих листьев *медь*? (1; 1925, 220); ...; а также: **1** — 262; 263; **3** — 7; 18; 34; 42; 50;

в сравнении: Прошлогдний лист в овраге / Средь кустов, как ворох *меди* (1; 1914, 55).

Не менее интересны аналогичные материалы в словарях глаголов и прилагательных — см. статьи к словам *бродить, веять, завянуть, осыпать; бисерный, гречневый, скатный, усталый* и др.:

Скатный (1) — устар.: круглый, крупный, ровный — о бисере, жемчуге:

в сравнении: *С чурбака, как скатный бисер, мухи / Улетают к лесу-шуйшуну* (4; 1915, 107).

Выборка исследователем языка Есенина всех подобных примеров из словарей серии позволит дать более полное представление об образном строе его поэзии, о том, какая лексика в первую очередь подвергается семантическим преобразованиям, какие виды таких преобразований свойственны поэту в наибольшей степени. Заметим, что словарные материалы подтверждают и хорошо иллюстрируют выводы о характерности для Есенина именно сравнений, разнообразии у него типов сравнительных конструкций (см., например, [Некрасова 1986]).

Структура словарной статьи в рецензируемых словарях в целом повторяется (важные ее элементы — частотность, толкование, иллюстрации), и это придает единство проекту. В то же время, частеречная специфика лексем обуславливает некоторые различия в наполнении статей. Так, в описаниях служебных слов существенна роль внутристатейных комментариев, в описаниях знаменательных слов важны ссылки на источники сведений о значениях и стилистической окраске.

Каждый выпуск словаря включает в себя разнообразные и необходимые для пользователя приложения. Так, словарь существительных содержит семь словников: 1. Алфавитный словник с указанием частотности всех существительных, 2. Частотный словник, единицы в котором расположены по убыванию частоты, 3. Словник собственных имен, 4. Словник билексем (слов-композигов), 5. Словник окказионализмов, 6. Словник областных слов, а также 7. Словник субстантивов. В словаре глаголов отдельными списками даны причастия, деепричастия, единицы разговорные, просторечные, областные, устаревшие, окказиональные. В последний выпуск введены, кроме прочего, алфавитный и частотный словники всех лексем, включенных в словарь. Словники из приложений могут использоваться автономно, так как каждый из них — это готовый, определенным образом систематизированный материал для исследований разной тематической направленности.

В процессе реализации такого большого проекта, как полное словарное описание языка национального поэта, не могут не возникать проблемы разного свойства. Какие-то решения по ним носят дискуссионный характер, какие-то могут вызывать возражения, желание что-то уточнить, дополнить и т. п. Нам представляется, например, что опреде-

ление жанра словаря служебных слов как частотно-семантического конкорданса не вполне точно. Хотя современные конкордансы отличаются от традиционных, модифицируются (за счет введения пояснений, отдельных стилистических помет), они не предполагают детальной семантической характеристики единиц, к которой стремится Г. И. Шипулина. Словарь служебных слов в поэзии Есенина — это (так же, как другие справочники серии), по сути, толковый авторский словарь, ведь, как пишет составитель в первом выпуске: «Основной раздел словарной статьи — значение слова» (с. 13). Кроме того, комментарии, которые мы упоминали, подчас пространные, написанные в исследовательском ключе, содержащие исторические справки, едва ли можно соотносить напрямую с жанром конкорданса (см., к примеру, начало и конец словарной статьи к частице *вот*, словарную статью к союзу и частице *лишь*).

В некоторых случаях кажется спорной семантическая, стилистическая и иная интерпретация слов. Например, вызывает возражение однозначная квалификация существительного *неуряды* ('беспорядок, неустройство') как есенинского окказионализма: в Словаре Даля это существительное в форме ед. ч., с вариантом *неурядица*, зафиксировано и тоже определяется как 'неустройство, непорядок, беспорядок...'. Неудачным представляется толкование прилагательного *повечерешний* (обл., устар., простореч.) по формуле «о чем-то»: 'о наступившем вечере'. С другой стороны, вызывает вопросы отсутствие в некоторых словарных статьях толкований при общей установке составителя объяснять все слова, использованные Есениным. Так, в словаре существительных описаны слова *кутомарина* и *кутомария*. В статье к первому слову стоит помета *обл.*, за которой сразу сле-

дует иллюстрация, ко второму — указание на то, что это «окказионализм С. Есенина», и также иллюстрация. При такой подаче остаются неясными значения слов (по-видимому, вариантов), их связи друг с другом, хотя в исследовательской литературе на этот счет высказывались гипотезы. Так, в работе [Дудин 2008: 39] отмечается, что «темное» слово *кутомарина* можно объяснить «как суффиксальное образование от названия одной из тюрем Нерчинской каторги — Кутомары, Кутомарской тюрьмы» (тюрьма получила название по восточносибирскому гидрониму Кутомара). В 1912 г. здесь произошли массовые выступления заключенных, слово *Кутомары* обошло всю Россию, и даже Европу. По-видимому, об этом знал и Есенин, который не раз в 1912—14 гг. нетерпимо высказывался об общественном и политическом устройстве России.

Недостаточно продуманным, на наш взгляд, является решение составителя о подаче субстантивированных прилагательных. Результатом этого стало включение одних и тех же слов с разным описанием, но с одними и теми же цитатами в два словаря — существительных и прилагательных. Это, к примеру, слово *незвонкий*. В первом словаре оно дается следующим образом: «субстантивированное прилагательное: о деньгах: *Давайте еще незвонких / Десяток иль штучек шесть* (3; 1935, 162)», во втором — «новое: о мелкой монете: [тот же пример]». (Заметим попутно, что в первых и последних выпусках по-разному помечаются слова, созданные Есениным: вначале «окказионализм С. Есенина» или «окказионализм», затем «новое».) Иногда сомнительным кажется и само отнесение к субстантивам некоторых употреблений, как, например, прилагательного *несчастный* в таком контексте: *Лучше жить несчастной, да без мужа*.

В стилистической характеристике лексики просматриваются непоследовательности разного рода. Так, в словарях знаменательных слов стилистический принцип описания заявлен, но не всегда выдержан (без помет остаются, например, существительные *дармоед*, *недотрога*, субстантивированное причастие *потопляющий* в словаре существительных). В выпусках словаря служебных слов этот принцип не назван, но в одних случаях он эксплицируется, а в других нет. Так, в статье к союзу *зане* говорится: «Устаревший поэтический союз *зане* не зафиксирован в Частотном словаре русского языка...» (вып. 2, с. 61), к союзу *коль* (*коли*) отмечается: «Устарелый и просторечный союз употребляется в значении: *если...*» (с. 129), а в описании частицы *али*, союза *кабы* какая-либо стилистическая характеристика отсутствует.

Как говорилось, в словарях служебных слов для сравнения приводятся данные из «Словаря языка Пушкина» и частотного словаря языка Тютчева [Белов 2006]. Такой выбор не обосновывается, хотя, например, статистику данных по языку поэзии Пушкина лучше было бы приводить, используя конкорданс [Шоу 2000]. В то же время состав статистически сравниваемых с Есениным поэтических лексиконов можно было бы расширить — частотных авторских словарей сейчас немало (в том числе по языку поэтов — современников С. Есенина).

Приведенные и подобные им примеры неточностей связаны, конечно, с объемом и сложностью поэтического материала. В целом же нельзя не признать, что словарь языка Есенина в сумме всех своих частей, в том числе богатой иллюстративной части и приложений, способен дать и исследователю, и рядовому читателю объективное представление о лексиконе Есенина, характерных чертах его словоупотребления, особенностях идиостиля.

Литература

Белов 2006 — А. А. Белов. Частотный словарь-конкорданс словоформ языка Ф. Тютчева (2006) // <http://ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/freq/freq.html>.

Дудин 2008 — А. А. Дудин. Этимология есенинского поэтического слова *кутомарина* // Международная конференция «Северное Причерноморье: к глубинам славянской культуры» (Алупка, 25—30 сентября 2008 г.). Материалы конференции. Киев; Москва, 2008. С. 39—41.

Есенин 1995—1998 — Сергей Есенин. Полное собрание сочинений в семи томах. Т. 1—4. М., 1995—1998.

Захаров, Зименков 1997 — А. Н. Захаров, А. П. Зименков. Словарь рифм С. А. Есенина // Российский литературоведческий журнал. 1997. № 11. С. 149—230.

Кононенко, Шадрина 2005 — Л. Кононенко, М. Шадрина. О концепции создания «Словаря языка С. А. Есенина» // Современное есениноведение. Рязань—Константиново, 2005. № 2. С. 102—106.

Некрасова 1986 — Е. А. Некрасова. Идиостиль С. А. Есенина // Бакина М. А., Некрасова Е. А. Эволюция поэтической речи XIX—XX вв. Перифраза. Сравнение. М., 1986. С. 163—170.

Осипов 1973 — Б. И. Осипов. Неологизмы, устаревшие и областные слова в языке поэзии С. А. Есенина. Словарь-справочник для учителей средней школы и учащихся старших классов. Барнаул, 1973.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I—V / Отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. М., 2001—2013.

Тимофеев 1967 — В. П. Тимофеев. Словарь языка Есенина (Вместо проекта) // Сергей Есенин: Исследования. Мемуары. Выступления. М., 1967. С. 148—166.

Туранина 1998 — Н. А. Туранина. Словарь образных средств С. Есенина. Белгород, 1998.

Шоу 2000 — Дж. Т. Шоу. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина: В 2 т. М., 2000.

References

Belov 2006 — A. A. Belov. Chastotnyy slovar-konkordans slovoform yazyka F. Tyutcheva (2006) // <http://ruthenia.ru/tiutcheviana/stihi/freq/freq.html>.

Dudin 2008 — A. A. Dudin. Etimologiya yeseninskogo poeticheskogo slova *kutomarina* // Mezhdunarodnaya konferenciya «Severnoye Prichernomorje: k glubinam slavyanskoj kultury» (Alupka, 25—30 sentyabrya 2008 g.). Materialy konferencii. Kiev; Moskva. 2008. S. 39—41.

Kononenko, Shadrina 2005 — L. Kononenko, M. Shadrina. O koncepcii sozdaniya «Slovarya yazyka S. A. Yesenina» // Sovremennoye yeseninovedeniye. Ryazan—Konstantinovo, 2005. № 2. S. 102—106.

Nekrasova 1986 — Ye. A. Nekrasova. Idiostil S. A. Yesenina // Bakina M. A., Nekrasova Ye. A. Evolyuciya poeticheskoy rechi XIX—XX vv. Perifraza. Sravneniye. Moskva, 1986. S. 163—170.

Osipov 1973 — B. I. Osipov. Neologizmy, ustarevshiy i oblastnyye slova v yazyke poezii S. A. Yesenina. Slovar-spravochnik dlya uchiteley sredney shkoly i uchashchikhsya starshikh klassov. Barnaul, 1973.

Shou 2000 — J. T. Shou. Konkordans k stikham A. S. Pushkina: V 2 t. Moskva, 2000.

SYaRP — Slovar yazyka russkoj poezii XX veka. T. I—V / Otv. red. V. P. Grigoryev, L. L. Shestakova. Moskva, 2001—2013.

Timofeyev 1967 — V. P. Timofeyev. Slovar yazyka Yesenina (Vместo proyekta) // Sergey Yesenin: Issledovaniya. Memuary. Vystupleniya. Moskva, 1967. S. 148—166.

Turanina 1998 — N. A. Turanina. Slovar obraznykh sredstv S. Yesenina. Belgorod, 1998.

Yesenin 1995—1998 — Sergey Yesenin. Polnoye sobraniye sochineniy v semi tomakh. T. 1—4. Moskva, 1995—1998.

Zakharov, Zimenkov 1997 — A. N. Zakharov, A. P. Zimenkov. Slovar rifu S. A. Yesenina // Rossiyskiy literaturovedcheskiy zhurnal. 1997. № 11. S. 149—230.

Л. Л. Шестакова

Рецензия поступила 11.11.2013

О. Е. Вороничев. Русский каламбур. Семантика, поэтика, стилистика. — Брянск: Курсив, 2013. — 413 с.

В советскую эпоху каламбур долгое время находился, в сущности, на полулегальном положении. Причиной было пренебрежительное отношение к каламбуру некоторых авторитетных работников советской литературы (вспомним хотя бы широко известное неосторожное замечание А. Т. Твардовского: «Каламбур годится для домашнего употребления, для застолья, не больше!»). Каламбуром между тем не брезговали такие взыскательные художники слова, как О. Мандельштам, В. Маяковский, В. В. Набоков, Андрей Белый (последний, правда, со свойственной ему непоследовательностью бросает в «Начале века»: «...каламбур характерен для мозгов мешан»). В 1958 г. вышла замечательная работа А. А. Щербины «Сущность и искусство словесной остроты (каламбура)» (Киев). В последнее время появилось немало и сборников каламбуров, и теоретических исследований этого феномена. И моего тут меда капля есть (Русский каламбур. 1200 каламбуров старых и современных. N. J., Hermitage Publishers, 1995; Каламбур как семантический феномен // ВЯ. 1995. № 3, с. 56—69; Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999, 2002; Краткий словарь русских острот. М., 2012). Перечисляю свои труды единственно для того, чтобы показать, что с этой областью знаком не понаслышке. Но, будучи строгим (и, боюсь, даже несколько ревнивым) судьей, должен признать, что на сегодняшний день книга О. Е. Вороничева является, на мой взгляд, самым полным, теоретически интересным, содержащим богатейший иллюстративный материал исследованием русского каламбура.

Книга состоит из краткого Введения, трех глав и Заключения.

Введение предваряется громкозвучным, но неудачным и явно противоре-

чащим позиции самого автора эпиграфом Г. Малкина (правда, он приводится со знаком вопроса): «Каламбур — приходящая юмора?». Нет, каламбур — это не приходящая, это — бесспорно, самый популярный вид юмора, языковой игры.

В главе 1 «Экспрессивно-речевые особенности каламбура» рассматривается статус каламбура в языке и речи, его связь с категорией комического, с языковой игрой.

В главе 2 «Языковые и речевые средства экспликации каламбура» подробно рассматриваются: 1) единицы языка (узуальные единицы, к которым автор справедливо относит фразеологические единицы, в том числе поговорки и поговорки) и 2) «каламбурные отрезки речи» (оказиональные единицы). Автор объединяет их термином к а л а м б у р о о б р а з у ю щ и е.

В главе 3 «Каламбуруобразующие возможности единиц языка и речи с тождественным или сходным планом выражения» содержится детальнейшее описание видов каламбура и классификация их с учетом используемых для их создания языковых средств. Автор рассматривает не только известные способы создания каламбурности (полисемия, омофоны, омографы, омоформы, паронимы и др.), но и периферийные средства, обычно игнорируемые исследователями — аббревиатуры, ономастические омонимы и т. д.).

Большая ценность этой главы — обширный иллюстративный материал. В сущности, это антология каламбура с краткими интересными комментариями. В отличие от многих авторов О. Е. Вороничев при всём внимании к «классике» делает основной упор на современную речь, речь XXI века. Есть среди приводимых каламбуров и каламбуры

самого автора, на мой взгляд, довольно удачные.

Критические замечания немногочисленны.

1) Автор слишком широко понимает термин «каламбур», не везде четко отделяет каламбур от других видов языковой игры. Трудно признать каламбурами такие примеры, как *Борьба с з-з-занудством* или те панторифмы (голорифмы), где нет никакой смысловой связи между частями:

*Угар и чад. В огне ведро мадеры.
«Уга!» — рычат во гневе драмадеры.*

О. Е. Вороничев вообще склонен вторгаться на чужую территорию, далеко выходя за границы понятия «каламбур» (например, включая в это понятие литературные пастыши и травести), однако не хочется строго упрекать за это, поскольку и на «чужой территории» он делает много верных наблюдений и приводит богатый иллюстративный материал.

2) Каламбур рассматривается как «широкое фоносемантическое стилистическое явление синкретичного типа, которое совмещает в себе признаки приема и малоформатной жанровой формы...» (с. 384). В этом определении, которое представляется вполне справедливым, не совсем ясен смысл первой части определения: **фоносемантическое**. Впрочем, автор сам в другом месте разъясняет: каламбур — «**стилистическое семантико-фонетическое (= фоносемантическое) явление**» (с. 41).

Этому определению противоречит выделение особого вида каламбура — **фонетический каламбур**, который «может заключаться в игре одними только созвучиями..., не затрагивающей семантическую сферу» (с. 266). Приемом экспликации каламбура в этих случаях является, по мнению автора, **каламбурная рифма**.

Понятие **каламбурная рифма** автор распространяет и на тексты далеко не комические, даже трагические. Таким образом, в стихах В. Хлебникова «Настоящее»: *Разве вы / От холода не были / Вдвоем в землянке? / И от усталости не падали? / Не спали сытые на теплой падали?* — каламбура, по мнению автора, — нет, каламбурная рифма — есть.

3) Говоря о языковых уровнях проявления каламбура (лексико-семантический, фонетико-графический, синтаксический), автор забывает, почему-то, еще об одном, достаточно распространенном — словообразовательном. Ср.:

Женился вдовец на вдове. Оба имели детей. Потом у них родилось двое общих. Однажды в доме возник страшный шум.

— Жена, что там происходит?
— А то, что **твои дети и мои детки бьют наших деточек!**..

4) Еще одно замечание, технического характера. Ссылки на используемые работы других авторов О. Е. Вороничев дает в виде сносок в конце страницы, например, в конце с. 244 дается 8 сносок, в том числе на работу Гаспарова: «Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. — М., 2000. — С. 45». На следующей странице (245) тоже много сносок, утяжеляющих текст, в том числе и указание на работу Гаспарова — снова с полными выходными данными! И таких случаев множество. Вероятно, целесообразнее было бы использовать общепринятую практику цитирования: указывать в тексте сокращенное указание на работу, например: [Гаспаров 2000: 45], а в списке литературы привести (один раз!) соответствующие выходные данные.

Список литературы делится на три. Это разделение представляется несколько условным. Для читателя, на

мой взгляд, был бы более удобен единый алфавитный список литературы.

Книга О. Е. Вороничева могла бы заинтересовать не только специалистов-филологов, но и широкий круг читателей, интересующихся проблемой комического. Но — это невозможно, учитывая малый тираж книги (300 экз.). Нет сомнения, что эта умная, содержащая

богатейший материал книга нуждается в переиздании — и не столь смехотворно малым тиражом.

В. З. Санников

Рецензия поступила 28.12.2013

Received on 28.12.2013

ОБЗОРЫ

Nedomová Z. Tendence k analytismu v současné ruštině (na materiálu jmenných slovních druhů).

Ostravská univerzita Filizofická fakultá. Ostrava 2014. — 260 s.

Монография чешской исследовательницы Зденьки Недомовой «*Tendence k analytismu v současné ruštině (na materiálu jmenných slovních druhů)*» («Тенденция к аналитизму в современном русском языке (на материале именных частей речи)» посвящена одной из актуальных проблем современной лингвистики — явлениям аналитизма в языках, не являющихся аналитическими. Автор исследует проявления тенденции к аналитизму в морфологии современного русского языка на материале именных частей речи (существительного, прилагательного, числительного). К анализу привлекается обширный материал: в Приложении представлено более 500 слов, у которых в современном русском языке отсутствует словоизменение, причем преимущественно это слова, пополнившие русскую лексику начиная с рубежа XX—XXI веков (*евро, караоке, техно-, секьюрити, фэн-тези* и др.). Источниками исследования послужили материалы Национального корпуса русского языка, а также данные словарей иностранных слов.

В книге четыре главы. В первой главе дается общая характеристика состояния русского языка на современном этапе. Тенденция к аналитизму анализируется автором с учетом ряда активных процессов, происходящих в русском языке новейшего периода, таких как демократизация, интеллектуализация, интернационализация. Отмечается особая роль заимствования как в обновлении лексики, так и в аккумуляции явлений,

влияющих на другие участки языковой системы. В связи с этим в работе освещаются некоторые теоретические вопросы процесса заимствования.

Особый интерес представляет вторая глава, посвященная анализу иноязычных аналитических прилагательных русского языка (*бизнес-, био-, интернет-, спорт-, теле-* и др.), активное употребление которых в русской речи рассматривается З. Недомовой как проявление аналитических тенденций в области имен прилагательных. В главе подробно освещен теоретический вопрос об аналитических прилагательных — вопрос, по-прежнему остающийся спорным как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Автором предложена оригинальная структурная классификация аналитических прилагательных; выделены тематические группы неизменяемых прилагательных англоязычного происхождения.

Отличительной чертой рецензируемой книги является сопоставление иноязычных аналитических прилагательных русского языка с их эквивалентами в чешском языке, например *бизнес-встреча* и *byznyskontakt*. (Отметим, что подобный сопоставительный аспект был основным в первой монографии чешской исследовательницы — «*Funkčně-sémantické pole kvantity v ruštině v porovnání s češtinou*», 2006 г.). В результате проведенного сопоставительного анализа З. Недомова делает вывод о том, что сочетания с аналитическими прилагательными для русского языка

характерны в большей степени, чем для чешского.

Одним из главных проявлений аналитизма в русском языке является наличие несклоняемых существительных, именно поэтому значительная часть исследования З. Недомовой (главы 3 и 4) посвящена многоаспектному исследованию иноязычных несклоняемых существительных. В книге характеризуются этапы процесса заимствования иноязычных слов в кон. XX — нач. XXI века; анализируются структурные типы иноязычных несклоняемых существительных; рассматриваются генетическая и структурная классификации несклоняемых существительных. Автор обращается к проблеме формирования категории рода у несклоняемых субстантивов, предлагая читателям краткий исторический экскурс к этой теме и современные

наблюдения над грамматической категорией рода анализируемых слов. В главе 4 представлен подробный анализ одушевленных и неодушевленных несклоняемых нарицательных существительных иноязычного происхождения в русском языке (в том числе топонимов). Описывая иноязычные несклоняемые существительные, З. Недомова отмечает, что некоторые из них могут выступать в роли аналитических прилагательных, например *хиппи*, *зомби*, *травести* и др.

Монография З. Недомовой, будучи целостным научным исследованием важных языковых процессов, представляет несомненный интерес для специалистов, изучающих современное состояние русского языка.

Е. В. Маринова, О. Ю. Папкина

Современный русский язык в Интернете / Ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 328 с.

Рассматриваемое издание вписывается в ряд публикаций широкого научно-просветительского спектра, но отличается направленностью на частные объекты исследования. Однако при всем тематическом разнообразии издания, отсутствие подзаголовка «сборник (научных) статей» подчеркивает единство его замысла; это скорее «коллективная монография».

В книге 22 статьи, распределенные по четырем разделам. Первый раздел «**Языковые механизмы интернет-коммуникации**» включает три статьи, посвященные особенностям графической (визуальной) формы текста в Интернете. В статье «Лингвистический анализ хештегов» (Ю. Е. Галямина) классифицированы функции маркеров типа «#metro #девушки» в сети Твиттер, сигнализирующих отказ от линейности письменной речи и усиливающих

навязываемую практикой делового общения «табличность» кодировки информации и характерное для неформальной коммуникации повышение роли идеографических элементов текста, дополняющих ряд символов типа эмодзи-смайликов и др. Это явление имеет функциональные параллели в жанрах разнообразных креолизованных текстов со значимой невербальной составляющей, например, в официальных документах.

Ю. М. Кувшинская («Аббревиация в речи интернет-форумов») сопоставляет указанное явление с аббревиацией в традиционных формах письменной речи, что, думается, закладывает основу для изучения выхода интернет-аббревиатур и в сферу устной речи («по моему скромному ИМХО» и т. п.). Статья «Как озвучить мнимый текст? Литуратив и средства его выражения при чте-

нии» (М. В. Худякова) посвящена экспериментальному изучению способов чтения вслух литуративов (термин Гасана Гусейнова), то есть намеренных «оговорок» на письме, выделяемых слабым зачеркиванием. Интересно было бы сопоставить способы их маркирования при чтении вслух со способами сценического выделения реплик «в сторону» и подобных проявлений двуадресного (со зрителями и собеседником на сцене) диалога.

Раздел «**Риторика Интернета**» включает шесть статей. В статье «О природе интернет-мема» Е. А. Выналек (Слободян) рассматривает специфические формулы и изображения, обладающие цитатностью и смысловой идиоматичностью. Возможно, эти мемы было бы перспективно изучать далее с опорой на опыт анализа политических плакатов прошлого, поскольку по некоторым признакам мемы являются их фольклорным аналогом. Статья «Ты что-то печатала, я тебя перебил: игра со структурой диалога в квазисинхронной электронной коммуникации» (А. С. Бердичевский) заставляет вспомнить старую игру «в чепуху», однако новые технические условия осуществления коммуникации расширяют наши представления о границах презумпции осмысленности реплик. В статье «О языковых и риторических стратегиях выражения оценки у пользователей социальной сети Фейсбук» (А. Д. Плисецкая) предложена систематизация сигналов позиции автора сообщения на разных уровнях, от графики до синтаксиса. А. В. Занадворова в статье «Саморегуляция в нерегламентируемых сферах интернет-общения: речевой этикет в Живом журнале» указывает на сходство этих явлений с общением незнакомых людей в городской среде и неформальным общением молодежи; в то же время автор отмечает вышеупомянутую **к в а з и с и н х р о н н о с т ь** коммуни-

кации и этикетную роль литуративов.

«Загугли в Дале. Словари в интернет-дискуссиях» (Б. Л. Иомдин): в статье приведены данные о популярности сетевых словарей как источника справочной информации и дана классификация основных в интернет-спорах риторических приемов апелляции к словарям, главным из которых оказывается словарь Даля, что поразительно (ведь он, как мы помним еще по Ленину, «областнический словарь и устарел»).

Е. Н. Пенская («Экспертный “зуд” / экспертный “зуб”. Эпизоды становления языковых мифологем на материале сетевых источников (Опыт реконструкции)») описывает, как в профессиональной неформализованной коммуникации (позднесоветских междисциплинарных «семинаров») происходило формирование мифологем, позже заполнивших сетевое пространство, как сложно советское и постсоветское пересекается и соотносится с досетевым и сетевым в этой сфере коммуникации.

Языковые изменения в зеркале Интернета — самый обширный раздел, оставляющий на перспективу вопрос, насколько рассматриваемые речевые феномены могут повлиять на систему языка.

А. Б. Летучий («Особенности аргументной структуры русских глаголов в “компьютерных” контекстах») объясняет специфику синтаксической структуры фраз типа *у меня фильмы не показывают, у меня фильмы не показывает, у меня не переходит по ссылке* тем, что в описываемых процессах пользователь не является полноценным Агенсом, поскольку сам зависит от непредсказуемой «воли» компьютера.

В статье «Слог у автора неплох, реально доставляет: о нестандартных семантических переходах в глагольной лексике (по данным Интернета)» (Т. И. Резникова) речь идет о способах

выражения положительного / отрицательного отношения субъекта к ситуации. Автор фиксирует несовпадение картины метафорических сдвигов, полученных из Интернета, с данными по сленгу (Р. И. Розиной), хотя интуитивно ожидалось бы более или менее ошутимое совпадение этих феноменов.

Я. Э. Ахапкина («О грамматике устно-письменного высказывания») рассматривает многочисленные в Сети употребления формы дательного приименного в контекстах типа *причина возникновения [стресса]*. Они ненормативны, изгоняются редакторами и корректорами, и только Интернет позволил автору выявить регулярность таких оговорок, которые имеют параллели в истории языка: *причина злодеянию* (В. Н. Татищев, 1750).

И. Б. Иткин и С. И. Переверзева («Конструкции типа *сидеть ногу на ногу*: аграмматизм или формирующая норма?») отмечают заметное предпочтение ненормативного винительного на месте именительного падежа (*нога на ногу*). Как и в предыдущей статье, указаны параллели в истории языка.

Статья «*Какая-никакая, а Всемирная паутина*: конструкции с “редуплицированными” уступительными местоимениями в русском языке» Н. А. Зевахиной и С. А. Оскольской демонстрирует устойчивость и разнообразие местоимений типа *как-никак, кто-никто, где-нигде, когда-никогда* и проч., до сих пор лишь частично отраженных в словарях. Сама модель заставляет вспомнить польские неопределенные местоимения типа *gdziegdzie* ‘кое-где’ *kiedy niekiedy* ‘иногда’ (различающиеся орфографическим оформлением) и даже поставить вопрос о наличии общеславянского прототипа.

Материал сетевых дискуссий относительно употребления форм *ты — вы — Вы* (но не *Ты*) анализируется в статье Е. Н. Геккиной «Тыканье, выка-

нье и прописные буквы в метаязыковом диалоге».

Н. Н. Буйлова и О. Н. Ляшевская («Так говорят анимешники») объясняют лексическое, графическое и синтаксическое своеобразие коммуникации в сленге аниме-сообщества трудностями адаптации японизмов, заимствуемых как прямо, так и через английское посредство. Об оформлении конкретной лексики идет речь в статье О. И. Северской «Кто требуется: *рисепшионистка* или *рецепционистка*? (О вариантности написания одного из заимствований последних лет)».

Важным шагом к объективному документированию новых черт агглютинации в неформальной письменной речи является выявление при помощи Интернета относительной частоты альтернативных способов образования компаратива типа *упругее* в статье «Расшатывание исторических чередований согласных на примере ненормативных форм компаратива» (В. Д. Магомедова, Н. А. Слюсарь).

Статья Б. В. Орехова «*Суперминимум и нанодержава*: префиксоиды в языке Интернета» содержит интересные наблюдения над использованием научных терминов для создания оценочных неологизмов и окказионализмов.

Раздел «**Лингвистика Интернета**» объединяет две статьи. В одной из них («*Кормить свинью online бесплатно*: язык запросов как лингвистический объект», А. А. Бонч-Осмоловская) рассматривается специфика морфосинтаксических конструкций, используемых в поисковых системах, в частности приводится статистика рассогласования внутри именных групп. Авторам статьи «К оценке Википедии как лингвистического источника: сравнительное исследование» Б. В. Орехову и К. Ю. Решетникову изучение простыми статистическими методами Википедий на некоторых тюркских и финно-угорских языках России позволило заключить,

что если состав списка наиболее частотных слов в корпусе национальной Википедии и частотном словаре данного языка не совпадает, то в ней велика доля кратких заготовок словарных статей, созданных автоматически, поэтому ее тексты как лингвистический источник не релевантны.

Безусловно интересны в книге не только пути осмысления новой ситуа-

ции, но и строго профессиональный анализ малоизученных аспектов, подчас приводящий к нетривиальным выводам. С удовлетворением можно констатировать отсутствие в сборнике лингвистически малосодержательного алармизма по поводу «опасных экспериментов» над «русским языком».

В. В. Шаповал

**Е. Л. Березович. Русская лексика на общеславянском фоне:
Семантико-мотивационная реконструкция. —**

М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2014. — 488 стр.

Книга демонстрирует возможности перспективного и в значительной степени нового подхода к плану содержания лексики в историко-лингвистических исследованиях, а именно — семантико-мотивационной реконструкции, предполагающей восстановление комплекса факторов (языковых, ментальных, культурно-прагматических), обусловивших формирование и эволюцию значения слов. Материалом для исследования послужила русская лексика, рассматриваемая на фоне лексики других славянских языков, с привлечением данных германских, романских, финно-угорских, тюркских и других языков. Широко привлекаются фразеологические и топонимические данные.

Анализируются обширные по объему, концептуально и аксиологически значимые лексические гнезда с вершинными словами *ад*, *рай*, *русский*, славянские обозначения инородцев, терминология родства и лексические микросистемы на основе терминов родства, терминология речевой деятельности, названия пищи и др. Книгу открывает Введение (О семантико-мотивационной реконструкции лексики), за которым следуют пять разделов: I Семантическая реконструкция слова; II Мотивирующие

коды и системная метафора; III Семантические модели номинации; IV Семантико-мотивационная реконструкция в топонимии; V Динамика ценностей в свете лексики. Часть параграфов третьего и пятого разделов написана в соавторстве с другими исследователями. Книгу завершает обширный список литературы (с. 456—485). Все части книги (особенно Введение) содержат теоретические соображения и все они насыщены фактическим материалом.

Во Введении подробно рассматривается проблема «непроверяемой гипотетичности» в этимологических исследованиях и предлагавшиеся способы ее решения, прежде всего создание семасиологического словаря, систематизация сведений по семантической типологии, каталогизация возможных семантических переходов «в рамках данного слова или гнезда слов» (С. М. Толстая). Демонстрируется, что выявление закономерностей семантического развития слов невозможно без объединения усилий разных областей семантики: синхронной и диахронной, «монолингвальной», контрастивной и типологической. Успех исследования во многом зависит от уменьшения доли обычных для этимологии умозрительных цепочек се-

мантического развития и иных подобных построений, не основанных на реальных данных о развитии значений. Эта задача может быть решена, если исследование опирается не на «голый перечень» значений в словаре, а на подробный анализ контекстов, особенностей употребления слов (С. М. Толстая).

В книге Е. Л. Березович на смену семантическим параллелям, обычно используемым при этимологическом анализе, приходят параллели семантико-мотивационные — лексические ряды со сходными моделями смыслового развития, в рамках которых воспроизводится как переход значения, так и его мотивация. Исследование подобных явлений может быть не только частью этимологии, но и самостоятельной областью лингвистики.

Во Введении дается описание лексико-семантических объектов, которые становятся предметом исследования в последующих разделах книги. Это, во-первых, семантико-деривационные комплексы (деривационно-фразеологические гнезда), куда входят лексемы, возникшие в результате собственно семантической и семантико-словообразовательной деривации на основе вершинного слова лексического гнезда, а также фразеологизмы с участием этого слова. Так, при реконструкции семантики рус. *ад* выявляются его семантические дериваты наподобие диал. *ад* 'глотка, рот', семантико-словообразовательные — *адать* 'много и с жадностью есть', устойчивые сочетания — *ад живоглотный* (*безденный, змеиный*), как *ад* (*жрать*) 'о том, кто много ест' и пр.; в них проявлен мотив пожирания, имеющий особую значимость в картине «русского ада». Во-вторых, речь идет о семантико-мотивационных полях, куда входят единицы того или иного лексического поля, выделенного на синхронных основаниях, а также лексемы и фраземы,

связанные с этими единицами отношениями семантической мотивации (слово выступает как мотивированное и как мотивирующее). Примером может служить лексико-семантическое поле, объединяющее слова со значением некрового и «аномального» родства: названия мачехи, пасынка, сироты, вдовы и им подобные. При расширении этого поля до семантико-мотивационного учитывается способность его компонентов выступать и в качестве источников мотивационных отношений и в качестве реципиентов мотивационных импульсов. Так, в основу слов, называющих «неполноценных» родственников, могут быть положены обозначения разбитой посуды: рус. костр. *острепеток* 'сирота', волог. *оскрепетина* 'вдова' (ср. волог., костр. *оск(т)репеток* 'черепок посуды'), олон. *битый горшок* 'о вдове'; и наоборот — от слов, обозначающих родственников, образуются наименования черепков: костр. *сиротки*, ср.-урал. *пасынки* 'черепки разбитой посуды'.

Конечная цель семантико-мотивационной реконструкции состоит в последовательной экспликации народной языковой картины мира, что и демонстрируется в пяти разделах книги. Первый посвящен семантической реконструкции отдельных слов; во втором и третьем рассматриваются большие семантические поля, служащие, соответственно, донорской и реципиентной областями в процессе семантической мотивации. В четвертом разделе формулируется комплекс задач семантико-мотивационной реконструкции в преломлении к такому участку лексикона, как система народных географических названий. Пятый отличается от предшествующих материалом: в основном анализируется не диалектная, а литературная лексика ценностей.

А. Е. Аникин

**Антология памятников литературы домонгольского периода
в рукописи XV в. Софийский сборник.**

Изд. подгот. Г. С. Баранкова, Н. В. Савельева, О. С. Сапожникова.

Под ред. Н. В. Савельевой. М.- СПб., 2013. — 540 с.

Публикуемый в этом издании сборник РНБ, Соф. № 1285 датируется 1-й четвертью XV в., однако представляет собой весьма точную копию оригинала, относящегося к домонгольскому периоду истории древнерусской письменности. Содержание сборника составляют ранние древнерусские и южнославянские памятники — оригинальные и переводные, в том числе Послания Феодосия Печерского, цикл статей, входящих в состав Изборника 1073 г. и Изборника 1076 г., главы «Богословия» Иоанна Дамаскина в переводе IX в., неизвестные переводы из «Андриант» Иоанна Златоуста и Шестоднева Севериана Гавальского, апокрифы и др. Наличие среди них текста «Стязания с латиною», основанного, как полагают, на Послании киевского митрополита Никифора, и отрывков из древнерусского перевода «Пандект» Никона Черногорца позволяет относить составление сборника ко второй половине XII в.

Описание рукописи включает основные кодикологические сведения (переплет, водяные знаки, нумерация тетрадей, записи) и полную роспись статей. Сообщается, что рукопись написана полууставом одной руки, сведения о палеографических особенностях почерка, к сожалению, не представлены.

В разделе «Из истории Софийского сборника» анализируется запись XVI в. на первом листе сборника: «**Книга Гдрьское дание совбникъ**». Привлекаются сведения о других рукописях, содержащих аналогичные записи и свидетельствующие о принадлежности сборника священнику кремлевского Благовещенского собора Сильвестру.

Как отмечается в разделе «Характеристика состава Софийского сборника»,

две трети текстов Софийского сборника являются общими с известным Паисиевским сборником кон. XIV — 1-й половины XV в. (РНБ, Кир.-Бел. № 4/1081) — прежде всего памятники древнейшего периода, направленные против языческих обрядов: «Слово некоего христоролюбца и ревнителя по правой вере», «Слово святого Григория, изобретено в толцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом...», «Слово о твари и дни, рекомом неделя», «Слово святого Дионисия о жалеющих», «Сказание святого отца Нифонта о песнях мирских и о русалиях» и др. Для удобства дальнейшего изучения этого материала в Приложении I к данному изданию помещено подробное описание Паисиевского сборника, а в Приложении II опубликованы все статьи Паисиевского сборника, совпадающие со статьями Софийского сборника.

Анализ графико-орфографических особенностей рукописи показывает, что орфография сборника отражает правописные черты, характерные для рукописей XII — 1-й половины XIII в. Отражение в рукописи цоканья и других диалектных особенностей указывает на новгородское происхождение самой рукописи и ее антиграфа.

Основную часть книги составляет публикация текста сборника, выполненная по правилам лингвистического издания памятников. Для объяснения ошибок и лакун используются источники соответствующих текстов. Выборочный указатель к тексту включает слова, отсутствующие в исторических словарях, гапаксы, редкие композиты, восточнославянскую по происхождению лексику, дающую возможность атрибутировать памятники, и др.

В книге опубликованы исследования авторов по различным аспектам структуры и содержания Софийского сборника: «Статьи, направленные против язычества, в Софийском сборнике» (Н. В. Савельева), «Сказание с латиною митрополита Георгия» (Г. С. Баранкова), «Статьи Изборника Святослава 1073 года в составе Софийского сбор-

ника» (Г. С. Баранкова), «“Богословие” Иоанна Дамаскина в Софийском сборнике» (О. С. Сапожникова), «Неизвестные переводы Софийского сборника» (Г. С. Баранкова).

Издание содержит 13 черно-белых иллюстраций.

А. М. Молдован

А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. — М.: «Языки славянской культуры», 2013. — 543 с.

В книге предлагается типологическая классификация порядков слов с синтаксическими клитиками и описываются системы порядков слов с цепочками клитик в славянских языках в широкой теоретической перспективе. Поскольку в современных восточнославянских языках клитики не образуют цепочек в последовательности, регулируемой Правилем Рангов, в книге основное внимание уделяется южнославянским и западнославянским языкам. Однако довольно подробно разбирается древнерусский материал, в котором можно наблюдать клитики, кластеризуемые в соответствии с Правилем Рангов. Уточняется, что по Правилу Рангов новый элемент, становящийся клитикой, в древнерусском языке занимает место в конце своего блока, а это означает, что в общем ряду более молодая клитика (например, частица *бы*) может оказаться левее более древних местоименных клитик дательного падежа, потому что блок частиц располагается левее блока местоименных клитик (с. 334). Блок частиц имел тенденцию расширяться и был открытым даже в старорусский период (с. 339); напротив, блок местоименных клитик не пополнялся (с. 344). Автор считает, что связка плюсквамперфекта (*быль, были* и т. п.) являлась

клитикой уже в древнерусском (с. 340—341), однако грамоты, на основании которых делается этот вывод, сохранились только в поздних списках, так что ранняя датировка клитизации связки плюсквамперфекта не может считаться доказанной. А. В. Циммерлинг приводит аргументы в пользу того, что не позже старорусского периода стала клитикой и связка в составе так называемого будущего II, т. е. *буду, будешь* и т. п. в сочетании с *ль*-причастием (с. 341—343). Главные тенденции в развитии поведения клитик в период после XIII в. прослеживаются на материале духовных и договорных грамот великих князей (с. 489—501).

Описывая разрыв цепочек клитик в древнерусском языке под влиянием Барьеров, А. В. Циммерлинг отказывается признать точку зрения (на которой стоит А. А. Зализняк), что Барьер смещал вправо преимущественно «слабые» клитики (местоименные и связочные), в то время как «сильные» клитики (частицы) редко перемещались со своего исконного места. Он считает, что решающим оказывался не статус клитики, а коммуникативный фактор: в ситуации коммуникативного противопоставления коммуникативно нейтральные клитики оставались в своей исконной позиции, а

соотносящиеся с темой или ремой клитики перемещались вместе с той составляющей (темой или ремой), с которой они соотносились, что доказывает «частичную проницаемость цепочек клитик для коммуникативных факторов» (с. 402—409).

Вслед за А. А. Зализняком, А. В. Циммерлинг рассматривает систему книжного древнерусского языка как результат эволюции системы, представленной в некнижных древнерусских текстах — новгородских берестяных грамотах: первоначальное состояние, при котором позиция клитик определялась правилом Вакернагеля (т. е. положением после первого ударного слова фразы в последовательности, определяемой Правилем Рангов), сменилось состоянием, при котором «механизм размещения цепочек синтаксических клитик во 2-й позиции от начала клаузы сочетается с альтернативными механизмами», так что «разные кластеризуемые клитики упорядочиваются на разных основаниях» (с. 76).

Для описания порядка слов в современном русском языке в книге предлагается оригинальный формализм, объединяющий принцип линейно-акцентных преобразований (правил, изменяющих одновременно порядок слов и акцентуацию — т. е. интонационный контур — коммуникативных составляющих) с моделью формально-синтаксического перемещения (с. 276). Синтаксически релевантными признаются четыре интонационных контура из семи, выделенных Е. А. Брызгуновой: ИК-1, ИК-2, ИК-3 и ИК-6 (с. 274—275). Вводится постулат о базовом порядке слов и исходном линейно-акцентном варианте и, соответственно, о связи между комму-

никативным и формально-синтаксическим членением фразы, хотя допускается их автономность в общетеоретическом плане (с. 277). Такой подход, по мнению автора, позволяет «разграничить активно передвигающиеся элементы и сопутствующие изменения линейного порядка и акцентуации» (Там же; разрядка А. Ц.). Выдвигаются постулаты о производности коммуникативно нерасчлененных предложений по отношению к расчлененным на тему и ремю и о производности акцентно немаркированных составляющих предложения по отношению к акцентно маркированным (с. 279); признавая, что эти постулаты в некоторых случаях заставляют признать исходными редкие и интуитивно менее естественные линейно-акцентные варианты, автор тем не менее подчеркивает, что преимуществом предложенного формализма является то, что он позволяет представить множество линейно-акцентных вариантов в виде графа с древесной структурой, демонстрирующего корень (базовое предложение) и направленные переходы из узла в узел без замыканий, т. е. возвратов в пройденный узел (с. 269, 280). Предлагается полный список линейно-акцентных преобразований, выделенных автором в русском языке; он содержит 7—8 операций (с. 280—281).

К сожалению, книга издана с огромным количеством опечаток, затрудняющих понимание текста — в том числе в местах, несомненно, важных для автора (ср., например, второй вывод на с. 451).

А. А. Пичхадзе

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

А. Е. Аникин / Alexandr E. Anikin

Институт филологии СО РАН / Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

В. Ю. Апресян / Valentina Yu. Apresyan

Высшая школа экономики / Higher School of Economics
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

М. В. Ахметова / Maria V. Akhmetova

Российский государственный гуманитарный университет / Russian State University for the Humanities

Е. Л. Березович / Elena L. Berezovich

Уральский федеральный университет / Ural Federal University

Ж. Ж. Варбот / Zhanna Zh. Varbot

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

М. А. Даниэль / Mikhail A. Daniel

Высшая школа экономики / Higher School of Economics

Н. Р. Добрушина / Nina R. Dobrushina

Высшая школа экономики / Higher School of Economics

Н. А. Зевахина / Natalia A. Zevakhina

Высшая школа экономики / Higher School of Economics

Т. Н. Коробейникова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

В. М. Круглов / Vasilij M. Kruglov

Институт лингвистических исследований РАН / Institute for Linguistic Studies, RAS

В. Б. Крысько / Vadim B. Krysko

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

А. С. Кулева / Anna S. Kuleva

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

И. М. Ладыженский / Igor' M. Ladyzhenkij

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

Е. В. Маринова / Elena V. Marinova

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского / Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

А. М. Молдован / Alexandr M. Moldovan

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

Е. А. Оглезнева / Elena A. Oglezneva

Амурский государственный университет / Amur State University

Е. В. Падучева / Elena V. Paducheva

Всероссийский Институт научной и технической информации РАН / All-Russian Institute of Scientific and Technical Information, RAS

О.Ю. Папкина / Olga Yu. Pashkina

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского / Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

П. В. Петрухин / Pavel V. Petrukhin

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

Л. Пённель / Ludmila Pöppel

Стокгольмский университет / Stockholms universitet

А. А. Пичхадзе / Anna A. Pichkhadze

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

В. З. Санников / Vladimir Z. Sannikov

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

А. В. Сахарова / Anna V. Sakharova
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

О. А. Тейш / Olga A. Teush
Уральский федеральный университет / Ural Federal University

М. А. Федорова / Marina A. Fedorova
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

В. В. Шаповал / Viktor V. Shapoval
Московский городской педагогический университет / Moscow City Pedagogical University

Л. Л. Шестакова /
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

Адреса университетов и институтов Addresses of universities and institutes

Амурский государственный университет
675027, Амурская область, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, д. 21.
Amur State University
21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russia, 675027

Всероссийский Институт научной и технической информации РАН
125190, Москва, Усиевича, д. 20
All-Russian Institute of Scientific and Technical Information, RAS
20 Usievich str., Moscow 125190, Russia

Высшая школа экономики, Национальный исследовательский университет
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Higher School of Economics, National Research University
20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Institute for Linguistic Studies, RAS
9 Tuchkov pereulok, St. Petersburg 199053, Russia

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, Волхонка 18/2
Vinogradov Institute of Russian Language, RAS
18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Институт филологии СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8
Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
8 Nikolaeva st., Novosibirsk 630090, Russia

Московский городской педагогический университет
129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1
Moscow City Pedagogical University
2nd Selskokhozyaystvennyy proezd 4, bldg. 1, Moscow 129226, Russia

Московский педагогический государственный университет
119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1
Moscow Pedagogical State University
1/1 Malaya Pirogovskaya Str., Moscow 119991, Russia

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
23 Gagarin Avenue, 603950 Nizhni Novgorod, Russia

Российский государственный гуманитарный университет
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya sq., Moscow, GSP-3, 125993, Russia

Стокгольмский университет
Stockholms universitet
SE-10691, Stockholm, Sweden

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51
Ural Federal University
51 Lenin ave., Ekaterinburg, 620000, Russia

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу gusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры оттисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовки статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45—58] или [Иванов 2012: 45—58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34—38; 2012: 78—81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45—58; 2012б: 12—15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45—58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45—58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45—58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34—38; 2012: 78—81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45—58; 2012b: 12—15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45—58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Русский язык в научном освещении
№ 29 (1). 2015

Корректор А. К. Петрова

Оригинал-макет подготовлен В. Ю. Гусевым

Подписано в печать 08.08.2015. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 26. Заказ №